МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Письма царственных особ к В.А. Жуковскому

Издательство Томского университета
2020

УДК 821.161-1
ББК 83.3(2 Рос-Рус)1
П35

Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).
Research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF) Grant No.19-18-00083 "Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication".

Письма царственных особ к В.А. Жуковскому / вступ. ст., сост. П35 В.С. Киселев, подгот. текста И.О. Волков, Е.Е. Дмитриева, Н.Л. Дмитриева, В.С. Киселев, О.Б. Лебедева, Н.Е. Никонова, А.Н. Сидорова, примеч. В.С. Киселев, О.Б. Лебедева, А.Н. Сидорова; гл. ред. В.С. Киселев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2020. – 414 с.

ISBN 978-5-7511-2611-7

Книга впервые в истории русской культуры представляет полный корпус (138) текстологически подготовленных и научно прокоментированных писем царственных особ дома Романовых и особ немецких династий к великому русскому поэту В.А. Жуковскому (1783–1852). Половину их составляют письма, ранее неизвестные в печати и сохранившиеся в российских и зарубежных архивах. Публикация сопровождается обзором эпистолярного общения В.А. Жуковского с царственными особами и краткими справками об истории биографических контактов поэта со своими корреспондентами.

Для филологов, а также для всех любителей и ценителей русской литературы и творчества великого русского поэта.

УДК 821.161-1
ББК 83.3(2 Рос-Рус)1

ISBN 978-5-7511-2611-7 © Томский государственный университет, 2020

В.С. Киселев

ПИСЬМА ЦАРСТВЕННЫХ ОСОБ К В.А. ЖУКОВСКОМУ КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

I

Среди русских литераторов XIX в. мало тех, кто был бы так тесно на протяжении более тридцати лет связан с царской фамилией, как Жуковский. Он являлся поистине домашним лицом, учителем, товарищем, другом, корреспондентом трех поколений дома Романовых. Первое письмо к нему вдовствующей императрицы Марии Федоровны было написано 9 февраля 1815 г., а последнее – великой княгиней Еленой Павловной 21 марта 1852 г., незадолго до смерти поэта (см. хронологический указатель в наст. изд.). 139 сохранившихся писем царственных особ к Жуковскому не только наглядное подтверждение этой близости, но и ценнейший документ русской истории и культуры, вводящий в перипетии повседневной дворцовой жизни, в биографию и историю личных отношений как самого поэта, так и почти двух десятков его высочайших корреспондентов, в сферу взаимодействия власти и литературы, в область межнациональных контактов с представителями царственных домов Германии и Нидерландов.

Хорошо известно, что Жуковский нередко использовал эпистолярное общение с царственными особами как своеобразную творческую лабораторию: его письма-травелоги, письма-размышления, письма-статьи, адресованные великой княгине Александре Федоровне, великому князю Александру Николаевичу, великой княжне Марии Николаевне, трансформировались в программные эстетические, историософские и политические высказывания («Путешествие по Саксонской Швейцарии», «Отрывки из писем по Саксонии»,

[1] Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»). Research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF) Grant No.19-18-00083 “Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication”.

«Отрывки из письма о Швейцарии», «Рафаэлева Мадонна», «Две всемирные истории», «Очерки Швеции», «Бородинская годовщина», «Письмо русского из Франкфурта», «По поводу нападок немецкой прессы на Россию», «Иосиф Радовиц»). Они были широко известны современникам поэта, что снимало границу между камерным придворным общением и широкой публичной коммуникацией, делая коронованных адресатов представителями всего имперского культурного мира. Безусловно, в этих статьях персональная адресация, свойственная письмам-первоисточникам, уходила на второй план, как и контекст переписки в целом.

В аутентичном виде публикация этого материала началась вскоре после смерти Жуковского, когда П.И. Бартенев в 1867 г. напечатал в «Русском архиве» большую подборку его писем к великому князю Константину Николаевичу[1]. Позднее с разрешения императорской фамилии были опубликованы его письма к великой княгине, впоследствии императрице Александре Федоровне, к великому князю Александру Николаевичу, великой княжне Марии Николаевне. Собранные вместе, они составили к 1885 г. отдельный большой том в восьмом Собрании сочинений Жуковского (С 8. Т. 6). К этому корпусу в дальнейшем, благодаря усилиям Н.Ф. Дубровина, А.А. Фомина, П.И. Бартенева, Н.А. Мурзанова и пр., добавлялись новые письма к царственным адресатам – императору Николаю I, императрице Александре Федоровне, королю Пруссии Фридриху-Вильгельму IV и др.[2] Безусловно, эти публикации далеко не всегда соответствовали современным текстологическим требованиям, письма иногда печатались не полностью, некоторые вовсе исключались из публикации, наконец, они крайне редко сопровождались комментарием. Тем не менее уже к началу XX в. значительная часть этого эпистолярного наследия Жуковского оказалась известна широкому читателю.

Письмам царственных особ повезло меньше, что в дореволюционный период объяснялось необходимостью получения высочайшей

[1] См.: *Письма* В.А. Жуковского к его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу. М., 1867 (отдельный оттиск из РА).

[2] См. их общий обзор: *Янушкевич А.С.* Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли // ЖИМ. Вып. 2. С. 46–47.

санкции на публикацию. Основная заслуга здесь принадлежала П.И. Бартеневу, который, пользуясь архивом поэта, хранившимся у П.В. Жуковского, опубликовал около 50 писем вдовствующей императрицы Марии Федоровны, великой княгини и императрицы Александры Федоровны, великих князей Александра и Константина, великих княжон Ольги, Марии и Александры, а также великих княгинь Анны Павловны и Марии Павловны (см. здесь и далее текстологические справки к письмам в наст. изд.). Впоследствии А.А. Фомин добавил к этому корпусу 6 писем короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV, Д.Ф. Кобеко – письмо принца П.Г. Ольденбургского, Е.С. Шумигорский – письмо императрицы Марии Федоровны, А.Н. Веселовский письмо великой княгини Александры Федоровны. В советские годы письма царственных особ по понятным причинам интереса не вызывали, за исключением ситуации с записками великой княгини Елены Павловны о смертельном ранении А.С. Пушкина. Они были опубликованы в «Литературном наследстве» в переводе на русский язык, но их французские подлинники до публикации в настоящем издании оставались неизвестны. В постсоветское время прорыва также не случилось, хотя к общему корпусу добавились письмо великой княжны Александры Николаевны в полном и исправленном прочтении (публикация Л.Н. Киселевой), письмо Иоганна Саксонского (публикация Н.Е. Никоновой) и 11 писем великого князя Константина Николаевича (публикация А.Н. Сидоровой). Таким образом, из писем царственных особ к Жуковскому до настоящего времени была известна в печати лишь половина, причем за исключением современных публикаций – в неудовлетворительном с точки зрения текстологии и комментария виде.

В настоящем издании впервые в истории русской культуры представлен полный корпус из 138 текстологически подготовленных и научно прокомментированных писем царственных особ дома Романовых и особ немецких династий к Жуковскому (18 корреспондентов). К сожалению, одна короткая, в две строки, неопубликованная записка императрицы Марии Федоровны от 1825 г., вклеенная поэтом в альбом[1], на неопределенное время остается недоступной, поскольку альбом, в который вложено множество засушенных цветов, находится в ветхом состоянии, требует реставрации и не выдается

[1] *ОР РНБ*. Ф. 286. Оп. 2. № 228.

читателям. Все письма, за единичными исключениями, когда рукописный источник неизвестен, печатаются по автографам и копиям, сохранившимся в российских (РО ИРЛИ, РГАДА, РГАЛИ, ГАРФ, ОР РНБ, НИОР РГБ, ЦГИА СПБ) и зарубежных (ThHStAW) архивах. Около половины их (63) составляют письма, ранее неизвестные в печати. Из них 43, до последнего времени считавшихся утраченными, принадлежат перу великого князя Александра Николаевича (11 его детских писем мы опубликовали чуть ранее в отдельной статье).

II

С конца 1810-х гг. в литературных кругах одной из популярных тем для обсуждения стал придворный статус Жуковского, смущавший многих потерей независимости поэта. Отчетливее всего претензии друзей выразил, пожалуй, П.А. Вяземский. Так, 7 августа 1819 г. он писал А.И. Тургеневу:

> Как можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем, так, я понимаю, но чувствовать живо, дать языку души такую верность, когда говоришь за другую душу, и еще порфирородную, я постигнуть этого не могу! Знаешь ли, что в Жуковском вернейшая примета его чародействия? – Способность, с которою он себя, то есть поэзию, переносит во все недоступные места. Для него дворец преобразовывается в какую-то святыню, все скверное очищается пред ним[1].

В до сих пор полностью не опубликованном письме от 13 сентября 1819 г. к самому Жуковскому он говорил о том же: «<…> не понимаю, как можешь ты быть жрецом божества, когда в душе палач нелицемерный. <…> Ты кадишь им ладаном не лести, но поэзии»[2].

Насмешливый, но чуткий друг очень точно понял установки не только творчества Жуковского, связанного с придворными темами или героями, но и сущность его положения в кругу царственных особ. 2 сентября 1819 г. Жуковский отвечал П.А. Вяземскому, раскрывая свое кредо:

---

[1] *ОА*. Т. 1. С. 284–285.
[2] *РГАЛИ*. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 125.

> Что же тут непостижимого? Стоит только не испугаться самодержавного словечка *порфирородная*, стоит только вообразить, что душа порфирородная <…> есть прекрасная, чистая, полная простого, неиспорченного чувства душа, следственно, душа поэтическая и пробуждающая поэзию! Тогда поймешь, что легко быть поэтом по заказу! По крайней мере, мне не было трудно быть здесь поэтом. Главное: искренно предаваться влекущему чувству! Нет дела до того, что толпа не верит этой искренности[1].

Обращаться к душе человека и видеть в собеседнике прежде всего частную личность, а уже потом государственного деятеля или царственную особу – вот творческая и поведенческая стратегия Жуковского в придворной среде с 1810-х гг. и до конца жизни.

Но была ли адекватно воспринята такая модель поведения в обществе, где столь значимы нормы властной иерархии и этикета? Ответить на этот вопрос помогает полный корпус писем к Жуковскому царственных особ.

Обозревая его в единстве, убеждаешься, что да. При всей разности статуса, возраста, характера, национальной принадлежности корреспондентов все 139 сохранившихся писем проникнуты прежде всего теплым дружеским чувством к собеседнику-поэту, причем именно к частному человеку, к Жуковскому вне чинов, званий и должностей. Очень значимо и выразительно в этом контексте единственное сохранившееся в копии эпистолярное обращение императора Николая I в совместном с Александрой Федоровной письме от 15 апреля 1841 г.

> Хотя у Вас достаточно возможностей вспоминать о Ваших старых друзьях, тем не менее вспомните о них еще раз по такому торжественному случаю, как бракосочетание нашего сына, потому что эти два портрета напомнят Вам о двух существах, любящих считать Вас одним из своих самых верных, самых преданных друзей, желающих Вам добра с чувством искренней дружбы, которая исчезнет только со смертью. Я растрогана, когда пишу Вам это, потому что это не просто слова – это сама истина.

[1] *ПССиП*. Т. 16. С. 48.

Так написала по-французски императрица, а император приписал по-русски: «**Амен**»[1].

Это одно слово, как высочайшая печать, утверждает положение Жуковского при дворе, где, вспомним, он никогда не занимал сколько-нибудь высокой официальной должности (кроме временной роли наставника и учителя, т.е. наемного лица на службе двора) и в душе часто огорчался, когда по этой причине, автоматически запускавшей правила дворцовой иерархии и соответствующего этикета, его куда-то не приглашали, помещали в придворной хронике в «лица обоего пола», обходили наградой или высочайшей благодарностью. Для представителей царствующей фамилии Жуковский был не более, но и не менее чем друг, причем близкий до такой степени, что мог считаться едва ли не членом императорского семейства.

Это слово императора можно и должно воспринять еще и как постскриптум к полуторадесятилетней истории заступничества поэта перед высочайшим лицом за осужденных декабристов, Н.И. и А.И. Тургеневых, за П.А. Вяземского, И.В. Киреевского, А.С. Пушкина и его семью и за десятки других лиц. Сколько резких слов от императора или его представителей вынужден был услышать Жуковский, в скольких ситуациях, граничащих с опалой, побывать – но предельная честность и апелляция именно к человеческому, личному началу вне должности переборола и перевесила все. Последнее сохранившееся письмо цесаревича Александра Николаевича от 25 января / 6 февраля 1852 г., передававшее слова императора, подтверждает незыблемость этой личной дружески-семейной привязанности:

> Теперь насчет желания Вашего об обеспечении будущего Вашего семейства, я должен Вам повторить то, что уже несколько лет тому назад Вам писал, т.е. слова государя: «Скажи доброму Жуковскому, что он напрасно об этом беспокоится. Дай Бог ему ещё много лет жизни, когда же его не станет, то семейство его *я, верно, не оставлю*, он, кажется, меня знает и *с чего было бы ему в этом усомниться*».

[1] Все письма царственных особ к Жуковскому цитируются по наст. изд. с указанием корреспондента и даты.

Мы помним, что так и случилось: после смерти поэта его жена и дети оказались под покровительством императорской фамилии.

Безусловно, Жуковский не был единственным литератором, дружески принятым при дворе, перед его глазами был, в частности, пример старшего друга Н.М. Карамзина. Однако модели их поведения, сохранявшие личную независимость и творческую самостоятельность писателей, все же существенно разнились[1]. Случай Жуковского уникален тем, что поэт не просто органично включился в контекст новой формирующейся идеологии «семейственной монархии», где малый круг императорской фамилии, исповедующий семейно-домашние ценности, выступал прообразом всеимперского единения подданных, символически включенных в сферу отеческих отношений[2]; Жуковский был одним из сотворцов и трансляторов этой идеологии. Само вхождение в придворную среду через покровительство вдовствующей императрицы Марии Федоровны, настойчиво стремившейся направить своих младших детей по стезе добропорядочной семейной жизни, способствовало быстрому погружению поэта в семантику дома, семьи, дружества, какой она могла предстать в дворцовой обстановке. Для Жуковского, только что создавшего и потерявшего идеал «милого вместе»[3], двор Марии Федоровны, павловское общество выступили специфической заменой несостоявшегося семейного счастья.

---

[1] Как справедливо констатировала Т.Б. Фрик, «сложное отношение Н.М. Карамзина к своему придворному статусу, постоянное стремление отграничиться от него воплотилось и в отстраненности, часто в противопоставлении Николая Михайловича Карамзина Карамзину-историографу. Это разграничение образных планов не остается незамеченным и карамзинскими адресатами. <…> Таким образом, царственные адресаты подхватывают предложенный Карамзиным ролевой стандарт» (*Фрик Т.Б.* Эпистолярий Н.М. Карамзина сквозь призму образов автора и адресата // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43): в 2 ч. Ч. 2. С. 199). Жуковский-романтик, с его принципом «Жизнь и Поэзия одно», карамзинский ролевой стандарт и резкое разграничение поведенческих моделей не принял, стремясь всегда сохранять единство личностной позиции, пусть и приспособленной к определенному этикету.

[2] См.: *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 325–543.

[3] См.: *Долгушин Д.В.* В.А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени: дис. … д-ра филол. наук. Томск, 2019. С. 84–100.

Но, конечно, во всей полноте символика «семейной монархии» сложилась у Жуковского в ходе первого заграничного путешествия 1820–1821 гг., когда он сам погрузился в среду придворного прусского бидермайера. И здесь его музой, как мы помним, оказалась уже принцесса Шарлотта – великая княгиня Александра Федоровна, представшая в образе Лалла Рук. Для нее усвоенным с детства идеалом служил культ матери, королевы Луизы. Как точно заметил Д.В. Долгушин, в нем органично соединились три семантических сферы: «Луиза – образец простоты, естественности, детской непосредственности. <…> Луиза – образец жены и матери. <…> Луиза – образец национальной мученицы, олицетворение патриотизма и жертвенной любви к Отечеству»[1]. Впитав и трансформировав эту символику, Жуковский переключил ее и своим творчеством, и своим поведением на возвышение великой княгини Александры Федоровны, а в ее ореоле – на семьи всех детей императрицы Марии Федоровны. Письма великой княгини и затем императрицы показывают, что интенции поэта оказались созвучны ее чаяниям – без придворной лести и какой-либо корысти.

Поэтическим камертоном здесь, безусловно, является письмо от 22 июня 1819 г., ставшее для Жуковского толчком к созданию стихотворения «Цвет завета», одного из программных для поэта. В нем великая княгиня не просто рассказывала о возникновении семейной традиции, но и окружала ее проникновенным чувством и историческим контекстом:

> Травку, которую мы любим, мы зовем Ländlergras, потому что, когда я раздавала ее моим подругам, был чудесный вечер в прелестной местности, прелестное время, а между тем нежные звуки любимого Ländler'a[2] напоминали нам о прошлых днях, хотя и менее счастливых, чем настоящее мгновение. Травка должна была быть напоминанием одного лишь вечера, но с тех пор к ней присоединились тысячи других воспоминаний. Война разлучила нас, сестер и братьев, и тогда с полей битвы, залитых кровью, полетели к сестрам стебельки, а они посылали далеким братьям цветы родины; когда,

[1] *Долгушин Д.В.* Миф о королеве Луизе в творчестве В.А. Жуковского // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 2. С. 109.

[2] Лендлер – медленный вальс, народный танец Верхней Австрии (*нем.*).

наконец, мы снова были вместе, мы любили рвать эту травку и весной начинали тревожиться: кто из нас первым усмотрит распустившийся цветок, о чем потом радостно сообщали друг другу. Не война, а другие обстоятельства жизни вырвали несколько цветов из веселого круга братьев, сестер и товарищей юности, но, верные старой любви, каждый из нас ищет в своей стороне дрожащую былинку, чтобы послать ее далекому другу. Так и теперь она носит молчаливый привет любви с севера на юг, с юга на север и говорит без слов, чего не выразить бы словами (оригинал на нем., перевод А.Н. Веселовского).

Образ семейного братства, раскиданного эпохой войн и обстоятельствами жизни, но сохранившего единство, ассоциируется здесь со скромным полевым цветком, равно доступным и рядовому бюргеру, и детям короля. Подобной сосредоточенностью на простых чувствах, прежде всего связанных с мужем, детьми, родственниками («Саша нездоров с некото*ром* времени, и это нас беспоко*ил*ло. Мария всё такая же мил*и*нькая и смешная шутиха, как прежде. Ваша О*лг*а очень здорова, мы очень довольны ею»; октябрь 1823 г.), но не чуждых и удовольствия от балов или катаний с горки («Мне очень жаль, что Вы нездоровы и что Вы не были вчера на бале, который весел очень был»; 1/13 января 1821 г.), отличаются все письма Александры Федоровны. Даже первые из них, когда великая княгиня еще плохо владела русским языком и допускала множество ошибок, воспринимаются в ореоле непосредственности и самоиронии («Сколько ошибок!!?!!?»; 9 декабря 1819 г.).

Не чуждо подобных интонаций и большое французское письмо от 31 августа 1826 г., посвященное в первую очередь впечатлениям от московских коронационных торжеств. В нем императрица неожиданно предстает в очень бытовом виде: «<…> здесь я должна вести *растительную жизнь*, и я провожу дни, сидя на балконе, пью ослиное молоко или читаю или работаю в отдалении от всяких волнений и приемов». Сама же церемония коронации описывается прежде всего как повод для семейного единения, когда съезжаются самые близкие и родные, как возможность демонстрации лучших родственных чувств (поведение Константина Павловича), которые вполне разделяют все подданные, наконец, как забвение в лоне семейной любви трагических событий истории (14 декабря 1825 г.):

То, что ни *Вы*, ни *Вильдермет*, ни *Сесиль*, эти столь верные сердца, не могли присутствовать на нашей коронации, будет печалить меня всю жизнь. Церемония эта была не только величественна, но и невыразимо *трогательна*. Этого невозможно передать словами: надо было самому быть свидетелем ее, потому что все иностранцы и безразличные были захвачены и увлечены необычностью этой коронации. Государь и все мы, пережившие столько ужасов прежде, чем дожили до этого дня; стоявший у трона младшего брата *старший* брат – у трона, на который по всем законам Божеским и человеческим должен был воссесть он сам: однако в его поведении не было ничего показного, он держался с такими простотой и скромностью, которые, как мне кажется, не имеют себе подобных в истории. Я всем своим существом возносилась к Богу; тысячи смутных ощущений наполняли мою душу сладостным, но каким-то меланхолическим блаженством; иначе я не умею выразить это чувство. Этот день останется навсегда памятным в моей жизни! И я так желала, чтобы кого я люблю и кто меня понимает, присутствовали при этой церемонии. Мой брат Карл был тут в качестве представителя всей моей семьи; он был очень взволнован, но Бог знает почему думал о Лалла Рук.

В большой семейный круг императрица включала и многих друзей Жуковского, вспоминая в своих письмах и Цецилию Вильдермет, и Александру Воейкову, и берлинских товарищей, и даже С.И. и А.И. Тургеневых. Сам Жуковский также порой уравнивал своего царственного адресата с представителями ближнего круга: так, свои письма-травелоги из первого заграничного путешествия 1820–1821 гг. он дублировал для А.П. Елагиной, М.А. Мойер и А.А. Воейковой, сохраняя обращение «Ваше Высочество».

Саша, мой милый друг и товарищ, ты удивишься, что я тебя величаю в начале письма высочеством. Вот и объяснение загадки: великая княгиня велела мне к себе писать; я рад этому милому приказанию и буду к ней писать свободно, и буду подробно описывать то, что со мною случится. Но в то же время надобно писать и к тебе, и к Маше и описывать то же, что к ней: я слишком ленив, чтоб два раза описывать одно и то же, и вот что я выдумал: это вдруг пришло мне как вдохновение в голову, когда я начал писать это письмо. Мои письма к в<еликой> к<нягине> будут в то же время и к тебе. Я пишу

к ней без всякого принуждения, это еще даст большую прелесть моим письмам, для меня, что она будет соединена для меня с тобою[1].

Так в ходе взаимной переписки дружески-семейная семантика органично расширяла свою сферу, оттесняя представление о дворе как властной институции и подменяя ее образом уютной человеческой общности.

III

Концептосфера «семейственной монархии», легитимируя частно-домашние темы общения, с другой стороны, безусловно, становилась мощным фильтром и задавала эткетные формы, отсекавшие возможность обсуждения многих вопросов – будь то деловые проблемы или политика. В этом отношении поэт, обращаясь к высокопоставленным адресатам, был, при обязательном соблюдении формальностей, все же более свободен в изложении своих мыслей и чувств. Как справедливо констатировал А.С. Янушкевич, обозревая этот эпистолярный корпус, «статус, возраст адресата, его место в жизни поэта диктовали определенные нарративные стратегии и правила поведения. Если в письмах императору преобладал тон официального обращения и ходатая-просителя, в письмах к императрице ощутима атмосфера дружеского общения и теплых воспоминаний, то в письмах к их детям (старшему из которых, великому князю Александру Николаевичу, было на год смерти Жуковского 34 года, а младшему, Михаилу Николаевичу, всего 20) чувствуется прежде всего позиция наставника, воспитателя, мудрого учителя»[2]. К этому спектру можно добавить многие другие ипостаси – шутливого собеседника, утешителя, религиозного или политического мыслителя, чичероне, ходатая и заступника, культуртрегера.

Над царственными корреспондентами поэта, как бы ни было сильно в них личное чувство к адресату, все же довлел статус. Очень выразительным примером здесь может служить переписка Жуковского с великим князем Александром Николаевичем. Если соотносить их вклад, то можно говорить о решительной диспропорции:

[1] *ПССиП*. Т. 16. С. 110 (письмо к А.А. Воейковой от 4/16 июня 1821 г.).
[2] *Янушкевич А.С.* Указ. соч. С. 46–47.

первому принадлежат более 150 писем, отличающихся в большинстве развернутостью и детальностью, второму втрое меньше (54), а по объему в шесть раз меньше. Письма цесаревича лаконичны и, как правило, очень стереотипны по содержанию и используемым формулам общения. Обычно от четверти до половины их текста занимают этикетные выражения: сообщения о получении того или иного письма Жуковского, сожаления о долгой разлуке, поздравления с определенным событием, пожелания счастливой семейной жизни и, наконец, приветы от себя, жены, сестер и братьев, императора и императрицы. Эта формульная конструкция настолько устойчива, что сразу ставит общение на ролевые рельсы и не позволяет почувствовать истинной личности цесаревича, эмоции и мнения которого, даже если они выражаются, также приобретают характер этикетный, будь то радость от рождения сына или дочери, сочувствие болезням Жуковского, сообщения о праздниках или утратах царской фамилии и т.п. При совместном прочтении переписки это создает отчетливое впечатление взволнованного, искреннего и заинтересованного монолога Жуковского, изредка перебиваемого лаконичными репликами великого князя.

Этикетные роли, реализуемые великим князем в переписке, существенно менялись. Так, первые детские письма 1826–1833 гг. ориентированы на общение заботливого учителя и благодарного ученика. Центральную их часть, как правило, занимает подробная хроника занятий, отчет о том, что было пройдено в рамках учебных курсов с разными наставниками. Самое объемное из них от 1/12 ноября 1832 г. на трех страницах педантично излагает темы уроков Г.П. Павского, Ф.И. Липмана, К.И. Арсеньева, П.А. Плетнёва, Э.Д. Коллинса, В.А. Эртеля, С.А. Варранда и Ф.А. Жилля. Сопровождением отчетов служат рефлексии цесаревича по поводу своих качеств как ученика. Они также не выражают личностной заинтересованности, а призваны показать свое соответствие извне предложенному канону, т. е. ожиданиям учителя: «До сих пор Вы были, к сожалению, часто мною недовольны, и я Вам слишком часто доставлял огорчения, но теперь уверен, что сего уже не будет, стану стараться всегда доставлять Вам одно лишь удовольствие» (3 июля 1832 г.). Мнения К.К. Мёрдера и Жуковского здесь по сути подменяют самооценку 14–15-летнего цесаревича.

Еще одним обязательным компонентом роли являлась забота о здоровье наставника, причем в интересном повороте: доброе здравие описывалось исключительно как залог успешного продолжения занятий по возвращении из-за границы, т. е. в эгоцентричном ключе, когда главным выступает благо цесаревича. «Сегодня еще мне виделось во сне, что Вы возвратились совсем здоровым и опять с нами живете по-прежнему. Надеюсь, что сон сей, который я считаю добрым предзнаменованием, скоро сбудется и наяву и что мы проведем последние годы наших занятий вместе в трудах» (3 июля 1832 г.). Примечательно, что о болезни К.К. Мёрдера, более душевно близкого человека, великий князь говорил несравненно сочувственнее (письмо от 6/18 июля 1833 г.).

Наконец, третьей ипостасью цесаревича в детских письмах к Жуковскому выступала роль хроникера семейно-придворной жизни. Великий князь, как правило, рассказывал об эпизодах, участником которых привык прежде видеть своего наставника, и напоминал ему об этих прошедших праздниках – дне рождения императрицы, рождении брата Михаила, дне ангела императора. Большей частью это картины, отражающие «должную» модель реальности (письмо от 1/12 ноября 1832 г.), но иногда прорывается детская непосредственность, желание сообщить о своих личных впечатлениях и радостях – награждении чином (7 января 1828 г.) или своей роли в большом событии (подъем Александровской колонны 30 августа 1832 г.)

Этикетно-ролевая организация писем 1840–1852 гг. имеет уже иную структуру и отражает новый статус цесаревича – семейного человека, обремененного многочисленными домашними и служебными обязанностями, но сохраняющего благодарную память о бывшем наставнике. При чтении этих писем ощущается, что вся информация проходит через жесткий отбор и Жуковскому сообщается только то, на что он может рассчитывать по своему статусу частного лица и друга семьи. В результате домашне-семейная тематика выступает абсолютной доминантой, заслоняя даже бурные политические события 1848–1850 гг. В этом контексте очень выразительно выглядит реакция цесаревича на огромное письмо Жуковского об Иосифе Радовице от 14/26 апреля 1850 г., чуть позже ставшее основой напечатанной на немецком языке брошюры. Письмо это, как выясняется, великий князь так и не удосужился прочитать, а в ответе Жуковскому от 7/19 июля 1850 г. ясно дал понять, что его мнение по

поводу немецкого друга-политика несущественно и не будет принято во внимание: «Я никак не могу успеть прочесть доселе письмо Ваше о Радовице, но признаюсь, последние его деяния в Эрфурте и теперь в Берлине не таковые, чтобы заставить меня переменить мое невыгодное о нем мнение».

В поздних письмах цесаревича Жуковский прочно вписан в ритуальное поле, сформированное идеологией «семейственной монархии». Поэт, правда, воспринимал ее как право и обязанность друга царствующей фамилии выступать советчиком, наставником, помощником. Великий князь видел Жуковского едва ли не исключительно домашним и бытовым человеком, устроителем новогодних елок, свидетелем дней детства, хорошим знакомым всех своих родственников, теперь обремененным семейством, детьми, озабоченным немощами и повседневными делами. В общении с ним и сам цесаревич принимал в первую очередь роль счастливого семьянина. Сквозь большинство писем проходит как сравнение семейного положения себя и Жуковского, так и пожелания семейного благополучия.

> <…> примите же теперь искреннее поздравление друга, который от всего сердца желает Вам и Вашей молодой невесте всевозможного счастия. Да будет благословение Божие на Вас! Моя милая Мария вот уже больше месяца у нас здесь и так, кажется, скоро привыкла к нашему семейному быту, как будто бы всегда с нами была (8/20 октября 1840 г.).
>
> Прежде всего, желаю Вам в сем наступившем Новом году укрепления Вашего здоровья и продолжения Вашего семейного счастья (25 января/6 февраля 1852 г.).

На эту семейную ось нанизывались в письмах короткие сообщения о рождении детей, о состоянии здоровья жены, себя, императрицы и сестер, изредка императора и братьев, об очередных праздниках, например о запомнившемся юбилее великого князя Михаила Павловича, о свадьбах и утратах, как случилось с сестрой Александрой Николаевной, о своих текущих обязанностях и поездках – на Украину и в Крым (1845), Германию (1847), на Кавказ (1850), в Тулу и Орел (1851). Эта хроника семейной жизни царской фамилии имеет

свой интерес, а для Жуковского она подкрепляла чувство причастности к ней.

Одним из самых любопытных моментов переписки является реакция великого князя на сообщения Жуковского из гущи немецких революционных событий 1848–1852 гг. Для поэта эта историософская и политическая рефлексия была принципиально важна и, помещенная в письма к цесаревичу, мыслилась как формирование мнений царской семьи. Однако великий князь в письмах 1848–1852 гг. очень лапидарно, буквально в нескольких фразах, отозвался на предпринятый Жуковским обзор событий в Германии.

До 1847 г. в письмах великого князя не содержится упоминания каких-либо политических событий. Первое подобное суждение возникло как ответ на опасения Жуковского возвращаться в Россию ввиду распространяющейся холерной эпидемии, на что цесаревич заметил: «Но у Вас поблизости холера другого рода; разумею про *Швейцарию*, не дай Бог радикальной партии успеха! Успех подобный может иметь страшный отголосок во всей Европе, а в особенности в Германии, где либералы только ждут случая, чтобы поставить всё вверх дном! L'avenir n'est pas couleur de rose[1]» (20 ноября / 2 декабря 1847 г.). Поэт не рассказывал в своих письмах о швейцарских событиях, о противостоянии католических кантонов (Зондербунда) с протестантскими, которые в ходе вооружённого столкновения 24 ноября 1847 г. победили, что свидетельствует о самостоятельном напряженном внимании великого князя к нарастающей волне европейских революций.

В свою очередь, французское изречение цесаревича стало для Жуковского поводом развернутых политических рефлексий и хроники происшествий января – февраля 1848 г., отразившихся в большом письме, начинавшемся так: «Последние строки вашего письма заставили меня крепко задуматься. Вы выразили в них то, что давно, как привидение, стоит перед моими мыслями. Мы живем на кратере волкана, который недавно пылал, утих и теперь снова готовится к извержению»[2]. Пока создавалось это письмо, отправленное в Россию только 23 февраля / 6 марта 1848 г., Жуковский успел переслать цесаревичу еще одно от 17/29 февраля, напечатанное по высочай-

[1] Будущее предстает не в розовом цвете (*фр.*).
[2] *РА*. 1885. № 1. С. 7.

шему повелению в «Северной пчеле» под названием «Письмо Русского из Франкфурта»[1]. До его получения великий князь скорее интересовался событиями в Швейцарии и Италии, лишь предчувствуя их влияние на Германию, о чем писал 1/13 февраля 1848 г.:

> Между тем известия, полученные из Швейцарии и Италии, производят, к сожалению, совершенно противоположное действие. L'horizon <est> s'assombrit de toute part![2] Что-то будет весной, страшно подумать! Дай бог, чтобы все это не отразилось бы и в Германии, где умы также довольно испорчены благодаря неистовым журналам.

Публикация письма Жуковского в «Северной пчеле» свидетельствовала об определенном совпадении мнений, и, развивая эту тенденцию, поэт с 13/25 марта по 1/13 июля 1848 г. отправил цесаревичу целую серию из шести посланий с насыщенной политической рефлексией (два из них еще не опубликованы). Однако ответа он не получил. Александр Николаевич отозвался только 10/22 июля 1838 г., начав с заявления:

> О теперешних политических обстоятельствах не стану распространяться; что будет из хаоса, в котором находится вся Западная Европа? Этим вопросом оканчиваются теперь все политические разговоры. Дай бог, чтобы пример последних парижских происшествий, где порядок восторжествовал над безначалием, подействовал на Германию и придал бы более старания благомыслящим, которые, к сожалению, долго везде уступали постыдно мнению крикунов радикалов. Истинному единству Германии я теперь меньше чем когда-либо верю; выбор ер<ц> гер<цога> Иоганна, по моему мнению, ни к чему не ведёт и скорее произведет противное действие, ибо теперь уже доходят до меня сведения, что в Пруссии сильно развивается прежний *прусский дух, а не германский*; даже говорят, что сам король, который первый стал кричать *о германстве*, сам бросил германскую кокарду и смеется даже над теми, кто ее носит. Да сохранит Бог нашу матушку Россию спокойною, сильною и счастливою под державным скипетром нашего государя.

---

[1] *Северная* пчела. 1848. 12 марта. № 57. С. 225–226.

[2] Горизонт повсюду темнеет! (*фр.*).

Заметим, что в письмах Жуковского этого периода совершенно отсутствовала тема объединения Германии и главенства в ней Австрии или Пруссии, первостепенная для цесаревича ввиду геополитических задач. Тем самым по молчанию великого князя и переключению темы в его письме можно предположить достаточно слабый интерес к политическим мнениям поэта. Последний, однако, проявил большую чуткость и к мнению своего адресата, и к текущим событиям и с лета 1848 г. все больше внимания обращал на перипетии объединительных процессов (ср. «О происшествиях 1848 года»). Между тем в пяти письмах июля – октября 1848 г. поэт взял паузу и почти не говорил о политике, лишь в опубликованном с большими купюрами письме от 17/29 сентября, где рассказывалось о сентябрьском восстании во Франкфурте, он нарисовал картину общегерманского парламента и серию портретов депутатов: «Посылаю Вашему Высочеству вид церкви С. Павла и портреты главных действователей. + означает правую сторону, +Z правый центр, – левая сторона, – Z левый центр»[1].

Это пробудило интерес адресата, который в письме от 18/30 октября 1848 г. даже предложил опубликовать зарисовки Жуковского:

> Ваше последнее письмо оттуда так ясно и так справедливо описывает теперешнее жалкое положение Германии, что я просил государя позволить печатать его в наших газетах. Благодарю Вас за присылку портретов франкфуртских болтунов, есть рожи преотвратительные. Сумневаюсь, чтобы из их болтовни вышел какой-либо прок.

Одобрение цесаревича вызвало и напечатанное в «Русском инвалиде» письмо к Вяземскому о стихотворении «Святая Русь». Об истории его публикации мы знаем из письма Вяземского от 18/30 октября 1848 г., где говорилось об отправке П.А. Плетнёвым рукописи цесаревичу и правке последнего[2]. Теперь известен собственный комментарий великого князя, солидарного с мыслями Жу-

[1] *ГАРФ*. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 234 об. (не опубликовано, вид церкви и портреты отсутствуют в архивной единице).

[2] *Гиллельсон*. С. 61.

ковского о реформации как истоке революции и, в пику славянофилам, с разграничением нации (Святая Русь) и государства (Россия):

> С большим любопытством читал я Ваше письмо к Вяземскому, оно также было напечатано с малыми пропусками именно тех мнений, которые касаются реформации, дабы не обидеть наших собственных реформатов. Но я совершенно разделяю Вашу мысль, что реформация была первым шагом революции, ибо ею был нанесен первый удар тому, что прежде считалось священным! Разделение, которое вы делаете между святою Русью и Россиею, также совершенно справедливо; это есть лучший ответ нашим славянофилам, которых славянские бредни чересчур далеко увлекают (18/30 октября 1848 г.).

Тем не менее главный интерес цесаревича так и остался геополитическим, связанным с доминированием в Германском союзе: «Дела везде всё более и более запутываются, все взоры обращаются на Вену, где теперь должна решиться судьба Германии. Дай Бог, чтобы Виндишгрецу удалось восстановить законный порядок, иначе я не предвижу конца анархии» (там же). Эта принципиальная позиция в дальнейшем определила вмешательство России в дела Австрии и апрельский поход 1849 г. в Венгрию. Жуковский в письмах 1849–1852 гг. не остался в стороне и активно делился своими мнениями по поводу перипетий прусско-австрийского противостояния[1], на что, однако, получил лишь две короткие реплики цесаревича, сопровождавшиеся формулами нежелания говорить о политике:

> В германском деле наконец, кажется, произошел переворот к лучшему, авось из дрезденских переговоров выйдет что путное. Сближение Пруссии с Австрией есть уже важный шаг, лишь бы неуместные претензии второстепенных владетелей не попортили дело. Но довольно о политике (28 декабря 1850 г. / 9 января 1851 г.);
>
> Про последние политические события не стану говорить. Страшно будет, если переворот к лучшему и основание нового по-

[1] См. нашу статью: *Киселев В.С.* Сценарии революционного объединения Германии в осмыслении В.А. Жуковского (по материалам публицистики и эпистолярия 1848–1850 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 191–205.

рядка, нового общественного быта истекут из Франции, подавшей первый пример сокрушения всего прежнего, – ужасный пример, от последствий коего страждет более полувека вся Европа, кроме, благодаря Бога, нашей благословенной России, и да будет этот пример и для них уроком (25 января / 6 февраля 1852 г.).

Из этого обмена политическими мнениями вырисовывается четкая картина: несмотря на близость к царской семье и дар публициста-идеолога Жуковский был интересен двору в политическом качестве только тогда, когда его позиция максимально совпадала с мнениями, сформированными до и помимо его участия, но и то не на правах самостоятельной силы, а как приложение к роли устроителя детских праздников: «Но довольно о политике. Прежнюю роль Вашу, накануне Рождества, принял я на себя, т.е. уверял детей, *что елки не будет*, и они, подобно нам, также этому поверили, зато радость их потом удвоилась» (28 декабря 1850 г. / 9 января 1851 г.).

IV

Безусловно, даже письма великого князя Александра Николаевича, наиболее этикетные по форме, были пропитаны теплым дружеским отношением к наставнику. В письмах других царственных особ это личное чувство сказывается еще сильнее, иногда полностью определяя контекст общения и превращая его в поле свободной коммуникации.

Такова небольшая по составу, но очень непосредственная по тону переписка Жуковского с великой княжной Марией Николаевной. Поэт, знавший ее с малых лет, преподавал великой княжне русский язык. Отношения поэта с Мери, как называли ее в кругу семьи, были дружескими и полными веселья. Сохранилось более десятка писем Жуковского к Марии Николаевне 1828–1840 гг., некоторые из них представляют развернутые описания путешествий или наброски статей, таковы письма о пребывании в Швейцарии в 1833 г., в Швеции в 1838 г. (стало статьей «Очерки Швеции»), в Москве в 1839 г. (статья «Бородинская годовщина»), во Франкфурте-на-Майне в 1840 г. На крестины великой княжны поэт написал стихотворение «Праматерь внуке» (1819), ей он посвятил свой перевод «Ундины» (1836), главная героиня которого имела черты Марии Николаевны, на ее

визит в Баден Жуковский подготовил стихотворение «Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне, приветствие от русских, встретивших ее в Бадене» (1851) и шутливый опус «Мне привиделся сон…» (1851).

Семь сохранившихся ответных писем Марии Николаевны 1828–1840 гг., не претендовавших, конечно, на историософскую или эстетическую рефлексию, как у Жуковского, раскрывали прежде всего яркую независимую личность великой княжны, о которой много высказывались современники. По словам Д.А. Милютина, она и в зрелые годы «совершенно выделялась из той среды в которой она родилась и выросла: страстная и своеобычная натура ее не могла подчиниться условному, стеснительному, лишенному внутреннего содержания формализму дворцовой жизни и царской семьи. <…> Она держала себя почти как обыкновенная смертная; тон ее, речи, обращение были крайне развязаны и бесцеремонны»[1]. Это отсутствие дистанции чувствуется и в письмах к Жуковскому, что при первой публикации П.И. Бартенев постарался смягчить, исключив ряд ласковых, но фамильярных обращений к поэту:

> Прощай, Васька кот! (22 июня / 4 июля 1838 г.);
>
> Когда Васька кот узнает, что я невеста, то будет, верно, мне радостно кричать и маленькими лапками свою морду ласкать (19 ноября / 1 декабря 1838 г.);
>
> Любезный Василий Андреевич, милый Васька кот (1 мая 1840 г.).

Перед лицом такого собеседника, к которому испытывала искреннюю симпатию, великая княжна не стеснялась делиться своими чувствами, мыслями и планами. Любопытны, в частности, ее еще детские рассказы о своих литературных опытах, свидетельствующие не только о художественных интересах, но и о попытках говорить с Жуковским на его «поле»:

> По-русски я начала сочинять повесть, писала, писала, писала, Петр Александрович <Плетнёв> был доволен (и я также), но вдруг… все идеи исчезли, и повесть моя лежит. (Это похоже на

[1] *Дневник* Д.А. Милютина: в 4 т. М., 1949. Т. 2. С. 20.

большую часть сочинителей, которые долго пишут, а, наконец, все их идеи затмеваются) (6/18 мая 1833 г.);

А вот я Вам правду скажу: благодарю Бога, что *я не поэт*. Как должно быть скучно, когда люди вам беспрестанно говорят: «Василий Андреевич, или Мария Николаевна (коли я поэт), зачем Вы не пишете?» и это на *институтском тоне,* с ударениями. Ах! Боже мой! (22 июня / 4 июля 1838 г.).

Более того, совершенно оригинальное явление представляет собой письмо великой княжны от конца декабря 1837 г. в виде драматической сцены с документальным, но хорошо передающим атмосферу происшествия описанием пожара Зимнего дворца. Повествовательный вариант этих сцен, сохранившийся в передаче М.К. Мёрдер (см. примеч. 3 к этому письму), показывает, как Мария Николаевна обрабатывает и заостряет для Жуковского свои впечатления.

Еще одним неотъемлемым элементом переписки стала «галиматья», которую поэт позволял только в общении с очень близкими людьми. Ее образцом является письмо великой княжны от 22 июня / 4 июля 1838 г., где она в буквальном смысле учится писать свободно, не стесняясь: «Боже мой! Как глупо; но я обещала Вам так писать, как мне в голову приходить. Так не будет не совсем моя вина, если письмо будет ужасная чепуха». В подобном «хаотическом» контексте открывается мир юной души, в котором бытовые мелочи органично сочетаются с чтением сочинений А.С. Пушкина, занятиями рисованием, мимолетными картинками («Ах! Боже мой! Посмотрела в окно и вижу Нептуна; но какого? В усах и в сюртуке») и дружеской шуткой («Надеюсь, что Ваше первое письмо меня известит о Вашей женитьбе с голландской коровою или с англичанской»).

Хроника личной жизни (влюбленность, замужество, рождение первого ребенка) и будней царской семьи в этой переписке приобретали и возвышенную лиричность, и ироническую интимность, как бы воплощая идеал Жуковского о «семейственной монархии» и полной включенности поэта в ее круг как близкого и равного:

Наш сморчок Адини болтает по-прежнему и учится очень хорошо; она начала с Павским, который ей рассказал страдания Спасителя; она была так тронута, что долго плакала. Ничего не скажу об Оле; она Вам сама напишет. *Генерал-адмирал* <Константин Ни-

колаевич> растет, успевает и делается совершенным моряком. Ника страдает зубами и оттого у него *милонколический взор.* Миша похож на Адини. Вот Вам описание фамилии нашей (6/18 мая 1833 г.).

Другой образец выхода за этикетные рамки предлагает переписка Жуковского с королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом IV[1]. Богато одаренный от природы, прекрасно образованный, воспитанный под влиянием своей матери королевы Луизы, Фридрих-Вильгельм IV был своеобразным монархом. Ему была свойственна любовь к искусству; в разговоре он производил впечатление умного и остроумного человека; имел разносторонние научные и художественные интересы. Король окружал себя представителями науки, литературы и искусства: посетителями его дворца были А.В. Шлегель, Л. Тик, Ф. Рюккерт, Ф.В. Шеллинг и др. По складу своего характера он был способен на искренние дружеские отношения так же, как и романтик Жуковский.

В момент их знакомства в 1820 г. кронпринц был еще молод и не скован бременем официального положения, что заложило фундамент долгой и искренней дружбы, характер которой Фридрих-Вильгельм подчеркнул в первом сохранившемся письме от 6/18 февраля 1823 г.: «Благодаря обстоятельствам, которые доставили мне удовольствие сделать знакомство с Вами столь интересным, Вы приобрели в моей душе особое место, которое ни время, ни расстояние не могут оспорить» (оригинал на фр., публикуется впервые). Дальнейшие их контакты во время заграничных путешествий поэта и приездов кронпринца в Россию[2] вполне подтвердили верность этой формулы.

И уже в статусе короля Фридрих-Вильгельм IV в общении с Жуковским тщательно избегал какой-либо этикетности. Так, даже официальную процедуру сообщения о присуждении поэту ордена Красного орла он перевел в сугубо дружеское русло: формальное извещение от июня 1840 г., в свое время обнаруженное А.А. Фоминым

[1] См. общий обзор их отношений: *Пахомова-Герес В.* Король и поэт: Фридрих-Вильгельм IV и В.А. Жуковский: Забытая история одной дружбы // Немцы в России: Российско-немецкий диалог: по материалам семинара. СПб., 2001. С. 241–257.

[2] См.: *ПССиП*. Т. 14. Указатель имен.

среди рукописей Берлинской королевской библиотеки, так и осталось неотправленным, а вместо него король прибег к частному письму от 13/25 июля 1840 г., где, мало того, использовал извинительно-иронические интонации:

> <…> цель моего письма несколько условна, и вдохновенный поэт имел бы право обидеться, увидев себя, в некотором роде, смешанным с толпою придворных, если бы я не был уверен, что сердце не научило его распознавать дружеские намерения. Словом, дорогой Жуковский, я жалую Вам бриллиантовую звезду Красного орла второй степени (оригинал на фр.).

Это решительное исключение Жуковского из «толпы придворных» позволяло свободно общаться на разные темы и даже деловые вопросы решать не с помощью бюрократических процедур, а через личную помощь, иногда даже приобретавшую несколько авантюрный характер, как в случае Иосифа Радовица, в 1848 г. в ходе революционных событий почти лишившегося средств к существованию. Узнав об этом, Жуковский 26 мая / 7 июня 1848 г. обратился к королю, лишенному в тот момент возможности официально назначить содержание Радовицу, с предложением купить у него собрание рисунков, чтобы вырученные деньги негласно отдать другу. Этого, к счастью, не потребовалось, и Фридрих Вильгельм IV 6/18 сентября 1848 г. мог сообщить Жуковскому: «Ваш великодушный и благородный план, который во всей Европе мог зародиться только в Вашем сердце, наверно, не нуждается теперь в осуществлении» (оригинал на фр.).

Письма короля в этом плане близки к письмам великой княжны Марии Николаевны своей эмоциональностью и ироничностью, как, например, письмо от 15/27 января 1851 г., начинавшееся «самообличением»: «Дорогой и достопочтенный друг! Краснея от стыда, посылаю я Вам письмо, на три четверти уже законченное, но своевременно не подписанное; я написал его в конце прошлого месяца!!! Будьте снисходительны! Будьте добры ко мне. Не лишайте меня своих милостей!» (оригинал на фр.). Однако в содержательном плане они исходили из вполне отрефлексированной жизненной позиции, разделявшей официальную и дружески-семейную сферу существования короля. Фридрих-Вильгельм IV, так же как его сестра Александра Фе-

доровна, вполне унаследовал культ королевы Луизы и ценности придворного бидермайера, но российская императрица в письмах ограничивалась семантикой сугубо домашней, а ее брат привнес в нее определенную идеологию, разделяемую Жуковским.

Для короля, особенно в 1840-е гг., дружески-семейный круг стал защитой, пространством свободы, где высказывались сокровенные мысли, которые невозможно было огласить публично. И здесь голоса поэта и короля звучали в унисон. Жуковский еще в момент знакомства был пленен семейной идиллией берлинского двора («При дворе короля Прусского я видел нечто такое, с чем в другом месте можно встретиться так редко: семейное счастье во всей его патриархальной чистоте, сохранившее во всей полноте царственное достоинство, но чуждое какого бы то ни было тщеславия»[1]), и в дальнейшем она получила историософское оправдание, создававшееся в письмах к Фридриху Вильгельму IV, где его отец Фридрих Вильгельм III и сам король представали образцом новой монархии – ответственной, движущейся медленной волей Провидения, пронизанной отеческими чувствами к подданным.

> Тотчас же пришла на память та минута, когда король Фридрих Вильгельм IV говорил пред лицом Бога о будущем своего народа, и я размышлял о том чудовишном веке, с которым, начиная с этого единственного в истории момента, придется бороться королю, а также о тех скорбях, которые будут томить его душу. <…> Жизнь государей, настоль же подчиняющихся высшей справедливости, как Вы, всегда будет сплошное торжество, даже среди неудач, неурядиц, волнений, разрушающих строй их времени. Да сохранит Господь Ваше Величество и да будет Он покровителем Ваших царственных дней и дел[2].

Это будущее историческое благо подготавливается мыслями, чувствами, поступками, словами короля, которые вызревают в интимном кругу, что и демонстрировал Фридрих Вильгельм IV в письмах к поэту, признавая за другом дар едва ли не пророческий:

---

[1] Письмо от 4/16 июля 1822 г. (ПССиП. Т. 16. С. 154. Оригинал на фр.).

[2] Письмо от 13/25 ноября 1846 г. (РБ. 1912. № 7/8. С. 168. Оригинал на фр.).

> Из всех речей, которыми почтена память моего горячо любимого и уважаемого отца и короля и которые мне пришлось прочесть за это время, Ваши слова, без сравнения, самые лучшие, самые красноречивые, самые достойные. Это речи – истинного поэта, т.е. человека, прислушивающегося не к голосу своего желудка (простите за это тривиальное, но глубоко верное сравнение), а к внушениям Божественного Духа (13/25 июля 1840 г., оригинал на фр.).

В высказываниях короля мы найдем целый ряд эмоционально окрашенных суждений, полностью разделяющих излюбленную мысль зрелого Жуковского о монархии как орудии Божественного провидения, например:

> Ах, дорогой и почтенный Жуковский, какие времена, какая порода людей, и правящих, и управляемых!!!!! Молитесь вместе со мною, да смилуется над нами Господь и да благословит он мой выбор и мои начинания! Мое долготерпение на исходе. Я оправляюсь от своего падения с тем, чтобы или опять рухнуть, но уже навсегда, или, с помощью Божьею, начать новую эру для Пруссии и Германии (6/18 сентября 1848 г., оригинал на фр.).

Так, смягчая давление этикета, эпистолярное пространство общения с царственными особами обогащалось историософскими проекциями, непосредственными политическими оценками, дружеским взглядом на деловые проблемы.

V

Безусловно, еще одной важной для Жуковского и его царственных корреспондентов сферой была область воспитания. Смыкаясь с семантикой «семейственной монархии» в плане наследования поколений, передачи династических ценностей, она имела и персональные аспекты, т.е. позволяла проявиться личностным качествам и мировоззрению учеников. Мы помним, что Жуковский последовательно преподавал нескольким поколениям дома Романовых: великой княгине Александре Федоровне, затем великой княгине Елене

Павловне, великому князю Александру Николаевичу и его сестрам Марии и Ольге, короткое время он учил также великих князей Михаила и Николая. Не все из них об уроках вынесли приятные воспоминания. В частности, великая княжна Ольга Николаевна впоследствии писала:

> Что же касается Жуковского (крупнейшего русского поэта), Сашиного второго воспитателя, этот был совершенно иным: прекрасные намерения, планы, цели, системы, много слов и абстрактные объяснения. Он был поэт, увлеченный своими идеалами. На его долю выпала незаслуженная слава составления плана воспитания наследника престола. Я боялась его, когда он входил во время урока и задавал мне один из своих вопросов <…> Я склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал[1].

Эпистолярий поэта и письма его воспитанников, однако, демонстрируют обратное: педагогическая программа Жуковского была весьма эффективна и воспринималась заинтересованно. О Жуковском-педагоге сейчас уже существует большое количество исследований, которые сходятся в том, что продуманные, основанные на принципах И.Г. Песталоцци, методики обучения конкретным предметам, будь то язык или история, системно соединялись в сверхцели – в личностном, прежде всего нравственно-мировоззренческом развитии ученика[2]. В прагматическом плане поэт не всегда достигал

---

[1] Ж. в воспоминаниях. С. 349–350.

[2] См.: *Шмидт С.О.* Подвиг наставничества: В.А. Жуковский – наставник наследника российского престола // Русское подвижничество: сб. ст. к 90-летию академика Д.С. Лихачева. М., 1996. С. 187–221; *Костылева С.Е.* В.А. Жуковский – педагог // Белевские чтения. М., 2002. Вып. 2. С. 122–132; *Симиновский П.М., Тебиев Б.К.* Образование для добродетели: педагогические взгляды и деятельность В.А. Жуковского. М., 2003; *Киселева Л.Н.* Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту 3. Тарту, 2004. С. 199–228; *Добровольская Е.Б.* «Это педагогическая поэма». Жуковский – воспитатель своих детей // В.А. Жуковский и русская культура его времени: сб. науч. ст. СПб., 2005. С. 187–195; *Киселев В.С., Жилякова Э.М.* «План учения... наследника цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6 (32). С. 125–136; *Долгу-*

успеха, так, великая княгиня Александра Федоровна под его руководством так и не овладела в совершенстве русским языком и после 1823 г. писала ему исключительно по-французски, а великая княгиня Елена Павловна, преподавать которой Жуковский начал в конце 1823 г., в своем также французском письме от 15/27 октября 1826 г. сетовала:

> Мой бедный русский язык тоже страдает от Вашего отсутствия, и хотя у меня был случай до изнеможения говорить по-русски в Москве, я далека от того, чтобы быть довольной своими успехами; боюсь, что почти забыла то, что не успела как следует выучить.

Сам Жуковский также не был вполне доволен реализацией своей методики даже в системном курсе для великого князя Александра Николаевича, о чем писал ему 30 октября / 12 ноября 1845 г., в пору, когда занялся переработкой этого курса для своих собственных детей:

> Я начал обрабатывать свою методу (и это не могло идти скоро) в такое время, когда уже все учителя были на сцене с своими собственными рутинами; им невозможно было отделаться от старых собственных привычек для приобретения новых, им чуждых; да и времени на это недоставало: учение шло вперед своим чередом, за ним тащились мои таблицы и почти всегда опаздывали, и преподаватели не могли ими пользоваться сами, и таким образом не могло установиться одного общего хода, которым бы все части преподавания приведены были в одно стройное целое. Я работал прилежно, но работал с печальною мыслию, что труд мой напрасен. Так по большей части и вышло[1].

Однако при некоторых неудачах образовательного характера Жуковский достигал главного – его воспитанники росли как личности и раскрывали свои способности. Даже взрослые ученицы оста-

---

шин Д.В. «Педагогическая поэма» В.А. Жуковского (по неизданным материалам) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 89–106; *Сидорова А.Н.* «Образовать в детях ум, сердце и душу»: Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II. М., 2019.

[1] С 8. Т. 6. С. 501–502.

лись навсегда благодарны поэту и часто вспоминали о совместных занятиях. Реакции же детей, как показывают их письма, будучи всегда благожелательными, очень разнились в зависимости от характера. Непосредственная Мария Николаевна стремилась сама выбрать то, что ей интересно, и не стеснялась признаться в неудачах или антипатиях:

> Я продолжаю заниматься теми же уроками, как прежде: кончила курс мифологии и начала историю, которая мне доставляет много удовольствия. *Что правда, то правда*, я не очень успеваю во французской орфографии**,** хотя и трудно мне Вам признаться в этом. Русская идет немного лучше, а в английской почти не ошибаюсь. <…> У меня прежняя *antipathie*[1] к арифметике; музыку начинаю любить (6/18 мая 1833 г.).

Младшие дети наивно пересказывали содержание проходимых курсов, допуская множество орфографических ошибок, как великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич (орфография сохранена):

> Здравствуйте, Василий Андреевич. Мы проходим в сестематическом курсе небесные тела, в русском языке читаим о Петре первом; в арифметике умножение дробей, в истории проходим греческую историю (Николай Николаевич, 16/28 октября 1841 г.).
>
> Вздравствуйте, Василий Андреевич. <…> Теперь в систематическом курсе мы проходим тела небесные; у нас были опыты всех общих свойств тел; в географии мы проходим теперь города российские (Михаил Николаевич, 13/25 октября 1841 г.).

Великий князь Александр Николаевич, в поздних письмах с благодарностью вспоминавший об уроках, свои детские послания, с одной стороны, наполнял подробными отчетами о занятиях со всеми своими учителями, а с другой – демонстрировал постоянную рефлексию над успехами, как в письме от 3/15 декабря 1832 г.:

[1] антипатия (*фр.*).

> Теперь могу Вас уверить, милый Василий Андреевич, что я уже занимаюсь с охотою, но еще нельзя сказать, что всегда. Бывают такие минуты, в которые кажется, я чувствую себя таким, каков я был за три года, т.е. что мне занятия неприятны и даже в тягость. Надеюсь, однако, с помощью Божией, избавиться от этого недостатка и еще некоторых, замечаемых мною в себе.

Но, конечно, самыми интересными в плане педагогического эффекта являются письма великого князя Константина Николаевича. Именно в общении с ним Жуковский смог реализовать свои главные воспитательные установки и тем способствовать формированию личности ученика, с которым до конца жизни у поэта сохранялись самые теплые, интимные отношения, более глубокие, чем даже с цесаревичем.

Как справедливо отметил А.С. Янушкевич, «одним из важнейших дидактических принципов этой <педагогической> программы было формирование стиля общения, прежде всего эпистолярного. Главным условием ее реализации была регулярная переписка, предписанная каждому из воспитанников»[1]. С подобной инициативой Жуковский выступил по отношению к великой княжне Марии Николаевне, которая в 1828 г. находилась в Одессе с матерью, и та ответила письмом от 13 июля. Важным опытом переписка с наставником стала для великого князя Александра Николаевича в 1832–1833 гг. С теми же целями поэт завязал в 1841 г. переписку с младшими детьми – Михаилом и Николаем, к сожалению, она ограничилась лишь парой писем. Но из всех детей-корреспондентов вполне понять и оценить замысел Жуковского смог только великий князь Константин Николаевич.

Его наставник Ф.П. Литке в 1840 г. завел с воспитанником переписку, чтобы научить эпистолярному общению, о чем Константин сообщил Жуковскому, и тот сразу включился в нее. Для Литке, что он и объяснял ученику, эпистолярий был нужен как форма самонаблюдения и самоотчета («Федору Петровичу же мне нужно вкратце сказать, что мы делали в продолжение всей недели, и описать самого себя»; 17 ноября 1840 г.). Жуковский понимал цель переписки об-

[1] *Янушкевич А.С.* Указ. соч. С. 66.

ширнее, для него она была способом обнаружения самой личности, а значит, богатство эпистолярия зависело от личностного развития:

> Это искусство можете вы мало-помалу приобресть от навыка. Но прежде всего будьте человеком, имейте ясные мысли, высокие чувства, теплоту сердца и любовь к правде, тогда ваш слог будет выражением прекрасного; и тот, кто будет вас читать, догадается, что он беседует с великим князем, достойным своего имени и звания[1].

Эти мысли пришлись великому князю близко к сердцу и сразу стали поводом для рефлексии уже не столько о том, как научиться эпистолярному слогу, сколько о самосовершенствовании. Причем и здесь видение двух наставников расходилось. В письме от 8 декабря 1840 г. Константин рассказывал, как Литке разобрал его эпистолярный самоотчет с описанием своих недостатков: «Вот на это письмо он мне и *написал* ответ, в котором сделал замечания и разобрал каждый проступок отдельно». Жуковский 10 декабря 1840 г. ответил большим письмом, в котором исправление недостатков интерпретировалось только как начало лестницы самосовершенствования:

> Никто не родился совершенным, но достигнуть возможного совершенства есть цель нашей жизни. Наши недостатки противятся достижению к этой цели; чтобы уничтожить это сопротивление, надобно искоренить недостатки; чтобы иметь возможность искоренить их, надобно их знать. <…> Но я здесь должен сделать одно замечание: не довольно того, чтобы *знать*, надобно *искоренить* недостатки; и этого еще мало: надобно их *заменить* добрыми качествами. <…> Добрые качества, усиливаясь, обращаются *в добродетели*, и тогда душа наша восходит на высоту, и жизнь получает свое настоящее достоинство. Какое же главное средство дойти со временем до такой развязки? *Привычка*. <…> И вот по ней дорога: *1-я станция: узнать*, что в вас дурного. Судя по письму Вашему, Вы уже добрались до этой станции. *2-я станция: дать себе верное слово* действовать против узнанного недостатка всякий раз, когда он противоборствует нашей доброй воле. *3-я станция* и все за нею

[1] Письмо от 17 ноября 1840 г.: РА. 1867. № 12. Стб. 1389.

следующие (которых можно насчитать множество, смотря по тому, какова решимость в исполнении данного себе слова) – *борьба* не на живот, а на смерть с *действующим недостатком*. Последняя станция будет *привычка*, которая отворит дверь во святилище *добродетели*[1].

В ответном письме от 15 декабря 1840 г. тринадцатилетний мальчик продемонстрировал не просто понимание наставника, но высокую степень самосознания и умения самостоятельно определять свою жизненную программу:

Но позвольте мне сделать одно общее замечание. Это все так, что сравнивают жизнь с двумя дорогами, из которых одной начало рай телесный, а конец ад душевный, а другой начало ад телесный, а конец рай душевный, или исправление с дорогой, где эти разные станции. Но где их найти? Хорошо, если эти две дороги мне представятся так, как Геркулесу, тогда я их вижу, и уж конечно пойду по той, по которой пошел и он, но где их найти? Та дорога, которая хорошо начинается, а худо кончается, беспрестанно перед глазами; почти невозможно или весьма трудно по ней не пойти. Другую же нужно сыскать, она сама собой не является, и на ней-то и находятся те станции, о которых Вы в письме говорите. Даже тот пример, который Вы представили, и тот легче, а здесь станции духовные. Но я, несмотря на все эти препятствия, хочу дойти до моей цели.

Таким раскрытием личностного роста стали дальнейшие письма великого князя, в чем Жуковский его подгонял, 28 декабря 1841 г. призывая:

Вам 14 лет; Вы уже на пороге деятельной молодости <…> На 15 году и во всяком звании можно думать о расчетливом, экономическом употреблении минут и часов, обращающихся так быстро в годы; а в Вашем звании, в звании великого князя, эта расчетливость становится строгою должностью. Вы обязаны скорее других сделаться зрелым человеком[2].

[1] Письмо от 10 декабря 1840 г.: РА. 1867. № 12. Стб. 1390–1391.
[2] *РА*. 1867. № 12. Стб. 1403.

По письмам к Жуковскому мы можем составить достаточно полное представление об интересах, интеллектуальном и эстетическом мире Константина Николаевича, о его политических и историософских взглядах, о путешествиях и домашней жизни. Подобной целостности и разнообразия не предлагает больше ни одна подборка писем царственных особ, даже втрое более обширная переписка великого князя Александра Николаевича. Письма Константина лишены какой бы то ни было этикетности, и их динамику определяет только движение пытливого ума, который учится выбирать из происходящего интересные эпизоды, могущие обратить внимание своего адресата.

Поначалу круг наблюдения еще невелик и наполнен бытовыми вещами, но уже здесь, как в письме от 15 февраля 1841 г., органично сочетаются учеба («…мы тоже продолжаем историю, а в другой час повторяем и ее, и географию русскую. В языках, кроме немецкого и английского, мы тоже повторяем. В математике мы все проходим старое»), развлечения, в особенности театр («Почти дня не проходило без театра»), общественные обязанности («В четверг был здесь экзамен Екатерининского института. Я люблю такие экзамены»), а в завершение веселое событие («Одной, во время географии, я подсказал одну вещь, которую она забыла, и институтки, и я сам ужасно захохотали»). Ощущается, как великий князь, помня наставление Жуковского, торопится жить, почти с восторгом ожидая нового – новых предметов для изучения («Я уже знаю наперед две новые вещи, которые мы скоро начнем (перемена новая всегда приятна): это новая история и русская словесность»; 16 марта 1841 г.), новых произведений для прочтения («А знаете ли, что Федор Петрович на днях мне даст читать? Вы, верно, не догадаетесь. Он мне даст «Тысячу и одну ночь» на немецком переводе. Мне очень хочется узнать эту поэму в целом, потому что я из нее слышал одни только отрывки»; 18 января 1842 г.), посещения театра («У нас явилась опера Глинки «Руслан и Людмила», которая весьма много не понравилась, а я ей весьма доволен»; 29 ноября 1842 г.) – и, конечно, путешествий («Как я радуюсь этому моменту, когда мы придем на фрегат и подымем якорь и поставим паруса и покатим по волнам и примчимся в Копенгаген, а потом прилетим в Голландию. Что я там увижу!»; 1 июня 1841 г.).

В результате такого быстрого взросления великий князь уже к середине 1840-х гг., т.е. к 18–20-летнему возрасту, становится для Жуковского уже не учеником (даже выражение «Ваш верный друг и ученик» в последний раз Константин употребит в 1845 г.), а младшим другом, с которым можно делиться задушевными вещами и, более того, искренне совпадать во мнениях. Замечательно здесь, в частности, полное и спонтанное единение во взгляде на «Одиссею» и Гомера:

> Гомер был поэт народный, простой, и потому не мог писать другим языком, как каким говорил. Я себе воображаю Гомера, не смейтесь надо мною, как простого русского сказочника, который с котомкою за плечами, с палкою в руках, переходит из деревни в деревню и рассказывает народу сказки и басни про бывалых богатырей, про их подвиги и их славные дела (2/14 октября 1848 г.).

Жуковский в своих многочисленных эпистолярных рефлексиях и статьях именно так и описывал стиль и видение мира Гомера[1]. 19/31 октября 1848 г. поэт с восторгом отвечал великому князю, признавая тем самым и личностную зрелость адресата:

> Письмо Ваше наконец порадовало меня и в поэтическом отношении. Вы говорите мне о моей «Одиссее» не одни общие фразы; Вы говорите мне именно то, что я желал бы слышать от всякого, имеющего поэтическое чувство и зоркий вкус читателя. И меня радует, как автора, то, что Вы с этим свежим, никакими школьными правилами не испорченным чувством нашли в моем переводе именно то, к чему я наиболее стремился и без чего, какое бы ни имел, впрочем, достоинство перевод, он был бы негоден: простоту святой, непорочной, девственной древности[2].

---

[1] См.: *Киселев В.С., Янушкевич А.С.* Эстетические принципы и поэтика перевода «Одиссеи» В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 2 (10). С. 68–80.

[2] *РА*. 1867. № 12. Стб. 1422.

VI

Этот обмен литературными рефлексиями открывает нам еще одну важную сферу переписки с царственными особами. Жуковский, будучи первоначально чтецом при императрице Марии Федоровне, вошел в их круг как поэт, им он остался до конца жизни. Жуковский, безусловно, не был первым литератором при дворе, но именно в его неустанной деятельности обозначился новый этап взаимодействия власти и словесности. Постепенно уходила в прошлое система литературного патронажа, определявшая социокультурное функционирование литературы XVIII в., и на смену ей шла система дружеских сообществ, где очагами литературного процесса являлись неформальные (но иногда и институциализировавшиеся) группы. Жуковский воспитывался именно в такой среде, начиная с Дружеского литературного общества. Знаменательно, что завязывание придворных контактов для него совпало с зарождением «Арзамаса» – взлета кружковой литературной жизни. Эти формы коммуникации поэт перенес и в дворцовую среду, превратив Павловск и круг Марии Федоровны, а затем и круг Александры Федоровны в своеобразное литературное сообщество, где совместно читаются произведения, создаются литературные опыты, происходят литературные игры, выходят в свет камерные издания – альманах «Für wenige / Для немногих» (1818), журналы «Собиратель» (1829) и «Муравейник» (1831). «Семейственная монархия» под эгидой Жуковского приобрела отчетливое литературно-эстетическое измерение. Искусство здесь становилось необходимой частью повседневной жизни, что, с одной стороны, задавало стандарт мышления и поведения царственных особ, а с другой – открывало каналы взаимодействия с дружескими сообществами вне придворной среды.

В обоих планах вклад Жуковского был необыкновенно велик. А.С. Янушкевич подробно рассмотрел различные формы культуртрегерской деятельности поэта при дворе, в том числе через письма, приучавшие царственных особ понимать и ценить искусство: «Их <царственных особ> интерес к европейской культуре, собирание Эрмитажной коллекции живописи, круг чтения во многом следствие раннего распространения души под влиянием их эстетического на-

ставника»[1]. Не будь Жуковского, вряд ли император Николай I мог предложить А.С. Пушкину стать его личным цензором, предполагая за собой определенную литературную компетентность.

И в плане литературной коммуникации Жуковский также стал незаменимым посредником между двором и системой дружеских сообществ, достаточно вспомнить его роль в придворной судьбе только нескольких писателей – А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, Н.В. Гоголя, И.В. Киреевского, И.И. Козлова, С.Н. Глинки. Он и ходатайствовал о материальной помощи и высочайшем одобрении литераторов, и представлял их книги ко двору, и помогал с цензурными ограничениями, и заступался в конфликтных ситуациях. Его стратегия неофициального, личного обращения к царственным особам очень часто позволяла преодолеть иерархический барьер власти и литературы и сойтись в нейтральном, равном поле дружеской литературной коммуникации. Неформальное празднование 50-летия литературной деятельности поэта в 1849 г., когда за праздничным столом соседствовали великий князь Александр Николаевич и друзья-литераторы, стало, пожалуй, венцом подобного единения:

> Вчерашний вечер мы провели самым приятным образом у Вяземских, где были собраны все Ваши друзья, чтобы праздновать Ваше *литературное 50-летие*. Если бы Вы видели, с каким чувством были прочтены стихи и пропеты куплеты в Вашу честь, сопровождаемые каждый раз общим *русским ура!* (Письмо цесаревича от 30 января / 11 февраля 1849 г.).

И письма царственных особ к Жуковскому демонстрируют то, что он был услышан, понят и оценен по достоинству. Более того, двое из его корреспондентов сами были пусть непрофессиональными, но талантливыми литераторами, которые считали честью, несмотря на свой статус, интерес и одобрение со стороны поэта к их трудам. Таково письмо принца П.Г. Ольденбургского от 11/23 января 1852 г.:

> По снисходительному участию, которое Вам угодно было принять в попытках моих в применении древних форм стихов к русскому языку, я позволяю себе послать к Вам сделанный мною пере-

[1] *Янушкевич А.С.* Указ. соч. С. 63.

вод стихотворений Шиллера: 1) Das Lied von der Glocke, переведенная уже, как я узнал впоследствии, г-жою Глинка, и 2) Der Gang nach dem Eisenhammer, и прошу Вас принять мои труды не как произведения литературные, но как усилия мои к изучению отечественного языка и как знак душевного к Вам уважения, с которым имею честь быть Вашим покорным слугою.

Кронпринц Иоганн Саксонский до вступления на престол также много занимался наукой и искусством и в 1823–1849 гг. перевел на немецкий язык «Божественную комедию» Данте. В январе 1850 г. он прислал Жуковскому в подарок свой перевод, на что тот ответил письмом от 8/20 января 1850 г.[1], к которому был приложен перевод «Одиссеи». Ответом на него служило письмо Иоганна Саксонского от 29 января / 10 февраля 1850 г., где он благодарил Жуковского:

Меня очень обнадежила почтительная манера, с которой Ваше превосходительство оценили мое произведение. Впрочем, ясно, что Вы судите по своему опыту, говоря, что я, должно быть, сожалею, что закончил работу. Данте в наше печальное время помогал мне отстраниться от того, что тяготило меня и отравляло жизнь, и хотя бы некоторое время дышать более чистым воздухом, чем воздух в 48 и 49 годах (оригинал на фр.).

Не менее важным знаком включенности двора в литературную жизнь служат и четыре записки великой княгини Елены Павловны к Жуковскому о ранении и смерти А.С. Пушкина. В переписке с мужем великим князем Михаилом Павловичем, находившимся в тот момент за границей, княгиня активно делилась мнениями о дуэли и окружавших поэта сплетнях[2]. Глубокой скорбью наполнены ее слова о гибели великого поэта и общего их друга – «прекраснейшей славы нашего отечества»:

Узнаю́ сейчас о несчастии с Пушкиным <…>. Я подавлена этим ужасным событием, отнимающим у России такое прекрасное даро-

[1] *Вестник* Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4 (30). С. 100–102. Публикация Н.Е. Никоновой.

[2] *ЛН*. М., 1852. Т. 58. С. 135–136.

вание, а у его друзей – такого выдающегося человека (27 января 1837 г., оригинал на фр.).

Итак, свершилось, и мы потеряли прекраснейшую славу нашего отечества! Я так глубоко этим огорчена, что мне кажется, что во мне соединяются сожаления и его друзей, и поклонников его гения (29 января 1837 г., оригинал на фр.).

В этом ряду находятся и письма императрицы Марии Федоровны, написанные вскоре после смерти Н.М. Карамзина и выражающие непроходящее сожаление от ухода многолетнего друга:

<…> смерть моего доброго друга Карамзина глубоко поразила меня. Я видела его за несколько дней до моего отъезда, и состояние его внушило мне ложную надежду, он написал мне за несколько дней до своей смерти, его потеря является чем-то непоправимым для меня, поскольку в нем я потеряла самого верного друга, своего и нашего ангела, навеки сердце мое останется капищем моей благодарности и моих сожалений (15 декабря 1826 г., оригинал на фр.).

Но, конечно, большинство эпистолярных высказываний царственных корреспондентов, касающихся искусства и литературы, посвящены двум темам – соучастию в творчестве Жуковского и кругу собственных интересов, открывающему нам отдельные грани их эстетической эрудиции. Первая тема была заявлена уже письмом к Жуковскому императрицы Марии Федоровны от 9 февраля 1815 г., посвященным посланию «Императору Александру», которое императрица не просто приняла и доставила адресату, но и сама озаботилась его изданием – знак и высочайшего признания и литературной заинтересованности.

Как мы знаем, многие свои произведения в дальнейшем Жуковский посвящал царственным особам. Это можно было бы воспринять как запоздалый рефлекс системы литературного патронажа, но, по сути, в той стратегии общения, которую выстроил поэт, посвящения или покровительство воспринимались скорее как личные жесты, знаки персонального уважения. Более того, Жуковский сознательно привносил в посвящаемые произведения узнаваемые черты своих адресатов. Так, в героине «Ундины», посвященной великой княжне Марии Николаевне, есть отголоски ее характера, «Наль и Дамаянти»

открывается стихотворным посвящением, отсылающим к образу великой княжны Александры Николаевны, что та не преминула вспомнить в письме от февраля 1844 г.:

> Хотя я далека от идеала, поразившего Ваши взоры на паланкине, но я постараюсь идти вослед ему, и достигнуть его чистоты сердца, смирения, и получить вместе с тем удивительный его дар распространять счастие вокруг себя. Ничто не могло быть мне приятнее, как увидеть образ этого небесного существа во главе мне посвященной поэмы.

Столь же символично посвящение перевода «Одиссеи» великому князю Константину Николаевичу, с которым поэт удивительно сошелся в понимании гомеровского таланта. Князь-мореплаватель в этом контексте воспринимался и как Телемак, близкий ему по возрасту, и как Одиссей, возвращающийся домой через неведомые земли:

> Позвольте же начать с того, чтобы еще раз от души искренно Вас поблагодарить за Вашу «Одиссею». Она точно венец всем Вашим остальным трудам, и этим одним Вы бы уже приобрели бессмертие. Я ее читал с величайшим интересом и на каждом шагу удивлялся и восхищался. Мне кажется, что Вы, употребив самый простой разговорный язык, первые постигли настоящий дух Гомера. <…> Я пил Вашу «Одиссею» с восхищением (2/14 октября 1848 г.).

В какой-то степени эти смысловые проекции переходили и на великого князя Александра Николаевича, поскольку последнее прижизненное Собрание сочинений Жуковского, в которое входил и перевод «Одиссеи», было посвящено ему. Письма цесаревича демонстрируют еще и степень заботы о своем наставнике: он активно поддержал выкуп в казну этого издания для обеспечения семейства Жуковского и ходатайствовал о том перед императором, министром финансов и министром просвещения. История этого предприятия пока освещена не полностью, основные документы, хранящиеся в деле РГИА[1], остаются неопубликованными, в том числе письма са-

[1] *РГИА*. Ф. 733. Оп. 108. № 68; Ф. 722. Оп. 1. № 20.

мого Жуковского (см. далее комментарий), поэтому сообщения великого князя очень ценны:

> Мне не было никакой возможности Вам ранее ответить, любезный Василий Андреевич, на последние два письма; но я просил Плетнёва Вас тотчас же известить о решении государя. Посылаю Вам при сем официальную бумагу к<нязя> Ширинского-Шихматова о сем деле. Я надеюсь, что рассрочка на пять лет уплаты всего капитала Вас не расстроит, ибо главная цель достигнется, т.е. капитал, хотя не сейчас, но всё-таки верным образом будет в Ваших руках (23 ноября / 5 декабря 1851 г.).

Вне участия в литературных инициативах Жуковского не оставались и зарубежные царственные корреспонденты. Показательно здесь издание на немецком языке большого биографического очерка об Иосифе Радовице[1], который не получил открытого одобрения цесаревича (см. выше), зато друг героя и самого Жуковского король Фридрих Вильгельм IV отозвался о брошюре с восторгом, восприняв ее как необходимый и важный шаг в реабилитации Радовица:

> Вы выступили, дорогой друг, защитником человека, нетерпимого всем светом (а в особенности сильными представителями последнего). И непризнание его не дело наших дней, оно затянется еще на долгое время. Но история отведет ему почетное место среди представителей благородства, добра, христианского духа, – истых христиан, знающих жизнь лучше всех этих так называемых «детей мира сего». Среди всей грязи людской Радовиц остался незапятнанным. Словом, Ваша брошюра о Радовице привела меня в восхищение (9/21 декабря 1850 г.).

Письма царственных особ вводят нас и в мир их собственных эстетических предпочтений. Наиболее насыщенным предстает, безусловно, круг интересов великого князя Константина Николаевича, где

[1] См. подробнее: *Никонова Н.Е.* В.А. Жуковский и немецкий мир. М. ; СПб., 2015. С. 255–266; *Киселев В.С., Владимирова Т.Л.* Жуковский, революция в Германии и институты имперской пропаганды (по материалам неопубликованной переписки с великим князем Александром Николаевичем) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 165–183.

мы найдем – кроме произведений Жуковского – Гомера, Вергилия, сказки «1001 ночи», «Песнь о Нибелунгах», «Рейнеке-Лиса», Тассо, Вольтера, Клопштока, Бюргера, Шиллера, «Слово о полку Игореве», Ломоносова, Державина, Гнедича, Пушкина, Загоскина, Кукольника, оперу Глинки, картины голландских мастеров и мн. др.[1]

Художественная линия проходит сквозь все письма Фридриха Вильгельма IV, который сам был не чужд живописи и литературы и в письме от 15/27 января 1851 г. оставил комический портрет Р. фон Зюдова, спешащего с королевским письмом к Жуковскому (см. иллюстрацию в наст. изд.). Живописные работы разных мастеров (свои портреты, виды Потсдама) король отправил поэту в упомянутом письме, а 9/21 декабря 1850 г., он высоко оценил и подаренный ему портрет работы Г. фон Рейтерна:

> Головка сама по себе отличается из ряда вон выходящим сходством. С нею, благодаря искусству Рейтерна, положительно, можно беседовать на разных языках. То же впечатление испытываю не я один. Каждый, кто только видел до сих пор эту головку, высказывал те же замечания; это делает мою собственность и милее и дороже для меня (6/18 ноября 1846 г.).

В письмах великого князя Александра Николаевича эстетических рефлексий немного, но тем ценнее его отзыв от 7/19 октября 1841 г., открывающий художественные пристрастия. В нем речь идет о картине Ф. Бруни «Медный змий», законченной в Италии и привезенной в Петербург летом 1841 г.:

> Бруни воротился из Италии и привез свою большую картину, я вчера видел ее в Зимнем дворце, и она мне очень понравилась, хотя, признаюсь, сюжет не совсем приятный. Впрочем, в художественном отношении у нас нет здесь ничего нового.

Для цесаревича не прошел бесследно и опыт собирательской деятельности, когда в 1838–1839 гг. во время заграничного путеше-

[1] См. также: *Сидорова А.Н.* Развитие «приятных талантов» (литература и искусство в процессе воспитания детей императора Николая I) // Культура и искусство в эпоху Николая I. Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 111–128.

ствия под руководством Жуковского он заказывал европейским художникам и скульпторам различные произведения для собрания Зимнего дворца. Отзвуки этих контактов мы встретим в письмах цесаревича от 7/19 октября 1841 г. (заказ для Ф.В. фон Шадова), от 30 генваря/11 февраля 1842 г. (помощь наследникам К.Д. Фридриха и подношение Н.К. Э. Фон Лауница), от 14/26 мая 1843 г. (заказ для Г.А. Штильке) и др.

Одним словом, письма царственных особ к Жуковскому дают богатый материал для реконструкции художественной жизни высочайших резиденций, а выразительным итогом многосторонней культуртрегерской деятельности поэта при дворе могут служить слова великой герцогини Марии Павловны, органично соединившей русские литературные традиции и культуру «веймарского классицизма», пропитанные уважением к поэту и поэзии:

> Конечно, Вам судьба даровала большое преимущество перед большею частью Ваших современников: они, будучи завлекаемы дневными происшествиями, в положении затруднительном и в скорбном расположении духа, не могут, как Вы, предавшись по произволу воображению, удалиться в ту счастливую страну, где господствуют одни изящные призраки оного и тишина, недостигаемая житейскими бурями. Но мы не менее того признательны поэту; потому что и мы, следуя его вдохновению, временно разделяем его наслаждения (1/13 июня 1848 г.).

Жуковский стал для царственных особ проводником в мир высокой эстетической рефлексии, глубоко повлияв на их мировоззрение и жизненные ориентиры.

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА

Мария Федоровна (урожд. Мария Доротея Августа Луиза, принцесса Вюртембергская; 1759–1828), жена великого князя Павла Петровича, российская императрица с 1796 г., мать Александра I и Николая I. В феврале 1813 г. Жуковский удостоился получить от вдовствующей императрицы рескрипт и перстень за «Певца во стане русских воинов» (см. письмо И.И. Дмитриева к Жуковскому от 20 февраля 1813 г.: РА. 1871. Вып. 3. Стб. 418–419) и выразила желание «сделать второе издание <...> песни» (ПЖТ. С. 100–101). В начале мая 1815 г. Жуковский был представлен императрице (см.: ПССиП. Т. 15. Письмо к А.П. Киреевской (Елагиной) от 11 июня 1815 г.). Последующие встречи с ней в Павловске во многом определили судьбу поэта, его педагогическую деятельность при дворе. К ней обращены два стихотворных «павловских послания», в том числе знаменитый «Подробный отчет о луне» (1820), неразрывно связанный с философией и поэтикой эстетических манифестов Жуковского (см.: ПССиП. Т. 2. С. 156–173, 194–203. Комментарий Н.Ж. Ветшевой). Как сообщал поэт в письме Ю.А. Нелединскому-Мелецкому: «Накануне ее погребения я провел ночь у ее гроба ...» (С. 7. Т. 6. С. 519), следствием чего явилось его стихотворение «У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны. В ночь накануне Ея погребения» (ПССиП. Т. 2. С. 255–258. Комментарий И.А. Поплавской). Четыре сохранившихся письма Жуковского к вдовствующей императрице см.: ПССиП. Т. 15–16. По указателям адресатов.

К сожалению, одна короткая, в две строки, неопубликованная записка императрицы Марии Федоровны к Жуковскому от 1825 г., вклеенная поэтом в альбом (ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 228), на неопределенное время остается недоступной, поскольку альбом, в который вложено множество засушенных цветов, находится в ветхом состоянии и требует реставрации.

Элизабет Виже-Лебрен
Большой парадный портрет имп. Марии Фёдоровны. 1799

1

9 февраля 1815 г. Петербург

9 февраля 1815 г. С. Петербург

Василий Андреевич!

Я получила послание Ваше к императору[1], любезнейшему моему сыну, и не только с чувствительным удовольствием, но с сердечным умилением читала сие изящное творение Вашего стихотворческого дарования, которому, как Вам уже известно, я отдаю полную справедливость. Приемля с признательностью посвящение Вашего послания[2], составляющего украшение нашей словесности и свидетельствующего о любви Вашей к государю и отечеству, я поспешила доставить оное к тому, к кому писано, а с моей стороны стараюсь, чтобы издание сего сочинения в печать наружным видом, по колику возможно, соответствовало внутреннему его достоинству.

Пребываю в прочем Вам благосклонною

Мария

2*

15 декабря 1826 г. Петербург

St Petersbourg ce 15
Dec<embre> 1826

Je vous dois deux réponses, mon bon et digne Joukoffski, et par votre lettre du 16 Juin et du 20 Juillet[1]: s'il m'eût été possible de les faire plutôt je l'aurais fait, car m'entretenir avec vous, m'est *bien bien* satisfaisant. J'aime à échanger mes pensées avec l'homme que j'estime et auquel je porte un attachement sincère par la connaissance de son bon et excellent caractère, joint à toutes les qualités de cœur et de l'esprit. Je vois, mon bon Joukofsky, que vous n'aviez pas encore dans ce temps lieu de me parler d'un mieux réel dans l'etat de votre santé mais que vous l'appréciez des Eaux de Carlsbad: de depuis je vous sais arrivé à Dresde[2] un peu plus satisfait de votre santé, mais pas encore aux gré de nos vœux à tous, et bien particulièrement des miens: parlez-moi en détail sur elle

dans votre première lettre, je vous en prie, dites moi si v<ous> avez consulté Kreisig[3] et ce qu'il vous a conseillé: sa bonne réputation inspire confiance dans ses conseils et j'espère que vous les suivrez: vos lettres, mon bon Joukoffski, ont touché toutes les cordes sensibles de mon malheureux cœur, qui a tant et tant souffert depuis le mois de novembre 1825[4]: la mort de notre chère Impératrice Elisabeth m'a été bien bien pénible, et m'a affecté d'autant plus, qu'elle m'a été enlevée le jour même où j'espérais la serrer dans mes bras: je continue mon voyage à Kalouga où je devais être le 1 mai je m'y suis trouvée; son arrivée fut retardé, elle m'appela à Belew, je reçois cet appel à 8 heures du matin et elle n'existait plus depuis trois heures, et c'est à la moitié du chemin que j'appris son décès, mais je me suis rendu nonobstant à ce triste Belew, et j'ai rempli d'après l'impression de mon coeur tous les devoirs qu'il m'imposait: ensuite j'ai été à Mojaisk pour lui rendre encore mes derniers hommages[5].

Peu de temps après, la mort de mon bon ami Karamzin[6] m'a touché profondement. Je l'avais vu peu de jours avant mon départ, et je me suis fait illusion sur son état, il m'a écrit quelques jours avant sa mort, sa perte est une chose irréparable pour moi; car j'ai perdu en lui l'ami le plus fidèle de notre Ange, et le mien, aussi à jamais mon cœur lui portera l'hommage de ma reconnaissance, de mes regrets. Il est allé joindre celui qu'il chérissait avec passion et qui l'aimait bien tendrement, mes regrets sur sa perte sont grandis car sa société m'était bien chère, bien instructive, bien agréable. Je vous rappelle mon bon Joukofski combien la traduction de cette phrase «Tod zerstört nicht die Lieb', er entflammt zur Unsterblichkeit sie nur»[7*] m'occupait au mois de novembre, j'y ai pensé mille fois de plus, et j'y trouvais une consolation que le Ciel voulait préparer à mon cœur: <*нрзб.*> j'en ai grand besoin; mais je sens vivement le sens profond de ces mots.

L'arrivée de mes enfants, celle de mon cher Constantin, tous les sentimens d'attachement, de bienveillance, de dévouement que nous avons reçu à Moscou a été un baume adoucissant à la douleur profonde de mon âme; le couronnement s'est si bien passé, rassuré de Constantin[8], sa conduite sublime était faite pour me faire goûter le bonheur de la maternité ainsi que le contentement général de la conduite de Nicolas; que Dieu le

---

[*] Смерть не разрушает любовь – она лишь воспламеняет ее к бессмертию» (*нем.*).

conserve et bénisse ses bonnes intentions: la santé de l'Imp<ératrice> me donnait des inquiétudes, mais grâce à Dieu le séjour de Moscou lui a été favorable[9], les enfants sont charmants: votre ange de Sasha avance et se développe à notre plus grande satisfaction: cet enfant est un être distingué; que Dieu dans sa miséricorde daigne me le conserver: les petits font idées, aimable, Marie[10] se forme beaucoup, elle est charmante, et la petite Adine[11] fait le charme de Nicolas et de sa maman: l'Emp<ereur> s'occupe de nouveau avec Lobanof[12], Hélène avec Elisabeth[13]: Michel[14] est très occupé et fait tout ce qu'il peut pour répondre à la confiance de l'Emp<ereur>. Les enfants sont assez bien portant: la petite l'est tout à fait; l'aînée est un peu délicate. Voila les nouvelles de la famille qui vous intéressent: Nicolas a pris de l'embonpoint, qui lui sied très bien. Ma santé est bien meilleure qu'elle ne l'était au printemps; mais mon âme a pris l'habitude de la tristesse. Mes Établissements m'intéressent toujours avec la même chaleur[15]. Ceux de Moscou m'ont fait prendre plaisir: j'y ai trouvé des améliorations sensibles, cela va très bien ici, nous nous préparons à la sortie de l'année prochaine pour la convention; mon bon Karamzin, un homme que j'aimais tant ne soit près de moi, si bon, si amical pour les enfants, et en même temps si véridique n'y sera plus; mon bon Joukoffsky[16] de même est éloigné. Voilà une privation qui m'est bien sensible, mais qui vous identifie à moi, je viens avec la même confiance vous demander quelques paroles pour les Chants d'Adieu[17]: je voudrais marquer à l'eternellement par nos pertes; si je le négligeais, car on compte sur son bien absent, comme sur le présent: recevez aussi en même temps les complimens de toute la communauté, de madame d'Adlerberg[18], de madame de Nélidof[19]. J'espère, mon cher Joukoffsky, qu'avant votre retour vous irez faire visite à ma bonne Marie[20], elle a promis sa fille[21] au Pr. Charles de Prusse[22], un sentiment réciproque fait espérer le bonheur des jeunes époux. Adieu, mon bien digne Joukoffsky; conservez-moi vos sentimens et persuadez-vous que tant que je vivrais je serai

Votre bien affectionnée
Marie

Перевод:

Санкт-Петербург
15 дек<абря> 1826

Я не ответила Вам на два Ваших письма, от 16 июня и от 20 июля[1], мой добрый и достопочтенный Жуковский: если бы я могла сделать это раньше, я бы сделала это, потому что говорить с Вами мне *очень и очень* приятно. Мне нравится обмениваться мыслями с человеком, которого я уважаю и к которому я искренне привязана, зная его добрый и превосходный характер, соединенный со всеми лучшими качествами сердца и духа. Я вижу, мой добрый Жуковский, что у Вас еще не было повода сообщить мне о реальном улучшении состояния Вашего здоровья, но что со времени пребывания на водах Карлсбада Вы его ощущаете; с тех пор, как я знаю, Вы прибыли в Дрезден[2], немного более довольный своим состоянием, которое, однако, пока не отвечает нашим общим и, в особенности, моим желаниям. Расскажите же мне, прошу Вас, подробно о Вашем здоровье в первом же письме, скажите, советовались ли Вы с Крейсигом[3] и что он Вам рекомендовал: его добрая репутация внушает веру в его советы, и я надеюсь, что Вы им последуете. Ваши письма, мой добрый Жуковский, затронули все чувствительные струны моего несчастного сердца, которое так много и много страдало начиная с ноября 1825 года[4]. Смерть нашей дорогой императрицы Елизаветы была очень, очень болезненной для меня и поразила меня тем более, что она была отнята у меня в тот самый день, когда я надеялась заключить ее в свои объятия. Я продолжала свой путь в Калугу, куда я должна была прибыть 1 мая, и я оказалась там; ее же прибытие задерживалось, она позвала меня в Белев, я получаю это сообщение в 8 утра, и к тому времени ее уже три часа как не было в живых; на полпути я получила весть о ее смерти, но, несмотря на это, я доехала до этого печального Белева и выполнила, как говорит мне мое сердце, все обязанности, которые оно на меня возложило. Потом я поехала в Можайск, чтобы поклониться ей в последний раз[5].

Вскоре после этого смерть моего доброго друга Карамзина[6] глубоко поразила меня. Я видела его за несколько дней до моего отъезда, и состояние его внушило мне ложную надежду, он написал мне за несколько дней до своей смерти, его потеря является чем-то не-

поправимым для меня, поскольку в нем я потеряла самого верного друга, своего и нашего ангела, навеки сердце мое останется капищем моей благодарности и моих сожалений. Он отправился к тому, кого он так страстно лелеял и кто его нежно любил, мои сожаления по поводу его потери еще более увеличились, потому что общество его было мне очень дорого, очень поучительно и очень приятно. Хочу напомнить Вам, мой добрый Жуковский, насколько занимал меня в ноябре месяце перевод этой фразы: «Tod zerstört nicht die Lieb‘, er entflammt zur Unsterblichkeit sie nur»[7*], я вспоминала ее тысячу раз и нашла в ней утешение, которое небеса даровали моему сердцу.<*нрзб*> Я очень нуждаюсь в нем; но остро чувствую глубокий смысл этих слов.

Приезд моих детей, моего дорогого Константина, все чувства привязанности, доброжелательности, преданности, свидетельства которых мы имели в Москве, были бальзамом, успокаивающим глубокую боль моей души. Коронация, поддержанная Константином[8], прошла так хорошо, его благороднейшее поведение, а также всеобщее довольство поведением Николая дали мне почувствовать все счастье материнства, да сохранит его Бог и благословит его добрые намерения. Здоровье имп<ератрицы> внушало мне беспокойство, но, слава Богу, пребывание в Москве было для нее благоприятным[9]. Дети очаровательны. Ваш ангел Саша делает успехи и развивается, к нашему величайшему удовлетворению. Этот ребенок – особое существо; да сохранит его для меня по милости Своей Господь. Малютки смышленые и милые, Мари[10] очень выросла, она очаровательна, а маленькая Адини[11] доставляет радость Николаю и своей матушке. Имп<ератор> занимается снова с Лобановым[12], Элен с Элизабет[13]. Мишель[14] очень занят и делает все, чтобы заслужить доверие имп<ератора>. Дети вполне здоровы: малышка полностью, здоровье старшей более деликатного свойства. Вот новости об интересующей Вас семье. Николай пополнел, что ему очень идет. Мое здоровье по сравнению с весной стало намного лучше; но душа моя привыкла к печали. Мои заведения по-прежнему горячо меня волнуют[15]. Московские меня порадовали: я нашла в них заметные улучшения, здесь дела идут очень хорошо, как обычно, мы готовим-

[*] «Смерть не разрушает любовь – она лишь воспламеняет ее к бессмертию» (*нем.*).

ся к выпуску следующего года; моего доброго Карамзина, человека, которого я так любила, такого доброго, такого дружественного по отношению к детям и в то же время такого правдивого, уже не будет рядом; даже мой дорогой Жуковский далеко[16]. Вот лишение, которое очень чувствительно для меня, но которое объединяет Вас со мной; с чувством того же доверия я хочу у Вас попросить несколько строк для прощальных песен[17]. О нашей потере я хотела бы добавить – навеки, и если я пренебрегала этим, то потому, что мы считаем свою отсутствующую собственность присутствующей. Примите также приветы от нашего общества, от госпожи Адлерберг[18], госпожи Нелидовой[19]. Я надеюсь, мой дорогой Жуковский, что перед Вашим возвращением Вы посетите мою добрую Мари[20], она просватала свою дочь[21] за принца Карла Прусского[22], взаимное чувство, которое они испытывают, вселяет надежду на счастье молодых супругов. Прощайте, мой достойнейший Жуковский; сохраняйте свои чувства ко мне и будьте уверены, что, пока я жива, я пребуду

Вашей весьма Вас любящей
Марией

3*

28 сентября 1827 г. Петербург

St Pétersbourg ce 28 Sep<tembre>
1827

J'ai reçu lundi votre aimable et si bonne lettre, mon bon Monsieur de Joukoffsky, en date du 14 Sep<tembre>[1], et j'assure que son contenu m'a ému jusqu'aux larmes, car c'était le langage du cœur que je trouvais tracé dans ces lignes, et personne ne sache mieux l'exprimer que vous, qui êtes tout attachement pour nos cher senfants: Oui, mon cher Joukoffsky, notre bonheur à tous est l'heureuse délivrance de notre chère Alexandrine, la naissance du cher petit Constantin[2], a comblé tous nos voeux, il m'a fait éprouver un sentiment du bonheur si vif, auquel je ne me croyais plus susceptible, et celui depuis le 24 Nov<embre> de l'année 25[3], c'est le premier sentiment *plein* qui a occupé mon cœur: ma première pensée a été à Dieux, et à le remercier de ses bienfaits ensuite à serrer mes enfants contre mon cœur, et à les féliciter avec toute l'abondance du contentement: mais de suite le rappel de ne pas voir notre Ange[4] partager

ce sentiment unanime de satisfaction, m'a fait bien mal; cependant je me tiens assurée que des hauts des Cieux où il se trouve il n'est pas moins étranger à une vie si paisible sur terre, et qu'il aura imploré la Providence pour cet Enfant chéri, et ses parents qu'il affectionait tant.

Je vous suis sensiblement obligée d'avoir partagé votre satisfaction avec la mienne, c'est bien me prouver votre attachement, et croyez-moi qu'il m'est cher: mon long silence vis-à-vis de vous, mon bon Joukoffsky, m'a peiné, mais en vérité, tout ce temps je n'ai pas eu beaucoup de moments à moi, et beaucoup d'occupations, ce qui fait que je me trouve en retard surtout avec mes lettres: mais néa<nmoins> tirez qch <quelque chose> de certain sur mes sentimens, ils sont et seront constament les mêmes pour vous étant bien liés au plus sincère estime, et encore dirigés sur ceux qui vous entouraient, notre bon aimé Karamzin; que n'est-il témoin de notre bonheur.

Je me réjouis bien bien sincèrement de vous revoir en personne, mon cher Joukoffsky, de vous retrouver le même pour moi, et de pouvoir vous assurer de vive voix de l'attachement sincère et constant que vous portera à jamais

Votre bien affectionnée
Marie

Перевод:

Санкт-Петербург, 28 сент<ября>
1827

В понедельник я получила Ваше такое доброе и такое милое письмо, мой добрый господин Жуковский, датированное 14-м сен<тября>[1], и уверяю Вас, что его содержание тронуло меня до слез, потому что это был язык сердца, запечатленный в Ваших строках, и никто лучше чем Вы, который так привязан к нашим дорогим детям, не знает, как выразить его. Да, мой дорогой Жуковский, наше общее счастье – счастливое избавление от бремени нашей дорогой Александрин, рождение дорогого Константинчика[2] есть исполнение всех наших желаний, оно позволило мне испытать чувство такого живого счастья, на которое я более не полагала себя способной, и с 24 ноября 25 года[3] оно первое чувство, которое *полностью* заняло мое сердце. Моя первая мысль была обращена к Богу с благодарно-

стью за дарованные им блага, затем мне захотелось обнять своих детей, прижать их к своему сердцу и поздравить их со всеми наиживейшими чувствами, но немедленно от воспоминания о том, что наш ангел[4] не разделяет это единодушное чувство удовлетворения, мне сделалось очень больно; однако я пытаюсь уверить себя в том, что на небесах, где он сейчас находится, он не чужд нашей мирной жизни на земле и что он будет молить Провидение за этого драгоценного младенца и его родителей, которых он так любил.

Я глубоко признательна Вам за то, что Вы разделили Вашу радость со мной, это доказывает мне всю Вашу привязанность, которая, поверьте, мне очень дорога: мне жаль, что я так долго не отвечала на Ваше письмо, мой добрый Жуковский, но, по правде говоря, все это время у меня не было много времени для себя и было много занятий, а это значит, что в особенности с моими письмами происходила задержка; но несмотря на все это будьте совершенно уверены в моих чувствах, они есть и всегда будут неизменными, связанными с самым искренним уважением и направленными на тех, кто Вас окружает, и наш любимый Карамзин, не есть ли он свидетель нашего счастья.

Я искренне радуюсь, что снова увижу Вас лично, мой дорогой Жуковский, и найду Вас все тем же в Вашем отношении ко мне, и что смогу заверить Вас въяве в той искренней и неизменной привязанности, которую навеки буду испытывать к Вам

Ваша любящая Вас
Мария

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ И ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА

Александра Федоровна (урожд. принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская, 1798–1860), великая княгиня (с 14/26 декабря 1825 г. – императрица), супруга великого князя Николая Павловича (с 14/26 декабря 1825 г. – императора Николая I; коронация Николая I и Александры Федоровны состоялась 22 августа 1826 г. в Успенском соборе Кремля), мать Александра II. Знакомство и обручение принцессы Шарлоты и Николая Павловича состоялось в 1814 г.; ввиду молодости принцессы брак был отложен на 2 года. Принцесса Шарлотта прибыла в Россию в июне 1817 г., 24 июня/6 июля 1817 г. приняла православие с именем Александра Федоровна и 1/13 июля 1817 г., в день своего рождения, обвенчалась с Николаем Павловичем в церкви Зимнего дворца.

Жуковский получил предложение стать учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны в апреле 1817 г. и приступил к занятиям сразу после окончания свадебных торжеств. В 1820–1821 гг. Жуковский сопровождал Александру Федоровну в ее поездке в Германию; с 1824 г. начал давать уроки ее старшему сыну, великому князю Александру Николаевичу, наставником которого был официально назначен в 1825 г. Все это сделало отношения поэта с императрицей особенно близкими: Жуковский многократно обращался к ней как к посреднице между ним и императором Николаем I, во время продолжительного отсутствия в России писал ей пространные письма; некоторые из них становились публикациями на страницах русской периодической печати («Рафаэлева Мадонна», «Путешествие по Саксонской Швейцарии» и пр.).

В настоящий момент известно 65 писем Жуковского к Александре Федоровне за 1818–1852 гг. (часть из них уже опубликована в ПССиП. Т. 16. По указателю адресатов) и 19 писем и записок Александры Федоровны к Жуковскому (РО ИРЛИ. № 27904). 17 из них

опубликованы П.И. Бартеневым (см.: РА. 1897. № 4. С. 493–510) с примечанием: «С подлинников, хранящихся у сына его, Павла Васильевича и с его позволения, за которое приносим ему живейшую благодарность свою и читателей. П.Б.» (Там же. С. 493). Еще одна записка 1819 г. (из альбома РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 228) была опубликована А.Н. Веселовским в статье «Цвет завета» (Литературный вестник. 1903. Т. 5. Кн. 3. С. 299). Письмо от 15 апреля 1841 г., в котором сообщается о бракосочетании великого князя Александра Николаевича с принцессой Максимилианой Вильгельминой Августой Софией Марией Гессен-Дармштадтской (в православии Мария Александровна, 1824–1880), публикуется впервые.

Кристина Робертсон. Царица Александра Федоровна в красном. 1843

1

7/19 февраля 1818 г. Москва

Мне очень неприятно, что я не могу видить Вас, как обыкновенно, но *живописец* прийдит сегодня ко мне[1], потому вчера был (несогласие) недоразумение. Басни, «Лудмила», «Рыцарь Тоггенбург»[2] должен имети терпение даже завтру. Вы смеять ли на эту записочку?

Я позволю и прошу вам (вас), мне сказали завтра, как многи пороки я сделала.

Александра

19/7 февраля. 1818 год. Москва. Четверг.

2

22 июня 1819 г. Красное Село[1]

Den Grashalm, den wir lieben, nennen wir Ländlergras[2], weil in einem schönen Ort, bei einem schönen Abend, in einer schönen Zeit ich solche Halme an meine Gefährtinnen verteilt, während die lieblichen Töne eines geliebten Ländlers[3] uns schon an vergangene Tage mahnten, die aber nicht so reizend wie der gegenwärtige Augenblick waren. Es sollte nur ein Andenken eines Abends sein, aber seitdem gesellten sich viel Tausend andere Erinnerungen hinzu; der Krieg trennte uns Geschwister, da flogen von den blutigen Schlachtenfeldern solche Gräser zu den Geschwistern, und diese sandten wieder heimatliche Blätter den fernen Brüdern nach.

Nach der endlichen Wiedervereinigung freuten wir uns gemeinschaftlich das Gras zu pflücken. Jedes Frühjahr entstand eine Art Angst, wer das erste aufgeblühte entdecken würde, was dann eine der andern freudig mitteilte. Nicht der Krieg, aber andere Lebensverhältnisse rissen manche Blumen aus dem frohen Kreis der Geschwister und der Jugendgefährten, aber treu der alten Liebe sieht ein Jeder in seiner Gegend das zitternde Gräschen und sendet es den fernen Geliebten; und so trägt es nach jetzt den stillen Liebesgruβ von Norden nach Süden, von Süden nach Norden, und sagt ohne Worte, was Worte nicht sagen können[4].

Geschrieben in Krasnoi-selo, 6 Jahre nach der Stiftung des Ländlergrases, 2 Jahre nachdem ich meine Heimat verlassen, am 22 Juni 1819.

Перевод:

Травку, которую мы любим, мы зовем Ländlergras[2], потому что, когда я раздавала ее моим подругам, был чудесный вечер в прелестной местности, прелестное время, а между тем нежные звуки любимого Ländler'a[3] напоминали нам о прошлых днях, хотя и менее счастливых, чем настоящее мгновение. Травка должна была быть напоминанием одного лишь вечера, но с тех пор к ней присоединились тысячи других воспоминаний. Война разлучила нас, сестер и братьев, и тогда с полей битвы, залитых кровью, полетели к сестрам стебельки, а они посылали далеким братьям цветы родины; когда наконец мы снова были вместе, мы любили рвать эту травку и весной начинали тревожиться: кто из нас первым усмотрит распустившийся цветок, о чем потом радостно сообщали друг другу. Не война, а другие обстоятельства жизни вырвали несколько цветов из веселого круга братьев, сестер и товарищей юности, но, верные старой любви, каждый из нас ищет в своей стороне дрожащую былинку, чтобы послать ее далекому другу. Так и теперь она носит молчаливый привет любви с севера на юг, с юга на север и говорит без слов то, чего не выразить словами[4].

Писано в Красном Селе, 6 лет по установлении обычая Ländlergras'a, два года после того, как я покинула свою родину, 22 июня 1819 года.

3

29 ноября 1819 г. <Петербург>

Я очень несчастлива. Завтра мне совсем невозможно взять урок, потому что я буду танцовать нынче вечером во дворце.

Бала не было; теперь я еще несчастливее: мы в трауре[1], и вот на несколько недель[2] не будет ни бала, ни театра; но я надеюсь, что пятницы во дворце не расстроются.

Суббота, 29 ноября 1819 года.

4

<Около 9 декабря 1819 г. Петербург>

Я слышала, что Вы больны; это(го)[1] мне очень жаль, и я надеюсь, что Вы получше сегодня. Вы, верно, знаете, что наши дети были очень нездоровы[2]. Бедный Саша имел много жару, потому (от чего) он очень слаб; но, слава богу, теперь он весел, хотя не так, как прежде.

Нынче вечером будет собрание во дворец, первое как в Гачине, с горами и игрушками (играми), и прочее, и прочее. Как глупый(о), что Вы не можете приедить(хать). Милый голос ni jamais, ni toujours[*3] Вас просит. Прощайте, Василий Андреевич.

Сколько ошибок!!?!!?[4]

5

<1/13 января 1821 г. Берлин>

Мне очень жаль, что Вы нездоровы и что Вы не были вчера на бале, который весел очень был. Скажите мне, как Вы теперь, и был ли доктор у Вас. Я видела Гуфланда[1], но тогда я не знала, что Вы не будите для урока, и я не говорила с ним об Вас. Вот *Лалла Рук*, и *Пери*, и *Нурмаал*, и *Зелика*, и *Гинда*, которых я Вам посылаю для того, чтобы Вы имели приятных гостей в Вашем уединении[2]. Прощайте, Василий Андреевич. Мамзель Вильдермет[3] Вам кланяется.

А.

6

<Около 26 апреля / 8 мая 1821 г. Берлин>

Nous allons à 11 $^{1}/_{2}$ chez mad. Kleist pour entendre chanter plusieurs morceaux du *Messie*[1]. Elle vous a invité; faites moi dire si vous pourrez y venir. Comment vous allez aujourd'hui?

---

[*] Никогда и всегда (*фр.*).

Перевод:

В 11 $^{1}/_{2}$ мы идем к г-же Клейст слушать пение многих отрывков из *Мессии*[1]. Она Вас пригласила; сообщите мне, можете ли Вы прийти. Как Вы себя чувствуете сегодня?

7

19/31 июля 1821 г. Спа

Спа. 31/19 Юля. 1821

Я получила письмо Ваше в Веймаре, где я часто думала об Вас, особенно когда я познакомилась со вдовою и дочерью моего любимейшего стихотворца Шиллера, и когда я была в доме Гёте.

Как жаль, что Вы не со мною сделали путешествие по Рейне[1]; Вы лучше другого человека можете понимать моя счастие в ту время.

Здесь я получила два письма Ваша из Дрезден и из Карлсбада[2].

Описание Вашего путешествия по Саксонской Швейцарии и чувства Ваши при осмотре превосходных творений живописи мне очень понравились.

Теперь Вы, верно, в настоящей Швейцарии[3], где природа еще величественнее, чем в Саксонии и на Рейне; но я довольна тем, что видела; это для меня будет сокровищу для всей жизни мой. Когда Вы увидите в первый раз Нидервальд, ди Рохус-Капелле унд Бинген, тогда вспомните обо меня[4].

Спа вовсе не приятен, окресности не живописны, и общество очень малочиственно. Долина *Емса* узка, горы высоки, но весьма зеленый, и река довольно широка. Я там была очень счастлива. Батюшка мой и брат были там несколько дней, Фритц[5] также оставался в Спа всё время с нами; он и Николай Павлович Вам кланяются.

Мы выезжаем 5 августа (н.ст.) и едим Кобленц, где мы два дней останемся с Марией Павловной и Анна Павловна[6], и после прямо в Берлин через Кассель, где мы приедем 15 или 17/5 августа, и уже 29/17 августа я оставляю етую городу и мою фамилию!!!!!!†

Es muss aber geschieden werden*.

---

* Однако до́лжно проститься (*нем.*).

Прощайте, Василий Андреевич.

Александра

Василий Алексейвич[7] очень сердится на Вас.

8

13 апреля 1823 г. Петербург

Pétersbourg le 13 Avrile 1823

Varette[1] vous à déjà écrit que je vous priai de rester aussi longtemps à Dorpat que votre présence peut être nécessaire et servir de consolation. Sûrement, consolation n'est pas le mot, que j'aurais dû employer: pleurer ensemble n'est pas une consolation, mais un soulagement, une espèce de douceur dans la plus horrible douleur, qui ne peut véritablement finir qu'avec la vie[2].

Votre lettre m'a touché jusqu'aux larmes; je sens si bien tout ce que vous avez éprouvé, vous, après 10 jours d'absence, sans l'avoir vu ni souffrir, ni finir[3]. Il me semble dass dies das größte Unglück, das größte Schmerz ihres Lebens gewesen ist und immer bleiben wird. Das schöne ist dahin, das kommt nicht wieder[4].

La santé d'Alexandrine et de son enfant[5] n'ont pas souffert, à ce que Varette m'assure.

Ne ferez-vous point vos dévotions ensemble dans la semaine sainte? C'est pourtant le remède le plus efficace dans les peines de la vie; c'est dans le sein de la religion qu'on trouve seule cette *espérance* si nécessaire à nos coeurs à la mort d'un être bien aimé.

Vos amis de Berlin demandent de vos nouvelles; le sort de Loulou n'est point encore fixé; j'ai pris deux billets de lotterie pour Mutter Kleist et sa fille[6].

Nicolas me charge de vous faire ses compliments. Adieu; après Paques je vous reverrai, peut- être; ainsi déjà à Gatchina, si c'est au mois de mai.

***Перевод**:*

Варетта[1] Вам уже писала о том, что я просила Вас оставаться в Дерпте столько времени, сколько присутствие Ваше там необходимо и может служить утешением. Правда, утешение – это не то слово,

которое я должна бы употребить: потому что плакать вместе есть не утешение, а облегчение, чем-то сладостное в таком ужасном горе, которое может закончиться только вместе с жизнью[2].

Письмо Ваше тронуло меня до слез; я так живо чувствую всё, что Вы испытали – Вы, расставшийся с ней за 10 дней и не видевший ни ее страданий, ни ее кончины[3]. Мне кажется, что это есть – и навсегда останется – величайшим несчастьем, сильнейшей болью Вашей жизни. Прекрасное ушло и не вернется[4].

Как уверяет меня Варетта, здоровье Александрины и ее ребенка[5] не пострадало.

Не будете ли вы вместе говеть на Святой неделе? Ведь это самое действенное лекарство в житейских горестях; только в религии можно найти *надежду*, столь необходимую нашим сердцам, когда смерть уносит любимое существо.

Ваши берлинские друзья спрашивают о Вас; судьба Лулу еще не определилась; я взяла два билета лотереи в пользу мадам Клейст и ее дочери[6].

Николай поручает мне передать Вам его привет. Прощайте; после Пасхи я, может быть, снова увижу Вас – уже в Гатчине, если это будет в мае месяце.

9

<Октябрь 1823 г. Петербург>

Скороспостижено.

Я получила и читала Ваш*а*[1] письмо с большим удовольствием, особливо то, что Вы мне писали о Берлине[2]. Графиня Бранденб*и*рг и герцогиня Дессау обе мне говорили об Вашем посещении[3].

Ваша новыя ученица[4] дольжна быть очень мила, я только прошу Вас не совсем забыть Вашей старой. Поклонится от меня Шарлоте и скажите е*е*, что я много думаю о т*е*м врем*я*ни, когда она будет здесь моею сестрою и товарищем, на всю жизнь.

Саша нездоров с некотор*ом* врем*я*ни, и это нас беспоко*й*ло. Мария всё такая же милинькая и смешная шутиха как прежде. Ваша О*л*га очень здорова, мы очень довольны ею.

10

<Между 6/18 февраля 1822 г. и 24 июня 1825 г.>

Faites-moi le plaisir de vous intéresser pour le fils de mon valet de chambre Ienichew[1], qui désire être placé au Théatre Allemand de Pétersbourg[2], et parlez en, en mon nom, à monsieur Maikof.

Alexandrine

***Перевод**:*

Сделайте мне удовольствие, займитесь сыном моего камердинера Енишева[1], который желает поступить в Петербургский Немецкий театр[2], и поговорите о том от моего имени с господином Майковым.

Александра

11

<Август 1826 г. Москва>

Alexandre Nikolaevitz

Ce jeune prince ressemble beacoup à feu l'Emp<ereur> Alexandre. Il est passioné pour les exercices militaires. Il a pour instituteur principal m. Joukofsky, qui met tout son ambition à faire de son élève *un Russe* dans toute la force de ce mot. S'il réussit, comme tout l'annonce, à faire de ce jeune homme un véritable Moscovite, on peut prédire que la prophétie, faite par Napoléon sur le rocher de S-te Hélène, ne tardera pas à se vérifier, «qu'il règne en Russie un czar à barbe, et toute l'Europe est à lui».

***Перевод**:*

Александр Николаевич

Этот юный князь очень похож на покойного императора Александра. У него страсть к военным упражнениям. Главный воспитатель его – г. Жуковский, который всё свое честолюбие полагает в том, чтобы из воспитанника своего сделать *русского* в полном смысле этого слова. Если, как всё это предвещает, ему удастся сделать из

этого юноши настоящего москвича, то можно предсказать, что пророчество Наполеона, произнесенное на скале острова Святой Елены, не замедлит исполниться: «да будет в России царь с бородой, и вся Европа ему подвластна».

12

31 августа 1826 г. Москва

Moskou, à la villa Orlova[1], ce 31 Août 26

Il me faut absolument écrire pourtant une fois à notre cher Жуковский, à cet ami véritable, qui prend un intérêt si vrai à tout ce qui arrive à la famille Anitchkoff[2]. Je me parais si ingrate à mes yeux de ce que je n'ai pas répondu plutôt à vos bonnes lettres[3]. C'est avec tant de plaisir que j'ai vu par vos lettres d'Ems que les eaux vous faisaient du bien[4]; je suis impatiente maintenant d'avoir de vos nouvelles d'Egra, ce qui décidera de votre hiver[5]. Que ni *vous*, ni la *Wildermeth*[6], ni *Cécile*[7], ces coeurs fidèles, n'ont pu assister à notre couronnement, me fera de la peine toute ma vie. C'était une cérémonie non seulement auguste, mais touchante au-delà de toute expression. Cela ne peut se rendre: il a fallu en être témoin, car tous les étrangers et les indifférents ont été saisis et entraînés par le *singulier* de ce couronnement. L'Empereur et nous tous, qui avions dû passer par tant d'angoisses avant de parvenir à ce terme; le frère *aîné*, qui assistait son frère cadet sur le trône, sur lequel il aurait dû être placé selon toutes les loix humaines[8] et qui à côté de lui se comportait avec une simplicité et une modestie sans ostentation, qui est je crois, unique dans l'histoire. Tout mon être s'élevait vers Dieu, mille sentiments confus remplissaient mon âme d'une félicité douce, mais mélancolique; je ne saurai le rendre autrement. Cela restera à jamais une journée mémorable dans ma vie! Et j'aurais désiré que ceux que j'aime et qui me comprennent eussent assistés à cette ceremonie. Mon frère Charles[9] était là, comme le représentant de toute ma famille; il était bien saisi, mais il a pensé, Dieu sait pourquoi, à Lalla-Rookh[10].

Саша pleura amèrement pour ce trône, où il sera couronné *un jour*, et j'ai prié Dieu de ne pas me *laisser voir ce jour*! Maman, qui voit un troisième couronnement![11] C'est bien là, un malheur! Mary[12] a versé des larmes de loin, en me voyant à genoux devant l'Empereur, qui posa la couronne sur ma pauvre tête!! Ce Kremlin éblouissant pendant la journée

la plus pure, retentissant des cris d'enthousiasme de cet exellent peuple russe! C'était beau! Mais il aurait fallu le voire vous-même. Peut être qu'un poête voit avec l'âme intérieurement aussi distinctement qu'avec les yeux.

Mary, jouant dans ma chambre, me charge de ses compliments pour vous. Que vous n'ayez pas non plus pu jouir de la joie que la vue de ce cher enfant produit partout où il ce montre dans sa ville natale[13]. Il c'est beaucoup fortifié encore dans cette charmante habitation de la comtesse Orloff; l'air est si pur, si sain ici. J'en ai bien senti l'influence salutaire sur mon faible corps, affaibli par toutes les angoisses mortelles du 14 déc<embre> et du 13 juillet![14] Il y a de quoi, il faut l'avouer. Moi, qui ne vous ai pas écrit depuis la mort de Karamsine![15] L'Empereur sent vivement sa perte, il dit que personne ne le remplacera jamais. S'était *l'amour pur du bien*, qui guidait toutes les actions de cet homme exrtaordinaire par sa simplicité[16].

Je n'ai vu Dmitrief[17] qu'aux grandes présentations.

Maitenant les fêtes commencent; demain un grand bal masqué. Je ne sais comment mes forces suffiront à ces fatigues. Mais depuis que j'ai supporté si heureusement le jour de couronnement, je suis comme débarassée d'un grand poids, et le reste me paraît une bagatelle.

Les études vont bien; autant que j'ai vu, de mr Gilles[18], il me plaît. À Sarsko-Selo j'assistai quelquefois aux leçons, mais ici j'ai dû *végéter*, et je passe ma journée assise sur un balcon, buvant du lait d'ânesse, lisant ou travaillant, mais éloignée de toute agitation et présentation.

L'Empereur vous dit mille choses et vous prie de soigner votre santé.

Vous aurez à me conter bien des choses intéressantes de votre voyage, de vos connaissances.

J'adresse cette lettre à Berlin; bientôt vous devez vous y trouver.

Adieu, pensez à moi à Berlin, saluez la Kleist, la Wildermeth, les Gneisenau[19] et revenez chez nous, s'il peut[20].

Александра

Перевод:

Москва, дача Орловой[1], 31 августа 26

Мне непременно нужно написать нашему доброму Жуковскому, этому истинному другу, который так близко к сердцу принимает всё

то, что касается Аничковской семьи[2]. Я сама себе кажусь такой неблагодарной из-за того, что не отвечала на Ваши милые письма[3]. С большим удовольствием я узнала из Ваших эмсских писем, что воды Вам помогают[4]; теперь я с нетерпением желаю узнать Ваши новости из Эгры, которые решат Вашу зиму[5]. То, что ни *Вы*, ни *Вильдермет*[6], ни *Сесиль*[7], эти столь верные сердца, не могли присутствовать на нашей коронации, будет печалить меня всю жизнь. Церемония эта была не только величественна, но и невыразимо *трогательна*. Этого невозможно передать словами: надо было самому быть свидетелем ее, потому что даже все непричастные и безразличные были захвачены и увлечены *особенностью* этой коронации. Государь и все мы, пережившие столько ужасов, прежде чем дожили до этого дня; стоявший у трона младшего брата *старший* брат – у трона, на который по всем законам Божеским и человеческим должен был воссесть он сам[8]: однако в его поведении не было ничего показного, он держался с такими простотой и скромностью, которые, как мне кажется, не имеют себе подобных в истории. Я всем своим существом возносилась к Богу; тысячи смутных ощущений наполняли мою душу сладостным, но каким-то меланхолическим блаженством; иначе я не умею выразить это чувство. Этот день останется навсегда памятным в моей жизни! И я бы так желала, чтобы те, кого я люблю и кто меня понимает, присутствовали при этой церемонии. Мой брат Карл[9] был тут в качестве представителя всей моей семьи; он был очень взволнован, но бог знает почему думал о Лалла Рук[10].

Саша горько плакал об этом троне, на котором он *некогда* будет коронован, а я молила Бога не *дать мне увидеть этот день*! Императрица-мать видит уже третью коронацию![11] Какое же это несчастье! Мари[12] издали проливала слезы, видя меня на коленях перед императором, возлагавшим корону на мою бедную голову!! Этот Кремль, такой ослепительный в самый ясный день, гремящий криками восторга этого чудесного русского народа! Это было прекрасно! Вы непременно должны были видеть это. Однако, быть может, поэт видит духовным взором так же ясно, как и глазами.

Мари, играющая в моей комнате, просит меня передать Вам ее привет. Как жаль, что Вы не могли видеть той радости, которую повсюду производило появление нашего дорогого сына в городе, где он родился[13]. Он очень окреп в этом очаровательном жилище графини Орловой; воздух здесь такой чистый, такой здоровый. Я сама

испытала его целебное влияние на мое слабое тело, разбитое смертельными ужасами 14 декабря и 13 июля![14] И, надо признать, было от чего. Я не писала Вам со дня смерти Карамзина![15] Государь живо чувствует его потерю; он говорит, что его никто никогда не заменит. *Чистая любовь к добру* руководила всеми действиями этого необыкновенного по своей простоте человека[16].

Я видала Дмитриева[17] только на больших приемах.

Теперь начинаются празднества: завтра будет большой бал-маскарад. Я не знаю, хватит ли мне сил на все эти утомительные дни. Но с тех пор как я столь счастливо перенесла день коронации, я чувствую себя, как если бы я сбросила большую тяжесть, и всё остальное мне кажется уже мелочью.

Уроки г-на Жиля[18] идут хорошо, насколько я вижу, он мне нравится. В Царском Селе я несколько раз присутствовала на уроках, но здесь я должна вести *растительную жизнь*, и я провожу дни, сидя на балконе, пью ослиное молоко или читаю или работаю в отдалении от всяких волнений и приемов.

Государь посылает Вам тысячу приветов и просит Вас беречь свое здоровье.

Вы расскажете мне много интересного о Вашем путешествии и о Ваших знакомствах.

Я адресую это письмо в Берлин; Вы скоро там будете.

Прощайте, вспоминайте меня в Берлине, поклонитесь г-же Клейст, г-же Вильдермет, г-дам Гнейзенау[19] и, если Вам позволят, возвращайтесь к нам[20].

Александра

13

30 августа 1827 г. Елагин

Elagin, le 30 Août 27

Je désire que vous trouviez quelque mots de ma main à Berlin[1], pour que mon souvenir vous soit bien présent dans ce cher endroit et pourqu'à votre arrivée ici vous me revoyez avec bonté: car j'ai beaucoup à me reprocher de vous avoir écrit si peu. Je vous fais un peu éprouver ce que vous donniez si souvent à sentir à vos amis de Berlin. Vous y verrez, je

suppose, mad<ame> Voeykoff et serez effrayé de sa terrible mine[2]. Que Dieu lui fasse retrouver sa santé et la conserve à ses enfants!

Depiuis la mort de votre ami vous ne m'avez plus écrit[3]. C'était un terrible coup et pour vous, et pour son pauvre frère[4]; votre santé en aurait éprouvé un violent secousse, et Ems aura eu beaucoup à faire pour vous remettre.

Vous trouvez encore la bonne Wildermeth chez moi, mais je crains qu'elle devra me quitter pour l'hiver[5].

Саша a célebré hier son jour de nom[6], jour si cher par les souvenirs de celui, qui portait le même nom[7]. Il y a aujourd'hui deux ans que je le vis pour la dernière fois sur cette terre.

Саша a pour première fois accompagné son père à Nevsky; après cela il a joué toute la journée au jardin avec 20 cadets, choisis pour bonne conduite et jolies tournures.

Vous arrivez pour le temps de l'exposition à Berlin; si un tableau vous plaît particulièrement et si vous croyez qu'il en vaille la peine, je vous prie de l'acheter: un beau Friedrich ou Schinkel ou ce que vous voulez[8]. Le prince royal pourra guider votre choix[9].

Adieu, mon bon et cher Joukoffsky. Revenez bientôt, vous serez reçu par nous tous comme un membre de la petite famille d'Anitchkoff.

Александра

Перевод:

Елагин, 30 августа 27

Мне хочется, чтобы Вы нашли в Берлине несколько слов, написанных моею рукой[1] для того, чтобы Вы вспомнили обо мне в этом дорогом для меня месте и чтобы по возвращении Вы были бы ко мне добрее: мне есть в чем себя упрекнуть – я так мало писала Вам. И еще я немного даю Вам почувствовать то же, что Вы так часто давали чувствовать своим берлинским друзьям. Предполагаю, что Вы увидите там г-жу Воейкову, которая испугает Вас своим ужасным видом[2]. Да исцелит ее Господь и сохранит для ее детей!

Со смерти Вашего друга Вы мне больше уже не писали[3]. Это был страшный удар для Вас и для его несчастного брата[4]; здоровье Ваше должно было испытать сильный удар, и Эмсу нужно очень постараться восстановить его.

Вы еще найдете у меня нашу добрую Вильдермет, но я боюсь, что зимой она должна будет покинуть меня[5].

Вчера Саша отпраздновал день своего ангела[6] – день столь драгоценный по воспоминаниям о том, кто носил это имя[7]. Сегодня исполнилось два года с тех пор, как я в последний раз видела его на этом свете.

Саша в первый раз сопровождал отца в Невскую <Лавру>; после этого он целый день играл в саду с двадцатью кадетами, выбранными за хорошее поведение и приятные манеры.

Вы приедете в Берлин ко времени выставки; если какая-нибудь картина Вам особенно понравится и Вы найдете ее достойной, я прошу Вас ее купить: хорошего Фридриха, или Шинкеля, или что сами захотите[8]. Кронпринц[9] может помочь Вам с выбором.

Прощайте, мой дорогой и милый Жуковский. Возвращайтесь скорее; мы все примем Вас как члена нашей маленькой Аничковской семьи.

Александра

14

<Начало апреля (не позже 18) 1829 г. Петербург>

Je voulais vous parler de ce papier et vous prier de le traduire en russe, pourqu'on pût le montrer à un prêtre. Vous aurez peut-être des idées plus heureuses encore, et alors vous pourrez ajouter quelques pensées. À Dorpat vous trouverez, peut-être, le temps de vous en occuper. Adieu, bon voyage.

A.

Je désirerais que les leçons de la religion commencent *chaque fois* aux instituts des demoiselles par une prière, tenue par le prêtre lui-même à haute voix. Cela ne devait jamais être la même prière, ni les mêmes paroles; mais le fond de la prière doit toujours être le même, celui d'invoquer l'assistance de Dieu pour qu'il permette à Son serviteur d'enseigner dignement la sainte religion, pour qu'Il donne à ses paroles la douce puissance de pénétrer jusqu'aux coeurs de ses jeunes écolières, pour que ses paroles mettent le germe dans leurs âmes, qui, tout petit au commencement, produira dans la suite un grand arbre, sous l'ombre duquel on trouvera un refuge contre les dangers et les chagrins de ce

monde. Après la prière, l'instruction, qui suivra, ne doit être sèche et froide. Excepté l'explication de la liturgie et le catéchisme proprement dit, qu'elles doivent apprendre par coeur, le reste d'instruction doit être basé sur l'Écriture Sainte elle-même.

Je désirerais aussi qu'elles apprennent plusieurs passages de la Bible, tous par coeur, qui chaque fois auparavant doivent leur être expliqués. Ces passages formeront comme un trésor dans leur mémoire, dans lequel elles pourront puiser dans bien des occasions[1].

Перевод:

Я хотела поговорить с Вами об этой бумаге и попросить Вас перевести ее на русский язык, чтобы можно было показать ее священнику. У Вас, может быть, появятся более счастливые соображения, и тогда Вы можете прибавить какие-нибудь мысли. Возможно, в Дерпте Вы найдете время заняться ею. Прощайте, счастливого пути!

А.

Мне бы хотелось, чтобы урок закона Божия в женских институтах *каждый раз* начинался с молитвы, вслух произносимой священником. Это не должна быть всегда одна и та же молитва, одни и те же слова; но смысл ее должен быть всегда один и тот же: призывание Бога на помощь, да благословит Он служителя Своего достойно учить святой вере, да дарует Он слову его благую власть проникать во глубину сердец его юных воспитанниц и пускать свои ростки в их душах – сначала еле заметные, но могущие потом разрастись большими деревьями, под сенью которых можно найти убежище от опасностей и скорбей мира сего. Следующее за такой молитвой наставление не должно быть ни сухо, ни холодно. Они должны выучивать наизусть только объяснение литургии и катехизис; всё остальное должно быть основано собственно на Священном Писании.

Мне бы хотелось также, чтобы они выучивали наизусть больше текстов из Библии, которые прежде того надобно им каждый раз объяснять. Тексты эти образуют как бы сокровищницу в их памяти, из которой они во многих случаях могли бы черпать[1].

15

8 февраля 1833 г. Петербург

P<étersbourg> ce 8 Février 1833

Depuis longtemps j'ai voulu vous écrire, répondre à votre lettre à l'occasion de la naissance de mon enfant[1], qui a eu le bon esprit d'être un petit garçon[2], à la grande surprise de tout le monde. Votre lettre et celle à Sacha[3]) peint votre joie et vos inquiétudes avant la bonne nouvelle, ce que ne m'étonne pas; car je connais trop bien votre amitié pour moi, vos sentiments qui vous lient à nous tous et vous identifient à nos joies, comme à nos peines. Oui! Ceci étaient bien de la joie et en reste une et me pénétre de bonheur de succès d'avoir 4 fils[4]: bonheur bien doux maintenant, bien grave pour l'avenir, quand on pense à ce que ces 4 grands-ducs de Russie doivent devenir un jour être dignes de leur patrie, du nom de Russe, et pour justifier la joie qui entoura leurs berceaux.

La bonne Wildermeth m'a envoyé une de vos lettres à elle[5]. Ne nommez pas cela une indiscrétion, car elle m'a beaucoup intéressé, cette lettre; par là je connais votre genre de vie. Je me représente votre maison, votre ménage, je vous suis à vos occupations (qui me paraissent durer trop d'heures de suite, ce que pour un malade comme vous le force à être trop assis), j'entends les cries de la demi-douzaine d'enfants, qui vous entoure, je jouis surtout de vos promenades, de la belle nature, du doux climat dans votre vallon[6], tandisque le reste de la Suisse gèle et se tourmente par les *ouragans* de la saison et la maladie morale de notre siècle.

Notre excellent Merder va bientôt nous quitter[7]; vous sentez quel chagrin cela sera pour votre Alexandre et pour nous tous. Je trouve l'état de sa santé bien alarmant; je ne crois pas trop à ce que les médecins disent. Dieu donne que je me trompe! Oh, que je serais heureuse de me tromper.

Soignez vous doublement, mon cher Joukofsky, et ne hâtez en rien votre cure, pour qu'elle soit véritablement utile; vous vous rencontrerez sûrement quelque part au Carl Carlovitz. On est fort content de Sasha, qui se prépare à son examen devant son père. Il est considérablement plus grand que moi, ce qui me rend glorieuse tout en me vieillissant.

Mary et Oli vous disent mille choses. Adini[8] vous fait dire «que Passek[9] est si gros qu'il ne peut plus sauter sur les chaises»; ce sont ses propres paroles que je vous mande avec ses compliments.

Adieu. Il est temps que je vous quitte. Ne m'oubliez pas, écrivez-moi et soignez-vous, mon cher Joukofsky, car vous êtes bien nésessaire.

Alexandra

Перевод:

П<етербург> 8 февраля 1833

Давно хотела я написать Вам в ответ на Ваше письмо по случаю рождения моего ребенка[1], который к всеобщему изумлению соизволил появиться на свет маленьким мальчиком[2]. Ваше письмо ко мне (а также письмо к Саше[3]) изображает Вашу радость и Ваши тревоги до получения доброй вести, и это меня не удивляет; я слишком хорошо знаю Вашу дружбу ко мне, чувства, которые связывают Вас со всеми нами и приобщают Вас к нашим радостям и горестям. Да! Это действительно была радость, и она останется таковою, меня переполняет счастье иметь четырех сыновей[4]: пока это счастье только сладостное, в будущем оно станет очень серьезным, когда подумаешь о том, чем однажды должны стать эти четыре русских великих князя, чтобы быть достойными и своего отечества, и имени русского, чтобы не обмануть той радости, которая окружала их колыбели.

Добрая Вильдермет прислала мне одно из Ваших писем к ней[5]. Не называйте это нескромностью: Ваше письмо мне было очень интересно: из него я знаю Ваш образ жизни. Я представляю себе Ваш дом, Ваше хозяйство, я следую за Вами в Ваших занятиях (которые, как мне кажется, длятся слишком много часов подряд, принуждая Вас, больного, подолгу сидеть), я слышу гомон полудюжины детишек, Вас окружающих, но больше всего я наслаждаюсь Вашими прогулками, прекрасной природой, мягким климатом Вашей долины[6] – в то время, как остальная Швейцария замерзает и мучается от сезонных ураганов и моральной болезни нашего века.

Наш чудный Мёрдер скоро нас покинет[7]; Вы чувствуете, каким горем это будет для Вашего Александра и для всех нас. Я нахожу состояние его здоровья поистине угрожающим; я не особенно верю тому, что говорят доктора. Дай бог, чтобы я ошибалась! О, как буду я счастлива, если ошибусь!

Берегите себя вдвойне, дорогой мой Жуковский, и ни в коем случае не торопите Вашего лечения: надобно, чтобы оно было дей-

ствительно полезно; Вы, конечно, где-нибудь встретитесь с Карлом Карловичем. Сашею очень довольны: он готовится к экзамену перед своим отцом. Он решительно выше меня ростом – я этим горжусь, хотя это меня и старит.

Мери и Оли посылают Вам тысячу приветствий. Адини[8] просит Вам сказать, что «Пассек[9] так толст, что не может скакать на стульях»; это ее собственные слова, которые я передаю Вам вместе с ее приветствием.

Прощайте. Мне пора оставить Вас. Не забывайте меня, пишите мне и берегите себя, мой милый Жуковский, поскольку Вы нам решительно необходимы.

Александра

16

31 декабря 1837 г. Петербург

Vingt années de révolue, mon cher Joukofsky, depuis que nous nous connaissons; je tenais à vous offrir une marque de mon souvenir reconnaissant, et voisi mon portrait qui vous demande hospitalité. C'est une bonne partie de la vie que vingt années; aussi cela ne peut être qu'avec émotion, qu'on regarde ceux, qui ont passé près de nous et avec nous, ce passé, qui est passé pour toujours, mais qui, avec ces événements tristes ou heureux, s'est gravée dans la mémoire de ceux qui ont la mémoire du coeur. N'est-ce pas vous, qui connaissez ma manière de penser, vous savez si je suis sincère? Ainsi, quand je vous parle de ma *reconnaissance*, c'est que je dis vrai.

Alexandra

Pétersbourg, ce 31 Decembre 1837.

Перевод:

Двадцать лет минуло, дорогой мой Жуковский, с тех пор как мы узнали друг друга; я хочу вручить Вам знак моей признательной памяти, и вот Вам мой портрет, который просит Вашего гостеприимства. Двадцать лет – немалая часть жизни; поэтому нельзя смотреть без волнения на тех, кто прожил эти годы с нами и около нас; годы эти прошли, и прошли навсегда, но со всеми их горестями и радостями они запечатлены в памяти тех, кто одарен памятью сердца.

Вам ли, знающему мой образ мыслей, не знать, что я искренна? Итак, если я говорю о моей *благодарности* Вам, я говорю правду.

Александра

Петербург, 31 декабря 1837.

17*

15 апреля 1841 г. <Петербург>

Quoique vous en ayez assez peut-être de nos vieilles figures, il faut pourtant que vous les acceptiez encore une fois à une occasion si solennelle que celle du mariage de notre fils[1] car ces deux portraits[2] doivent vous rappeler deux êtres qui aiment à vous compter parmi leurs amis les plus fidèles, les plus dévoués, qui vous rendent bien par une amitié sincère; qui ne finira que par la mort. Je suis touchée en vous écrivant cela, car ce ne sont pas des phrases, mais c'est la vérité même.

Signé: *Alexandra*

15 Avril 1841.

Амен[3].

Подписано: *Николай*

Перевод:

Хотя у Вас, верно, довольно наших старых портретов, тем не менее примите их еще раз по такому торжественному случаю, как бракосочетание нашего сына[1], потому что эти два портрета[2] напомнят Вам о двух существах, любящих считать Вас одним из своих самых верных, самых преданных друзей, желающих Вам добра с чувством искренней дружбы, которая исчезнет только со смертью. Я растрогана, когда пишу Вам это, потому что это не просто слова – это сама истина.

Подпись: *Александра*

15 апреля 1841.

18

12/24 марта 1842 г. Петербург

St. Pétersbourg, ce 12/24 Mars 1842

Si vous n'êtes pas horriblement fâché contre moi, mon cher Joukofsky, vous montrez plus de générosité et de grandeur d'âme que je

n'en mérite. Mais d'un autre coté, vous me connaissez trop bien, pour douter un instant de moi, et pour ne pas vous dire «*Elle se tait, mais elle n'oublie pas*». Не правда ли? мой старый друг Василий Андреевич меня слишком хорошо знает и слишком долго.

Voilà que vous et moi, nous célébrons nos *leçon d'argent* au mois de septembre, je crois[1]. 25 ans!!! Mon Dieu, c'est la vie entière cela!

J'ai à vous remercier de plusieurs bonnes, mais courtes lettres[2], pour un charmant cadeau – le livre de prières avec ornements[3], qui m'a enchanté et pour lequel je ne puis assez vous dire merci.

Je sais que vous avez vu mon frère le roi Fritz[4] et qu'il vous a traité avec la même vieille amitié comme toujours. Je voudrais savoir comment va la santé de votre femme et s'il n'y a pas de Festungen?[5]

Notre gentille Цесаревна[6] sera bientôt à la moitié de sa grossesse. Sasha est bien heureux de la voir ainsi, et tous les deux attendent avec des battemants de coeur, mais avec confience en Dieu, le moment dècisif au mois d'août. Et vous ne serez pas là pour chanter l'enfant de *celui* que vous avez chanté à son *entrée* dans la vie![7]

Êtes-vous paresseux? Je suis sûre que oui, et je prie votre femme de vous gronder pour cela. Quoique ce soit un repos sur vos lauriés, c'est pourtant dommage de vous endormir trop tôt[8]. Que lisez-vous ensemble? Comment votre journée se passe-t-elle, comment en est la distribution?[9]

Ma santé s'est soutenue assez bien cette hiver, qui était étonnamment doux et gai, ce qui convient mieux à ma constitution que les froids secs. Alexandre est bien occupé. Il ne perd pas son temps celui-là, grace à son père, qui ne fait et n'entreprend rien, pour ainsi dire, sans l'en instruire, le consulter ou le mettant dans les comités exécutifs et délibérants. Constantin apprend que c'est un honneur, et les petits commencent ainsi à se donner plus de peine[10].

Il faut finir. Adieu donc, mon cher Василий Андреевич. Soyez heureux autant que je vous le désire et pensez à vos amis absents, à vos amis russes.

A.

Перевод:

Санкт-Петербург, 12/24 марта 1842

Если Вы не очень сердитесь на меня, мой милый Жуковский, то этим Вы показываете больше великодушия и величия души, чем я

заслуживаю. Но с другой стороны, Вы слишком хорошо меня знаете, чтобы не усомниться во мне ни на мгновение, чтобы не сказать себе: «*Она молчит, но не забывает*». Не правда ли? мой старый друг Василий Андреевич меня слишком хорошо знает и слишком долго.

И вот мы с Вами празднуем *серебряный юбилей наших уроков* – в сентябре, как кажется[1]. 25 лет! Боже мой, да ведь это целая жизнь!

Я должна Вас поблагодарить за многие, хотя и коротенькие, письма[2] и за очаровательный подарок – молитвенник с украшениями[3], который меня восхитил и за который не нахожу слов поблагодарить Вас.

Знаю, что Вы виделись с моим братом, королем Фридрихом[4], и что он отнесся к Вам с тем же по-прежнему дружеским расположением. Я хотела бы знать, как здоровье Вашей жены и не беременна ли она?[5]

Наша милая Цесаревна[6] скоро будет на середине своей беременности. Саша очень счастлив видеть ее в этом положении, и оба с замиранием сердца и упованием на Бога ожидают решительного момента в августе месяце. А Вас не будет рядом, чтобы воспеть дитя *того*, кого Вы некогда воспели при его *явлении на свет*![7]

Не ленитесь ли Вы? Я уверена, что да, и прошу Вашу жену побранить Вас за это. Хоть Вы и отдыхаете на лаврах, но всё же жаль, что Вы слишком рано на них почили[8]. Что Вы читаете вместе? Как проходит Ваш день, какой у Вас распорядок?[9]

Мое здоровье довольно хорошо выдержало эту зиму, которая была на удивление мягкой и веселой, что гораздо лучше соответствует моей конституции, чем сухие морозы. Александр очень занят; он не теряет времени благодаря своему отцу, который ничего без него не делает и не предпринимает: он, так сказать, дает ему советы и наставления, или назначает его в исполнительные и совещательные комитеты. Константин начинает понимать, что это честь, и маленькие тоже начинают трудиться более упорно[10].

Пора мне закончить. Итак, прощайте, мой милый Василий Андреевич. Будьте счастливы так, как я Вам того желаю, и вспоминайте Ваших далеких русских друзей.

А.

19

21 ноября / 3 декабря 1842 г. Петербург

1842. Pétersbourg, ce 21 Nov<ebre> /3 Dec<embre>

Je me réjouis, je remercie Dieu avec vous. Je félicite le nouveau père et la jeune maman![1] Oh, wie glückselig muss die Mutter sein! Mon cher Василий Андреевич, vous savez donc maintenant par vous-même ce que c'est le первый крик младенца. Vous l'avez chanté le 17 Avril 1818, et la *même année* que cet enfant d'alors a eu son premier enfant, vous aussi, vous avez pressé sur votre coeur votre premier enfant. Voilà de bien singuliers approchements! Il y a 4 ans de cela qu'une prophétie pareille vous aurait paru fabuleuse. Adieu, adieu!

Merci de ce que votre fille se nomme Alexandra![3]

Перевод:

1842. Петербург, 21 ноября / 3 декабря.

Я радуюсь, я благодарю Бога вместе с Вами. Поздравляю нового отца и молодую мать[1]. О, как блаженна должна быть мать! Мой милый Василий Андреевич, теперь Вы сами знаете, что это такое – первый крик младенца. Вы его воспели 17 апреля 1818 г., и *в тот же год*, как прежний младенец впервые стал отцом, Вы прижали к сердцу Вашего первого ребенка[2]. Вот поистине удивительные совпадения! Четыре года тому назад подобное пророчество показалось бы Вам невероятным. С Богом, с Богом!

Благодарю за то, что Вы назвали дочь Александрой![3]

ВЕЛИКАЯ ГЕРЦОГИНЯ САКСЕН-ВЕЙМАР-ЭЙЗЕНАХСКАЯ МАРИЯ ПАВЛОВНА

Мария Павловна (в замуж. великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская, 1786–1859), великая княжна, дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны. 23 июля 1804 г. в Санкт-Петербурге она сочеталась браком с наследным принцем Саксен-Веймарским Карлом Фридрихом, сыном великого герцога Карла Августа и принцессы Луизы Августы Гессен-Дармштадтской. Супруги приходились друг другу четвероюродными братом и сестрой (являлись праправнуками прусского короля Фридриха Вильгельма I и его жены Софии Шарлотты Ганноверской). Одаренная природным умом, большими способностями к живописи и музыке и любовью к чтению, Мария Павловна в первые годы замужества во многом пополнила своё образование беседами с выдающимися людьми и уроками у профессоров Иенского университета. Когда ее муж стал великим герцогом, Мария Павловна приняла на себя покровительство наукам и искусствам. Ее трудами создан музей, посвященный памяти Гёте, Шиллера, Виланда и Гердера, прославивших Веймар своей литературной деятельностью. В пристроенной к старому дворцу новой части были выделены покои, получившее название Dichtersale – «Залы поэтов». Каждый из покоев был посвящен одному из четырех поэтов. А на лестнице, ведущей в эти комнаты, стояли бюсты людей, в своё время способствовавших славе Веймара: художника Лукаса Кранаха, композитора Иоганна Себастьяна Баха. Гёте, принадлежавший к числу друзей Марии Павловны, называл ее одной из лучших и наиболее выдающихся женщин своего времени. Уже взойдя на герцогский престол, она устраивала при дворе литературные вечера (это был знаменитый на всю Европу «веймарский кружок»), на которых йенские профессора читали лекции. Мария Павловна занималась также благотворительностью по примеру своей матери, императрицы Марии Федоровны.

Личное знакомство Жуковского с великой герцогиней состоялось 17/29 октября 1821 г., когда он впервые посетил Веймар (ПССиП. Т. 13. С. 232). С тех пор при каждом новом посещении Германии поэт старался встретиться с Марией Павловной (см.: ПССиП. Т. 13–14 по указателю имен). В настоящий момент известны 6 писем Жуковского к Марии Павловне (5 из них опубликованы Ю. Архиповым: Москва. 1996. № 6. С. 160–164) и 5 ее писем к Жуковскому. Это эпистолярное общение дополнялось перепиской с другими веймарскими друзьями, Ф. фон Мюллером, Ю. и К. Эглоффштейн, А. фон Мальтицем, через которых он узнавал новости о великой герцогине и передавал ей приветы и подарки.

Джордж Доу. Портрет великой княгини Марии Павловны. 1822

1*

17/29 декабря 1828 г. Веймар

Василий Андреевич! Присланные при письме Вашем от 14-го ноября стихи на кончину ее императорского величества Марии Федоровны[1], любезнейшей родительницы моей, я получила.

Извиняюсь перед Вами, что я не в силах отвечать Вам собственноручно, не менее того желаю Вам изъявить сколь для меня приятно[2] встречать глубокое чувство достоинств незабвенной матери моей в сердцах верных россиян, а равно и в Вашем; я искренно благодарю Вас за доставленные ко мне трогательные строчки и за внимание, оказанное мне при несчастнейшем сем случае; продолжение такового расположения я сочту всегда для себя особенным удовольствием, а с своей стороны могу Вас уверить в несомненном уважении[3], с каковым навсегда пребываю вам доброжелательная

Мария

Веймар.
Декабря 17-го/29 дня 1828 года
Г-ну к<оллежскому> с<оветнику> В.А. Жуковскому

2

1/13 февраля 1848 г. Веймар

Веймар. 1-го/13 февраля 1848 года

Василий Андреевич! Получив письмо Ваше с приложением бронзового медальона[1], я изъявляю Вам мою благодарность за готовность, с которой Вы исполнили желание мое. Для меня, сохраняющей любовь к отечественной литературе и ценящей в полной мере труды посвятивших себя оной с такими успехами, Вы заслуживаете место и там, где, по словам Вашим, *властвуют* образы Гёте и Шиллера, как по Вашим трудам, так и по скромности[2].

Я понимаю расположение души Вашей, обратившейся к высшему. Кто из нас в зрелых летах не покидает привидения молодости? Но вместе с истинным удовлетворением встречаю чувства, сообразные с моими в воспоминании прошлых лет, в памяти любезных сердцу моему родных[3].

Вы видите, что я, отдавая справедливость заслугам Вашим и назначая Вам надлежащее место под кровлею моею, поступаю не совсем бескорыстно; потому что черты Ваши будут всегда напоминать мне автора, которого я читала с удовольствием и в чувствах привязанности которого ко всему дому моему я несомненно уверена.

Примите изъявление особенного уважения, с каковым пребываю Вам доброжелательная

Мария

3

1/13 июня 1848 г. Веймар

Веймар. 1-го/13 июня 1848-го года

Василий Андреевич! Получив с истинным удовольствием письмо Ваше с приложением двух томов последнего издания Ваших сочинений[1], принимаю оные с благодарностью за внимание Ваше. Конечно, Вам судьба даровала большое преимущество перед большею частью Ваших современников: они, будучи завлекаемы дневными происшествиями, в положении затруднительном и в скорбном расположении духа, не могут, как Вы, предавшись по произволу воображению, удалиться в ту счастливую страну, где господствуют одни изящные призраки оного и тишина, недостигаемая житейскими бурями. Но мы не менее того признательны поэту; потому что и мы, следуя его вдохновению, временно разделяем его наслаждения.

Вы справедливо замечаете, что и меня коснулась печаль в приближенных моему сердцу[2], и, несомненно, прибежищем моим всегда будет одна вера и упование на Провидение, ведущее нас часто темными путями к благой цели.

Принимая искреннее участие в болезни супруги Вашей, желаю от всего сердца, чтобы она нашла исцеление от благотворительных вод Эмса[3] и чтобы они и Вам принесли желаемую пользу. Мне бы приятно было увидеть Вас с супругой в нашем городе на обратном пути Вашем в Россию, если возможно. Что же касается до моего к Вам расположения, Вы можете быть уверены, что я охотно повторяю изъявления особенного уважения, с каковым пребываю Вам доброжелательная

Мария

4

2/14 февраля 1849 г. Веймар

Веймар. 2-го/14 февраля 1849-го года

Василий Андреевич! Барон Мальтиц[1], вручив мне на днях последнее издание собрания Ваших творений[2] от имени Вашего, причинил мне большое удовольствие. Развернув четвертый том оного, я прочла в первый раз мастерское преложение Биргеровой баллады «Ленора» и была поражена близостью смысла, меры и прозодии[3]. Чтение сих книг подаст мне, наверно, еще частое наслаждение. Не почитаю нужным изобразить Вам, сколь приятно мне напоминание Ваше; я Вам совокупно с чувствительнейшею признательностью за присылку Вашу могу возобновить только уверение того особенного уважения, с каковым пребываю Вам доброжелательная

Мария

5

8/20 марта 1849 г. Веймар

Веймар. 8-го/20 марта 1849

Василий Андреевич! Письмо Ваше от 10-го/22 февраля я получила с удовольствием; оно доказывает, что Вы любите воспоминание прошедшего, и Вы справедливы: и мне оно служит частым прибежищем[1].

Сравнение Ваше лица моего с любезнейшею матерью моею я готова принять с признательностью по мере предположения, что в оном скрывается только благочестивое, но недостижимое желание сердца. Конечно, смутное наше время – время испытания; хотя я лишена дара читать таинственный почерк звезд (это дар вдохновенного певца-гадателя)[2], но благодарю Вас за присылку стихов, о сочинителе коих предоставляю я барону Мальтицу Вас уведомить. Радостно взираю на Ваше предречение; да сбудется оно!

С искренним участием узнала я также, что злая холера воспрепятствовала Вам в намерениях Ваших; но, может быть, терпение Ваше будет вознаграждено тем, что любезная супруга Ваша восстановит здоровье свое целебным Баденом[3], чего я сердечно ей желаю.

Примите изъявление особенного уважения, с каковым пребываю Вам доброжелательная

Мария

КОРОЛЕВА НИДЕРЛАНДОВ АННА ПАВЛОВНА

Анна Павловна (1795–1865), великая княжна, младшая дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны. После того как был отклонен целый ряд претендентов на руку великой княжны – Наполеон Бонапарт, Фридрих-Вильгельм III, Шарль-Фердинанд, герцог Беррийский – ее женихом и вскоре мужем в 1816 г. стал Виллем, принц Оранский, сын и наследник короля Нидерландов и великого герцога Люксембургского Виллема I. После прибытия в Нидерланды принцесса занималась изучением нидерландского языка, литературы и истории, собирала коллекцию живописи, устраивала учебно-воспитательные приюты для бедных детей. В 1840 г. Анна Павловна стала королевой Нидерландов и великой герцогиней Люксембурга, в этом статусе она пребывала до смерти мужа в 1849 г.

Жуковский, вероятно, был представлен принцессе осенью 1824 г., когда она с мужем прибыли с официальным визитом в Петербург, где они провели целый год. Знакомство восстановилось спустя долгое время в 1839 г. Жуковский вместе с наследником престола великим князем Александром Николаевичем в ходе заграничного образовательного путешествия посетили Гаагу. Встреча с Анной Павловной отразилась в дневниковой записи Жуковского от 20 марта / 1 апреля 1839 г. (ПССиП. Т. 14. С. 157). 12/24 апреля 1839 г. он оставил характерную запись: «Утром у великой княгини. Она нимало не любезна, хотя имеет на то всю добрую волю. Нет натурального; все по должности» (ПССиП. Т. 14. С. 165). Результатом этого общения стали публикуемые далее два письма принцессы, на которые, вероятно, Жуковский ответил своими. К сожалению, его письма, которые должны храниться в архивах Нидерландов, пока не обнаружены. Дальнейшие контакты поэта с королевой не отразились в каких-либо документах.

Ян Баптист ван дер Хюлст. Портрет Анны Павловны. 1837

1*

21 мая / 2 июня 1839 г. Гаага

La Hague ce 21 Mai / 2 Juin 1839

Voici Monsieur de Joukovski, le livre de vers du poète Hollandais *van Alphen*[1], destiné à l'enfance: vous l'avez désiré, et je vous promis, au moment de votre départ[2], de vous le procurer; j'aurais désiré vous le remettre moi-même à votre retour ici. Mais j'apprends que je serai privée du plaisir de vous revoir et de remplir mon désir. J'ai joint à l'original une traduction française en vers qui me paraît bien faite et que j'ai confronté avec le texte. Les pensées y sont bien sensibles <?>, il n'y a aucune qui tient à l'idiome et à l'originalité de l'expression que l'ont n'a pas traduite. Si ce petit ouvrage peut être de quelque utilité pour l'éducation primaire en Russie, comme vous le désiriez, je serai bien heureuse d'avoir pu contribuer à remplir votre but, comme je me ferai toujours un plaisir de vous obliger, en vous assurant du sérieux que j'attache à la mission, de vous avoir vu dans ce pays. Il m'est bien agréable de saisir cette occasion pour vous renouveler l'expression de l'estime distingué, avec lequel je suis votre affectionnée

Anna

Перевод:

Гаага. 21 мая / 2 июня 1839

Вот, господин Жуковский, книга стихов голландского поэта *ван Альфена*[1], предназначенная детям: Вы хотели ее получить, а я Вам обещала достать ее к Вашему отъезду[2]; мне хотелось бы самой передать ее Вам по Вашем сюда возвращении. Но я узнала, что не буду иметь удовольствия видеть Вас и осуществить свое желание. Я прилагаю к оригиналу французский стихотворный перевод, который я нахожу хорошим, я его сравнила с текстом. Мысли здесь заслуживают серьезного внимания, и нет таких выражений и языковых особенностей, которые не были бы переведены. Если это маленькое сочинение в какой-то степени может быть полезно для начального обучения в России, как Вам бы этого хотелось, я буду счастлива, что смогла помочь в достижении Вашей цели, так же, как мне будет

приятно, при том, что я понимаю серьезность Вашей миссии, обязать Вас приехать в эту страну. Я очень рада воспользоваться случаем, чтобы вновь уверить Вас в моем глубоком уважении. Доброжелательная к Вам

Анна

2

21 ноября / 3 декабря 1839 г. Гаага

Гаага, 21-го ноября / 3-го декабря 1839-го года

Василий Андреевич!

С искренним удовольствием получивши Ваше письмо из рук моего Александра[1], почитаю приятною обязанностию благодарить Вас за содержание оного и за доставление стихов, Вами сочиненных в полях Бородинских[2], за стихи, внушенные любовию к отечественной славе. Они глубоко отзываются в моей душе, коей чувствования к Родине неизменны; благодарю Бога за счастие быть русской! и помнить дни незабвенной и неизгладимой славы. Примите медаль[3], которую Вам при сем письме посылаю: она Вам напомнит час, проведенный в хижине Петра Великого[4].

Возобновляю Вам уверение совершенного уважения, с коим пребываю Вам доброжелательною

Анна

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ

Михаил Павлович (1798–1849), младший сын императора Павла I и императрицы Марии Федоровны. Облеченный с рождения званием генерала-фельдцейхмейстера, главы артиллерии Российской империи, с 17-летнего возраста полностью связал свою жизнь с армией. Был командиром и шефом различных гвардейских полков и военных учебных заведений, участвовал в Русско-турецкой войне 1826–1828 гг., в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., провел успешную реформу российской артиллерии. Много занимался благотворительностью. До 1824 г. оставался холостяком, что сказалось на последующих сложных отношениях с супругой Еленой Павловной.

С Жуковским Михаил Павлович познакомился еще в 1815 г., когда тот был назначен чтецом при императрице Марии Федоровне, а до этого 30 декабря 1814 г. с восторгом отозвался о послании «Императору Александру», прочитанном А.И. Тургеневым. С тех пор между ними сохранялись уважительные дружеские отношения, частично отраженные в дневнике поэта (см. ПССиП. Т. 13–14. По указателю имен). К сожалению, письма Жуковского к великому князю Михаилу Павловичу, на которые два его ответных письма публикуются далее, не сохранились.

Франц Крюгер. Портрет великого князя Михаила Павловича. Начало 1830-х гг.

1*

8/20 февраля 1845 г. Петербург

С. Петербург. 8-го/20-го февраля 1845-го года

Почтеннейший Василий Андреевич!

Давно должен был я отвечать на доброе трогательное письмо Ваше от 22-го генваря / 3-го февраля; давно должен был Вам выразить мою признательность за Ваше душевное участие в моем горе; сказать Вам, сколь Вы глубоко поняли происходившее в растерзанном моем сердце[1]. Но просто и откровенно скажу Вам, что по сию пору не мог на это собрать мысли; к этому надобно было отвечать на множество со всех сторон приходящих писем по случаю сего же несчастного случая и не терпящих отлагательства. Итак, почтеннейший Василий Андреевич, я уверен, что Вы не будете на меня сетовать. Поверьте, в письме Вашем я видел чувства искреннего друга, видел всю доброту души Вашей, преисполненной в высшей степени христианскою добродетелью, ищущую там единственно к утешению оттуда посылаемых испытаний и сил их переносить. Да, от глубины души повторяю с Вами: *да будет воля Твоя*, понимаю всю силу сих слов. Итак, рыдая как отец о потере любезного сердцу дитяти, в полной вере на счастие его в теперешней его обители, повторяю: *да будет воля Твоя*.

Столь неожиданный удар не мог не иметь влияние на здоровье жены моей; я ей давал читать Ваше милое письмо, равно и детям[2]; они, как и я, были им до глубины души растроганы. Еще раз мы Вас благодарим все, не по обязанию учтивости, но по чувству признательного сердца.

Примите, любезнейший Василий Андреевич, уверение моей не изменившейся к Вам дружбы и душевного уважения.

Михаил

2*

5/17 января 1847 г. Петербург

С. Петербург. 5-го/17-го генваря 1847-го года

Почтенный Василий Андреевич.

С чувством душевной признательности получил я письмо Ваше от 19-го/31-го декабря. Благодарю Вас искренно за соболезнование Ваше к глубокой моей горести[1]. Тяжело лишаться тех, которые составляют утешение и счастие жизни; но мы всегда безропотно покорялись воле Всевышнего, уповаю на Него единого.

Примите уверения моих не изменившихся к Вам чувств уважения и дружбы

Михаил

Не премину передать Ваши чувства жене моей.

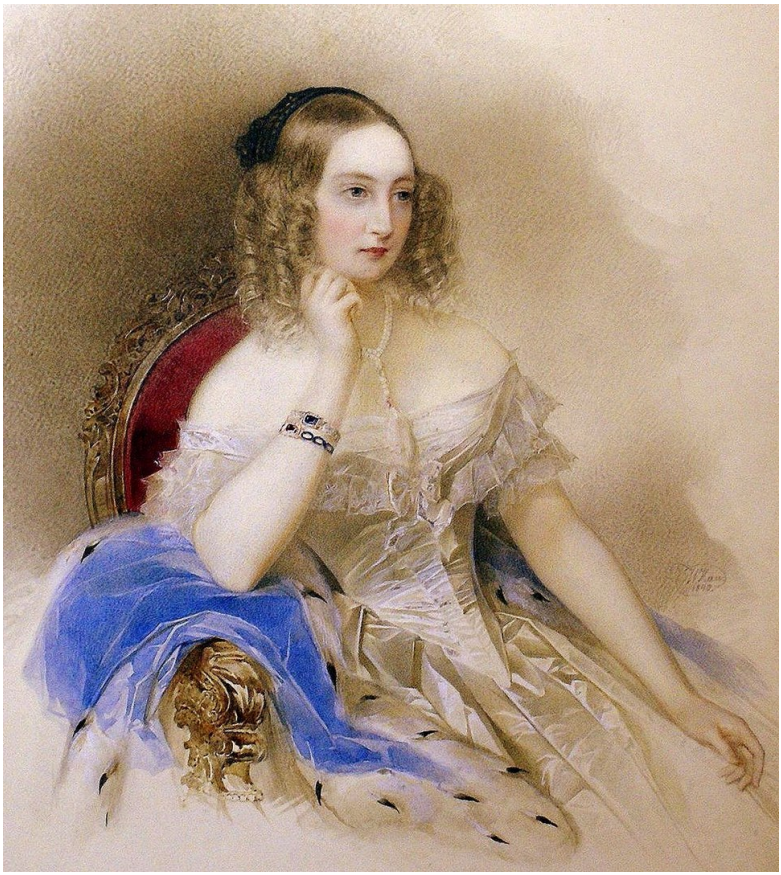
ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ПАВЛОВНА

Елена Павловна (урожд. Фредерика Шарлотта Мария, принцесса Вюртембергская, 1806–1873), супруга великого князя Михаила Павловича (с 8/20 февраля 1824 г.), великая княгиня. Начальное образование получила в парижском пансионе; в этот период жизни большое влияние на нее оказало знакомство с известным французским ученым-естествоиспытателем Кювье, салон которого она часто посещала и с которым вела переписку после отъезда из Парижа. В 1820 г., в возрасте 14 лет, была избрана вдовствующей императрицей Марией Федоровной – также представительницей Вюртембергского дома, в супруги младшему сыну, великому князю Михаилу Павловичу, который летом 1821 г. приезжал в Штутгарт, чтобы познакомиться с принцессой. Вращение в кругу знаменитых ученых, дипломатов и людей искусства оказало решающее влияние на формирование личности принцессы и побудило ее к организации собственного салона в Михайловском дворце Санкт-Петербурга, строительство которого было завершено к 1825 г.; сразу после освящения (30 августа 1825 г.) Михаил Павлович с Еленой Павловной переехали в него из Зимнего дворца, и с этого момента резиденция великокняжеской четы стала одним из центров культурно-интеллектуальной жизни Петербурга. Елена Павловна известна своей любовью к русской культуре и покровительством поэтам и художникам (ср. посвященное ораниенбаумской резиденции великой княгини Елены Павловны стихотворение П.А. Вяземского «Kennst du das Land?» (1836; Вяземский П.А. Сочинения: в 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 214–215), а также широкой образованностью (по свидетельству П.Д. Киселева, Николай I отзывался о Елене Павловне как об ученом (savant) в императорском семействе: Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 3. С. 307), благотворительностью, государственной и общественной деятельностью,

поддержкой либеральных реформ Александра II. Елена Павловна общалась с А.С. Пушкиным (Черейский. С. 150). Наряду с членами императорской фамилии салон Елены Павловны посещали в разное время Жуковский, Пушкин, Вяземский, Одоевский, Тютчев, М.Ю. Виельгорский, К.С. Аксаков, маркиз де Кюстин, Гумбольдт, Бисмарк.

Жуковский был назначен учителем русского языка Елены Павловны сразу после ее приезда в Россию; в этой должности он состоял до своего отъезда в Германию в 1826 г. Отношения поэта с великой княгиней всегда имели теплый дружеский характер. Их контакты отразились в многочисленных дневниковых записях Жуковского (ПССиП. Т. 13–14. По указателю имен). Три ранее неизвестных письма Жуковского к Елене Павловне опубликованы в ПССиП. Т. 16 (см. указатель писем по адресатам). Возможно, творческая история текста стихотворения «Stabat mater» связана с именем великой княгини и имеет отношение к памяти Пушкина (ПССиП. Т. 2. С. 707–709).

voeux



В.И. Гау. Портрет великой княгини Елены Павловны. 1840

1*

15/27 октября 1826 г. Петербург

Petersbourg ce 15/27 oct< obre> 1826

Je vous dois depuis bien longtemps des remercîments pour la lettre que vous m'avez adressée pendant mon séjour à Moscou[1]; croyez que je vous les fais de bien bon cœur et que je prends une part sincère aux bonnes nouvelles que nous avons reçues de votre santé.

J'espérais qu'elle vous permettrait de nous rejoindre cet hiver encore et je suis peinée d'apprendre que les médecins exigent de vous de prolonger encore votre absence. Je suis sûre qu'il vous en coûte de vous refuser si longtemps à des devoirs qui vous étaient chers et qui déjà vous donnaient de la satisfaction. Je me dis qui même de loin vous vous occupez encore de votre élève et que votre long séjour en pays étrangers ne sera pas sans fruit pour lui[2].

Mon pauvre russe souffre aussi de votre absence, et quoique j'aie eu l'occasion de le parler à Moscou plus que de coutume je suis loin cependant d'être contente de mes progrès et je crains presque d'oublier ce que je n'ai pas acquis sans peines. Le nom de Moscou me fait souvenir que je ne vous ai pas parlé encore de l'impression que cette ville antique a faite sur moi, et vous êtes trop bon patriote pour que je n'aime pas à vous faire son éloge.

Elle me paraît toute nationale et digne représentante d'un si vaste empire; elle est colossale comme lui et porte un caractère qui la fait reconnaître pour russe et la distingue de toutes les capitales des autres pays.

Elle m'a laissée des souvenirs bien chers; le plus précieux de tous c'est ma petite Elisabeth. Vous la comprenez dans vos veux pour notre famille, et je n'ai pas besoin de vous assurer de ma reconsaisse pour ceux que vous m'avez exprimés sur elle[3].

Vous vous savez ce que son nom renferme de doux et de déchirant pour moi: le Ciel y a attaché en même temps de la peine et de bonheur.

C'est ainsi qu'il a permis qui il réveillât toujours des sentiments doux dans mon âme, et cette influence qu'*Elle* avait pendant sa vie Elle l'exerce encore après sa mort[4].

Vous l'avez connue, vous savez ce que j'ai perdu – au commencement tout sentiment se confondait en un seul, celle de la

douleur – depuis que je me retrouve ici où tout me la rappelle, chaque jour, chaque objet me révèle encore qu'elle n'est plus!

Les témoignages de votre dévouement pour elle, que votre lettre contient, m'ont fait du bien – seux qui l'ont connue la regretteront toujours.

Accue<ill>ez je vous prie mes voeux bien sincères pour le rétablissement de votre santé et l'assurance de toute l'estime que je vous porte

Hélène

J'allais expédier ces lignes lorsque je reçus votre lettre de Dresde[5]; je vous remercie mille fois d'avoir pensé à l'embarras dans lequel je me trouvais pour le russe – et après y avoir bien réfléchi j'ai préféré cependant prendre le maître que vous m'avez recommandé par la C<omtesse> Elmpt[6]. Je serai bien charmée quand vous pourrez venir reprendre votre ancienne élève qui vous est bien assurée.

Je vous remercie de m'avoir communiqué tous vos projets tant que vous restez en pays étrangers.

Si vous allez à Paris, tâchez de fréquenter la famille Cuvier[7] au Jardin des plantes – c'est un nom qui vous est connu et qui aura toujours droit à mon amitié et à ma reconnaissance pour tous les sentiments affectueux que j'ai trouvés dans les membres de cette famille.

Je vous renouvelle encore tous mes voeux pour votre santé et j'espère que nous aurons bientôt la satisfaction de vous voir de retour dans vos foyers.

Перевод:

Петербург. 15/27 окт<ября> 1826

Уже давно я обязана Вам благодарностью за Ваше письмо, которое я получила во время моего пребывания в Москве[1]; поверьте, я от всего сердца желаю Вам всего доброго и с искренним участием узнала о полученных нами хороших известиях о Вашем здоровье.

Я надеялась, что оно позволит Вам вернуться к нам уже этой зимой, и мне жаль было узнать, что доктора настаивают на продлении Вашего пребывания за границей. Я уверена, что Вам нелегко так надолго отказаться от Ваших обязанностей, которые Вам были так

дороги и уже приносили Вам удовлетворение. Я уверена также, что даже вдали от России Вы заботитесь о своем воспитаннике и Ваше долгое пребывание за границей будет для него плодотворным[2].

Мой бедный русский язык тоже страдает от Вашего отсутствия, и хотя у меня был случай говорить в Москве по-русски больше обыкновения, однако я далека от того, чтобы быть довольной своими успехами; боюсь, что почти забыла то, что не успела как следует выучить. Слово «Москва» напомнило мне, что я еще не говорила Вам о впечатлении, которое на меня произвел этот древний город, а Вы столь добрый патриот, что я не могу не сказать ему похвальное слово.

Он показался мне совершенно национальным и достойным представителем столь обширного государства; он колоссален подобно ему и имеет характер, заставляющий понять, что это русский город и он отличается от всех других столиц.

Он оставил мне драгоценные воспоминания; самое драгоценное из них – моя маленькая Елизавета. Вы упомянули ее в своих пожеланиях нашей семье, и нет необходимости уверять Вас в моей признательности за слова, которые Вы мне о ней сказали[3].

Вы можете себе представить, сколько сладостных и горестных чувств вызывает во мне ее имя: Небеса соединили горесть со счастьем.

Небо пробудило в моей душе нежное чувство, и то влияние, которое *Она* имела на меня при жизни, она продолжает иметь и после смерти[4].

Вы знали ее, Вы знаете, что я потеряла – вначале всякое чувство слилось в одно – с тех пор, как я вернулась сюда, где все каждый день каждым предметом напоминает о ней, о том, что ее более нет.

Свидетельство Вашей преданности ей, выраженное в Вашем письме, было мне благом – те, кто ее знал, всегда будут о ней сожалеть.

Примите мои искренние пожелания восстановления Вашего здоровья и уверения в моем уважении

Елена

Я собиралась отправить это письмо, когда пришло Ваше письмо из Дрездена[5]; тысячу раз благодарю Вас за то, что Вы подумали о затруднении, в котором я нахожусь относительно русского языка – и

после того как я обдумала Ваши предложения, я предпочла взять того учителя, которого Вы мне рекомендовали через гр<афиню> Элмпт[6]. Я буду очень рада, когда Вы по возвращении снова примете к себе Вашу прежнюю ученицу, которая числится за Вами.

Благодарю Вас за подробности о Ваших планах на время пребывания за границей.

Если Вы поедете в Париж, постарайтесь познакомиться с семьей Кювье[7] – они живут возле Ботанического сада. Это имя Вам хорошо известно, а его обладатель навсегда заслужил право на мою дружбу и признательность за те теплые чувства, с коими я была принята членами его семьи.

Еще раз примите мои пожелания выздоровления; я надеюсь, что мы уже скоро будем иметь удовольствие видеть Вас возвратившимся к домашнему очагу.

2*

<27 января 1837 г. Петербург>

Mon bon Monsieur Joukofsky! J'apprends en ce moment le malheur de Pouschkin – donnez-moi de ses nouvelles je vous en prie et dites-moi s'il y a de l'espoir de le voir sauvé. Je suis atterrée de cet affreux événement qui ravit un si beau génie à la Russie et un homme distingué unique à ses amis.

Dites-moi ce qui en est et si voeux espérez, et si c'est possible dites-lui de ma part que mes voeux sont avec les vôtres.

Hélène

Перевод:

Добрейший господин Жуковский! Узнаю́ сейчас о несчастии с Пушкиным – известите меня, прошу Вас, о нем, и скажите мне, есть ли надежда спасти его. Я подавлена этим ужасным событием, отнимающим у России такое прекрасное дарование, а у его друзей – такого выдающегося человека.

Сообщите мне, что происходит и есть ли у Вас надежда, и, если можно, скажите ему от меня, что мои пожелания сливаются с Вашими.

Елена.

3*

<27–28 января 1837 г. Петербург>

Je n'ose encore espérer d'après se que vous me dites – mais je veux vous demander si l'on ne conseillerait pas àfaire chercher Mandt qui est aussi habile médecin que chirurgien. Si l'on se décide pour Mandt, hâtez-vous de grâce, et disposez du yesdowoy qui je vous envoie pour le faire chercher. Peut-être qu'il pourra être utile au pauvre malade – et je suis sûre que vous êtes tous disposés à ne rien négliger pour lui.

H.

Перевод:

Я еще не смею надеяться по тому, что Вы мне сообщаете, но я хочу спросить Вас, не согласились бы послать за Мандтом[1], который столь же искусный врач, как оператор. Если решатся на Мандта, то, ради Бога, поспешите и располагайте ездовым, которого я Вам направляю, чтобы послать за ним. Может быть, он будет в состоянии принести пользу бедному больному; я уверена, что вы все решились ничем не пренебречь для него.

Е.

4*

<27–28 января 1837 г. Петербург>

Mille grâces du soin que vous prenez, mon bon Mr Joukofsky, à me tenir au courant de vos espérances; elle deviennent aussi les miennes et je vous prie de me faire dire du moins verbalement sur le mieux. Si le mieux se soutient, Dieu le veuille.

H.

Перевод:

Тысяча благодарностей за внимание, с которым Вы, мой добрый г. Жуковский, делитесь со мною Вашими надеждами, они становятся также моими, и я прошу Вас сообщить мне, хотя бы на словах, об улучшении. Если состояние продолжит улучшаться, храни его Бог.

Е.

5*

<29 января 1837 г. Петербург>

C'en est donc fait et nous avons perdu une des plus belle gloires de notre patrie! J'en suis si profondément triste qui il me semble réunis en moi et les regrets de ses amis et ceux des admirateurs de son génie. Mille remerciments émus pour vous, mon bon Mr Joukofsky, du soin avec lequel vous m'appreniez à espérer ou à craindre. Quelle peine que c'est la douleur qui nous soit restée.

Quand vous le pourrez vous me direz comment va sa pauvre femme, que je n'oublie pas et que je plains du fond de l'âme!

H.

Перевод:

Итак, свершилось, и мы потеряли прекраснейшую славу нашего отечества! Я так глубоко этим огорчена, что мне кажется, что во мне соединяются сожаления и его друзей, и поклонников его гения. Тысяча прочувствованных благодарностей Вам, мой добрый г. Жуковский, за заботливость, с которою Вы приучали меня то надеяться, то страшиться. Как она тягостна, эта скорбь, которая нам осталась!

Когда сможете, Вы сообщите мне, как чувствует себя его бедная жена, о которой я не забываю и которую жалею от глубины души!

Е.

6*

21 марта 1852 г. Петербург

Милостивый государь Василий Андреевич!

Я получила собрание Ваших сочинений, изданных в Карлсру[1] и душевно благодарю за их присылку. Ваши новые труды доставили мне много удовольствия. Я вижу в них доказательство, что Вы не стареетесь с летами, как тот божественный певец, которого, благодаря Вам, читает теперь вся Россия на своем родном языке. Предпочтение Ваше к младшей дочери Вашего поэтического гения я вполне понимаю и разделяю; ясность, спокойствие и глубокая простота перевода не напоминают, а передают подлинник, и Вы спра-

ведливо можете гордиться тем, что из всех народов одни мы имеем теперь не только верный, но и изящный перевод «Одиссеи». Дай бог Вам совершить новый труд, столько же славный для Вас, сколько и для русской литературы. В его художественной оконченности и совершенстве после перевода «Одиссеи» я уверена заранее.

Искренно жалею о причине, замедлившей Ваше возвращение в Россию, и надеюсь, что недуг Ваш не будет продолжителен и не помешает Вам в занятиях.

Прошу Вас поклониться от меня Вашей жене. Остаюсь искренно доброжелательная Вам

Елена

С. Петербург. 21 марта
1852 года.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Александр Николаевич, великий князь, с 1855 г. император Александр II (1818–1881). В 1824 г. великий князь Николай Павлович, будущий император, предложил Жуковскому занять должность воспитателя его сына, великого князя Александра Николаевича. Поэт согласился и в июне 1824 г. приступил к занятиям, в 1826–1827 гг. прерванным поездкой за границу для лечения. В общении с великим князем Жуковский представал в нескольких ипостасях, которые определялись отношениями наставника и воспитанника. 14 лет – с момента начала обучения до завершения заграничного путешествия в 1839 г. – поэт стремился образовать ум и душу цесаревича и как наследника престола, и как человека. Эта «царская педагогика», в том числе в ее эпистолярной форме, строилась главным образом на доверительном общении, на заинтересованном вовлечении цесаревича в круг исторических, нравственно-философских и эстетических убеждений Жуковского (см. о ней: Шмидт С.О. Подвиг наставничества. В.А. Жуковский – наставник наследника российского престола // Русское подвижничество: Сб. статей к 90-летию академика Д.С. Лихачева. М., 1996. С. 187–221; Симиновский П.М., Тебиев Б.К. Образование для добродетели: педагогические взгляды и деятельность В.А. Жуковского. М., 2003; Киселев В.С., Жилякова Э.М. «План учения ... наследника цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6 (32). С. 125–136; Сидорова А.Н. «Образовать в детях ум, сердце и душу». Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II. М., 2019. С. 69–85).

После того как образование Александра Николаевича закончилось и поэт покинул официальную должность, отношения учителя и ученика приобрели семейно-дружеский характер, осложненный,

безусловно, особым статусом члена царствующей фамилии. В эти годы, особенно в период жизни Жуковского в Германии, поэт часто обращался к цесаревичу как к посреднику и ходатаю перед лицом императора и по личным вопросам, важнейшим из которых стало продление права пребывания за границей, и в плане обсуждения идеологически значимых тем, особенно в 1848–1852 гг., и в поддержке творческих планов, художественных и публицистических. Письма Жуковского к великому князю, общий корпус которых составляет более 150 текстов, были предоставлены некой «царственной рукой» и впервые опубликованы П.И. Бартеневым в РА в 1883 г. (до 1847 г.) и в 1885 г. (1848–1850 гг.), где сопровождались краткими комментариями. В том же виде письма из этого собрания, с некоторыми исключениями, были перепечатаны П.А. Ефремовым в составе шестого тома Сочинений 1885 г. (до 1849 г.). При публикации многие письма подверглись сокращению, ряд писем (40 автографов) не были напечатаны. Их полный корпус будет представлен в 16–20-м томах ПССиП. До последнего времени не были известны и письма цесаревича к Жуковскому, кроме двух детских, опубликованных П.И. Бартеневым (РА. 1897. Кн. 1, № 4. С. 498, 502).

Натале Скьявоне. Портрет великого князя Александра Николаевича. 1839

1

29 января 1826 г. <Петербург>

Поздравляю тебя, любезный Василий Андреевич.

Александр

29-го генваря
1826-го года

2

23 августа / 4 сентября 1826 г. Москва

Милый, любезный мой Василий Андреевич!

Мы приехали 18-го июля в Петровский дворец, а папа приехал 19-го июля, 25-го ч<исла> был торжественный въезд в Москву. Я сидел с мама в карете[1].

Дядя Константин приехал сюда, все ему были очень рады[2]. Вчера папа и мама короновались; слава богу, мама выдержала эту длинную церемонию[3]. Несколько дней назад я начал учиться у г. Жилю историю[4]. Надеюсь, что Ваше здоровье поправится, и желаю, чтобы Вы приехали как можно скорее; буду стараться, чтобы Вы были мною довольны[5]. Обнимаю Вас от искреннего сердца и всегда буду Вам преданным.

Александр

Москва
23-го августа
1826

3

31 января / 12 февраля 1827 г. Петербург

Вы меня, любезнейший Василий Андреевич, спрашиваете: вспомнил ли я об Вас в новый год[1]? Не только в новый год, но каждый день вспоминаю об Вас и с нетерпением ожидаю Вашего возвращения[2]. Вы уверены, что я исполняю все Ваши на меня надежды; но я был бы рад, если бы мог исполнять половину оных. Радуюсь, что Карл Карлович пишет обо мне много хорошего[3], чувствую, однако, что мне еще во многом должно исправляться, но я постараюсь

быть лучше. Очень рад, что Ваше здоровье поправилось, это дает мне надежду скорее с Вами увидеться. Я исполнил Ваши поручения, поцеловал Мери и Олю, кланялся Юлии Федоровне и обнял Карла Карловича[4]. Прощайте, милый мой Василий Андреевич, помните и любите меня столько, как я Вас люблю.

Александр

С.-Петербург
31-го генваря 1827

4

7 января 1828 г. <Петербург>

Любезный Василий Андреевич, поздравьте меня подпорутчиком. Это удовольствие папа мне зделал за хорошой экзамен[1]. Обнимаю и целую Вас от всего сердца.

Александр

7-го генваря
1828.

5*

28 января 1828 г. <Петербург>

Слава России

Мы вспомнили прекрасно старину:
Через Кавказ мы пушки перемчали.
В один удар мы кончили войну,
И Арарат, и мир, и славу взяли.

И русский, в том краю, где был
Утешен мир дугой завета,
Свои знамена утвердил
Над древней колыбелью света.

Бесценному моему Василию Андреевичу Жуковскому.

28-го января 1828.

6

28 января 1829 г. <Петербург>

Петр Великий

В почтеньи к должности ему подобных нет:
Его назвал великим свет
За то, что с высоты властительного трона,
Неподсудимый, он был верный раб закона.

Моему бесценному Василию Андреевичу Жуковскому.

Александр

28-го генваря 1829.

7

<2/14 июля 1832 г. Александрия>

Благодарю Вас, бесценный Василий Андреевич, за Ваше милое письмо[1], оно принесло мне неизъяснимое удовольствие и некоторым образом упокоило насчет Вашего здоровья. Я уже долго с большим нетерпением ожидал от Вас известий, ибо мы все, судя по жестоким ветрам и непрестанной непогоде, у нас продолжающейся, боялись за Вас и полагали, что Вы терпите бурю. В Петербурге носились слухи, что «Николай» со всеми своими пассажирами взлетел на воздух[2]; как я рад, что они дошли до меня после Вашего письма.

Я не могу объяснить Вам, как мне кажется странно без Вас, все как будто чего-то недостает. Могу Вас уверить, милый друг, что я беспрестанно об Вас думаю и даже ночью не перестаю, ибо и сегодня еще мне виделось во сне, что Вы возвратились совсем здоровым и опять с нами живете по-прежнему. Надеюсь, что сон сей, который я считаю добрым предзнаменованием, скоро сбудется и наяву и что мы проведем последние годы наших занятий вместе в трудах. До сих пор Вы были, к сожалению, часто мною недовольны, и я Вам слишком часто доставлял огорчения, но теперь уверен, что сего уже не будет, стану стараться всегда доставлять Вам одно лишь удовольствие.

Во время теперешних вакаций праздники и беспрестанные переезды с места на место хотя и мешали много моим занятиям, однако же я читал по временам Сегюра[3].

Мы начали на днях с г. Коллинсом[4] производить сьемку Александрии[5]. Предварительно двор фермы вынесен был на мензулу[6].

Вы удивитесь, узнав, что сестрицы мои провели праздник 1-го июля с нами в Петергофе, Вам легко себе представить радость мама. «Ижора» в 21 ч<ас> привезла их к нам из Ревеля, а сегодня опять отвозит[7].

Милый Василий Андреевич, целую Вас от всего сердца. Надо бы Вам написать больше, но по случаю наших экзаменов у меня нету ни минуты времени[8].

Прощайте, прощайте, милый друг.

Ваш всегда любящий

Александр

8

7/19 июля 1832 г. Александрия

Ветер был крепок, и они все, исключая Оли, были нездоровы[1]. Они часто спрашивали об Вас и поручили мне уверить любезного Василия Андреевича в искренней их к Вам любви. Я исполняю все Ваши поручения. Папа и мама Вам кланяются. Г.г. учителя и все мои товарищи[2] просили меня засвидетельствовать Вам их почтение. Карл Карлович и я, мы все мысленно от всего сердца обнимаем и целуем и желаем Вам возвратиться здоровым.

Вас искренно любящий

Александр

Александрия
7-го июля 1832.

9

24 сентября / 6 октября 1832 г. Петербург

С. Петербург
24-го сентября / 6 окт<ября> 1832

Извините меня, милый бесценный Василий Андреевич, что я Вам так долго не писал. Два Ваших письма, одно из Эмса, другое из Франкфурта доставили мне неизъяснимое удовольствие[1]! Особенно мы все до крайности обрадованы были вторым, видя из него, что

Ваше здоровье приметно поправляется. Надобно полагать, что зима, которую Вы проведете в Италии, докончит Ваше выздоровление. Наперед радуюсь я той счастливой минуте, когда мы снова увидимся и мне можно будет прижать Вас к сердцу, обнять и поцеловать уже не на одних словах, но наяву.

Я постараюсь удовлетворить Вашему желанию, т.е. представить Вам обозрение пройденного нами со 2-го августа до сих пор.

У г. Павского[2] часы занятий наших по-прежнему разделены на две части, один раз мы занимаемся размышлениями о религии, а в другой историею грекокатолической церкви.

У г. Липмана[3] мы повторяли историю Средних веков по таблицам Калрауша[4] и начали теперь говорить о цветущем состоянии Италии во времена Петрарка и Бокачьо. Я полагаю, что, проезжая Флоренцию, Вы вспомните ту ужасную болезнь, которая опустошала сей город и была воспета этим же самым Бокачьо[5].

У г. Триниуса[6] мы также повторяли по его тетрадям, по которым составляли таблицы и показывали ему. Он теперь уехал для сопровождения принцессы Марии[7] в Германию, и его уроки заняты г. Жиллем[8], с которым мы проходим древние сражения греков и римлян и составляем потом сочинения.

Со времени возвращения Константина Ивановича[9] мы начали у него проходить государствование Иоанна Васильевича III, что меня очень занимает.

У Петра Александровича[10], кроме переводов, извлечений, выучивания стихов и рассказов, мы проходили правила грамматики и отдельно – описательных сочинений.

У г. Коллинса мы вперед не проходили, только занимались повторением всего, нами пройденного от самого начала в практической арифметике, алгебре, тригонометрии и планиметрии. В уроках физики мы обязаны представлять собственные таблицы.

У г. Эртеля[11] и Варранда[12] мы все еще занимаемся по-прежнему, т<о> е<сть> переводами, учением наизусть стихов и разными письменными работами.

Вот вкратце все, нами пройденное до сих пор.

Вы, верно, удивитесь, милый Василий Андреевич, узнав, что наш бесценный Карл Карлович был очень болен последнее время в Царском Селе; ему теперь, слава богу, гораздо лучше; но он еще немного слаб[13].

Как я сожалел, милый друг, что Вас не было здесь 30-го августа в день поднятия колонны[14]. Я Вам не могу объяснить, что это было за зрелище. Тишина, порядок, с которым все шло, точно были удивительны.

Помолившись Богу, папа, Михаил Павлович[15] и я, мы сами начали вертеть ворот и в это время пришло в движение шестьдесят других воротов, и менее, нежели в 1 ½ ч<аса> колонна была поставлена. Тогда все воскликнули «Ура!» и на вершине ее был поднят флаг.

В воспоминание этого дня я сохранил для Вас кусок того гранита, из которого и колонна.

Папа, мама и все мои сестрицы Вам посылают поклоны. Все г.г. учителя свидетельствуют Вам свое почтение.

Прощайте, прощайте, милый бесценный Василий Андреевич, Карл Карлович и я, мы все Вас обнимаем и целуем мысленно от всего сердца.

Ваш истинный друг

Александр

10

1/12 ноября 1832 г. Петербург

С. Петербург. 1-го ноября 1832

Как я рад, милый бесценный Василий Андреевич, что могу Вам объявить приятнейшую весть. Бог дал нам братца Михаила, прозванного Костею Миса[1]. Мама, слава богу, совершенно здорова. Это счастливое событие случилось в четверток 13 октября в 9 ½ часов вечера. Вы можете себе представить всеобщую радость, распространившуюся у нас в доме. Гуляя на улицах, я видел на лицах всех, мне встречавшихся, веселую улыбку, и сердце мое еще более радовалось, чувствуя участие, которое наш добрый народ принимает в счастии своего государя. В этот день я не раз об Вас думал, мой милый друг; я представлял себе мысленно Вашу радость и сожалел, что Вы не с нами.

Из письма Вашего к г. Шамбо[2] увидели мы, что Вам лучше, дай бог, чтобы Вы к нам возвратились с таким запасом здоровья, который бы никогда не истощился. Я с своей стороны буду стараться к этому содействовать моею примерностью и любовью к занятиям,

ибо я знаю, как Вы меня любите, милый Василий Андреевич, и как Вам всегда прискорбно, когда Ваши труды не так удаются, как бы Вам хотелось.

Я теперь делаю краткое обозрение того, что мы прошли со времени моего последнего к Вам письма.

У г. Павского начали мы читать примечательнейшие места из исторических и пророческих книг Ветхого Завета.

У г. Липмана мы кончили всю историю Средних веков и теперь занимаемся общим ее обозрением. Мы начали с Испании и Португалии и перешли ко Франции. После каждого урока, при коих, по желанию Карла Карловича и просьбе г. Липмана с некоторого времени г. Арсеньев присутствует, мы обязаны представлять к следующему письменный отчет того, что мы проходили, и это мне очень объясняет происшествия!

У г. Арсеньева мы кончили государствование Иоанна III, сделали обозрение оного и обратили опять наше внимание на современное состояние Европы; докончив то, мы начали государствование Василия I[3] и говорили о его войнах с Казанской ордою и с Сигизмундом I Польским. При этом случае во многом найдено сходство от действий и мыслей с Иоанновичами. Мы по-прежнему представляем Константину Ивановичу в каждый урок письменный отчет пройденного нами прежде. Он заметил, что я лучше стал писать, но что мне надобно с большею любовию заниматься делом.

У Петра Александровича мы все еще занимаемся практическими упражнениями по правилам, им данным для описательных сочинений. Я сделал описание поднятия монумента Александру I[4]; но вижу, что мне много еще надобно заниматься и писать, ибо я сам чувствую большие несовершенства в своих сочинениях. Мы учим еще наизусть отрывки из различных поэтов, между прочим часть из Вашего послания к мамá по случаю моего рождения[5], дай бог, чтобы Ваши желания и надежды оправдались. Один раз в неделю вечером мы с г. Плетнёвым поочередно читаем назначаемые большие пьесы. Между прочим, несколько повестей прочитано из новой прекрасной книжки Анны Петровны Зонтаг[6].

У г. Коллинса мы делаем теперь малое обозрение химии, и по субботам у нас по-старому бывают опыты. Мы также повторяем стереометрию.

У. г. Эртеля, по Вашему приказанию, начали повторение древней истории.

У. г. Варранда занятия продолжаются по прежнему. Большею частью мы делаем переводы.

Г. Жилль повторяет уроки г. Липмана. На прошедшей неделе он прочел нам отрывки из поэмы Камоэнца «Лузияды» о путешествии Васко де Гамы[7]. Мы ему также представляем письменные отчеты его уроков, и те, которые он находит достойными, по приказанию Карла Карловича, переписываются для нас.

Вот все обозрение нами пройденного в это короткое время.

Осень у нас довольно хороша и продолжается без холодов, чего нельзя было ожидать после такого неслыханного лета.

Как время летит, милый Василий Андреевич. Когда подумаешь, что вот уже год, как мы с Вами ездили в Москву[8]! Где то время? Все преходит, и ничто не возвращается. Думая об этом, я вполне чувствую, как надобно дорожить каждым днем.

У нас, благодаря бога, все здоровы. Карл Карлович чувствует себя гораздо лучше, но все у него есть остатки его болезни.

Папа, мама, сестрицы и, полагаю, братцы кланяются вам. Все г.г. учителя свидетельствуют Вам свое почтение, равно как и Виельгорский и Паткуль.

Прощайте, милый бесценный Василий Андреевич, я бы желал больше Вам написать, но боюсь, чтобы это Вам не наскучило.

Прощайте еще раз, надеюсь скоро с Вами увидеться, а между тем Карл Карлович и я, мы Вас мысленно обнимаем и целуем от всего сердца

Ваш верный и благодарный друг

Александр

11

3/15 декабря 1832 г. Петербург

С. Петербург.
3-го декабря 1832

Не могу Вам выразить, милый бесценный Василий Андреевич, как мы все были обрадованы Вашим письмом[1]. Оно нас успокоило насчет Вашего здоровья, которое опять чуть было не расстроилось.

Во все это время о Вас мы получали известия от одной только Mlle Vildermeth[2]. Она очень перепугала нас, известив, что Вы не можете ехать в Италию. Ваше письмо показало нам истинную того причину. Она мне служит новым доказательством Вашей ко мне любви, мой милый друг. Я с своей стороны буду стараться оправдать ее прилежанием и любовию к занятиям. Как радовался я известию к Вам бесценного Карла Карловича, что мой всегдашний враг *лень* менее во мне замечен[3]. Буду стараться, чтобы к Вашему возвращению его уже во мне совсем не было. Теперь могу Вас уверить, милый Василий Андреевич, что я уже занимаюсь с охотою, но еще нельзя сказать, что всегда. Бывают такие минуты, в которые кажется, я чувствую себя таким, каков я был за три года, т.е. что мне занятия неприятны и даже в тягость. Надеюсь, однако, с помощью Божией, избавиться от этого недостатка и еще некоторых, замечаемых мною в себе, например, что я не отвык играть руками, не всегда откровенно высказываю, что чувствую, и проч<ее>.

Как бы желал, встречая Вас, бесценный друг, быть совершенно чистым и свободным от недостатков и чтобы Вы ни следа не приметили во мне чего-нибудь дурного прежнего. Молю о сем каждый день Отца Небесного и надеюсь, что Он услышит мои моления, которые исходят истинно из глубины сердца.

Наш бесценный Карл Карлович тихо поправляется в своем здоровии, я каждый день также прошу Всемогущего Бога о сохранении Вашего и его здоровья. Я чувствую, что без Вас не дойти мне до своей цели. Из Вашего сердца я привык почерпать то, что некогда может послужить во благо других.

В наших занятиях не произошло особенной перемены, кроме того, что у Константина Ивановича мы начали проходить о царствовании Иоанна Грозного, у Петра Александровича занимались повествовательною прозою, и я по этому случаю сделал довольно большое повествование, которым он был очень доволен. Предметом я избрал рассказ о конце вольности Пскова при Василии I[4]. У г. Липмана начали повторять историю Средних веков в Англии отдельно, докончив прежде Францию.

Мама, слава богу, чувствует себя совершенно здоровою. Она выдержала два дня сряду представление с поздравлением по случаю прошествия 6 недель[5].

Время у нас чрезвычайно холодное, и сначала были холода 18° без снегу.

Во вторник день ангела папá[6] и вот через 28 дней уже новый год. Боже мой! Как время летит! Я едва верю, что мы так быстро подвинулись вперед. Итак, через 6 месяцев мы снова увидимся, милый Василий Андреевич. Я вместе с Карлом Карловичем обнимаю Вас мысленно от всего сердца. Папа, мама, сестрицы Вам кланяются, равно, как и все, находящиеся при них и г.г. учителя свидетельствуют Вам свое почтение.

Прощайте! Прощайте еще раз.

Ваш любящий друг

Александр

12

6/18 июля 1833 г. Александрия

Александрия близ Петергофа. 6-го июля 1833

Извините меня, милый бесценный Василий Андреевич, что я Вам так давно не писал. С самого начала болезнь нашего почтенного Карла Карловича, право, так расстроила[1], что я был не в состоянии Вам писать, вскоре после того начались приготовления к экзамену, который, как Вы уже знаете, слава богу, хорошо удался[2], но после того я совершенно виноват перед Вами, мой милый друг, ибо у меня было довольно много времени, но я все откладывал день ото дня, и наконец дошло до того, что я получил письмо Ваше, в котором Вы сами в этом упрекаете[3]. Но будьте уверены, милый друг, что любовь моя к Вам и признательность каждый день увеличиваются, ибо я сам теперь вижу, что Вы для меня сделали, и у меня должно быть каменное сердце, если бы я этого не чувствовал и не умел ценить. Итак, я считаю себя совершенно виноватым перед Вами, прошу у Вас еще раз прощения.

Вы уже, я думаю, знаете, все подробности о болезни нашего бесценного Карла Карловича, с которым расстался с неизъяснимою скорбью, и так, что и теперь я не могу хладнокровно подумать о сей ужасной, могу сказать, минуте, но, благодаря бога, он теперь в Берлине поправляется[4], и надеюсь, что он возвратится ко мне совер-

шенно здоровым, равно как и Вы, милый друг, и что мы снова попрежнему станем трудиться вместе.

Как странно получилось, что Вы, мой милый, Карл Карлович и г. Жилль[5] разом почти заболели и все нас оставили.

Хотя наш почтеннейший Александр Александрович[6] теперь на месте милого бесценного Карла Карловича, но он не вполне мне его заменяет, ибо, это и понятно, что я не могу к нему иметь такое доверие, как к другу, с которым был в продолжение 9 лет неразлучен, ибо точно Карл Карлович был для меня и, надеюсь, и будет не только наставником, но и моим истинным другом, который разделял со мною и радость, и печаль. С каким нетерпением жду я той минуты, в которую мы с Вами снова увидимся, и мне можно будет обнять Вас и прижать к моему сердцу, надеюсь, что мне уже не долго этого дожидать. Мсье Жилля надеялись увидеть 1-го июля, который мы не праздновали, как обыкновенно[7], хотя и погода была, к сожалению, весьма дурная.

У меня теперь вакации, и мы до этих пор, благодаря манежу и всяким праздникам, не могли найти ни одной минуты, чтобы порядочно заняться.

Я Вас еще не благодарил за Ваши портреты[8], которые Вами присланы, они все удивительно как похожи. Время меня, однако, торопит, и я должен кончить письмо.

Папа, мама, сестрицы и все наши Вам кланяются. Прощайте, милый бесценный Василий Андреевич. Обнимаю и целую Вас мысленно от всего сердца.

Ваш друг

Александр

13*

8/20 октября 1840 г. Царское Село

Царское Село. 8/20 октября 1840

На прошедшей неделе имел я удовольствие получить милое письмо Ваше[1], любезный Василий Андреевич, примите же теперь искреннее поздравление друга, который от всего сердца желает Вам и Вашей молодой невесте всевозможного счастия.

Да будет благословение Божие на Вас!

Моя милая Мария вот уже больше месяца у нас здесь[2] и так, кажется, скоро привыкла к нашему семейному быту, как будто бы всегда с нами была, она поручила мне Вас также поздравить, равно и государь, и императрица.

Мне нечего Вам говорить про наш здешний быт, он Вам известен, все точно по-прежнему, но, впрочем, я надеюсь вскорости Вас самих здесь обнять[3], любезный Василий Андреевич, итак, до свидания.

Вас искренно любящий

Александр

14*

14/26 июля 1841 г. Петергоф

Петергоф. 14-го/26 июля 1841

Письмо Ваше от 12-го мая из Берлина[1] получил я, любезный Василий Андреевич, уже здесь по возвращении нашем из Москвы[2], и государь приказал мне объявить Вам, что он разрешает Вам носить пожалованный Вам орден королем Прусским[3]. Простите, что я долго Вам не отвечал, но мне столько было дела и возни, что я ни минуты не имел свободной. Теперь с того дня, с которого получил известия о Вашей свадьбе 21 мая[4] в Москве, я много думаю об Вас и молю Бога, чтобы Он благословил Вас *семейным счастием*, величайшим благом в сем мире, так как Он днесь меня благословляет; не могу Вам выразить, как я себя чувствую счастливым с моим ангелом Мариею[5], она мне поручила сказать Вам, какое искреннее участие она принимает в Вашем счастии.

Желал бы я Вам описать наше пребывание в Москве, но мне точно времени нет, скажу только, что *наша белокаменная матушка* показала во всем своем блеске и оставила нам на всю жизнь самое приятное впечатление.

Вы можете себе представить, милый друг, какое странное чувство я должен был ощущать, бывши опять в той самой комнате, где я родился[6], и каково было государя именно там видеть на том самом месте, где за 24 года началось его семейное счастие, для выражения нашей радости недоставало только присутствия нашей доброй мама,

здоровье ее все в том же положении, одно только беспокоит – эта беспрестанная слабость[7].

По возвращении нашем сюда одни мы поселились в прелестной нашей ферме[8], нашли мы здесь нашу добрую Мери[9], а 11-го числа прибыла сюда в<еликая> к<нягиня> Мария Павловна[10].

Я все в беспрестанных разъездах между городом и Петергофом по случаю командования 2-ой гвар<дейской> пехотной дивизиею[11], завтра выступаем мы в лагерь.

Прощайте, любезный Василий Андреевич, прошу засвидетельствовать мое почтение Вашей молодой супруге. Обнимаю Вас искренно от всего сердца, Ваш всегда преданный друг

Александр

15*

7/19 октября 1841 г. Царское Село

Царское Село. 7/19 октября 1841

Виноват перед Вами, любезный Василий Андреевич, что долго не отвечал Вам на Ваши два письма, одно из Дюссельдорфа, другое из Франкфурта[1]; читая их, я радовался Вашему счастию, да сохранит Вам Господь Бог свое благословение.

Императрица поручила мне благодарить Вас за Ваше письмо и за приложение, которое она с особенным удовольствием читала и теперь Вам при сем возвращает[2].

У нас, благодаря бога, все идет благополучно. Лето провели мы в Петергофе самым приятным образом с нашей почтенной тетушкой Мариею Павловной[3], и с половины августа мы переместились по обыкновенному в Царское Село.

4-го октября утром Мария благополучно родила дочь, названную тоже Мариею[4], в той самой комнате, в которой государь родился[5], может быть Вам известной, и потому не стану ее описывать.

Вы, вероятно, знаете, что мама со мной оставались здесь в большом дворце, она в комнатах импер<атрицы> Екатерины, а я внизу, там, где княгиня Ливен селилась[6].

Здоровье императрицы, благодаря богу, довольно удовлетворительно.

Олсуфьев, которого мы весной оставили в Москве при смерти больного, теперь поправился и с месяц уже опять вступил в свою должность[7]. Он Вам кланяется. Нынче дорогой Алек<сандр> Алек<сандрович> Кавелин в Вильне по особенному делу[8], так что тех двух, с которыми я так долго был неразлучен, теперь здесь нет, не могу Вам выразить, как мне доселе странно без Вас, обоих моих старых добрых друзей, надеюсь, однако, что Бог поможет нам опять скоро быть всем вместе.

Я совершенно согласен на предложение Шадо<ва> переменить сюжет картины[9], – à propos![*] Бруни воротился из Италии и привез свою большую картину, я вчера видел ее в Зимнем дворце, и она мне очень понравилась, хотя, признаюсь, сюжет не совсем приятный[10]. Впрочем, в художественном отношении у нас нет здесь ничего нового.

На будущей неделе после крестин новорожденной, кажется, собираются в Гатчину[11] и там хотят устроить spectacle de société[**], государь сам хочет брать в нем участие, оно может быть очень забавно.

Он поручил мне Вам кланяться, равно императрица и жена, и сестры.

Обнимаю Вас, милый друг, мысленно от всего сердца.

Вас от всей души любящий

Александр

Прошу засвидетельствовать мое почтение Вашей супруге.

16*

15/27 января 1842 г. Петербург

С. Петербург. 15-го/27 генваря 1842

Ваше милое письмо, любезный Василий Андреевич, от 23-го декабря[1] получил я с неделю тому назад. Не стану описывать Вам моей радости, ибо Вы слишком хорошо меня знаете, чтобы и можно

---

[*] кстати (*фр.*).

[**] публичный спектакль (*фр.*).

Вам было сумневаться в моей искренней к Вам привязанности. Вы нас так долго оставляли без всякого о Вас известия, так что мы начали уже о Вас беспокоиться, но, слава богу, письмо Ваше нас успокоило, и мы радуемся Вашему счастью.

Не могу еще привыкнуть к мысли, что мы так далеко друг от друга, и если бы не Ваше семейное счастье, то я не мог бы привыкнуть быть в столь долгой с Вами разлуке. Вы можете себе представить, милый друг, как мы все об Вас вспоминаем и как Вы нам недоставали, вечером накануне Рождества *некому было нас обманывать!*[2] Впрочем, вероятно, и Вам об нас вспоминается.

Наш домашний порядок все тот же, кроме *моего собственного*, в котором произошло весьма натуральное изменение, следствие моего главного быта, в который мои и Ваши почти в одно время вступили[3] и теперь одинаково благодарят Бога за то счастие, которое он нам ниспослал!

Вас искренно любящий

Александр

17*

29 января / 9 февраля 1842 г. Петербург

С. Петербург. 29-го генваря / 10-го февраля 1842

Не могу пропустить сегодняшний день, чтобы не написать к Вам, любезный Василий Андреевич, хотя несколько слов, дабы поздравить Вас от глубины души с днем Вашего рождения. Да сопутствует Вам Господь Бог еще на долгие лета и да благословит Он Вас истинным семейным счастием!

Не знаю, что Вам больше желать – разве скорого возвращения в среду тех, которые Вас душевно любят и которые горюют о Вашем отсутствии.

Последнее письмо Ваше от 5-го/17 генваря получил я с неделю назад, Вы мне пишете о вдове почтенного нашего Врангеля, постараюсь сделать для нее, что можно[1].

Впрочем, новостей у нас никаких нет, все наши, слава богу, здоровы и Вам кланяются.

Простите, любезный друг, времени не имею более писать, обнимаю Вас мысленно от всего сердца.

Вас искренно любящий

Александр

18*

27 апреля / 8 мая 1842 г. Петербург

С. Петербург. 27-го апреля / 8-го мая 1842

Благодарю Вас, милый любезный Василий Андреевич, за два милые письма[1], из коих первое имел я удовольствие получить на страстной неделе, за два дня до моего рождения, а второе сегодня утром; чтение сих писем, равно как и писем Ваших к императрице[2], в которых Вы с такою подробностью описываете Ваш домашний быт и Ваше домашнее счастье, принесло мне особенное удовольствие, мне казалось, что я слышу Ваш милый голос, к которому я с детства привык и которого мне теперь недостает. Да продлит Вам Господь Бог то счастие, которое он Вам доселе посылает, еще на многие лета! И да возвратит он Вас скорее к нам в круг тех, кои Вас столь искренно любят.

В продолжение нашего говения мы больше, чем когда-либо, думали о Вас, милый друг, в особенности вечером перед исповедью, в белой комнате. Императрица подошла ко мне и сказала: «Comme notre bon Joukovski nous manque jeûner, qu'il pourra <être> av<ec> nous»*.

Я тогда сказал себе, что в письме моем передам Вам эти слова, ибо я вперед уверен, что они Вам принесут удовольствие, и, верю, не ошибся. Так и в ночь Светлого Воскресения, при разговении у императрицы, Вас недоставало.

Я хотел Вам ранее отвечать, милый Василий Андреевич, но на Светлой неделе было столько суматохи, что мне точно не было ни минуты свободной, я с утра до вечера был на ногах, так что только ожидаю минуты, чтобы растянуться на постели. То, что Вы мне говорите про Вашу *периодическую лень* отвечать на письма, никто более меня не поймет, ибо со мною случается совершенно то же, хотя я и стыжусь в этом признаться.

У нас особенного ничего не было с последнего моего письма, разве только две смерти, нас очень огорчившие, 1-ая бедного Вилламова[3], 2-ая гр<афа> Толя[4], которого мы завтра похороним.

---

* Как нам не хватает нашего доброго Жуковского – если бы он мог быть здесь и говеть с нами (*фр.*).

Погода у нас стоит с прошлой среды точно летняя, и мы только ожидаем минуты переезда в Царское Село. Здоровье императрицы, благодаря бога, довольно удовлетворительное, она поручила мне Вас благодарить за Ваши письма, а государь приказал мне Вас обнять его именем.

Жене я читал Ваше письмо, и она теперь всё понимает, только недостает ей духа говорить, впрочем, к Вашему возвращению, я надеюсь, она и в этом успеет. Она вполне разделяет nos vœux que je forme pour votre bonheur*.

Прощайте, милый, любезный Василий Андреевич, не забудьте поцеловать моим именем ручку супруги Вашей, обнимаю Вас мысленно от всего сердца.

Вам душевно преданный

Александр

19*

10/22 августа 1842 г. Царское Село

Царское Село. 10-го/22 августа 1842

Вы, я думаю, удивляетесь моему посланию, любезный Василий Андреевич, но если бы Вы были здесь, то вы бы меня поняли, что благодаря тем беспрерывным передрягам, в которых мы провели июнь, июль и начало августа, у меня точно не было ни минуты свободной. Теперь только для меня начинается покой, и я пользуюсь сим случаем, чтобы благодарить Вас от всей души, любезный друг, за Ваши *три* милых письма[1], при этом государь и императрица оба поручили мне Вас также поблагодарить как за Ваши письма[2], так и за те чувства, которыми преисполнены стихи Ваши по случаю 25-летия события Богом благословенного брачного союза[3], равно и картина Рейтерна[4] чрезвычайно мне и нам всем понравилась. Скажите ему, прошу Вас, что я его очень благодарю за письмо[5], и насчет сына[6], которого я еще в Петергофе видел, что он мне очень понравился и что я надеюсь, что он, следуя примеру отца, будет таким же вер-

* наши, выражаемые мной, пожелания Вам счастья (*фр.*).

ным слугою царя и отечества, как и сам Рейтерн, которого я люблю и уважаю всем сердцем.

Стихи Ваши будут напечатаны в «Современнике», и контур картины будет в книге при них напечатан[7]. Насчет прусского креста Pour le Mérite, государь разрешает Вам принять его и носить[8].

Теперь расскажу Вам вкратце о том, что у меня происходило нынешним летом.

Я с семьей с первых дней мая переселился в наше любезное Царское Село, государь, императрица и вся семья последовали нашему примеру. Около половины мая я отправился в Финляндию, чтобы посмотреть в Гельзингфорсе Александровский университет, в коем я в первый раз заседал в звании канцлера[9], эта поездка, продолжавшаяся всего 6 дней, оставила чрезвычайно приятные впечатления, ибо меня приняли там с радушием.

Возвратясь оттуда, мы пробыли до конца мая в Царском Селе, а потом переселились в Петергоф, что для меня всего только было 12 дней покоя, ибо с 13-го числа начались маневры и лагерь[10], к тому же начали съезжаться принц, и, наконец, сам король прусский[11], потом праздник *25-го июня*[12] и трогательный 1-го июля[13], после снова поездки беспрерывные в Красное Село и, наконец, с 23 июля по 3-е августа маневры на стороне <*Kampay?*>[14], которые, благодаря бога, благополучно кончились и с начала которых мы все более или менее простудились, государь все еще с маменькою поправляются, равно и я. Императрица последнюю неделю была не совсем здорова, они оба еще в Петергофе, а я жену перевез сюда еще 26-го июля в ожидании скорого разрешения[15], она, слава богу, совершенно здорова, и мы оба живем теперь в сладостной надежде, чувство, которое, впрочем, и Вам, милый друг, теперь тоже должно быть знакомо, мы вместе должны молить Бога, чтобы он ниспослал на нас свое благословение! Это довольно странно, что судьба привела нас обоих к этому в одно время!

Прощайте, любезный Василий Андреевич, обнимаю Вас от всего сердца, жена посылает Вам сердечный свой поклон, а я Вас попрошу поцеловать от меня ручку супруги Вашей.

Вас душевно любящий

Александр

20*

19/31 августа 1842 г. Царское Село

Царское Село. 19-го/31 августа 1842

Согласно Вашему желанию и, признать следует, сердечному влечению, спешу разделить с Вами, любезный Василий Андреевич, наше общее счастье и радость, вчера ночью в 3/4 12 ч<аса> Бог дал нам дочь Александру[1]. Жена пережила точно с ангельским терпением все мучения родов, чувствует себя, благодаря бога, сегодня весьма хорошо, равно и ребенок здоров и чрезвычайно ласков, по крайней мере на мои глаза. Государь и императрица были во все время у нас, Вас одних недоставало, чтобы встретить младенца так, как Вы меня самого встретили в Москве на руках покойной императрицы Марии Федоровны тому назад более 24 лет[2].

Последнее письмо Ваше[3], любезный друг, получил я на прошедшей неделе. Вы в нем спрашиваете меня разные вещи, на которые я уже Вам отвечал. Простите, что я Вам сегодня более не пишу. Обнимаю Вас от всей души, и мы оба желаем Вам и супруге Вашей того же счастья, которым Бог нас благословил.

Вас искренно любящий

Александр

21*

22 сентября / 4 октября 1842 г. Царское Село

Царское Село. 22-го сентября / 4-го октября 1842

Мне доселе не было никакой возможности ответить Вам, любезный Василий Андреевич, на Ваши последние два письма[1], благодарю Вас от всей души за Ваши добрые чувства ко мне, в которых, впрочем, зная Ваше доброе сердце, я никогда не сомневался.

Сегодня ровно 5 недель рождению нашей маленькой[2], а в будущее воскресение, по миновании 40 дней, жена вместе ее воцерковит. Здоровье ее, благодаря бога, так удовлетворительно, как только можно и желать.

В последнем письме Вашем, любезный друг, Вы пишете о молодом Рейтерне[3], я видал и <*Деширина?*>[4], и Арендта[5], и оба успокои-

ли меня насчет его здоровья, оно теперь совершенно поправляется, осталась только слабость в ногах. Насчет умеренного употребления его полку во время настоящей зимы, Вы можете быть спокойны, при первом случае я еще много повторю об этом полковому командиру[6]. Между тем прошу Вас обнять за меня почтенного отца, а письмо сына я Вам возвращаю[7], оно мне очень понравилось, в нем виден отпечаток благородного характера отца, не могу яснее выразиться, как что-то *рыцарское*.

Насчет желания Вашего, чтобы я был крестным отцом, если бог даст Вам сына, то я принимаю его с искренним удовольствием[8]. Да ниспошлет Он на Вас свое благословение.

Мама поручила мне благодарить Вас от всего сердца за участие, которое Вы приняли в нашем счастии.

Прощайте, милый Василий Андреевич. Обнимаю Вас мысленно от всей души.

Вас искренно любящий

Александр

Прошу Вас поцеловать за меня руку будущей матери.

22*

24 ноября / 6 декабря 1842 г. Петербург

С. Петербург. 24-го ноября / 6-го декабря 1842

Поздравляю Вас от всего сердца, любезный Василий Андреевич, с дарованным Вам счастьем. Да будет благословение Божие на новорожденной Вашей дочери Александре[1]. Мама и я, мы вместе понимаем и разделяем Ваше счастье, ибо мы недавно сами на себе испытали всю невыразимую прелесть и святость сего благословения Божьего.

Ваше милое письмо тронуло меня до слез, любезный друг, я живо представляю себе Ваше семейное счастье, упроченное теперь еще небесным залогом, но, однако, сожалею, что не могу быть с Вами в столь радостную минуту.

Государь поручил мне Вас письменно душевно поздравить, а императрица сказала Вам кланяться, сие письмо ее Вы найдете в

моем конверте[2]. Она была все последнее время не совсем здорова, но теперь, благодаря бога, совсем поправилась.

Пора бы Вам теперь к нам возвратиться, любезный друг, скоро будет два года, как Вы нас оставили. Мы будем очень любопытны познакомиться ближе с Вашей милой супругой. Я представляю себе наперед, как наши две дочки будут играть вместе, не странно ли подумать, что нам с Вами было суждено почти в одно время быть отцами.

Обнимите за меня почтенного Grand Papa* Рейтерна и поцелуйте руку Вашей милой жены, и при том моя жена просит повторить и ее также искреннее поздравление.

Прощайте, любезный Василий Андреевич, обнимаю Вас мысленно от всего сердца

Вас искренно любящий друг

Александр

23*

30 января / 11 февраля 1843 г. Петербург

С. Петербург. 30-го генваря / 11-го февраля 1842 (sic!)

Поздравляю Вас от всего сердца, милый любезный Василий Андреевич, со вчерашним и сегодняшним днями Вашего ангела и рождения, Вы сами знаете, сколь искренно я к Вам привязан, и потому поймете всё, что я Вам желаю, одним словом, продолжения того семейного счастия, которым Бог наградил Вас.

Вот уже *который год,* что Вы нас лишали удовольствия проводить эти дни с Вами, и я боюсь, судя по Вашему письму, милый друг, чтобы то же не повторить и на будущий год.

Я вполне понимаю все сладости Вашего дюссельдорфского семейного уединения и благодарю Вас за все подробности, которые Вы мне описываете в Вашем предпоследнем письме[1], но несмотря на то, я уверен, Вы сами поймете, что и нам позволено желать видеть Вас опять между нами, в кругу тех, которые Вас искренно любят.

Но я не могу более об этом говорить, потому что я предвижу, что это всё-таки не переменит Ваших намерений.

---

* Дедушку (*фр.*)

Вашу записку насчет наследников живоп<исца> Фридриха передал я государю[2], и[3] на письмо Лауница я приказал Олсуфьеву отправить ему милый подарок в знак воспоминания, а слепки его я ещё прежде Вашего письма подарил Академии художеств и этим как бы предугадал Вашу мысль[4]. Насчет же венециянских армян желание Ваше также исполнено[5].

Вы мне писали, что в бедного Рейтерна кто-то выстрелил и что пуля попала в лоб, слава богу, что он ещё так дешево отделался, но я не понимаю, как это могло случиться, и желал бы очень знать подробности об этом страшном происшествии[6].

Здесь у нас всё идет по обыкновенному, кроме зимы, снегу почти совсем нет и все оттепель. Жена, благодаря богу, здорова и Вас также поздравляет, равно и императрица, которая сама об этом вспомнила. Её здоровье довольно удовлетворительно.

Наша маленькая растет и развивается и нас крайне забавляет, удовольствие, которым, вероятно, и Вы наслаждаетесь с Вашей милой женой, прошу Вас поцеловать у нее ручку за меня.

Прощайте, любезный Василий Андреевич, обнимаю Вас от всего сердца.

Вас искренно любящий

Александр

Мой сердечный поклон почтенному Рейтерну.

24*

14/26 мая 1843 г. Царское Село

Царское Село. 14-го/26 мая 1843

Вы не гневайтесь на меня, любезный Василий Андреевич, что я Вам долго не отвечал на письмо Ваше от 5-го/17 апреля[1], по мне, право, столько было дела, что я ни минуты свободной не находил!

Мы только что вчера к обеду сюда переехали, и я пользуюсь первым досугом, чтобы с Вами поболтать.

Начну с того, чтобы мысленно обнять Вас, любезный друг, за Ваше милое письмо, в котором Вы меня поздравляете с днём моего рождения, вот уже и мне минуло *четверть столетия!* Не знаю, суждено ли мне ещё столько же прожить, молю только Бога, чтобы Он

сделал меня достойным того великого назначения, на которое он меня призвал!

В самое 17-е апреля государь удостоил назначить меня *генерал-адъютантом!*[2] Вы можете представить мою радость!

Во время нашего говения на страстной неделе по обыкновению в Аничковском дворце мы все невольно об Вас вспоминали и сожалели, что два года уже как с Вами, милый Василий Андреевич, разлучены; возвращайтесь, право, поскорее и познакомьте нас с Вашей милой супругой и дочкой, которая, вероятно, с каждым днем более развивается и Вас радует. Я сужу сам по себе, потому что наша Лина[3] становится ежедневно милее и умнее, она уже говорит *папа!*

Жена хотя и находится, как англичане говорят, in funnily way*, но благодаря богу совершенно здорова[4], Вы бы, верю, довольны были её *успехами на русском языке*, она всё понимает, ей только недостает смелости говорить.

Насчет нашей поездки в Германию я еще ничего не могу Вам наверное сказать, но мы надеемся с Божием благословением в течение будущего года навестить Дармштадт[5].

У нас начинается весна, что час от часу подвигалась, с самой Светлой недели стояла все холодная погода, вот только первый день, как воздух сделался теплым и как трава начала зеленеть, а об листьях и думать нечего!

Впрочем особенного у нас ничего не происходило, государь, императрица, сестра Оля[6] здоровы и все Вам кланяются, равно и жена. Костя вчера отправился в море на месяц[7].

Засим прощайте, любезный Василий Андреевич, обнимаю Вас от всего сердца и прошу поцеловать ручку супруги Вашей.

Вас искренно любящий

Александр

Мой сердечный поклон почтенному Рейтерну, я сына его встретил не так давно в городе, он мне сделал фрунт молодцом и, кажется, совершенно здоров.

Я совершенно согласен насчет предложения Вашего о картине Janne d'Ark[8].

---

* Беременна (букв.: в смешном положении) (*англ.*).

25*

8/20 сентября 1843 г. Царское Село

Царское Село. 8-го/20 сентября 1843

Спешу разделить с Вами нашу радость! *Бог дал нам сына Николая!!!*[1]

Вы можете себе представить наше счастье, жена, благодаря бога, перенесла все с ангельским терпением и чувствует себя, как только можно желать. Она начала страдать вчера вечером в 1/2 12 ч<аса>, а в 2 ч<аса> все было кончено, в присутствии императрицы и Мери[2], одного государя недоставало, чтобы дополнить наше счастье.

Благодарю Вас за Ваше письмо[3], на которое я давно не отвечал по причине беспрестанных тревог. Итак, если бог даст, надеюсь с Вами увидеться в Дармштате в конце ноября[4].

До свидания, любезный друг. Обнимаю Вас от всего сердца и скажите жене Вашей, что я ей от души желаю *того счастья, которым Бог нас благословил!* с которым ничего в мире нельзя сравнить.

Вас искренно любящий

Александр

26*

17/29 января 1844 г. Петербург

С. Петербург. 17-го/29 генваря 1844

Мне не было никакой возможности до сих пор Вам отвечать, любезный Василий Андреевич, на Ваши два письма[1], из коих одно я получил перед самым моим отправлением из Дармштата, я просил Олсуфьева Вас благодарить моим именем и надеюсь, что он это исполнил[2].

Дело Ваше я обдумал согласно Вашему желанию, т.е. *Вы можете быть спокойны, что государь на Вас гневаться не станет, если Вы еще несколько лет намерены провести за границей, хотя, разумеется, ему приятнее было бы, как и нам всем, видеть Вас с милой Вашей женой у нас, а не на чужбине*[3].

Вы желаете знать, когда я буду обратно в Дармштадт[4], мне на это Вам трудно отвечать определенно, потому что и я сам не знаю,

когда мне можно будет отсюда выехать; во всяком случае, я надеюсь к страстной неделе быть с женой.

Вчера отпраздновали мы свадьбу нашей милой Адини[5], дай Бог ей того же счастия, которым Бог нас с Вами благословил! Не правда ли, мы можем ей этого от всего сердца пожелать! Она, вероятно, нынешним летом будет в Румпенгейме с мужем, так что Вам по соседству легко можно будет ее увидеть[6].

Здесь кроме свадебных праздников и обыкновенных занятий с другой стороны, ничего особенного нет; послезавтра, т.е. 19-го/31 числа будет свадьба в<еликой> к<нягини> Елизаветты Мих<айловны> с герц<огом> Нассауским[7], мы тоже, вероятно, с ними скоро на Рейне увидимся[8].

Итак, до свидания, милый друг, прошу Вас поцеловать ручку Вашей милой жены и поклониться от меня всей Вашей тамошней семье.

Вас искренно любящий

Александр

Государь, императрица, сестры и братья Вам сердечно кланяются.

27*

5/17 апреля 1844 г. Дармштадт

Дармштат. 5-го/17 апреля 1844

Перед моим отъездом[1] отсюда хочу я написать Вам еще несколько слов, чтобы от души поблагодарить Вас, милый любезный Василий Андреевич, за Ваше последнее письмо[2], которое принесло мне истинное удовольствие, потому что я в нем нашел столько Вашей доброй души и доброго сердца, в котором я с детства пребываю.

Мое короткое пребывание в Вашем милом патриархальном семейном кругу мне кажется теперь как сон, полный и успокоительный. Я давно желал видеть Ваше семейное счастие и радуюсь, что это мне удалось.

Прошу Вас, любезный друг, поцеловать за меня ручку Вашей милой жены и сказать ей, как я был рад с ней познакомиться и полюбоваться Вашей малюткой[3].

Мама Вам посылает свой сердечный поклон.

Прощайте, любезный Василий Андреевич, обнимаю Вас мысленно от всей души.

Дай Бог нам скорее опять с Вами увидеться.

Ваш *Александр*

Обнимите почтенного Рейтерна и мой поклон всему семейству.

28*

18/30 сентября 1844 г. Гатчина

Гатчина. 18-го/30 сентября 1844

Мне долго не было никакой возможности ответить Вам, любезный Василий Андреевич, на Ваши два милые письма[1]. Участие, которое Вы принимаете в нашем семейном горе[2], меня не удивило, потому что Ваше доброе сердце давно нам известно, но вчерашние письма Ваши нас глубоко тронули, и государь особенно поручил мне благодарить Вас за Ваши добрые чувства!

Да, в подобном горе другого утешения нет, как мысль, что мы все на этом мире временно проходящие и что цель всей нашей жизни должно быть добрыми делами здесь заслужить вечное блаженство в другой вечной жизни.

Награда, которая, верю, досталась в удел нашему *ангелу Адини!*

Вы бы желали иметь её портрет, я постараюсь достать для Вас хорошую копию и пришлю Вам её, коли скоро она будет готова[3].

Вот мы с неделю как в Гатчине, и я живу с женой в моих прежних детских комнатах; мой кабинет в той самой угловой башне, где мы с Вами тому *20 лет назад* начали наши занятия[4].

Не могу Вам выразить, любезный друг, как мне странно кажется видеть себя в той самой комнате с женой и детьми; en respectable Papa*, где в 1824 г<оду> я у Вас начал учиться азбуке.

---

* как почтенный отец (*фр.*).

Детские воспоминания как-то особенно живо представились в моей памяти, а в этих воспоминаниях одно из первых мест занимаете *Вы*, мой любезный Василий Андреевич!

Сожалею очень, что Вас здесь нет с нами!

Здоровье государя и императрицы, благодаря бога, совершенно удовлетворительно; после тяжкого испытания на них с Выше ниспосланного! Слова молитвы Господней: *Да будет воля Твоя!* подкрепляет их силы, и моральные и физические.

Жена посылает Вам сердечный поклон, а я прошу Вас поцеловать за меня ручку Вашей милой супруги.

Обнимаю Вас мысленно, милый любезный Василий Андреевич, от всей души.

Вас искренно любящий

Александр

29*

17/29 декабря 1844 г. Петербург

Санкт-Петербург, 17/29 декабря 1844

Получил вчера Ваше милое письмо[1], любезный Василий Андреевич, спешу согласно Вашему желанию отвечать Вам без замедления. Я докладывал о Вашей просьбе императрице, она поручила мне сказать Вам, что *она с большим удовольствием берет на себя титул крестной матери,* если Бог даст Вам снова дочь![2] В противном же случае я готов к Вашим услугам и благодарю Вас от всей души, милый друг, что Вы сами наперед не усомнились в моей готовности, примите же наперед мое искреннейшее поздравление, ибо очень может случиться, что мое письмо найдет Вас отцом во второй раз![3] Да сохранит Вас всемогущий Бог еще на долгие дни, дабы Вы могли под старость сами насладиться ежедневными успехами Ваших ребятишек, я сам по благословению Божию из опыта знаю, что это есть одна из величайших прелестей семейного быта!

Простите мне, любезный друг, что я Вас даже еще не благодарил за присылку *Вашего милого портрета*[4], я назначил ему место в библиотеке, коей *Вы* были *основателем*, перед которой я всякий раз прохожу, идя к жене, что мне доставляет по несколько раз в день

случай, лицезреть милые черты моего старого друга и наставника, которого я привык с детства уважать и любить от всего сердца!

Этот портрет Ваш поражает своим живым сходством.

Жена Вас также благодарит за портрет Вашей маленькой Александры[5], который нам теперь всякий раз напоминает наши разговоры.

Я Вам из Гатчины ещё собирался писать, но, будучи в беспрестанных переездах, мне не было никакой возможности найти минуты свободной, хотя мне тогда же очень хотелось сказать Вам о приятном впечатлении, которое произвел на меня *молодой Рейтерн*, он возмужал, сохранив все прежнее благородство выражения лица, и говорит по-русски, как будто бы с детства знал язык, его начальник им очень доволен, и он, вероятно, вскорости будет произведен[6].

Теперь скажу Вам несколько слов про наше житьё.

21-го ноября оставили мы с прискорбием Гатчино, коего единообразная тихая жизнь так согласовалась с нашим внутренним расположением; в особенности боялись мы переезда в город для императрицы, ибо все здесь напоминает о невозвратной потере, нас поразившей![7] К сожалению, опасения наши оправдались, ибо она стала гораздо чаще страдать биением сердца, чем прежде, что нас крайне беспокоит, хотя доктора уверяют, что органического ничего нет, дай бог, чтобы они говорили правду!

Государь, благодаря бога, здоров, но, разумеется, невольно беспокоится.

Мы жизнь проводим самую уединенную посреди немалых занятий; узнаём о том, что в городе происходит, по одним рассказам.

Что касается до дела о Рейтерне, я надеюсь *наладить всё* согласно Вашему желанию и поручу *Олсуфьеву* Вам написать обо всём[8].

Теперь заключаю мое письмо, посылая к Вам сердечный поклон жене и обнимая Вас мысленно, любезный Василий Андреевич, от всей души.

Не забудьте поцеловать за меня руку Вашей милой супруги и поклониться всему почтенному семейству Рейтернов.

Вас искренно любящий

Александр

30*

13/25 января 1845 г. Петербург

С. Петербург. 13/25 января 1845

Поздравляю Вас от всего сердца, любезный Василий Андреевич, с рождением Вашего *Павла*[1], не только от себя, но от всей семьи, которая, могу Вас уверить, принимает самое живое участие в Вашей радости!

Вчера утром я только что успел воротиться от императрицы, как получил Ваше письмо[2] и тотчас же поспешил известить её о сем новом благословении Божием, на Вас ниспосланном!

Да сохранит он Вас, Вашего маленького Павла, и да будет он достоин Вас!

Я вполне понимаю, милый друг, Ваше счастие, ибо сам его испытал!

Эти минуты в жизни никогда не забудем! Прошу поцеловать руку Вашей милой жены и сказать ей, что я счастлив Вашим счастьем!

Прошу позволения обнять и благословить моим именем моего *крестника*, сожалея весьма, что не могу сам этого сделать.

Обнимаю Вас самих, любезный Василий Андреевич, от всей души повторяю мое искреннейшее поздравление почтенному дедушке[3].

Александр

31*

30 января / 11 февраля 1845 г. Петербург

С. Петербург. 30-го января / 11-го февраля 1845

Пользуюсь отправлением курьера в Париж, чтобы написать Вам несколько слов; начну с искреннего поздравления, милый и любезный Василий Андреевич, по случаю дня Вашего рождения и ангела, да сохранит Вас Господь ещё на долгие дни, дабы Вы могли ещё долго пользоваться тем счастьем, которым он Вас благословил!

После этого мне совестно, но не могу умолчать о том новом ударе, который вблизи Вас поразил наше семейство![1]

Кто год тому назад, когда мы праздновали в день *две свадьбы*[2], мог вообразить, что несколько месяцев спустя ни той, ни другой не станет на этом свете, что и та и другая будут встречены в этом мире теми самыми невинными существами, которые, так сказать, были причиною их смерти!

Всё это так грустно, что страшно подумать, – бедные родители! Бедные мужья!

В этих случаях другого утешения нет, как молитва Господня: *Да будет воля Твоя!* А нам перед ней смириться и покоряться безропотно! Человеческого же утешения нет!

Вы меня понимаете, милый друг, я-то знаю. Но я не стану больше распространяться об этом предмете.

Как Ваше здоровье? Я давно что-то об Вас ничего не слышу, надеюсь, что Вы поправились теперь совсем.

У нас здесь ничего особенного нет, здоровье государя, благодаря бога, поправляется, императрица несмотря на почти беспрерывно продолжающееся битие сердца, себя довольно хорошо чувствует.

Достойный в<еликий> к<нязь> Михаил Павл<ович> с христианским смирением переносит всё несчастие, боюсь для него последствий, равно и для в<еликой> к<нягини> Елены Павл<овны>. Жена подвигается в своей беременности[3] и поручила мне Вас также искренно поздравить её именем.

Теперь остается мне Вас обнять, милый, любезный Василий Андреевич, от всего сердца и прошу Вас поцеловать ручку Вашей милой жены и поклониться почтенному Рейтерну.

Вас искренно любящий

Александр

32*

27 февраля / 11 марта 1845 г. Петербург

С. Петербург 27 февраля / 11-го марта 1845

Спешу с Вами снова разделить нашу радость, вчера в 2 ч<аса> пополудни жена разрешилась благополучно от бремени сыном, нареченным Александром, в воспоминание того, которого я сам имею имя и которого память должна быть дорога для всех, кто его знал![1]

Жена и ребенок находятся, благодаря бога, в самом удовлетворительном положении. Наконец после стольких скорбей[2] Всевышнему угодно было снова послать нам Свое благословение! Да будем Ему благодарны от глубины сердец!

С большим любопытством расспрашивал я воротившегося Суворова[3] о Вашем семейном быте, и в ответ на Ваше последнее письмо от 1/13 февр<аля>[4], которое я докладывал государю, по его же приказанию пишу Вам теперь его же словами: «Скажи Жуковскому, чтобы он не беспокоился о будущности своей жены и детей, я их присмотрю».

После сиих слов, любезный друг, кажется, Вам точно нечего заботиться и Вы можете спокойно наслаждаться Вашим семейным счастием, которым Бог Вас наградил на старости лет и которое Он да продлит еще на долгие дни!

Обнимаю Вас мысленно от всего сердца.

Ваш искренно любящий

Александр

33*

7/19 сентября 1845 г. Елизаветград

Елисаветград. 7-го/19 сентября 1845.

Душевно благодарю Вас, любезный Василий Андреевич, за Ваше милое поздравительное письмо[1], оно мне принесло истинное удовольствие, ибо я в нем нашел отголосок Вашего доброго сердца, мне уже столь давно известного.

Надеюсь, что лечение Ваше нынешним летом принесет Вам действительную пользу и что в будущем году мы снова Вас увидим среди нас с Вашей милой женой.

Вы мне пишете, что отправляетесь в Нюрнберг для свидания с императрицей[2], дай бог, чтобы зима, проведенная в теплом климате, укрепила её силы и успокоила ее раздраженные нервы, коим приписывают битие сердца, ее столь мучающее.

Письмо мое я, однако, адресую во Франкфурт, полагая, что оно уже Вас застанет на возвратном пути. Я теперь сопровождаю государя в его поездке по южным губерниям; мы пробыли здесь в Елисаветграде с неделю для осмотра собранных здесь войск, а завтра

отправляемся в Николаев, где надеемся встретить брата Костю после его любопытного дальнего путешествия[3]. Из Николаева мы предполагаем ехать в Севастополь, оттуда в Херсон, Екатеринослав, Харьков и Чугуев, а потом через Москву назад[4].

Жена осталась с детьми в нашем милом Царском Селе, завтра нашему старшему сыну минует 2 года[5], да сохранит нам его Господь Бог достойным его высокого назначения.

Глядя на него, у меня невольно сердце содрогается, когда подумаю, какая его ожидает судьба?

Да будет воля Твоя!

Теперь, однако, пора кончить письмо, обнимаю Вас, любезный друг, от всего сердца и прошу поцеловать руку Вашей милой жены, а семейству Вашему мой искренний поклон.

Вас душевно любящий

Александр

34*

13/25 декабря 1845 г. Петербург

С. Петербург. 13-го/25 декабря 1845.

Вы, вероятно, удивитесь моему долгому молчанию, любезный Василий Андреевич, потому что Ваше письмо от 22-го окт<ября>/ 3-го нояб<ря>, я его немедленно отправил государю и дождался его разрешения на Вашу просьбу, вскоре после того получил я второе Ваше письмо 30-го окт<ября>/12-го нояб<ря> и, наконец, в последний вторник 11-го/23 дек<абря> последнее письмо Ваше от 3/15 дек<абря>[1]. В то же самое утро получил я ответ от государя, который спешу передать Вам; вот собственные его слова: «Жуковский может ещё год жить за границею». Следовательно, вот Вам и лучший ответ на Ваше последнее письмо, который, я надеюсь, Вас вполне успокоит.

Ваша предполагаемая майская поездка сама собою отпадает[2], – но зато в *мае 1847*, бог даст, мы Вас опять увидим между нами, на милой родине, со всею Вашею молодою семьею!

Признаюсь, с нетерпением буду ожидать этой минуты, где мне можно будет Вас, милый друг, прижать опять к моему сердцу, на родной земле!

Теперь обращусь ко второму Вашему письму, за которое искренно Вам благодарен, я в нем нашел новое доказательство тех чувств, в коих я, впрочем, никогда не сомневался и к коим я привык с детских лет. Благодарю Вас ещё раз и от всего сердца, милый Василий Андреевич, за Ваше попечение о будущем воспитании *моей второй генерации*[3], признаюсь, не могу ещё к этому привыкнуть, кажется, недавно ещё мы с Вами занимались, а теперь уже речь идет о детях! Время летит и с годами, я сам чувствую, все скорее да скорее, так это страшно!

Вы мне советуете теперь уже сделать выбор человека, которому я полагал бы вручить со временем воспитание детей, но Вы сами мне описываете всю важность подобного выбора, *важность*, которую я вполне понимаю; вот почему я Вам ещё никого не могу назвать.

Дайте мне подумать, посмотреть, порасспросить, и тогда можно решиться; коль скоро выбор мой будет сделан, я обещаю Вам написать немедленно.

Теперь скажу Вам несколько слов о том, что у меня здесь происходило.

После последнего моего письма из Елисаветграда я сопровождал государя в поездке его в Николаев, где мы съехались с братом Кон<стантином> Ник<олаевичем>, возвращавшимся из любопытного путешествия в Константинополь[4], оттуда мы на пароходе пошли в Севастополь, видели в нем Черноморск<ий> флот и все огромные работы для устройства адмиралтейства единственного в мире, потом на пароходе же обратно чрез Лиман в Херсон и сухим путем чрез Екатеринослав, Харьков в Чугуев, где был вторичный смотр огромной массы кавалерии, представившейся в самом блестящем виде. Пробыв там 6 дней, мы вернулись в Харьков[5]. На другой день расстались с государем, он поехал на Киев, Краков, Прагу, Зальцбрун, чрез Бреннер в Италию на соединение с императрицею в Милане[6], а я с моим молодым кавказским героем, пр<инцем> Александром[7], чрез Орёл, Курск, Тулу и Москву воротился благополучно в Царское Село 4/16 октября и нашел всех своих, благодаря бога, здоровыми.

Там мы пробыли до 5/17 декабря и провели время самым приятным образом, так что очень нехотя возвратились к именинам государя[8] на зимние квартиры. Занятий в особенности теперь у меня много, и я жду с нетерпением его возвращения.

Слава богу, известия из Палермо самые удовлетворительные, климат уже принес большую пользу нашей дорогой больной, дай бог, чтобы оно так продолжалось и чтобы мы её снова увидели посреди нас совершенно здоровой!

Теперь пора заканчивать моё письмо, жена поручила мне Вам передать её сердечный поклон, и я прошу Вас поцеловать руку Вашей милой супруге и поклониться от меня всему Вашему почтенному семейству. Обнимаю Вас, милый друг, мысленно от всей души.

Вас искренно любящий

Александр

Посылаю Вам маленький гостинец к нашему Рождеству[9].

35*

14/26 января 1846 г. Петербург

С. Петербург. 14-го/26 января 1846.

Давно собирался я отвечать Вам, любезный Василий Андреевич, на Ваши два последние письма[1], но долго никак не мог найти минуты свободной.

Благодарю Вас от всего сердца за Ваше поздравление с Новым годом и прошу Вас принять таковое же от меня и от жены.

Вы знаете, любезный друг, что я для Вас желаю, ибо чувства моей искренней к Вам привязанности Вам давно известны.

Да сохранит Вам Господь Бог то семейное счастие, которым он Вас под старость наградил, и да укрепит Он Ваше здоровье, на которое Вы опять что-то стали жаловаться! Надеюсь, что летние месяцы его Вам восстановят и что через год мы будем иметь удовольствие Вас видеть между нами с Вашей милой женой.

Теперь несколько слов о Вашем предпоследнем письме о Лифляндских духовных делах[2].

В числе слухов, до Вас дошедших, есть много справедливого и много *преувеличенного*, – теперь, кажется, вследствие принятых мер, умы стали успокаиваться, ибо все сословия увидели ясно *волю государя.*

То, что Вы пишете про чувства тамошнего дворянства, *святая истина*, это благородное сословие при каждом случае показывало

себя достойным своего рыцарского происхождения и наравне с русским проливало свою кровь за своего государя и за свою общую отчизну.

Чувства эти известны государю, и никто лучше его не сумеет их ценить!

Благодарю Вас, любезный Василий Андреевич, за столь любопытное письмо, я прошу и впредь сообщать мне подобные сведения, которые до Вас могут доходить.

Вы, вероятно, уже из газет узнали о благополучном возвращении государя из Палермо, здоровье императрицы значительно поправилось, и получаемые известия продолжают, благодаря бога, быть весьма удовлетворительные.

Насчет моей поездки и речи не было[3].

Здесь у нас всё тихо, 1-го генваря государь удостоил меня самым *милостивым рескриптом*, которого содержание меня сделало вполне счастливым; Вы, вероятно, его тоже уже нашли в газете и, прочитав, разделили со мной мою радость![4]

За сим обнимаю Вас, любезный друг, от всего сердца и прошу вперед принять искреннее наше с женой поздравление с наступающими днями Вашего рождения и Вашего ангела; мне нечего повторять того, что мы для Вас желаем.

Простите!

Вас искренно любящий

Александр.

Прошу поцеловать за меня ручку Вашей милой супруги и поклониться всему Вашему почтенному семейству.

36*

18/30 апреля 1846 г. Петербург

С. Петербург. 18-го/30 апреля 1846

Всё это время мне невозможно было Вам писать, любезный Василий Андреевич, и я просил Олсуфьева известить Вас о позволении, данном государем, Рейтерну не возвращаться тоже в Россию, дабы Вас обоих успокоить на этот счёт[1].

Вот уже два года минуло, что мы с Вами расстались в Дюссельдорфе[2], где я имел удовольствие познакомится с Вашей милой женой и видеть Ваш семейный уголок. Воспоминание об этом свидании оставило мне как-то особенно приятное впечатление, ибо в Вашем уединенном уголке всё дышало *семейным счастьем*, величайшим <благом> нашего мира!

Когда-то удастся мне опять побывать в Вашем семейном кругу, где мне ещё удастся познакомиться с Вашим сыном, дочь Ваша, судя по нашей, должна уже быть une espèce de grande personne*.

Посылаю Вам письмо сестры Оленьки, полученное мною с курьером из Неаполя[3], довольно странно, чтобы до Вас достигнуть, оно должно было побывать в Петербурге. При сем случае я должен исполнить приказание государя, он поручил мне Вас искреннейше благодарить, любезный друг, за Ваши добрые чувства и поздравление с помолвкою сестры[4].

Дай бог ей счастия, которого она вполне заслуживает!

От императрицы мы имеем, благодаря бога, самые удовлетворительные известия, она совершенно поправилась после своего нездоровья в Неаполе и теперь уже должна быть на возвратном пути из Италии[5].

Около конца мая она приедет в Варшаву, а в начале июня в Петербург. Чем ближе минута свидания, тем сильнее делается наше нетерпение.

Здесь у нас ничего особенного нет, кроме того, бедная жена весь пост прохворала и долго еще не выходит из комнат, у нее сделалась сыпь на лице, вероятно, вследствие простуды.

С нетерпением ожидаем теплого времени, чтобы переехать в Царское Село, я уверен, что перемена воздуха принесет ей пользу. Она посылает Вам сердечный поклон, и я прошу Вас поцеловать за меня ручку Вашей милой жены.

Обнимаю Вас, любезный Василий Андреевич, от всей души.

Вас искренно любящий

Александр.

Мой поклон всему Вашему семейству.

---

* в своем роде взрослой (*фр.*).

37*

23 сентября / 5 октября 1846 г. Царское Село

Царское Село. 23-го сентября / 4-го октября 1846

Простите мне, любезный Василий Андреевич, моё долгое молчание, но все это время столько было хлопот, что мне не было ни минуты свободной. Благодарю Вас от души за Ваше милое письмо[1], которое я всегда читаю с особенным удовольствием. Книгу, присланную с последним письмом[2], постараюсь прочесть на досуге, хотя у меня его немного.

Насчет почтенного Рейтерна Олсуфьев Вам уже писал, что все устроено согласно Вашему желанию[3].

Надеюсь, что нездоровье Вашей милой супруги не будет иметь дурных последствий и что Вы не перемените Ваше намерение в будущем году совершенно к нам переселиться, где мы Вас с таким нетерпением ожидаем.

Здесь у меня все идет, благодаря бога, хорошо.

Здоровье императрицы, к нашей общей радости, поддерживается весьма удовлетворительным образом, силы ее укрепились, биение сердца возвращается реже и слабже прежнего, остается молить Бога, чтобы холодная погода не произвела никакой неблагоприятной перемены.

После отъезда сестры из Петергофа, минуты тяжелой для нас всех, мы переселились дней на 10 на Елагин и оттуда сюда в Царское Село.

Недавно получили мы уже известие о благополучном прибытии сестры в Штутгарт[4], её, кажется, приняли точно с радушием; дай бог ей счастия в её новом отечестве, но с теперешним общим расположением умов в Германии страшно подумать о будущем.

В конце этой недели собираемся мы с государем в Москву[5], чтобы навестить нашу белокаменную матушку, которую, как Вы знаете, я очень люблю.

За сим обнимаю Вас, любезный друг, от всего сердца и прошу поцеловать за меня ручку Вашей милой супруги. Жена посылает Вам сердечный поклон, и я такой же всему Вашему семейству.

Вас искренно любящий

Александр.

38*

13/25 февраля 1847 г. Петербург

С. Петербург. 13-го/25 февраля 1847

Долго ожидал я верного случая, чтобы переслать Вам, любезный Василий Андреевич, этот толстый пакет[1], но, не предвидя подобного вскорости, решил писать Вам по почте.

Прежде всего, я должен сказать Вам, любезный друг, что в день Вашего ангела и в день Вашего рождения, я много о Вас думал и молил Бога о сохранении на Вас и на все Ваше семейство его благодати.

Вы меня знаете, и потому мне нечего повторять, что молитва моя истекала от глубины давно Вам преданного и благодарного сердца!

Теперь обращусь к делу.

Прошение Ваше на имя государя я немедленно вручил ему, и Вы из *собственноручной надписи его карандашом* убедились в желании его исполнить Вашу просьбу[2].

Но прежде чем приступить к исполнению, государю надобно было знать наверно, *не противоречит ли это закону,* и потому его велич<ество> обратился к мин<истру> юст<иции> гр<афу> Панину[3].

Записку его с его мнением[4] прилагаю при сем по приказанию государя, дабы, прочитав её, Вы могли сами видеть причины, по которым его велич<ество>, несмотря на *все стремление исполнить Вашу просьбу, не может этого сделать!*

Прибавлю, с своей стороны, что мне крайне прискорбно быть передателем подобного отказа, но что ж тут делать!

Вы сами знаете, что государь должен быть первым блюстителем закона, и, к сожалению, есть немало случаев *подобного сему*, где исполнение буквы закона кажется противно справедливости!

Насчет опасений Ваших о ходатайстве от в<еликой> к<нягини> Марии Павловны об дозволении Вам еще долго остаться за границей[5] могу Вас вполне успокоить, – по крайней мере доселе она ни слова не писала о сем государю, который, однако, вместе со мною весьма сожалеет о беспокойстве Вашем по случаю продолжающегося нездоровья Вашей милой супруги.

Дай бог, чтобы нынешним летом она могла вполне поправиться и дабы Вы могли наконец со всем Вашим семейством переселиться к нам, где мы Вас так давно и с таким нетерпением ожидаем.

Между тем я надеюсь где-нибудь на Рейне с Вами увидеться; мы с женой полагаем отправиться отсюда морем в начале июня, а оттуда куда-нибудь на воды, т.е. куда доктора пошлют её[6].

Здесь у нас, слава богу, всё хорошо, хотя на 1-ой неделе вел<икого> поста императрица стала кашлять, но общее состояние её здоровья вообще довольно удовлетворительно. Она и государь, равно и жена моя, посылают Вам сердечный поклон; а я прошу Вас поцеловать ручку Вашей милой супруги и поклониться от меня всему Вашему семейству.

Обнимаю Вас, милый друг, от души Вас искренно любящий

Александр.

39*

11/23 апреля 1847 г. Петербург

С. Петербург. 11/23 апреля 1847

Пользуюсь отъездом Мёрдера[1] с радостной вестью в Дармштадт с рождением сына *Владимира*[2], чтобы разделить с Вами наше счастье, любезный Василий Андреевич, и некоторым образом извиниться в моем долгом молчании; хотя давно хотел писать Вам и ждал только отъезда молодого Рейтерна, которому, согласно Вашему желанию, государь позволил навестить своего бедного родителя, постигнутого столь тяжким несчастием[3].

Ваше последнее письмо[3] меня тронуло до слёз, кто имеет детей и знает ценить это благословение Божие, – того сердце легко понимает и всю тягость подобных испытаний.

Простите мне, что я Вам так мало пишу, но Вы сами знаете, что такое первые дни радости; благодаря бога, всё идет хорошо.

Насчет продолжения Вашего заграничного пребывания по случаю нездоровья Вашей милой супруги[4], у которой я целую руку, государь приказал мне Вам сказать, что он Вам разрешает остаться, пока здоровье её не укрепится, но что он вдвойне сожалеет и о причине и о том, что Вас самих так давно не видал.

Обнимаю Вас, милый друг, от всей души.

Вас искренно любящий

Александр.

Скажите Рейтерну, что я принимаю искреннее участие в его горе, посреди моего собственного счастия, оно мне еще как-то живее представляется!

40*

4/16 мая 1847 г. Петербург

С. Петербург. 4-го/16 мая 1847

Пользуюсь, наконец, отъездом Рейтерна[1], чтобы написать Вам, любезный Василий Андреевич, ещё несколько слов.

Надеюсь, что приезд сына утешит немного Ваше бедное семейство, говорю Ваше, ибо я знаю, что они Вас считают своим.

Из Вашего последнего письма[2] с удовольствием увидел я, что здоровье жены Вашей немного поправляется; дай бог, чтобы лечение нынешним летом совершенно его возобновило.

Рейтерн видел сегодня утром у меня в библиотеке императрицу и жену и может Вам дать самые свежие и, благодаря бога, самые хорошие новости о её здоровье.

Недели через четыре мы надеемся сами пуститься в путь, так чтобы с Божией помощью в первых числах нашего июня быть на Рейне[3].

Мне нечего Вам говорить, любезный Василий Андреевич, с каким нетерпением я жду минуты свидания с Вами.

Вы знаете меня, и потому это Вас не удивит.

Третьего дня минуло *10 лет* нашему отъезду для большого путешествия по России![4] Неимоверно, как время летит!

Я собирал у себя к обеду наших стариков, но троих недоставало, Вас, Алекс<андра> Александр<овича>[4] и бедного Виельгорского![5] *10 лет* не шутка в человеческой жизни; и для меня эти 10 лет были *10 лет счастья!* Мне остаётся только Бога благодарить за все Его милости и просить, чтобы Он сохранил на нас Его благословение!

Признаюсь, страшно подумать о будущем, ибо быть всякой перемене, лучшего желать не могу, чем то, что есть!

Впрочем, *да будет Воля Его!*

Итак, до свидания, любезный друг, обнимаю Вас отсюда мысленно от всего сердца.

Прошу поцеловать за меня ручку Вашей милой супруги и поклониться всему доброму Вашему семейству.

Вас искренно любящий

Александр.

41*

7/19 июля 1847 г. Киссинген

Киссинген. 7/19 июля 1847

Милое письмо Ваше из Эмса[1], любезный Василий Андреевич, получил я третьего дня. Не помню, от кого, но я уже знал о переменах в Вашем первоначальном намерении ехать тотчас в Италию.

Сожалею очень, что поездка в Дармштадт была тому причиной, и от всего сердца желаю, чтобы Эмс принес Вашей милой жене ту же пользу, как мне в 1838 г<оду>. Я вполне понимаю, с каким чувством Вы увидели опять эти места, где решилась Ваша судьба.

Про наше здешнее житье и бытье рассказывать немного. Слава богу, лечение, кажется, начинает приносить пользу жене, по крайней мере, силы ее стали возвращаться, и она приметно с меньшею усталостью ходит пешком, чем в первое время.

Наша милая Анна[2] провела с нами 3 недели, казалось, что мы с ней не расставались, так мы с нею опять свыклись, зато отъезд её оставил у нас большую пустоту; в конце августа мы надеемся встретиться в Штутгарте.

Мы с женой полагаем остаться здесь ещё недели три, надеемся, что Крейциг[3] уже будет не нужен и что нам можно будет спокойно провести месяц в Jugenheim[4].

Завтра отправляюсь я в Веймар на два дня повидаться с Мар<ией> Пав<ловной>[5].

Из Петербурга, благодаря бога, получаем мы хорошие известия, здоровье императрицы с наступлением тёплой погоды снова улучшилось; одно что неприятно, это шаги, которые *холера* делает из-за Кавказа, по всему кажется, нам её не миновать[6]!

Здесь русских очень много, нас за столом было 25-го июня и 1-го июля[7] чел<овек> до 60.

Но житие киссингенское скучно до крайности, я несравненно предпочитаю Эмс, к которому у меня осталось особенное чувство

благодарности, надеюсь, что Ваше теперешнее пребывание там сделает на Вас то же впечатление.

Жена Вам посылает сердечный поклон, а Вас обнимаю от всей души и прошу поцеловать ручку Вашей милой супруге.

Вас искренно любящий

Александр.

Мой поклон всему Вашему семейству.

42*

20 ноября / 2 декабря 1847 г. Царское Село

Царское Село. 20-го ноября / 2-го декабря 1847

Пользуюсь отъездом курьера в Дармштадт, чтобы написать Вам, любезный Василий Андреевич, несколько слов о том предмете, о котором мы с Вами столько говорили в Дармштадте; а именно о выборе наставника для сыновей наших.

К нашему крайнему сожалению, государю *неугодно* было согласиться насчет почтенного *Ливена*![1] «Он много служит для другого», сказал он нам. Теперь, кроме Зиновьева[2], мы никого в виду не имеем.

Итак, прошу Вас сказать ему от нашего имени, что, повинуясь высочайшей воле, повторяю, к нашему *крайнему сожалению*, должны от него отказаться. Уверьте его, однако, притом, что чувства наши к нему никогда не изменятся и что мы всегда будем ему благодарны за предварительное согласие на наше столь искреннее желание[3].

Каков он? Я решительно об нем ничего не знаю, и где он?

Мы совершили наше обратное путешествие[4], благодаря бога, совершенно благополучно, и имели радость найти здесь всех здоровыми.

Состояние императрицы точно лучше, чем было в прошлом году, дай бог, чтобы она зиму благополучно провела. Холера в Москве довольно слаба и покуда до нас не добралась, авось мы ее избегнем до будущего лета[5].

Но у Вас поблизости холера другого рода; разумею про *Швейцарию*, не дай бог радикальной партии успеха![6] Успех подобный мо-

жет иметь страшный отголосок во всей Европе, а в особенности в Германии, где либералы только ждут случая, чтобы поставить всё вверх дном!

L'avenir n'est pas couleur de rose*.

Пора, однако, заключить. Обнимаю Вас, милый друг, от всего сердца и целую ручку Вашей милой супруги.

Жена посылает Вам сердечный поклон.

От меня такой же всем Вашим.

Вас искренно любящий

Александр.

43*

1/13 февраля 1848 г. Петербург

С. Петербург. 1-го/13 февраля 1848

Прежде всего я должен поздравить Вас, любезнейший Василий Андреевич, с прошедшими днями Вашего ангела и Вашего рождения, да продлит Господь Бог свое благословение на Вас и на всех Ваших близких ещё на долгие дни!

Ваше последнее письмо[1] получил я перед самою моею болезнью и потому не мог Вам тотчас отвечать, ибо хотя лихорадка меня продержала в постели только 8 дней, но слабость оставалась еще долго, и я не более как с дней 10 могу точно сказать, что совершенно поправился.

Ваша решимость прибыть сюда летом меня и всех Вас любящих обрадовала до крайности, мы все боимся только, чтобы Вы вдруг не переменили Вашего намерения.

Что же касается супруги Вашей, государь сразу, разумеется, разрешил ей остаться за границей, сколько здоровье её того потребует, дай бог, чтобы Эмс в нынешнем году ее совершенно укрепил; только чтобы к осени и она с Вами могла бы к нам переселиться.

Благодарю Вас, любезный друг, за исполнение поручения моего нашему почтенному Ливену[2], обнимите его за меня, если он ещё во Франкфурте, и скажите ему, что я крепко на него рассчитываю, что-

* Будущее предстает не в розовом цвете (*фр.*).

бы с разрешения государя предпринять с ним будущею осенью (т<о> е<сть> в сентябре) поездку на Кавказ для осмотра его любопытного края[3], я надеюсь, что к этому времени здоровье его совершенно восстановится.

Вместо его выбор наш пал на *Зиновьева*[4], я его призывал к себе, объявил ему наше намерение, и он как благороднейший человек сначала было устрашился сего неожиданного предложения, но потом, не скрывая от нас все свои мнимые недостатки и видя наше непременное желание, наконец согласился.

Чем более я теперь с ним знакомлюсь, тем больше я надеюсь найти в нём всё то, что для такого места нужно, знакомство с детьми также уже сделано, и хотя окончательно его поступление к нам, вероятно, еще не будет так скоро, он, однако, по просьбе моей к ним по временам приходит, не мешает, чтобы они исподволь к нему привыкали.

Теперь скажу Вам несколько слов про наше житие и бытие.

Слава богу, здоровье государя после довольно долгой и тяжелой болезни теперь совершенно поправилось[5], императрица также чувствует себя гораздо лучше, чем в прошлом году, они оба Вам кланяются и тоже радуются Вашему приезду.

На днях, т<о> е<сть> 28-го января, праздновали мы *50-летие* в<еликого> к<нязя> Михаила Павловича, назначение его генер<ал>-фельдцейхмейстером[6], милостивый рескрипт государя[7], который Вы найдете в газете, его глубоко тронул, равно как и искреннее участие всех собравшихся со всех концов империи артиллеристов, одних генералов было более 50 чел<овек>. После обедни у него во дворце был артиллерии церковный парад, при котором сам государь отдал ему почести, после того поздравление и, наконец, обед в Зимнем дворце. На другой день было открытие его бюста в артил<лерийском> училище[8], пожертвованного всею российскою артил<лериею> в знак благодарности. Он был до того тронут, что хотел выразить в свою очередь свою благодарность, но слёзы не дали ему окончить. C'étaient deux bonnes journées qui font véritablement du bien à l'âme car on voyait que tout ce qui se faisait venait du cœur*!

---

* Это были два хороших дня, которые на деле приносили удовлетворение душе, потому что мы видели, что все, что делалось, исходило от сердца (*фр.*).

Между тем известия, полученные из Швейцарии и Италии[9], производят, к сожалению, совершенно противоположное действие. L'horizon s'assombrit de toutes parts*! Что-то будет весной, страшно подумать!

Дай бог, чтобы все это не отразилось бы и в Германии, где умы также довольно испорчены благодаря неистовым журналам.

Пора, однако, закончить мое письмо поклоном от жены и мысленным сердечным объятием. Целую ручку Вашей милейшей супруги.

Вас искренно любящий

Александр.

Мой поклон всей Вашей семье.

44*

10/22 июля 1848 г. Петергоф

Петергоф. 10/22 июля 1848

Вчера получил я Ваше последнее письмо, любезный Василий Андреевич, из Эмса от 1/13 июля[1]; Вы меня справедливо упрекаете в долгом молчании.

Но причиной тому было ожидание Вашего скорого приезда и неизвестность Вашего настоящего местопребывания.

Вы мне каждый раз писали о Ваших приготовлениях к отъезду, но никогда не определяли времени, и потому я боялся, чтобы письма мои к Вам не разлетелись.

Зная теперь, наконец, что Вы полагаете остаться в Эмсе до 5-го/17 августа[2], я спешу ответить Вам на Ваши вопросы.

Начну с оправдания Лярского, он мне немедля по своем возвращении вручил как письмо Ваше, так и обе книги[3], я обрадовался видеть в печати первую часть Вашей «Одиссеи» и надеюсь теперь, что окончание оной последует скоро по возвращении Вашем на милую родину.

Теперь насчет Вашего возвращения и опасной встречи с холерою, Вы спрашиваете моего совета[4].

---

* Горизонт темнеет со всех сторон (*фр.*).

Я полагаю, что Вам нечего на этом останавливаться, ибо к тому времени, бог даст, болезнь если не совершенно у нас прекратится, то будет в самой слабой степени, ибо теперь уже стала ослабевать.

К тому же ход её из прежних примеров известен, она более или менее медленно подвигается на Запад, и потому Вам в Германии её не избежать, к моральной холере, столь сильно в оной свирепствующей, присоединится тогда настоящая.

Мне кажется, что и одной довольно, чтобы от нее бежать.

Итак, *не переменяйте Вашего намерения и, перекрестясь, пускайтесь в путь* со всею семьею, приезжайте поскорее к нам, где, Вы знаете, Вас давно ожидают Ваши друзья, из коих первый есмь аз.

Вот Вам мой дружеский совет.

О теперешних политических обстоятельствах не стану распространяться; что будет из хаоса, в котором находится вся Западная Европа?

Этим вопросом оканчиваются теперь все политические разговоры. Дай бог, чтобы пример последних парижских происшествий, где порядок восторжествовал над безначалием[5], подействовал на Германию и придал бы более старания благомыслящим, которые, к сожалению, долго везде уступали постыдно мнению крикунов радикалов.

Истинному единству Германии я теперь меньше чем когда-либо верю; выбор ер<ц>-гер<цога> Иоганна[6], по моему мнению, ни к чему не ведёт и скорее произведет противное действие, ибо теперь уже доходят до меня сведения, что в Пруссии сильно развивается прежний *прусский дух, а не германский*; даже говорят, что сам король, который первый стал кричать *о германстве*, сам бросил германскую кокарду и смеется даже над теми, кто ее носит[7].

Да сохранит Бог нашу матушку Россию спокойною, сильною и счастливою под державным скипетром нашего государя.

Он, равно как и императрица, все оба благодарят за Ваше поздравление и радуются искренно Вашему возвращению.

За сим обнимаю Вас мысленно от всего сердца и целую ручку Вашей милой супруги, дай бог ей в добрый час перешагнуть через родную границу.

Жена посылает Вам сердечный поклон.

Итак, до свидания.

Вас искренно любящий

Александр.

45*

18/30 октября 1848 г. Царское Село

Царское Село. 18/30 октября 1848

Давно не писал я Вам, любезный Василий Андреевич, но опять по той же причине, ибо не знал, куда писать, и теперь адресую наудачу в Баден, где, по слухам, Вы намерены провести зиму.

Ваше последнее письмо оттуда[1] так ясно и так справедливо описывает теперешнее жалкое положение Германии, что я просил государя позволить печатать его в наших газетах[2].

Благодарю Вас за присылку портретов франкфуртских болтунов, есть рожи преотвратительные[3].

Сумневаюсь, чтобы из их болтовни вышел какой-либо прок.

Дела везде всё более и более запутываются, все взоры обращаются на Вену, где теперь должна решиться судьба Германии.

Дай бог, чтобы Виндишгрецу[4] удалось восстановить законный порядок, иначе я не предвижу конца анархии.

С большим любопытством читал я Ваше письмо к Вяземскому, оно также было напечатано с малыми пропусками именно тех мнений, которые касаются реформации, дабы не обидеть наших собственных реформатов[5].

Но я совершенно разделяю Вашу мысль, что реформация была первым шагом революции, ибо ею был нанесен первый удар тому, что прежде считалось священным!

Разделение, которое вы делаете между святою Русью и Россиею, также совершенно справедливо; это есть лучший ответ нашим славянофилам, которых славянские бредни чересчур далеко увлекают.

Мы теперь в ежедневном ожидании сестры, она в Любеке должна была сесть на пароход[6]; дай бог ей благополучно совершить плавание в столь позднее осеннее время; Вы поймете наше нетерпение после столь долгой разлуки.

Последнее время пребывание ее в Штутгарте было нелёгкое!

У нас, слава богу, всё тихо, холера почти прекратилась, хотя всё ещё проявляются частные случаи.

Государь, императрица и жена Вам кланяются, все они, благодаря бога, здоровы. Прошу Вас поцеловать за меня ручку Вашей ми-

лой супруги, а Вас самих, любезный Василий Андреевич, обнимаю я от всей души.

Вас искренно любящий

Александр.

46*

30 января / 11 февраля 1849 г. Петербург

С. Петербург. 30-го января / 11-го февраля 1849 г.

Поздравляю Вас, любезный Василий Андреевич, от глубины души с вчерашним днем Вашего рождения и с сегодняшним днем ангела. Да будет Благословение Божие на Вас и на всех близких Вашему сердцу!

Вчерашний вечер мы провели самым приятным образом у Вяземских, где были собраны все Ваши друзья, чтобы праздновать Ваше *литературное 50-летие*[1].

Если бы Вы видели, с каким чувством были прочтены стихи и пропеты куплеты в Вашу честь[2], сопровождаемые каждый раз общим *русским ура!*

То Вы, вероятно, убедились бы, что Вас здесь не забывают, а *любят* и *уважают* по-прежнему и сожалеют только, что болезнь Вашей милой супруги помешала Вам выполнить Ваши намерения и провести этот день с нами.

Давно очень не имел я никаких об Вас известий, – Вы мне обещали длинное письмо после нового года, которого, однако, я не получал доселе.

Здесь у меня, слава богу, все тихо и спокойно в политическом отношении, но в семье нашей совершенный госпиталь, все почти лежат в кори, – началось с гер<цога> Лейхтенбергского[3], от него к Мери[4] и к их детям, и вчера открылась у Оли[5], Кости[6] и, наконец, сегодня у нашей Лины[7], вероятно, и прочие её тоже не избегнут.

Болезнь эта не опасна, но крайне неприятна; в особенности некстати заболела Оля в день приезда ее мужа[8].

В общественном отношении я не помню такой тихой зимы, балов почти не было, и вот уже через 2 недели великий пост.

Я, впрочем, для себя очень рад, ибо не большой любитель всех этих увеселений, и для жены тоже лучше, потому что ничто так не утомляет, как балы.

Она поручила мне также Вас искренно поздравить и пожелать Вам всевозможного счастья; равно и государь и императрица.

Засим обнимаю Вас, любезный друг, от всего сердца и целую ручку Вашей милой супруги!

Вас искренно любящий

Александр.

47*

30 января / 11 февраля – 5/17 февраля 1850 г. Петербург

С. Петербург. 30-го января / 11-го февраля 1850 г.

Искренно благодарю Вас, любезный Василий Андреевич, за Ваши два милых письма от 4/16 и 15/27 января[1], спасибо Вам за участие, которое Вы принимаете в новом благословении Божием, на нас ниспосланном. Жена, благодаря бога, хорошо поправляется, и наш маленький Алексей видимо растет[2].

Теперь должен я Вас поздравить от глубины сердца с вчерашним и сегодняшним дорогими для всех Вас любящих днями. Чувства мои Вам давно известны, любезный друг, потому не стану про них говорить. Да будет благословение Божие на Вас и да сподобит он Вас спокойно и счастливо кончить дни Ваши *на родине*, в кругу семейном и, скажу ещё, в кругу друзей Ваших.

Итак, я вполне теперь надеюсь, что к осени, устроив жену Вашу в Ревеле[3], Вы приедете, хотя на короткое время, нас посетить.

5/17 февраля.

Начатое намедни письмо мне не было никакой возможности окончить тогда же, ибо свободного времени у меня немного и я должен ловить эти минуты, так сказать, налету. С тех пор Бог дал нам ещё одного великого князя. 2/14 числа жена брата благополучно родила сына Николая[4], итак, меньше чем в два месяца в семействе нашем прибавились три мальчика. Да сохранит их Бог и да будут они полезными слугами отчества; вот первая моя молитва, после

благодарения Богу за его милости, при каждом рождении сына, молитва, которую я повторяю всякое утро и всякий вечер.

Я вперед радуюсь мысли познакомить Вас, любезный друг, с моими ребятами, старший очень прилежно начинает заниматься чтением, и второй, глядя на него, также следует его примеру[5].

Зиновьев ими вообще доволен, и они к нему очень привязались. Он выбрал себе помощником полк<овника> Гогеля, человека предостойного и который уже поступил в должность с начала зимы[6].

Впоследствии надзор за науками полагаем мы поручить почтенному Гримму, если только здоровье его позволит ему взять эту обузу на себя[7]. Вы по собственному опыту знаете, что вещь эта нелёгкая.

Теперь пора мне закончить письмо сердечным поклоном от всего семейства и от жены моей в особенности. Прошу Вас обнять за меня почтенного Рейтерна и сказать ему, что я душевно благодарю его за милое письмо[8]. Недавно видел сына его[9] в Гатчине, он ездит верхом молодцом, и им очень довольны.

Засим обнимаю Вас самих, любезный Василий Андреевич, от всего сердца и прошу поцеловать за меня ручку у Вашей милой супруги. Да хранит Вас Бог!

48*

7/19 июля 1850 г. Петербург

Петербург. 7-го/19 июля 1850 г.

На днях получил я Ваши два письма от 14/26 и 16/28 июня[1]. Сколько первое меня обрадовало, столько второе опечалило, ибо из него я вижу, что Вы вновь желаете остаться за границею!

Вы меня спрашиваете, буду ли праздновать в будущем году *22-е августа в Москве*?[2] Я об этом и не слышал и потому, так как Вы спрашиваете моего совета, то я Вам по искренней дружбе говорю: *решившись раз ехать в Россию, не переменяйте этого благого намерения, разве*, чего боже упаси, здоровье жены Вашей снова сделается хуже, *и приезжайте с нею в Дерпт, и оттуда сами сюда к ноябрю.*

Мне не было никакой возможности Вам тотчас отвечать, ибо я должен был ехать на несколько дней в Царское Село, а там, Вы сами

знаете, не до письма[3]; воротился же я оттуда только сегодня к обеду и пользуюсь теперь первою свободною минутою, которых у меня немного, чтобы передать Вам мой дружеский совет.

Я никак не могу успеть прочесть доселе письмо Ваше о Радовице[4], но признаюсь, последние его деяния в Эрфурте и теперь в Берлине[5] не таковые, чтобы заставить меня переменить мое невыгодное о нем мнение.

Молодой Рейтерн был у меня перед своим отъездом к своему новому месту служения[6]; я вполне уверен, что к<нязь> Варшавский будет им доволен. Хотя я с ним немного имел времени говорить, благородный образ его мыслей мне очень понравился.

Государь и императрица благодарят Вас за поздравления; здоровье её, благодаря бога, поддерживается.

Жена моя посылает Вам сердечный поклон, а я обнимаю Вас, любезный друг, от всей души и целую ручку милой Вашей супруги. Дай бог Вас поскорее увидеть между нами.

Вас искренно любящий

Александр.

49*

22 августа / 3 сентября 1850 г. Петербург

С. Петербург. 22-го августа / 3-го сентября 1850

Завтра отправляюсь я в дальний путь, чрез Киев, Крым на Кавказ и прежде половины ноября я не полагаю быть назад[1], итак, прошу не пенять на меня, если долго не буду Вам писать.

Последнее письмо Ваше[2], любезный Василий Андреевич, признаюсь Вам, меня крайне огорчило, ибо я вполне был уверен, что Вы не перемените Ваше благое намерение и наконец воротитесь восвояси!

Против причин, Вами приводимых, нечего говорить, они те же, что и прежде, и приняты государем с тем же прискорбием, как и мною. Дай бог по крайней мере в будущем году Вас увидеть здесь.

Государь и императрица, вероятно, проведут нынешнюю осень в Варшаве[3], потому я бы советовал Вам, если это состоится, прибыть

туда в течение октября pour faire au moins note de présence![*] Примите этот дружеский совет как от человека, Вас искренно любящего.

Теперь пора мне кончать, ибо спешу на *150-летний* юбилей Преображенского и Семеновского полков[4].

Старший сын мой при этом случае в первый раз явится в офицерском мундире с саблею в руках[5]. Как будто *три генерации* в одном полку.

Прощайте, любезный друг, обнимаю Вас от всей души.

Александр.

Целую ручку Вашей милой супруги, жена Вам кланяется.

50*

28 декабря 1850 г. / 9 января 1851 г. Петербург

С. Петербург. 28-го декабря 1850 / 9-го января 1851

Душевно благодарю Вас, любезный Василий Андреевич, за два письма[1], в особенности за последнее, в котором Вы поздравляете меня с георгиевским крестом[2].

Я вижу из него, что Вы вполне поняли то, что во мне происходило в эту счастливую для меня минуту.

Если я Вам доселе не отвечал на Ваши милые письма, то того единственно, что совершенно невозможно найти свободную минуту. Первое время по возвращении моем из путешествия[3] я был точно завален делами, теперь только начинаю свободно дышать.

Прежде всего я должен исполнить поручение государя. Ваше письмо к нему, по случаю совершившегося *25-летия*[4], его глубоко тронуло, и он приказал мне Вас искренно благодарить за Ваши добрые чувства, в которых он никогда не сомневался, зная издавна Ваше чистое и благородное сердце.

Да – мы можем от глубины души благодарить Бога за это *25-летие!* Россия, благодаря нашему царю никогда так высоко не стояла, как теперь, и сердце каждого истинно русского может этим справедливо гордиться.

---

[*] по крайней мере отметить свое присутствие! (*фр.*).

В германском деле, наконец, кажется, произошел переворот к лучшему, авось из дрезденских переговоров выйдет что путное[5]. Сближение Пруссии с Австрией есть уже важный шаг, лишь бы неуместные претензии второстепенных владетелей не попортили дело.

Но довольно о политике. Прежнюю роль Вашу, накануне Рождества, принял я на себя, т<о> е<сть> уверял детей, *что елки не будет*, и они, подобно нам, также этому поверили, зато радость их потом удвоилась.

Как люблю я этот обычай!

Но пора кончать. Обнимаю Вас, любезный друг, от всего сердца и целую ручку Вашей милой жены.

Вас искренно любящий

Александр.

Жена посылает Вам сердечный поклон.

51*

1/13 мая 1851 г. Петербург

С. Петербург. 1/13 мая 1851

Давно я не писал Вам, любезный Василий Андреевич, но все это время я так был занят, что не имел минуты свободной. Благодарю Вас душевно за Ваши последние два письма[1]. Итак, с Божией помощью мы можем надеяться Вас наконец увидеть на родине, – но признаюсь, я все ещё боюсь, чтобы опять какое-нибудь непредвиденное обстоятельство не переменило Ваше намерение.

Здесь у нас, слава богу, все тихо и идет своим порядком. На прошедшей неделе императрица отправилась в Варшаву для свидания с братом королем прусским. Государь несколько дней спустя также за ней последовал[2]. Мы теперь в ожидании теплой погоды, чтобы переселиться с детьми в Царское Село. После теплой прекрасной погоды в начале апреля, снова настала стужа, и бедная зелень, только что начинавшая показываться, как бы съежилась от холода и остановилась в своем развитии.

Насчет просьбы бывшего президента Швейцарского сейма, я с лучшим намерением исполнить Ваше желание, не могу, <потому> что у меня едва достаточно средств помогать нуждающимся в России[3].

Жена посылает Вам свой сердечный поклон, а я обнимаю Вас, милый друг, от всей души и прошу Вас поцеловать за меня ручку Вашей милой супруги.

Дай бог поскорее до свидания.

Вас искренно любящий

Александр.

52*

2/14 сентября 1851 г. Москва

Москва. 2/14 сентября 1851

Здесь в Москве получил я два Ваших письма, любезный Василий Андреевич, одно от 10/22 ав<густа> и другое от 1 сентября[1], и к крайнему моему прискорбию увидел из них, что новые невзгоды остановили Вас в ту минуту, как Вы совсем уже было собрались покинуть чужую сторону и воротиться на родину. Я все еще однако надеюсь на милость Божию, что глаза Ваши успеют укрепиться и Вы в состоянии будете отправиться в путь. Если же Богу угодно будет решить иначе, то будьте уверены, что никто не припишет это Вашему нежеланию воротиться к нам, а необходимости. Но мы не без труда и скорби покоримся этой грустной необходимости!

Наше московское пребывание приходит теперь к концу и оставит во всех нас самое приятное впечатление.

Празднование 22-го августа[2] было трогательно своей простотою, – оно ограничилось благодарственным молебном в Успенском соборе *за протекшие 25 лет*, в которые благословение Божие так видимо сопутствовало нашему дорогому царю! Да не покинет его и впредь благодать Божия!

Жена отправилась сегодня в Троицкую Лавру, а я еду для осмотра кадетских корпусов в Тулу, Орел и Тамбов[3]. К 8/20 сент<ября> надеюсь быть опять здесь, а к 9-му воротиться по жел<езной> дор<ороге> в Царское Село.

Засим обнимаю Вас, любезный друг, от всей души и целую ручку Вашей милой супруги.

Вас искренно любящий

Александр.

53*

23 ноября / 5 декабря 1851 г. Царское Село

Царское Село. 23-го ноября / 5-го декабря 1851

Мне не было никакой возможности Вам ранее ответить, любезный Василий Андреевич, на последние два письма[1]; но я просил Плетнёва Вас тотчас же известить о решении государя[2]. Посылаю Вам при сем официальную бумагу к<нязя> Ширинского-Шихматова о сем деле[3]. Я надеюсь, что рассрочка на пять лет уплаты всего капитала Вас не расстроит, ибо главная цель достигнется, т<о> е<сть> капитал, хотя не сейчас, но всё-таки верным образом будет в Ваших руках.

Благодарю Вас за присылку последнего издания Ваших сочинений[4], по желанию Вашему я сам вручил его государю и императрице, они оба Вас благодарят и сердечно кланяются.

О сожалении их и нашем общем, что глаза Ваши вновь помешали Вам вернуться к нам нынешней зимой, я не стану говорить! По крайней мере, Вы можете быть вполне спокойны, что никто не припишет этого Вашему нежеланию воротиться в Россию. Сестра Мери была в этом случае Вашим жарким адвокатом. Она мне много рассказывала про Ваше свидание в Бадене и про Вашу супругу, которую она сердечно полюбила[5].

Когда-то Бог даст нам теперь с Вами увидеться?

Про наше здешнее бытие мне нечего Вам писать; наше царскосельское тихое осеннее житие кончается, к нашему сожалению, завтра. Подобной прекрасной осени я не помню, зима только несколько дней как установилась, но больших холодов еще не было.

Что-то будет в политическом мире, мне кажется, вновь подвигается быстрыми шагами к какой-то новой катастрофе. Дай бог, чтобы урок 1848 года послужил теперь впрок.

Но пора мне кончить, итак, обнимаю Вас, любезный друг, мысленно от всего сердца и целую ручку Вашей милой супруги.

Жена посылает Вам свой сердечный поклон.

Вас искренно любящий

Александр.

54*

25 января / 6 февраля 1852 г. Петербург

С. Петербург. 25-го января / 6-го февраля 1852

Простите мне, любезный Василий Андреевич, мое долгое молчание на Ваши последние три письма[1], оправдываться я не стану, хотя Вы сами знаете, что свободного времени у меня немного.

Прежде всего, желаю Вам в сем наступившем Новом году укрепления Вашего здоровья и продолжения Вашего семейного счастья.

Дай бог, чтобы наконец в нынешнем году ничто не воспрепятствовало возвращению Вашему на родину. В искренности моих желаний Вы верно не усомнитесь, ибо чувства мои к Вам давно известны, они истекают из сердца, привыкшего с детства Вас любить и уважать.

Теперь насчет желания Вашего об обеспечении будущего Вашего семейства[2], я должен Вам повторить то, что уже несколько лет тому назад Вам писал[3], т<о> е<сть> слова государя: «Скажи доброму Жуковскому, что он напрасно об этом беспокоится. Дай бог ему ещё много лет жизни, когда же его не станет, то семейство его *я верно не оставлю*, он, кажется, меня знает и *с чего было бы ему в этом усомниться*».

После этого, кажется, нечего прибавлять.

Что же касается до Вашего сына, я Вам уже и писал и говорил, что с самого его рождения у меня была мысль, чтобы будущность его была соединена с моим Николаем.

Если у Вашего Павла сердце будет отцовское, то они, верно, друг друга поймут. Но поэтому я еще более желаю, чтобы он мог кончить свое воспитание здесь на родине, а не на чужбине[4]. Впечатления и воспоминания детства остаются на всю жизнь. Вот, кажется, и всё.

Про последние политические события не стану говорить[5]. Страшно будет, если переворот к лучшему и основание нового порядка, нового общественного быта истекут из Франции, подавшей первый пример сокрушения всего прежнего[6], – ужасный пример, от последствий коего страждет более полувека вся Европа, кроме, благодаря бога, нашей благословенной России, и да будет этот пример и для них уроком.

Государь, императрица и жена благодарят Вас за Ваше поздравление с Новым годом и желают Вам того же, что я.

Засим прошу поцеловать за меня ручку Вашей милой супруги, и Вас милый, любезный друг, дайте мысленно обнять от глубины сердца.

Вас искренно любящий

Александр.

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА

Мария Николаевна (в замуж. герцогиня Лейхтенбергская, 1819–1876), великая княжна, первая хозяйка Мариинского дворца в Санкт-Петербурге. Президент Императорской Академии художеств в 1852–1876 гг. Старшая дочь и второй ребенок в семье великого князя Николая Павловича и великой княгини Александры Федоровны. Современники отмечали сходство великой княжны с отцом как внешностью, так и характером. Мария Николаевна отличалась энергичным непосредственным характером, способностью переступать через правила придворного этикета. Была умна, прекрасно образованна и обладала художественным вкусом. С будущим мужем, герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, она познакомилась летом 1837 г., во время пребывания с родителями в Баварии; бракосочетание состоялось в Санкт-Петербурге 2 июля 1839 г.

Жуковский, знавший Марию Николаевну с малых лет, преподавал ей русский язык; по его протекции летом 1828 г. с великой княжной занималась русским языком А.П. Зонтаг. Отношения поэта с Мери, как называли великую княжну в кругу семьи, были дружескими и полными веселья. Сохранилось 10 писем Жуковского к Марии Николаевне 1828–1840 гг., некоторые из них представляют развернутые описания путешествий или наброски статей, таковы письма о пребывании в Швейцарии в 1833 г., в Швеции в 1838 г. (стало статьей «Очерки Швеции»), в Москве в 1839 г. (статья «Бородинская годовщина»), во Франкфурте-на-Майне в 1840 г. На крестины великой княжны поэт написал стихотворение «Праматерь внуке» (1819), ей он посвятил свой перевод «Ундины» (1836), главная героиня которого имела черты Марии Николаевны, на ее визит в Баден Жуковский написал стихотворение «Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне, приветствие от русских, встретивших ее в Бадене» (1851) и шутливый опус «Мне привиделся сон…» (1851). Публикуемые далее письма Марии Николаевны были впервые напечатаны П.И. Бартеневым с небольшими сокращениями, редуцировавшими интимный характер общения.

Кристина Робертсон. Портрет великой княжны Марии Николаевны. 1841

1

13 июля 1828 г. Одесса

Любезный Василий Андреевич.

Я Вас очень благодарю за Ваше письмо[1]; оно сделало мне очень много удовольствия. И мне также очень бы хотелось Вас видеть; мне жаль, что Вы не тут: Вы бы вместе с нами посмотрели на море и на скалы.

Я недавно думала об Вас, когда луна освещала пенистые волны, которые бились о скалу, а мама сидела на скале, и ее лицо было так прекрасно освещено луною! Вы, конечно, сделали бы на это прекрасные стихи. Вы спрашивали у меня о расположении нашего дома. Мы живем теперь на даче; дом наш в саду, он очень мал; море у нас перед глазами; мы купаемся в нем, но уже три дни как перестали купаться, потому что вода очень холодна. Мы здесь видели очень много саранчи; она лежит большими тучами. Фигурой она похожа на кузнечика, только гораздо больше; величиною будет с Ваш середний палец, а цвета серого.

Вы спрашиваете у меня о расположении моего дня. В понедельник от 10 до 11 часов немецкий урок, от одиннадцати до 12 отдых, до часу я купаюсь и после завтракаю, в час до двух, а иногда до трех, русский урок. От трех до половины пятого обед, от пяти до шести французское чтение. В шесть часов чай, в половине седьмого катаюсь с мама́ или Юлией Федоровной[2], или гуляю, или прогулка на катере по морю. Возвращаюсь с прогулки прежде девяти часов, ужинаю и в половине десятого ложусь спать.

Вторник, от 10 до 11 французский урок; от 1 часу до 2 арифметика от 4 до 5 музыка.

Среда, от 10 до 11 география; от 1 до 2 священная история; от 4 до 5 учусь наизусть.

Четверг, от 10 до 11 немецкий урок; от 1 до 2 русский; от 4 до 5 музыка.

Пятница, от 10 до 11 французский урок; от 1 до 2 особенные географические занятия; от 4 до 5 чтение.

Суббота, от 10 до 11, география; от 1 до 2 особенные занятия французского языка и диктовка; от 4 до 5 музыка.

Посылаю Вам крыло саранчи; разберите, что на нем написано. У нее четыре таких крыла, и на всех одинаковый узор. Теперь пришло много кораблей, 12 из Константинополя. Прощайте, мой любезный Василий Андреевич. Мама Вам кланяется.

Ваша *Мери.*

13 июля, 1828-го года. Одесса.

2

6/18 мая 1833 г. Петербург

6/18 мая. Петербург. 1833-го.

Простите мне, любезный Василий Андреевич, что я Вам еще не писала и не отвечала на милое Ваше письмо[1], которое мне доставило неизъяснимое удовольствие. Я знаю Ваше доброе сердце и уверена, что Вы мои *грехи*[2] простите. *L'eau me venait à la bouche*[*], когда я читала прекрасное описание Женевского озера; и кто бы не знал, что Вы описали сей вид? прочитавши, сейчас бы сказал: это написал Жуковский. Благодарю Вас и за то, что Вы так чисто писали: без всякого труда я читала Ваше письмо. Мы часто об Вас думаем и всегда вспоминаем, когда подают суп с потрохами: каждая из нас берет лапку и кушает ее за Ваше здоровье.

Я продолжаю заниматься теми же уроками, как прежде: кончила курс мифологии и начала историю, которая мне доставляет много удовольствия. *Что правда, то правда*, я не очень успеваю во французской орфографии**,** хотя и трудно мне Вам признаться в этом. Русская идет немного лучше, а в английской почти не ошибаюсь. В немецкой, кроме *habe*[**], что я пишу *chabe*, и *von*[***], что я пишу *t-o-n*, также не ошибаюсь. У меня прежняя *antipathie*[****] к арифметике; музыку начинаю любить. Я рисую карандашом портреты всех старых гренадеров, об которых говорят, что они похожи. Наш сморчок Адини[3] болтает по-прежнему и учится очень хорошо; она

---

[*] У меня потекли слюнки (*фр.*).

[**] имею (*нем.*).

[***] от, из – предлог (*нем.*).

[****] антипатия (*фр.*).

начала с Павским[4], который ей рассказал страдания Спасителя; она была так тронута, что долго плакала. Ничего не скажу об Оле[5]; она Вам сама напишет. *Генерал-адмирал*[6] растет, успевает и делается совершенным моряком. Ника[7] страдает зубами, и оттого у него *милонколический взор.* Миша[8] похож на Адини. Вот Вам описание фамилии нашей.

Дайте мне известие о Вашем здоровье; надеюсь, что Вы приедете сюда здоровым и скоро. Вам есть время теперь написать обещанный мне поэм на Байкальское озеро[9], и, *верно*, мне не откажете. По-русски я начала сочинять повесть, писала, писала, писала, Петр Александрович[10] был доволен (и я также), но вдруг… все идеи исчезли, и повесть моя лежит. (Это похоже на большую часть сочинителей, которые долго пишут, а, наконец, все их идеи затмеваются).

Мы получаем довольно хорошие известия о Карл Карловиче[11], который, вероятно, уже оставил Дрезден.

Я очень рада, что Вы путешествуете в Италии. Это Вам даст идеи на обещанную поэму[12], которую я непременно ожидаю от Вас.

Прощайте, любезный Василий Андреевич; вспоминайте о меня всегда, когда будете глядеть на море вечером при свете луны. Дружеский поклон от Оли и Адини.

Шарлотта Карловна, Варвара Ивановна и miss Haliday[13] Вам кланяются. Последняя выходит за мужем. Навек остаюсь Вашим верным другом

Мария.

<Ю.Ф. Баранова>

P.S. Мария Николаевна me laisse cette petite place pour vous écrire moi-même, ne voulant pas se charger de mes compliments pour vous. C'est une petite ruse qu'elle emploie pour que j'aie le plaisir de vous annoncer que ses études vont très bien. Au reste je vous en parlerai plus au long. M-r Gille va partir[14]; il n'y a donc plus que moi qui puisse vous donner des nouvelles des Grandes-Duchesses, et je m'en acquitterai avec autant de plaisir que d'exactitude.

Adieu, mon bon et cher Василий Àндреевич; soignez-vous bien, oubliez tout, excepté votre santé, et revenez nous bien portant et frais comme autrefois. À jamais votre sincère amie

J. B.

Мама мне препоручила Вам сказать, что она Вас очень, очень благодарит за Ваше письмо[15], которое ей доставило большое удовольствие. Она мне позволила читать его, и сердце мое радовалось, видя, как Вы мамá любите.

Перевод:

P.S. Мария Николаевна оставила мне крошечку места написать Вам, не взяв на себя передать Вам мой поклон. Это маленькая с ее стороны хитрость, она этим доставляет мне удовольствие уведомить Вас, что ее занятия идут очень хорошо. Впрочем, я поговорю с Вами о том побольше. Г-н Жилль[14] уезжает; стало быть, я одна могу Вам сообщить известия о великих княжнах, что я буду делать с удовольствием и исправно.

Прощайте, мой добрый и милый Василий Андреевич, смотрите за собою, забудьте обо всем, кроме Вашего здоровья, и возвращайтесь к нам свежий и здоровый, как прежде. Навсегда Ваш искренний друг

Ю.Б.

3

<1834–1836 гг. Петербург>

Васька, мой милый Вася!

Ангельчик мой! Хорошенький! Добрый малый! Постарайтесь наискорейшим образом по приложенной при сем бумаге удовлетворить просьбу общего нашего приятеля Плетнёва. Presto, presto*.

Мария

4

<Конец декабря 1837 г. Петербург>

Папа, мама, Саша, Михаил Павлович и я в Большом театре.

Михаил П<авлович> уезжает.

Государь скоро за ним, ни слова нам не говоря. Также Саша.

---

* Скорее, скорее (*итал.*).

Мама и я остаемся до конца спектакля, думая, что они уехали, как обыкновенно, для какого-либо пожара.

В Морской навстречу М<ихаил> П<авлович>, посланный государем, на<м> сказал ехать в Аничковский дворец.

Мама: Où sont mes enfants?

М<ихаил> П<авлович>: L'Empereur va les envoyer à Anitchkoff.

Мама: Y sont-ils déjà?

М<ихаил> П<авлович: Pas encore, mais tout de suite.

Мама: Dites à l'Empereur que ma place est d'être là où sont mes enfants, que jusqu'à ce que je les voie partir, je ne bougerais pas du Palais d' Hiver.

На лестнице встречают нас братья и сестры, полузаснутые и нимало не испуганные. Мама к графине С.П. Кутузовой[1], всё к отъезду больной распоряжает. В комнатах сестер видели пожар. Государь к нам. Есть надежда, говорить. Où veux-tu dormir ici ou Anitchkoff? – Ici, dit Maman*. Государь ушел. Мы собираем несколько вещей. Через полчаса папа к нам. Partez: le feu peut être ici dans un moment**. Поцеловал, ушел. Мы в Главный штаб у графа Нессельроде[2] до 2 ½ утра. Видели пожар. Саша к нам. Plus de <palais>, mais tous les effets se sauvent***. Саша был в Галерной гавани[3] на другом пожаре. Мама все время была спокойна, не плакала, не жаловалась, благодарила Бога, что несчастие это не <принесло> смерти d'une personne chère à son cœur****. После в Аничков.

Перевод:

Мама: Где мои дети?

М<ихаил> П<авлович>: Государь посылает их в Аничков.

Мама: Они уже там?

М<ихаил> П<авлович: Нет еще, но тотчас там будут.

Мама: Скажите государю, что место мое там, где мои дети, что я не покину Зимнего дворца, пока не увижу, что они уехали.

---

* Где ты хочешь спать, здесь или в Аничковом? – Здесь, отвечает мама (*фр.*).

** Ступайте, огонь может быть здесь через минуту (*фр.*).

*** Дворца больше нет, но все вещи спасаются (*фр.*).

**** никому из близких ее сердцу (*фр.*).

5

22 июня / 4 июля 1838 г. Петергоф

Cottage, 22 juin / 4 juillet 1838*.

У меня есть знакомый; этого знакомого я очень люблю; знакомый обещал мне писать; знакомого по отцу называют Василий Андреевич, фамилия у него Жуковский. Знаете ли его? Коли да, так скажите ему, с каким нетерпением жду хоть одну строчку его руки.

Нет, любезный Вася кот, не думайте, что я на Вас сержусь; ни мало; но, как говорится: entre amis point de cérémonie; это я, qui fait le premier pas**. Этот premier pas мне ничего не стоит, потому что pour ce pas*** нет никаких мозолей, которые бы мешали ходить. Боже мой! Как глупо; но я обещала Вам так писать, как мне в голову приходит. Так не будет не совсем моя вина, если письмо будет ужасная чепуха.

Где Вы теперь?![1] Бог знает. Но где бы ни были, в каком краю или в городе, верно, Вам не так хорошо, как мне: я ведь в русской земле, в святой земле для нас обоих. Однообразная жизнь, которую проводим, мне нравится; благодаря бога, я ко всякому образу жизни привыкаю. Погода лейб-гвардия петергофская, как говорит папа; очень тепло, и маленький морской ветер прохлаждает воздух. Я много занимаюсь; пишу с Пироцким[2] (Заурвейд[3] уехал); читаю и с учителями, и одна на всех языках, только не на негодном немецком: я и в руки немецкую книгу не беру. Не браните меня о том; Вы же виноваты: кто переводить так хорошо, что русский перевод лучше оригинала? Кто перевел «Ундину»? Кто? Если у Вас есть совесть, так Вы не смеете отвечать.

Я получила новое издание Пушкина[4] только три тома; я с наслаждением его читаю; нет, наслаждение не слово! Avec recueillement, avec onction!**** Нет, и то не то! Да Вы понимаете! Надеюсь, когда возвратитесь *восвояси*, Вы будете писать много,

---

* Коттедж, 22 июня / 4 июля 1838 (*фр.*).

** между друзьями не бывает околичностей; это я делаю первый шаг (*фр.*).

*** для этого шага (*фр.*).

**** С самоуглублением, с благоговением! (*фр.*).

много; или если слово *много* Вас пугает, то хоть немножко. Иногда у меня пропасть просьб до Вас, но боюсь Вам надоесть. Не так ли, будьте откровенны! А вот я Вам правду скажу: благодарю Бога, что *я не поэт.* Как должно быть скучно, когда люди вам беспрестанно говорят: «Василий Андреевич, или Мария Николаевна (коли я поэт), зачем Вы не пишете?» и это на *институтском тоне,* с ударениями. Ах! Боже мой! Посмотрела в окно и вижу Нептуна; но какого? В усах и в сюртуке, в зеленом, и что больше, на сухом пути avec un gros ventre![*] Нептуну построили *деревянный* дворец; бедный Нептун! Pour tout l'or du monde[**] я бы не желала бы быть его Ундиной!

Прощай, Васька кот![5] Надеюсь, что Ваше первое письмо меня известит о Вашей женитьбе с голландской коровою или с англичанской.

Бог с Вами; пишите мне, или я точно подумаю, что Вы Вася кот, который писать не умеет. Ваш старый друг

Мария.

Кланяйтеся И.М. Толстому[6], votre compagnon de voyage[***]. Делаете ли вы *bon ménage?*[****]

6

19 ноября / 1 декабря 1838 г. Петербург

В Питере. 19 н<оября> / 1 д<екабря> 1838.

Когда Васька кот узнает, что я невеста, то будет, верно, мне радостно кричать и маленькими лапками свою морду ласкать[1]. Да, Василий Андр<еевич>, мой старший друг, друг с колыбели, не кажется ли Вам странно, что маленькая Мери, упрямая, ленивая Мери, так часто Вас сердившая, скоро пойдет под венец? О, поздравляйте меня от души! Вы не поверите, как я счастлива! Неужели идеал моего

[*] с толстым животом (*фр.*).

[**] За все золото в мире (*фр.*).

[***] вашему спутнику (*фр.*).

[****] дружно ли живете? (*фр.*).

воображения *вечно оставаться в матушке, России, в бесценной родине,* сделался явным! И, блаженство неимоверное, я нашла *такого*[2], которого люблю, меня любит и которому свою судьбу вручаю, зная, что меня понимает и сделает меня столь счастливой, сколь можно быть на земле. Как за это все благодарить Бога, не знаю, не в моих силах, я чувствую себя недостойной стольких благ! Я почти беспрестанно себе вопрос делаю: что я для этого сделала? Не знаю; разве то, что Всевышний хочет в счастии детей благословлять родителей? Все, все, аль в Питере, аль в белокаменной Москве, радуются нашему счастию, как будто принадлежат семейству царскому. (Вот статья в «Северной Пчеле», писанная Булгаковым[3] на пребывание папа и *его* в Москве).

Я была обручена в тот же день, как и мама, 23 октября; но жаль, что свадьбе не можно быть 1 июля, ибо оно падает *на* субботу.

Наш Зимний дворец так щеголеват, как юноша; 17 декабря будем петь благодарственную молебен в фельдмаршальской зале, где пожар начался, и освятим всю избу царскую; жаль, что Саши не будет; а Вы очень могли бы написать что-нибудь по *Жуковскому* на этот день.

Мария.

Брюлов женится на m-lle Timm[4].

7

1 мая 1840 г. Петербург

1 мая 1840. С. Петербург

Любезный Василий Андреевич, милый Васька кот[1]. Неужели, что я мать, что и я милостью Божией познакомилась с новым, святым чувством *любви матери*?[2] Вот прожила я 20 лет на сем свете, 20 лет неимоверного счастия и незаслуженного! Но три последние года будут мне всегда незабвенными, ибо каждый из них означает важную эпоху в жизни или важный шаг для женщины. В 38 г<оду> нашла *милого для сердца* и полюбила всем сердцем и всею душою; в 39 г<оду> вышла замуж и видела, что настоящая жизнь женщины только начинается в замужестве; наконец, в 40 г<оду> Бог дал мне дочь, и я насладилась первым криком новорожденного ребенка!

Я обещала Вам рассказывать, как и где я родила. Вы помните угловой кабинета; из него-то и сделали повивальную; а прежняя повивальная теперь *детская.* Я страдала *11 часов;* но мне казалось как *три часа*: так все благополучно шло, благодаря папа и мужа, которые все время подле меня на коленях стояли и утешали меня ангельскими словами и *взглядами.* Бедная мама лежала больная у себя и поздно узнала, что я уже страдала; она до сих пор не может утешиться, что в самую прекрасную минуту жизни ее дочери должна оставаться далеко от меня. Бажанов[3] читал обыкновенные молитвы, и его благословение, верно, было дано от глубины сердца.

Мою дочку крестили папа и Оля; мама носила ее к Святому причащению. Говорить, что было так трогательно видеть мама, носящую внучку; верно, Вас бы эта минута овдохновила, и мы бы еще раз восхитились Вашими стихами.

Я думаю, что Вас прежде года не увижу; Вы, полагаю, знаете, что в августе месяце отправляюсь в Мюнхен и там пробуду всю зиму. Хотя трудно расставаться со своими, все-таки радуюсь чрезвычайно познакомиться с новою моей семьею и видеть Мюнхен и Тегернзее[4].

Прощай, любезный котик; chec-hands* твоей лапке прелестной.

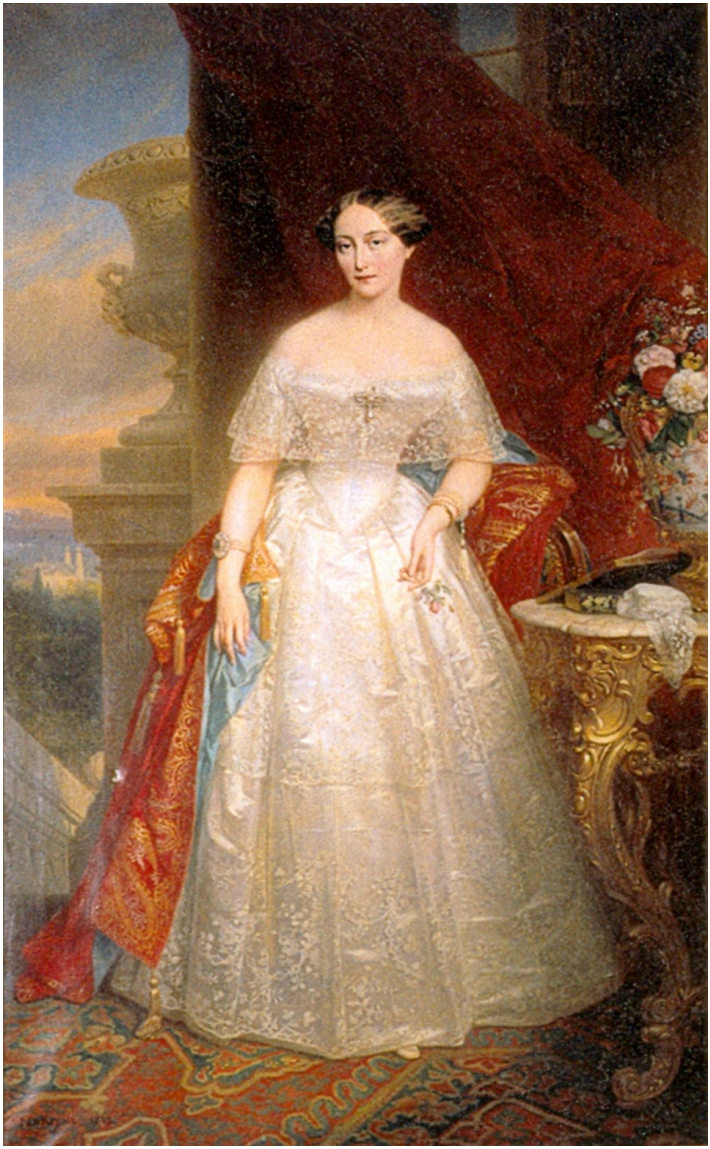
Я надеюсь, что лениться не станет и напишет хоть три строчки своему старому другу

Мери.

* рукопожатие (*англ.*).

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА И ПРИНЦЕССА ВЮРТЕМБЕРГСКАЯ ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

Ольга Николаевна (1822–1892), великая княжна, вторая дочь императора Николая I и императрицы Александры Федоровны. Вместе с сестрой Марией училась русскому языку у Жуковского, о преподавании которого оставила скептические воспоминания: «Что же касается Жуковского (крупнейшего русского поэта), Сашиного второго воспитателя, этот был совершенно иным: прекрасные намерения, планы, цели, системы, много слов и абстрактные объяснения. Он был поэт, увлеченный своими идеалами. На его долю выпала незаслуженная слава составления плана воспитания наследника престола. Я боялась его, когда он входил во время урока и задавал мне один из своих вопросов <…> Я склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал» (Ж. в воспоминаниях. С. 349–350). Впоследствии, однако, между поэтом и великой княжной установились дружеские отношения, укрепившиеся, когда после долгих перипетий с выбором достойного жениха Ольга Николаевна встретила, будучи на отдыхе в Сицилии, наследного принца Вюртембергского Карла Фридриха Александра (1823–1891) и приняла его предложение. Их свадьба состоялась в Петергофе 1 июля 1846 г., а затем они переехали в Вюртемберг. В годы жизни в Германии Ольга Николаевна переписывалась и неоднократно встречалась с Жуковским (ПССиП. Т. 14. По указателю имен). К сожалению, из их переписки известны только два письма великой княжны, публикуемые далее; возможно, в архивах Германии хранятся еще не обнаруженные письма Жуковского к ней.



Никез де Кейзер. Портрет Ольги Николаевны,
принцессы Вюртембергской. 1848

1

10/22 марта 1846 г. Неаполь

10/22 марта 1846. Неаполь

В числе писем, которые я получила после моих помолвок[1], мне недоставало Вашего, любезнейший Василий Андреевич, а теперь благодарю Вас за милое Ваше письмо, которое наполнило мне душу чувством умиления. Да благословит Господь сей шаг в моей жизни и внушит мне силу выполнить высокую цель, указанную мне Провидением! Утешительно в минуту разлуки думать, что незабвенная бабушка родилась в той земле, где мне суждено жить и где Екатер<ина> Пав<ловна> так много оставила воспоминаний[2]. Там любят русское имя, и Виртемберг соединен с нами многими узами.

Мама благодарит Вас за Ваше поздравление и, слава богу, ее здоровье немного укрепилось, ежели не восстановилось совершенно[3]. Мы со слезами удалились из Сицилии: она была для меня «обетованной землею», и вечно буду о ней думать с благодарностию Богу за новое мое счастие.

Прощайте, поклонитесь от меня Вашей жене и поцелуйте маленькую дочку[4].

Ольга

2

22 мая / 3 июня 1848 г. <Штутгарт>

22 мая / 3 июня 1848

Любезнейший Василий Андреевич.

Ваше последнее письмо меня так тронуло, что я сейчас берусь за перо отвечать и Вас благодарить за прекрасные утешительные слова. Ваш подарок для меня – настоящее сокровище; в нем заключается благословение на всю жизнь.

Первая глава Штира[1], где он изъясняет значение *первых* слов Спасителя на 12-м году возраста, когда Святая Дева Его находит во храме с мудрецами[2], меня поразила до глубины души! Часто, часто буду читать эту книгу и вспоминать о милом друге, так давно, так

искренно преданном нашему семейству. Я *многому* Вам обязана с самого детства; теперь же получила от Вас путеводителя *до конца*.

Благодарю Вас тоже за два тома Ваших стихотворений; сегодня возьмусь за «Одиссею»[3].

Итак, Вы 3/15 июня отправляетесь прямо в Россию; счастливые! Когда мне придется ехать той же дорогой! Так и тянет туда. Часто повторяю с Вами: «Как не смотреть с благоговением на нашу могучую православную Россию и на ее славного кормчего!»

Поклонитесь от меня Вашей жене и милым детям. Любите Вашу

Ольгу

Имеете ли Вы книгу Вяземского о Фон-Визине?[4] П.А. Плетнёв мне ее прислал и весьма хвалит.

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА

Александра Николаевна (1825–1844), великая княжна, младшая дочь императора Николая I и императрицы Александры Федоровны. Адини, как звали ее в семье, была любимицей сестер и братьев, отличалась самоуглубленностью и тонким художественным вкусом, любила петь. 16 января 1844 г. Александра Николаевна вышла замуж за Фридриха Вильгельма, принца Гессен-Кассельского. Через несколько месяцев после свадьбы у нее обнаружили туберкулез. В результате великая княжна с мужем после свадьбы так и не поехали в Гессен, оставшись в Санкт-Петербурге. За три месяца до срока Александра Николаевна родила сына, который умер вскоре после рождения, и 29 июля 1844 г. скончалась сама.

Жуковский знал великую княжну с рождения, однако близко с ней не общался. Только в мае 1838 г., когда Александра Николаевна была вместе с императорской семьей в Берлине, они вместе посетили две картинные галереи, о чем Жуковский писал великой княжне Марии Николаевне 12/24 июня 1838 г.: «Я был вместе с нею в музеуме, потом в частной картинной галерее консула Вагнера. В оба раза она мне чрезвычайно понравилась. Она смотрела с каким-то простосердечным благоговением на некоторые картины, в которых выражалась идеальная красота, и делала многие милые, очень верные замечания» (С 8. Т. 6. С. 38). Александре Николаевне поэт посвятил свою «индейскую повесть» «Наль и Дамаянти», над которой работал в 1837–1841 гг. Книга вышла в январе 1844 г. со стихотворным посвящением великой княжне. К сожалению, из взаимной переписки Жуковского и Александры Николаевны сохранилось только одно ее письмо, публикуемое далее.

Кристина Робертсон. Портрет великой княжны Александры Николаевны. 1840

Февраль 1844 г. Петербург

Милый, любезный мой Василий Андреевич!

Возможно ли, чтоб прекрасный сон мой однажды получить от Вас поэму точно исполнился! Могла ли я думать что Вы точно еще вспомните обо мне в Вашем мирном уголке на берегу Рейна в первом счастии семейной жизни? Но в исполнении Вашего обещания узнала я Вашу всегдашнюю привязанность к нашему семейству и Ваше русское сердце. Потому благодарю Вас именем России за то, что не забыли нас, и почитаю себя счастливой, что мое радостное восклицание при слухе о намерении Вашем писать эту поэму могло доставить моей милой родине еще новое произведение ей любимой лиры.

Хотя я далека от идеала, поразившего Ваши взоры на паланкине[1], но я постараюсь идти вослед ему и достигнуть его чистоты сердца, смирения, и получить вместе с тем удивительный его дар распространять счастие вокруг себя. Ничто не могло быть мне приятнее, как увидеть образ этого небесного существа во главе мне посвященной поэмы. С неизъяснимою жадностию начала я читать Вашу «*Дамаянту*» и в каждой строке, писанною Вашею рукою, о Вас думала и мысленно благодарила.

Жаль только то, что не могу словесно Вас благодарить, изустно сказать Вам, как мне лестно иметь от Василия Андреевича поэму. Но, надеюсь, будет время, когда желание мое исполнится, когда Вас увидим в кругу нашем с женою и дочерью.

Что Вам сказать про нас? мы живем в том же блаженном счастии, в котором Вы нас оставили. Семья увеличивается[2], а вместе с ней и семе<й>ные радости. Надеюсь, что всегда будем жить так же, т<о> е<сть> в вере в Бога и в любви между собой, чего нам желать больше.

Прощайте, мой милый Васинька, еще раз сердечно благодарю Вас, и прошу не забывать Вашу старую знакомую

Александру

Софья Ивановна[3] se recommande à votre souvenir*.

---

* Вам кланяется (*фр.*).

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

Константин Николаевич (1827–1892), великий князь, второй сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, генерал-адмирал, будущий начальник морского ведомства Российской империи. Подробнее о начальном этапе его биографии см.: Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002; *Его же*. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: Молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019; Сидорова А.Н. «Образовать в детях ум, сердце и душу»: Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II. М., 2019.

С осени 1840 г. воспитатель великого князя Федор Петрович Литке завел правило, чтобы Константин Николаевич еженедельно писал письмо к кому-нибудь из воспитателей или наставников по своему усмотрению, давая обозрение своим учебным успехам и поведению за прошедшую неделю. Подобная переписка преследовала воспитательные цели: по мысли Ф.П. Литке, это должно было научить великого князя умению письменно излагать свои мысли и чувства, отдавать себе отчет в своих поступках, размышлять, описывать окружающие события и явления. Такие письма великий князь Константин Николаевич регулярно писал самому Ф.П. Литке, несмотря на то, что воспитатель целыми днями находился при нем, а Ф.П. Литке отвечал ему, анализируя проступки великого князя, продолжая его размышления. Другим корреспондентом великого князя в учебно-воспитательной переписке стал его любимый учитель и инспектор классов Август Федорович Гримм.

В переписке с удовольствием согласился принять участие и Жуковский, которому Константин Николаевич писал письма еще с конца 1830-х гг. Переписка с Жуковским быстро стала для великого князя Константина Николаевича интересной и полезной письменной

беседой. Письма великого князя к Жуковскому отличались живостью слога и совершенной искренностью изложения, по ним можно проследить развитие между учеником и учителем глубокой дружбы. Константин Николаевич, с ранних лет проявлявший любознательность к окружающему миру и обладавший широким кругом интересов, описывал наставнику впечатления от своих учебных плаваний, которые он ежегодно совершал, готовясь к морской карьере, рассказывал о городах и достопримечательностях, поразивших его воображение, отмечал семейные события, рассуждал о литературе и истории. По мере взросления великого князя менялись и предметы обсуждения: от простого описания событий переходили к более сложным рассуждениям о характере, чести, совести и долге, о любви и религии.

Сам Константин Николаевич высоко оценивал для себя пользу переписки с Жуковским. В декабре 1840 г. в письме к Ф.П. Литке великий князь писал: «Я надеюсь <…> что наша переписка с Василием Андреевичем не скоро прекратится, потому что его письма так богаты мыслями, что на них всегда можно отвечать. Кроме того, ежели только есть что-нибудь непонятное, я в моем письме попрошу его мне это изъяснить и так будет всегда материалу довольно для переписки» (РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. № 12. Л. 9).

Е.И. Ботман. Портрет великого князя Константина Николаевича. 1848

1

30 июля 1837 г. Елагин

Мой добрый Василий Андреевич! Благодарю Вас за то, что Вы меня не забыли. Я очень рад исполнить Ваше желание. Ф<едор> П<етрович>[1] мне читал Ваше письмо[2].

Об уроках я ничего не знаю и могу только сказать, что я стараюсь хорошо учиться. Мы были два раза в походе. Первый раз не ходили дальше Гогланда, а во второй раз были близко к Готланду[3]. Мы имели довольно сильные ветры и одну грозу. Сегодня был спуск корабля «Вола»[4]. Сегодня должно было быть открытие обоих монументов Кутузова и Баркла<я> де Толли[5], но их отказали. Мы все здоровы. Прощайте, мо<й> добрый Васили<й> Андреевич. Поцелуйте Сашу[6] и кланяйтесь всем. Душевно Вас любящий и уважающий

Константин

30 июля 1837 г.
Елагин.

2

23 октября 1838 г. Царское Село

Любезный Василий Андреевич!

Извините, что Вам так долго не писал. Как я горюю, что мы Вас увидим только на будущий год; но надеюсь, что Вы все будете здоровы и свежи. Я от Миши[1] принял кашель, и вот уж 4 недели, что он не отвязывается; но я уж выхожу и гуляю пешком. Мы отделены от сестриц, и только вчера *Оли*[2] и *Мери*[3] у меня были. Адини[4] и меня боятся соединить: она уже три месяца кашляет. Я довольно хорошо уж несколько недель учусь. Мы в истории уже кончили первую *Сирийскую войну*. Меня *римская история* все более и более интересует. Я надеюсь, что к Вашему приезду я уже кончу *римскую* историю. Я Вас целую, прощайте. Поцелуйте тоже и *Сашу* и кланяйтесь всем[5].

Ваш друг *Константин*

23 октября 1838 г. *Царское Село*.

Я вам должен объявить, что Мери названа невестою гр. Лейхтенбергского[6].

3

17 ноября 1840 г. Петербург

Любезнейший Василий Андреевич!

У нас теперь заведено, чтоб каждое воскресенье написать письмо или Федору Петровичу или г<осподину> Гримму[1]. Сегодня Федор Петрович велел мне написать Вам. Цель этой переписки есть, чтоб приучить меня мало-помалу к эпистолярному штилю, и Федор Петрович хочет по истечении года сравнить эти письма и увидеть, какой успех я сделал в продолжении года. Г<осподин> Гримм мне пишет из Женевы и в последнем письме мне описал Сисмонди[2], которого лично знает; на его письма трудно довольно отвечать. Федору Петровичу же мне нужно вкратце сказать, что мы делали в продолжении всей недели, и описать самого себя. У нас есть еще другое введение, именно то, что за каждый хороший урок я кладу положенное количество пятачков в банку, и когда она наполнится, мы ее отсылаем в какое-нибудь благотворительное заведение. Это мне бывает так приятно каждый раз, когда я отдаю деньги Бажанову[3], потому что он их отсылает.

Вы уже очень давно у нас не были. Придите когда-нибудь к обеду. Прощайте, любезнейший Василий Андреевич. До свидания[4].

Ваш друг *Константин*

17 ноября 1840 г.
С.-Петербург.

4

24 ноября 1840 г. Петербург

Любезный Василий Андреевич!

Благодарю Вас сердечно за то прекрасное, милое письмо, которое я получил от Вас. Вы мне в нем преподали те же правила, которые мне дал и Федор Петрович в первом письме. Он на это всегда обращает внимание, потому что Вы и он, не сговорившись прежде, мне ту же самую правду говорите.

На этой неделе я был болен головою; но странно, что эта болезнь не препятствовала ни утренним, ни вечерним моим занятиям. Я точно так же, как и всегда, приготовлял заданные работы, но не мог после обеда учиться. По вечерам продолжал мои чтения, и на этой неделе я начал читать «Телемака» Фенелонова[1]. При этом чтении я делаю некоторые замечания и вписываю самые поучительные места в особую книжку. Теперь уже страницы две-три наполнены этими экстрактами. Федор Петрович то же самое делает, и когда у нас наберется довольно много, он сравнит, что я пропустил или что я лишнего выписал. Надеюсь, что у меня почти все будет то, что он выписал.

Прощайте, любезный Василий Андреевич, будьте здоровы. Ваш всепокорнейший слуга и друг

Константин.

24 ноября 1840 г.
С.-Петербург

5

8 декабря 1840 г. Петербург

Любезный Василий Андреевич!

Собираюсь сегодня отвечать на Ваше письмо[1]. Прошедшее воскресенье от того я Вам не писал, что должен был отвечать Федору Петровичу. Ах, если бы Вы знали, какое письмо он мне написал![2] Я был растроган до глубины сердца, и *слезы* у меня невольно текли из глаз, и я себе обещал *читать это письмо каждое воскресенье*. В одном из прежних писем он меня попросил изложить на бумаге мой характер. Я ему и написал; но вместо того, чтоб *написать* весь мой характер, я ему написал мои *проступки*. Вот на это письмо он мне и *написал* ответ, в котором сделал замечания и разобрал каждый проступок отдельно. *Такое* письмо я еще никогда не получал; я буду *держать* его как драгоценность, и по нем буду я исправляться.

Вот на этой неделе было обручение Саши[3]. Вот уже и второй член семейства, который, так сказать, *от него отделился*[4]. Придет время, когда будет то же самое и с Ольгой и с Александрой Николаевной, и, наконец, и моя очередь придет; а теперь еще рано о том

думать. *Теперь* предстоит еще *кадетская служба*, а потом *офицерская*.

Теперь мы приехали от г. Зауервейда[5], у *кого* мы смотрели картину Кульмского сражения[6]. Он нам изъяснял *его* в подробностях и весьма интересным образом. Прощайте, любезнейший Василий Андреевич. Ваш верный друг

Константин[6].

8 декабря 1840 г.
С.-Петербург.

6

15 декабря 1840 г. Петербург

Любезный Василий Андреевич!

Благодарю Вас за письмо, которое Вы мне написали. Оно служит мне продолжением почти письма Федора Петровича. Но позвольте мне сделать одно общее замечание. Это все так, что сравнивают жизнь с двумя дорогами, из которых одной начало рай телесный, а конец ад душевный, а другой начало ад телесный, а конец рай душевный, или исправление с дорогой, где эти разные станции. Но где их найти? Хорошо, если эти две дороги мне представятся так, как Геркулесу, тогда я их вижу, и уж конечно пойду по той, по которой пошел и он, но где их найти? Та дорога, которая хорошо начинается, а худо кончается, беспрестанно перед глазами; почти невозможно или весьма трудно по ней не пойти. Другую же нужно сыскать, она сама собой не является, и на ней-то и находятся те станции, о которых Вы в письме говорите[1]. Даже тот пример, который Вы представили[2], и тот легче, а здесь станции духовные. Но я, несмотря на все эти препятствия, хочу дойти до моей цели. Впрочем, я совершенно понял Ваше письмо и исполню Ваше желание самому прочесть те два письма, о которых я Вам говорил, и при том я Вас прошу их возвратить при следующем письме. Прощайте, любезнейший. Ваш друг

Константин.

15 декабря 1840 г.
С.-Петербург.

7

5 января 1841 г. Петербург

Любезный Василий Андреевич!

Благодарю Вас за письмо Ваше[1] и прошу у Вас извинения, что так долго Вам не отвечал, но у меня свободное время только в воскресенье. Вы теперь едете в Москву[2], но это не должно препятствовать нашей переписке. Вы будете, кажется, иметь довольно предметов, о которых писать, и наша переписка обогатится.

Адини летом очень часто замечала, что время и без мама́ довольно весело проходит, потому что всегда имеешь что-нибудь в уме для завтрашнего дня и тогда ожидаешь его с нетерпением. Так теперь и у меня. Хотя не имеешь что-нибудь прямо на завтрашний день, но знаешь, что через много времени будет что-нибудь. Оттого, кажется, и время гораздо скорее идет. Так мы ожидали Рождество, теперь Крещение, потом маскарад и Пасха, и свадьба Саши[3], и именины мама́, и мои именины и, наконец, что веселее всего – поход: потому что знаете Вы, мы нынешний год отправимся в Амстердам[4]. Потом опять начнутся новые ожидания. Таким образом, время гораздо скорее и веселее проходит. Так нынешний год я ожидал путешествия в Эмс[5]. Желаю, чтоб Ваше путешествие и пребывание в Москве не были бы продолжительны.

Прощайте, любезный Василий Андреевич. Ваш друг

Константин.

5 января 1841 г.
С.-Петербург.

8

15 февраля 1841 г. Петербург

Любезный Василий Андреевич!

Уже давно как я Вам не писал. Мы все это время приготовляемся к экзамену[1]. С г. Гриммом все повторяли историю и географию. С г. Шульгиным[2] мы тоже продолжаем историю, а в другой час повторяем и ее, и географию русскую. В языках, кроме немецкого и

английского, мы тоже повторяем. В математике мы все проходим старое. Недавно мы начинали механику, но мы теперь и ее прекратили и этот час употребили для стереометрии. На Масленице мы потеряли много уроков. Но еще более было развлечений. Почти дня не проходило без театра. От субботы до Масленицы, до воскресенья после нее, кроме четверга, я каждый день был в каком-нибудь театре. Можете себе представить, какой был контраст, когда наступил Великий пост. Вместо театров утром и вечером служба, вместо блинов постное кушанье. Но я, несмотря на все это, не могу сказать, чтоб мне было скучно. В четверг был здесь экзамен Екатерининского института[3]. Я люблю такие экзамены. Мне бывает очень весело и приятно слушать, как отвечают. Этот день не был еще самый интересный. Началось с Закона Божия, потом русская литература, потом география, французская грамматика и литература. Но я во время грамматики должен был уйти к уроку. Самое веселое будет история. Одной, во время географии, я подсказал одну вещь, которую она забыла, и институтки, и я сам ужасно захохотали.

Прощайте, любезнейший Василий Андреевич. Ваш верный друг
Константин.

15 февраля 1841 г.
С.-Петербург.

9

16 марта 1841 г. Петербург

Любезный Василий Андреевич!

Вы не поверите, как я доволен, что экзамен кончился и что папа им был доволен. Только под самый конец я немного подгадил[1]. Но это оттого, что настоящим образом меня тому не учили, а я сам это узнал на практике, а в продолжение зимы мы не повторяли этого. Но остальным он был, кажется, доволен. Как я бы хотел, чтобы все экзамены так удались, как этот, и, если можно, еще лучше, потому что я вижу, какую радость оно приносит Федору Петровичу. Я уже знаю наперед две новые вещи, которые мы скоро начнем (перемена новая всегда приятна): это новая история и русская словесность; кажется же, скоро начнутся и еще другие предметы, так что по всему этому я делаюсь большой. Но многие говорят мне, хотя я по летам большой,

а действиями это совсем не показываю. Я все от этих несносных пальцев не могу отвыкнуть[2]. Сколько раз я себе давал слово перестать шалить, а все продолжаю. Любезный Василий Андреевич, право у меня мыслей нет, и позвольте мне кончить. Ваш друг

Константин.

16 марта 1841 г.
С.-Петербург.

10

13 апреля 1841 г. Петербург

С.-Петербург. 13 апреля 1841

Любезный Василий Андреевич!

И я Вам давно не писал, а Вы еще дольше и, кажется, по-видимому, будто бы наша переписка остановилась. Но я никак не хочу, чтоб это в самом деле случилось, и потому я хочу и с сегодняшнего дня ее возобновить. Вы скоро поедете в чужие края[1], будете видеть разные разности и, надеюсь, мне напишете разика два-три. Скоро и мои письма обогатеют, когда мы отправимся в Голландию[2]. Ни с Федор Петровичем, ни с г. Гриммом она не так жива, как было прежде. Хотя г. Гримм пишет изредка, но его письма весьма интересны, потому что он в них описывает историю его дружественных отношений. Это весьма интересно, потому что он 7 или 8 лет лишился и отца, и матери, был предоставлен на свою собственную волю и сам себе должен был приискивать друзей. О двух он мне рассказал, что они были несколько времени самые пламенные друзья, а после мало-помалу их дружба охладевала, и они более друг на друга не обращали внимания.

Несколько дней тому назад я кончил одну весьма хорошенькую книжку под названием «Le secrétaire des enfans, ou correspondance entre plusieurs enfans, propre a les former au style épistolaire»[3]. Вы по надписи можете судить об содержании этой книжки. Она меня весьма занимала. Вчера же я начал «Одиссею»[4].

Прощайте, любезнейший Василий Андреевич. Ваш сердечный друг

Константин.

11

1 июня 1841 г. Александрия

1 июня 1841 г. Александрия.

Любезнейший Василий Андреевич!

Поздравляю Вас от всей души с Вашим браком[1]. Желаю, чтобы Вы были так счастливы, как Саша со своей Марией[2]. Еще усугубило мою радость то, что Саша говорит, что Ваша свадьба была именно 21 мая, в день моих именин. Я тогда этой радостной вести не знал, но теперь веселюсь за прошедшее. Полагаю, что Вы хотя один раз немного подумали о Вашем ученике и друге Константине Романове. Он тоже в этот день веселился и очень веселился, потому что он накануне того дня получил от матушки своей прекрасные подарки. Между прочим, хронометр, который он с собою берет в море. Жаль мне, что Вы остаетесь так долго за границей, что нам нельзя будет с Вами лично говорить, потому что письмо не есть изустный разговор. Послезавтра назначен наш отъезд[3]. Как я радуюсь этому моменту, когда мы придем на фрегат и подымем якорь и поставим паруса и покатим по волнам и примчимся в Копенгаген, а потом прилетим в Голландию. Что я там увижу! Зандам и Амстердам, и Роттердам, и Гаагу, и Лейден. Как я вспомню об этом, так и горит моя душа от нетерпения.

Прощайте, любезнейший Василий Андреевич. Ваш друг

Константин.

12

8/20 июля 1841 г. Гельдерский рейд

8/20 июля 1841 г. Гельдерский рейд

Любезнейший Василий Андреевич!

Спешу исполнить мое обещание, которое Вам сделал при Вашем отъезде в чужие края, написать Вам письмо из Голландии. Раньше не мог Вам писать, было у меня много другого дела, на зато теперь за все заквитано. Мы Вас ожидали в Голландии. Полагали, что Вы из Дюссельдорфа приедете нас посмотреть. Мы отправились в поход

3 июня. Папа нас проводил до фрегата. Как ни весело было мне отправиться в поход, однако все я не мог удержаться от слез. Папа сам имел слезы на глазах. Он перед прощанием сделал мне увещание, как мне нужно будет вести себя на фрегате. Ветер редко был нам попутный. Мы пришли в Копенгаген 13 числа. Остались там до 17-го. В это время мы ходили в Копенгаген. Одна из самых интересных вещей есть Скандинавский музеум[1]. Там весьма ясно видны успехи просвещения по оружиям и вещам, нужным для домашнего обихода. Оно начинается с тех пор, когда люди не знали металлов до самых последних столетий. Потом мы видели рабочую Торвальдсена и его 12 апостолов в церкви Богородицы[2]. Это удивительные творения. Везде в них такая жизнь, такая экспрессия. Можно полчаса рассматривать каждую статую, и все не будет довольно. Но позвольте мне, любезнейший Василий Андреевич, перейти поскорей к Голландии, ибо скоро нужно будет письма отправлять. Мы прибыли в Гельдер 25 июня. Почти в продолжение всего плавания был противный ветер. В следующий же день мы отправились в Гагу. Король сам нас встретил около города. Я должен буду ограничиться кратким и поверхностным описанием нашего десятидневного путешествия, но надеюсь, что и то Вам принесет некоторое удовольствие, ибо я знаю Вашу привязанность ко всему нашему семейству. Мы видели Гагу, Дельфт, Роттердам, Схевенинген, Гельвутслей, Флиссинген, Лейден, Амстердам, Зандам, Гарлем и Гельдер. Я умолчу о морских заведениях Гельдера, Амстердама, Роттердама, Гельвультслейса и Флиссингена. Я знаю, что они Вас не могут занимать. В Гаге мне больше всего понравились картинная галерея и музеум, в котором находятся китайские, японские, индийские, африканские и голландские редкости[3]. В числе голландских показывают пулю, которой Вильгельм I Оранский был убит. Много и других занимательных вещей. Но слишком долго об них писать. Лучше будет мне с Вами об них изустно объясниться. В галерее есть много хороших картин Рембрандта и Павла Поттера. Впрочем, я не судья по этой части. В Делфте гробницы всех Оранцев[4] и двух голландских адмиралов, Тромпа[5] и Гейна[6] (Pieter Hein). Об Амстердаме и Лейдене об каждом я мог бы написать целое письмо. Чего там не видели, в Лейдене в особенности. Г. Зибольд[7] нам сам все изъяснял и рассказывал. Там мы видели мертвый, а в Амстердаме живой музей зверей[8]. В египетском музее[9] нам даже показывали мумии. Картинная галерея в Ам-

стердаме[10] еще обширнее той, которая находится в Гаге. В Зандаме я входил в домик Петра Великого[11] с тем чувством, как в старинную полуразвалившуюся церковь. Ваши стихи[12] на меня сделали глубочайшее впечатление. Когда я слушал орган в Гарлеме, мне казалось, что предо мною небеса разверзлись и бесчисленное множество ангелов и херувимов поют славу Создателю мира. Король и королева[13] меня приняли совершенно как своего сына, так как лучше нельзя. Однако, прощайте, любезнейший Василий Андреевич. Надеюсь, что скоро Вас опять увидим под нашим отцовским кровом.

Ваш ученик и верный друг

Константин.

P.S. Пожалуйста, поклонитесь от меня Вашей молодой супруге и скажите ей, что я как можно скорее желаю с ней познакомиться.

13

10 августа 1841 г. Александрия

10 августа 1841 г. Александрия.

Любезнейший мой Василий Андреевич!

Вот уже третье письмо, которое я Вам написал в течение Вашего отсутствия, а от Вас, любезнейший мой, Василий Андреевич, я не получил до сих пор ни одного. Мне почти кажется, что Вы среди нового счастья, Вас окружающего, совсем забыли Вашего старого друга. Вы видели, что я сдержал мое обещание Вам писать из Голландии и, как <ни> мало времени я имел, все-таки Вам написал письмо. Надеюсь, по крайней мере, что на это письмо получу ответ. Из Гельдера мы отправились только 11 числа. Первые три дня был все противный ветер, и мы почти с места не подвигались. Но 14 числа отошел ветер к западу, и мы 23 были уже дома. Мы приехали в Петергоф. Все еще спят. Папá в Красном Селе, а братцы одни только на ногах. Никто нас не ожидал. Мама меня тотчас же послала к папá, который меня также мало ожидал, как и другие. Тот же вечер я был уже верхом на учении. Я был уже с самого моего приезда 5 раз в Красном Селе, 2 раза на маневрах. В последний раз я там был третьего дня на большом параде. Тогда я был верхом во фрунте с

конногвардейским полком. Было мне очень весело. 5 числа я был на французском фрегате, который сюда пришел за послом[1], который возвращается во Францию. Этот фрегат чудесный. Я нахожу, что у нас нет ни одного такого хорошего. Они нас весьма учтиво приняли и были весьма любезны. Он ушел вчера. Мы скоро оставим Петергоф и едем в Царское Село. Говорят, что это будет 14 сего месяца. Прощайте, любезнейший Василий Андреевич, будьте здоровы и возвращайтесь скорее.

Ваш ученик и верный друг

Константин.

14

<Октябрь 1841 г. Петербург>

Любезнейший Василий Андреевич!

Вы меня извините, что я не тотчас Вам отвечал, и ежели ответ мой неудовлетворителен, но Ваше письмо так богато разными идеями и размышлениями, что достойно на него отвечать может только человек как Вы, который столько имеет опытности и столь легко владеет пером. Ваше письмо я получил тогда, когда я был в мыслях Вам написать одно, которое, как я хотел сначала, должно было быть повторением предыдущего. Ваше письмо, которое истинно меня обрадовало, мы прочитали с Федором Петровичем два раза и разбирали каждую фразу отдельно и долго говорили. Тогда я вполне понял ценность этого письма. Благодарю Вас сердечно за замечание, которое Вы мне сделали о моем письме из Голландии[1], и уверяю Вас, что буду стараться поступать по Вашим советам.

Нынешнюю весну Федор Петрович прекратил со мною переписку, находя, что мои письма слишком сухи и что на каждой строчке видно, что оно написано под влиянием скуки, нетерпения, что я их писал, так сказать, по казенной надобности. На этой неделе он мне наконец написал письмо, на которое я с радостью отвечал. В этом письме Федор Петрович мне изъяснял эту остановку и говорил, что по некоторым признакам он заключает, что я несколько переменил мою методу, и потому возобновил переписку. Я постараюсь потому в моих ответах подтвердить его предположение и буду всячески поддерживать это мнение. В этом письме он мне предложил вопрос,

зачем все окружающие меня пекутся так о том, чтоб я хорошо писал письма. В моем письме я отвечал на этот вопрос, а Федор Петрович в следующем письме мне это объяснил да гораздо пространнее.

Позвольте теперь сделать Вам отчет о наших занятиях. Вы, верно, уже и от Федора Петровича знаете, что в мой журнал пишутся вместо цифрами отметки словами[2]. Оттого оно вышло гораздо строже, и труднее иметь столь часто хорошие отметки как прежде. В общей истории мы доканчиваем XVI век, а в русской дошли до Алексея Михайловича, именно до возведения Никона в сан патриарха. Этот период самый интересный во всю русскую историю, которую мы прошли доселе, то есть от Бориса Годунова до Алексея. Хотя сердце всякого истинного русского человека содрогнется от ужаса и сокрушится от печали при чтении несчастного времени междуцарствия, однако, все-таки, это время из самых интересных во всю русскую историю. В математике мы проходим механику, аналитическую геометрию и общую теорию уравнений. Признаюсь, что эта часть такая сухая материя, что если б я не был уверен в непременной пользе ее, то я без всякой охоты принимался за дело. Мы тоже недавно начали заниматься русской литературой и дошли до времени разновластия в России.

Вы уже вероятно знаете, что наше семейство сделалось одним членом больше. Наша новая племянница[3] родилась 4 октября. Вчера ее крестили. Она очень мало кричала. Ее крестные родители – король Прусский[4] и великая княгиня Мария Павловна[5]. Вместо них крестили папа и Мария Александровна. На днях минуло Мише[6] девять лет. Как время скоро летит. Я помню точно, будто бы это вчера случилось рождение моего брата, а теперь ему уже девять лет. Он получил конно-артиллерийский мундир, чему, кажется, он более всего радуется. Позвольте мне здесь окончить мое письмо и поблагодарить Вас за Ваше. Надеюсь, что наша переписка не прекратится и что разговор на бумаге заменит изустный, так что при этом забудется большое расстояние, нас разделяющее. Прощайте, почтеннейший мой Василий Андреевич, поклонитесь от меня Вашей супруге и новым Вашим родным. Ваш ученик и верный друг.

15

18 января 1842 г. <Петербург>

18 января 1842 г.

Любезнейший Василий Андреевич!

Благодарю Вас сердечно за Ваше прекрасное письмо[1], Вы в нем развили мысль, которая весьма часто проходила через мою голову. Я также все думал и не раз о скоротечности времени. Эта мысль такая, которую можно обдумывать сколько хочешь и которую никогда не исполнишь. Мне бы ужасно хотелось знать, какая Ваша новая поэма. Я слышал, кажется, что эта поэма действует в Индии. Очень бы хотелось это поскорее прочесть, потому что, кроме «Певца во стане русских воин<ов>» и «Вадима»[2], я более ничего из Ваших сочинений более не читал, ни «Ундины», ни «Людмилы»[3]. Вот из этой последней поэмы Платон Григорьевич Ободовский[4] нам диктовал описание ночи. Как это прелестно! Вероятно, и всё сочинение такое же. «Елеонору» Биргера[5] мы с г. Гриммом читали. Она мне весьма понравилась, но беспрестанное звукоподражание делается несносным, под конец даже смешным. А «Вадим» и «Светлана» на меня несравненно более подействовали, чем все эти немецкие баллады. В русской литературе мы дошли до 13 столетия и остановились на «Слове о полку Игореве». Часто во время литературных уроков мы говорим об эпопеях, и г. Гримм ставил всегда выше всего «Илиаду», «Одиссею»[6] и «Das Nibelungen Lied»[7]. Другие же, как «Мессиаду» Клопштока[8] и «Генриаду» Вольтера[9] и «Освобожденный Иерусалим» Тассо[10], он ставил гораздо ниже. Я же для себя нахожу, что «Слово о полку Игореве» нисколько не уступает ни «Нибелунгенам», ни «Reineke Fuchs»[11]. Плачь и вопль Ярославны, по-моему, точно так же трогательно, как и прощание Гектора с Андромахой. А знаете ли, что Федор Петрович на днях мне даст читать? Вы, верно, не догадаетесь. Он мне даст «Тысячу и одну ночь»[12] на немецком переводе. Мне очень хочется узнать эту поэму в целом, потому что я из нее слышал одни только отрывки.

Я думаю, что Вам не будет неприятно, если дам Вам некоторый отчет об нашем учении. Вы знаете, что я никогда не был большой охотник до математики и никогда ее не любил. Теперь, напротив,

математические уроки для меня одни из самых приятных. Мы теперь недавно кончили теорию уравнений и начали дифференциальное исчисление. А знаете, где учат это исчисление в Морском корпусе? В последнем офицерском классе, из которого молодых офицеров выпускают по экзамену прямо в лейтенанты. Кадеты этому совсем не учатся. Кроме того, мы проходим механику и скоро начнем машины. В последние лекции мы проходили устройство часов. Третья часть, которую мы проходили, есть аналитическая геометрия. Мы в этом почти кончили рассмотрение эллипсина, и я сам выдумал и сам сделал маленькую машинку, чтобы чертить эллипсин. Теперь мы по понедельникам ездим в Морской корпус, чтобы там проходить с гардемаринами кораблестроение. Эту науку там преподает корабельный инженер штабс-капитан Шваб[13]. Мы уже один раз были там и завтра опять поедем. В истории мы кончили 30-летнюю войну и теперь пройденное из новой истории повторяем. В русской истории мы дошли до Петра Великого и в будущий раз, вероятно, кончим среднюю историю. Мы с г. Гриммом читаем «Валленштейна»[14] теперь уже во второй раз. Адини Вам кланяется и Вас благодарит за поэму. Пора и мне кончать. Прощайте, любезнейший Василий Андреевич. Кланяйтесь за меня Вашей супруге.

Ваш верный друг и ученик

Константин.

P.S. Я пред Вами совершенно виноват, любезнейший Василий Андреевич. У меня письмо лежит почти два месяца совсем готовое, и я все-таки его к Вам не отсылал, всякий раз забывал. Но знаю, что Вы меня простите.

16

30 сентября 1842 г. Царское Село

30 сентября 1842 г. В Царском Селе.

Любезнейший Василий Андреевич!

После долгого промежутка я опять к Вам пишу и присылаю к Вам мой портрет, о котором все говорят, что он очень похож. Надеюсь, что Вам будет приятно иметь перед собой верный образ того,

который Вас сердечно любит, почитает и который об Вас часто, часто вспоминает. Но, надеюсь, что мы скоро Вас самих увидим, ибо нынче весною будет уже два года нашей разлуки. Тогда мне еще не было 14 лет, а теперь уже минуло 15. Вот каким стариком я уже сделался. Из этих 15 лет, что я живу на свете, я 10 лет помню себя, и как они быстро пролетели. Право, ужасно подумать. Так и вся наша жизнь пройдет! Невольно приходит мне на ум письмо Ваше, в котором Вы сравниваете стук часов с гробовым голосом, напоминающим собою вечно ближе приходящую смерть[1].

Г. Гримм мне писал из Лондона, что он Вас видел и что ему было чрезвычайно приятно с Вами после долгой разлуки встретиться. Мы его ожидаем в середине октября, и надеюсь, что он к нам воротится совсем здоровым. Он сделал чрезвычайно интересное путешествие и объехал большую часть Европы. Воображаю, как будут интересны его изустные рассказы. Он мастер большой на них. В письмах он много откладывает на возвращение. Я думаю, что он будет в моих работах доволен мною. Уезжая, он не надеялся, чтобы к его возвращению я дошел сам в истории до Фридриха Великого, а я уже дошел до него в начале сентября и теперь занимаюсь другой работой для него, а именно перевожу одну статью из Ансилиона[2]. Мы проходим также русскую и английскую литературу, а французскую мы еще не начинали. С Ободовским мы теперь читаем «Капитанскую дочку» Пушкина. Это мне чрезвычайно нравится. Хотел бы весьма знать, когда мы с Ободовским будем читать Вашу новую поэму?[3] Как мы будем ею восхищаться? Радуюсь наперед этой минуте. Мне бы хотелось также знать, что справедлив ли слух, будто бы Вы переводите «Одиссею»?[4] Вы не поверите моей радости, ежели это правда, ибо я ничего так не люблю как именно «Одиссею». Ее я гораздо предпочитаю «Илиаде». Многие утверждают, что я в этом случае не справедлив, но я остаюсь при моем мнении. Сам для себя читал я в продолжение нынешнего лета «Михаила Скопина Шуйского»[5] и «Юрия Милославского»[6], два романа, которые представляют весьма живую картину русского быта во время смут в России в начале 17-го века. Какое это было ужасное время! Право редки такие примеры во всей истории, чтоб в продолжение 8 лет так ужасно, неимоверно была терзаема одна земля смутами внутренними и несчастиями внешними! Не дай бог, чтоб какой-нибудь народ, <ниже> мы испытали еще подобные времена!

У нас, любезнейший Василий Андреевич, все здоровы. Саша на днях немного простудился, но и он, слава богу, выздоравливает. Мы к концу этой недели ожидаем возвращения папá. Прощайте, любезнейший! До свиданья, и поклонитесь от моего имени Вашей супруге.

Ваш верный друг и воспитанник

Константин.

17

29 ноября 1842 г. Петербург

29 ноября 1842 г. Санкт-Петербург.

Поздравляю Вас от души, любезнейший Василий Андреевич. Известие о рождении Вашей дочки[1] меня крайне обрадовало. Живо себе представляю Ваше счастье и сердечно его с Вами разделяю. Благодарю Вас также от души за милое Ваше письмо и за Ваше намерение посвятить мне «Одиссею». Весьма довольно, что молва нас в этом случае не обманула и что Вы также предпочитаете «Одиссею» «Илиаде». Как живо в ней представлены все нравы того времени, обычаи тогдашних греков. Я там вижу, как бы тогда жил, весь быт этого народа. Как хорошо рассказано его пребывание у фиаков, и как мало первое время на Итаке. Вы спрашиваете, как мы были размещены в Царском Селе с тех пор как Саша переехал в Большой дворец[2]. Мы с братьями занимаем целое крыло. Я в моих прежних комнатах, братья в комнатах Саши. Бывшие комнаты Низи[3] подле папá стоят пустые, и их обыкновенно занимает Елена Павловна[4], когда к нам приезжает. Мама и сестры живут по-старому. Мери до отъезда ее жила на даче Кочубея[5] напротив чугунных ворот «Любезным моим сослуживцам»[6]. По вечерам у нас ничего не было, потому что Гримма не было, и мы рано уже уходили к мамá. Но с тех пор, как мы в городе, мы начали по вечерам читать освобождение Нидерландов Шиллера[7]. Оно мне весьма нравится. Да мы и новых предметов довольно много начали. Французскую литературу с г. Курнандом[8], общую литературу с г. Гриммом, статистику России скоро начнем с г. Шульгиным, физику и астрономию начали с Ленцем[9] и скоро с ним же будем проходить интегральное вычисление. Мы нынешнюю зиму будем ездить на лекции астрономии Штруве[10]. Он прекрасно читает, и оно весьма интересно. Мы уже были на од-

ной лекции, на которой он только сказал одно введение. В нынешнюю среду будет он опять читать. У нас явилась опера Глинки «Руслан и Людмила»[11], которая весьма много не понравилась, а я ей весьма доволен. Оно взято из поэмы Пушкина. В первом акте пир Владимира, на котором Черномор похищает Людмилу, во втором Руслан советуется с Финном и побеждает голову Великана, в третьем Ратмир отказывается от Людмилы и обращается к Гориславе, а Руслан побеждает Наину, в 4 представлен бой Руслана с Черномором, а в 5 оживление Людмилы. Музыка довольно хороша, в особенности многие арии прекрасны. Пели нехорошо, а декорации – чудо как хороши. Впрочем, они сюда не принадлежат. Прощайте, любезнейший Василий Андреевич. Поклонитесь от меня также Вашей супруге и поздравьте ее с дочкою, которую прошу Вас за меня поцеловать.

Прощайте. Ваш верный друг и ученик

Константин.

18

7/19 мая 1845 г. Петербург

7/19 мая 1845 г. В Питере.

Любезный Василий Андреевич!

Я виноват пред Вами, что так давно Вам не писал. Но я не хочу, не простившись с Вами, отправляться в дальний путь. Мы предпринимаем нынешний год большое и чрезвычайно интересное путешествие[1]. Мы едем чрез Бело и Малороссию в Одессу и Севастополь, возвращаемся в Крым и Землю донских казаков и оттуда едем обратно в Питер чрез Харьков, Курск, Тулу и чрез матушку белокаменную Москву, которую я 8 лет не видал. У меня сердце дрожит, когда я об ней думаю, в ней вся Русь, вся Святая Русь, а не здесь в басурманском немецком Петербурге. Верно когда Вы будете читать это письмо, я уже буду в Царьграде, в котором не было еще русского князя с тех пор, как на его вратах висел щит Олега! Доживу ли я до того, что это повторится, что гордый Истамбул снова падет под ударами русских перунов? Да это, впрочем, совсем и не нужно. И нам хорошо теперь, и им туркам не худо, так пускай мы живем так, не

мешая друг другу. А все-таки весело об том думать. Я как буду осматривать Константинополь, все буду себе наматывать на ус, хотя он у меня еще и не вырос, авось когда-нибудь да пригодится.

А мы часто об Вас думаем, милый мой Василий Андреевич. Жалко нам, что Вам так полюбилась эта басурманская неметчина и что Вы, кажется, и совсем забыли о православной Руси. Право, на Неве да на Волге не хуже, чем у Вас на пресловутом Рейне. Возвращайтесь скорее, милости просим. А что делает Ваша «Одиссея»[2], которую Вы мне обещали?

Письмо это Вам привезет Платон Григорьевич Ободовский[3]. Он, бедный, очень страдает глазами.

Папа уже уехал 3 числа. Мы отправляемся в пятницу, 11-го, и в церковном календаре я нашел, что этот день праздник Обновления Царьграда. Какой странный случай, не правда ли?

Прощайте, милый друг, не забывайте нас, как и мы Вас не забываем. Поклонитесь от меня Вашей супруге и поцелуйте Ваших детей.

Ваш верный друг и ученик

Константин.

19

2/14 октября 1848 г. <Царское Село>

2/14 октября 1848 г.

Любезный Василий Андреевич!

С радостью принимаюсь за перо, чтобы поблагодарить Вас от души за Ваше милое письмо, которое получил несколько дней после свадьбы[1]. Вы должны, любезнейший Василий Андреевич, крепко на меня гневаться, и полное на то имеете право, потому что долгое мое молчание точно не простительно, и Вы бог знает что могли обо мне думать. Но летом мы ожидали со дня на день Вашего приезда, и боясь, чтобы мой ответ с Вами не разъехался, я не писал, надеясь в скором времени иметь случай Вас обнять и от души изустно поблагодарить за Ваш драгоценный подарок, которого столь мало достоин, разве только по любви к Вам, за Вашу чудную «Одиссею»[2]. Несчастные обстоятельства[3] остановили Ваше возвращение, а по долгом молчании фальшивый стыд меня останавливал возобновить пе-

реписку. Я знаю и глубоко чувствую, что виноват, но Вы, по Вашей старой ко мне дружбе и снисходительности, простите меня. Теперь я не тотчас отвечал, потому что надо было писать бездну официальных писем по случаю свадьбы, а то, что ближе сердцу, я отложил до конца, чтобы писать свободно, не торопясь.

Позвольте же начать с того, чтобы еще раз от души искренно Вас поблагодарить за Вашу «Одиссею». Она точно венец всем Вашим остальным трудам, и этим одним Вы бы уже приобрели бессмертие. Я ее читал с величайшим интересом и на каждом шагу удивлялся и восхищался. Мне кажется, что Вы, употребив самый простой разговорный язык, первые постигли настоящий дух Гомера. Все остальные переводы не могут дать о нем настоящего понятия, потому что написаны языком натянутым, чересчур вычурным, как «Энеида»[4], «Генриада» и все новейшие эпопеи. Гомер был поэт народный, простой и потому не мог писать другим языком, как каким говорил. Я себе воображаю Гомера, не смейтесь надо мною, как простого русского сказочника, который с котомкою за плечами, с палкою в руках переходит из деревни в деревню и рассказывает народу сказки и басни про бывалых богатырей, про их подвиги и их славные дела. Они толкуют языком не Ломоносова, не Державина, не Гнедича, а своим собственным, который, хотя безыскусен, а както ближе сердцу. Признаюсь Вам откровенно, что этого рода поэзия мне дороже всякой другой. Сколько, мне кажется, Вы тоже так поняли Гомера и так его передали, оттого он представляется в совершенно новом, привлекательнейшем виде. Я пил Вашу «Одиссею» с восхищением[5].

Представьте себе, любезнейший Василий Андреевич, что это письмо уже более недели лежит у меня на столе, и я не мог за него приняться, потому что теперь были маневры и я был с моим полком. Надо Вам сказать, что в день свадьбы государь изволил пожаловать меня генералом и назначил меня командиром Л<ейб>-Гв<ардии> Финляндского полка, и на этих маневрах я впервые явился полковым командиром. Я уже всю зиму и все лето служил в этом полку батальонным командиром, и Вы не поверите, как с полком сживешься, он делается совершенной семьей, и на солдат смотришь, как на родных!

Я Вам еще ни слова не говорил о жене. Уверяю, что она Вам понравится и Вы ее полюбите, потому что она в душе русская. Я не

могу сказать, как с ней счастлив, и не знаю, как возблагодарить Бога за нее. Это чувство иметь свою собственную семью, свой собственный уголок, в котором забываешь весь остальной свет, в котором живешь только для нее, это чувство необъяснимо! Дай Бог, чтоб оно продолжилось так долго, как возможно.

Прощайте теперь, любезнейший Василий Андреевич, обнимаю Вас от души. Приезжайте к нам скорее в нашу Святую Русь; уверен, что Ваша душа давно по ней жаждет.

Ваш верный, нежно Вас любящий друг

Константин.

20

19/31 августа 1849 г. Царское Село

31 августа 1849 г. Царское Село.

Душевно Вас благодарю, милый мой Василий Андреевич, за Ваше доброе письмо и за второй том «Одиссеи»[1]. Итак, окончен Ваш гигантский труд, который один был бы достаточен, чтобы увековечить Вашу славу, если бы даже кроме этого Вы ничего не писали. С нетерпением жду минуты, когда начну читать эту поэму (первый том у Ф.П. Литке, он мне обещал его прислать на днях), которую хочу прочесть теперь целиком с начала и до конца в одной связи, чтобы впечатление было цельное, полное. Это будет для меня чрезвычайное наслаждение, потому что Вы знаете, что «Одиссея» с детства была моя любимая поэма.

Я Вам пишу в весьма грустный день. Сегодня пришло к нам горестное известие о кончине дядюшки Михаила Павловича[2]. Это большая потеря для всех нас, особенно для государя, скажу даже, для всей России. Кто не любил и не уважал покойника? У него было сердце золотое, и знавши его покороче, невозможно было его не любить всей душой. Ко мне лично он был всегда милостив и ласков, и ныне в Варшаве накануне несчастного случая я у него сидел вечером часа два и долго с ним о многом говорил. Сегодня ожидаем возвращения государя. Со вчерашнего дня вот уже целый год, что я женат. Не могу Вам сказать, как я счастлив! Моя жена – ангел, который мне дал совершенно новую жизнь, дотоле мне неизвестную. А теперь Бог послал нам верх счастья, жена моя беременна и должна

родить в феврале месяце. Узнал я об этом нашем новом счастии во время похода в Венгрию[3], накануне сражения под Дебрецином.

Этот поход был мне очень полезен во многих отношениях. Во-первых, он меня вылечил от того, чтобы впредь желать войны, что молодые люди обыкновенно делают, и убедил, что войны есть величайшее несчастие, и потому желать ее грех. Потом, я потерся с людьми и узнал их, и узнал себя, и все это сделало, что мой характер стал гораздо серьезнее. Наконец, я увидел, что невозможно быть хорошим воином, не будучи добрым христианином. Вы меня поздравляете с георгиевским крестом[4], благодарю Вас искренне за это. Эта честь велика, слишком велика для меня, потому что я ее не достоин. Я только что исполнял свой долг, был, где мне должно было быть, и не боялся огня. Но этого недовольно, чтобы заслужить Георгия. Поэтому вся моя будущая жизнь должна стремиться к тому, чтобы сделаться его достойным!

Прощайте, любезнейший Василий Андреевич, простите, что нескладное письмо, но я писал, как мысли приходили в голову. Жалею, что нездоровье Вашей жены не позволило продлить Вашу поездку до Питера[5]. Прощайте, обнимаю Вас от души, искренно Вас любящий

Константин.

21

16/28 марта 1850 г. <Петербург>

16/28 марта 1850 г.

Как я Вам благодарен, любезнейший Василий Андреевич, за Ваше милое, доброе письмо[1], в котором высказалась вся Ваша давнишняя дружба ко мне. Я был уверен, что Вы разделите со мной мое новое счастье, и был весьма рад, когда увидел, до какой степени угадал Ваше сердце. Еще раз искренно и от души Вас благодарю за эти милые строки.

Как Вам объяснить, что происходило в моей душе в ту торжественную минуту, когда новое существо являлось в свет, когда новая душа нисходила на землю и одушевляла собой новое тело, чтобы после короткого испытания на земле, которое мы называем жизнью, воротиться опять к своему Создателю, чтобы с той минуты и во всю

вечность пользоваться плодами своего кратковременного пребывания на земле. Какая это таинственная и торжественная минута! Мне кажется, что рождение человека можно причесть осьмым таинством, потому что как объяснить (не говоря о духовном явлении), но только физическое явление дитяти? Как это существо, которое до тех пор жило жизнью матери, питалось в ее чреве через пуповину, как это существо получает вдруг способность жить само собою, дышать, есть, кричать? Каким образом в него вселится душа, сотворенная по образу и подобию Божию, которая в нем и становится источником жизни? Но человек и не должен стараться объяснить себе все эти вопросы, он должен зреть и преклоняться пред величием неисследуемой тайны Божией! Да, говорю тайна, скажу даже таинство, потому что (простите мне это сравнение), но мне кажется, что можно сказать без богохульства, что таинство рождения нового человека в мире похоже, хоть издали, как свет свечи походит на свет солнца, или как голос человека похож на голос природы во время грозы, но все-таки, говорю, что таинство рождения похоже и на таинство евхаристии, потому как и в том и в другом неодушевленное – одушевляется, но одно – самим Господом нашим Искупителем, другое – Духом, созданным по образу и подобию Божию.

Простите мне это дерзкое сравнение, но вот мысли, которые мне всегда приходят в голову, когда я вспоминаю про рождение моего ненаглядного Николы и когда присутствую при Божественной Литургии. Тогда во мне что-то становится чудно, страшно и отрадно, и мне хочется повергнуться в прах пред Величием присутствия самого Господа, потому что Он точно присутствует в этих двух таинствах. Я боюсь, любезнейший Василий Андреевич, чтобы, прочитавши это, Вы бы меня не назвали идеологом. Но не забудьте, что я в первый раз присутствовал при рождении ребенка и я уверен, что даже если Ваша голова не разделяет моих мыслей, но Ваше отеческое сердце согласно с моими чувствами!

Третьего дня нашего Николу окрестили и причастили, а сегодня, и именно в эту минуту (теперь ¼ 10-го) ему 6 недель. Жена в концерте, а я остался дома, чтоб Вам писать, и не замечаю, как время течет в этой дружественной беседе. Надеюсь, что Вы меня не оставите без отповеди, потому что с Вами так приятно толковать, у Вас душа так свежа, так молода! Она дышит такою свежей поэзией, а

чистая поэзия, так как Вы ее понимаете, есть то же, что чистый воздух или студеная вода для тела.

Обнимаю Вас от души, драгоценный мой Василий Андреевич, искренно Вас любящий

Константин.

22

11/23 октября 1851 г. Царское Село

От всей души благодарю Вас, дорогой Василий Андреевич, за Ваше доброе письмо от 24-го сентября[1]. Дай Бог Вам здоровья, дабы мы могли наконец Вас снова обнять на Святой Руси со всей Вашей семьей. Сперва я весьма удивился, увидя письмо, писанное карандашом, но Вы сами даете мне объяснение этого обстоятельства. Радуюсь, что несмотря на машинку, рукопись Ваша осталась та же, и ее можно тотчас же узнать. Поберегите, ради бога, Ваши глаза.

Вы, может быть, еще не знаете, что нас отправляют на зиму в Венецию для здоровья жены. Она весьма страдает горлом и всю прошедшую зиму просидела в комнате взаперти. Во время ее беременности и после родов ей было лучше, но теперь стало хуже, и доктора решили, что ей надо провести зиму в теплом и несколько сыром климате, и потому-то нас посылают в Венецию. Мы едем завтра утром. Дети наши остаются здесь, отчего наша разлука делается еще тяжелее; но нечего делать, надо безропотно покориться воле Божией, ибо Он лучше нашего знает, что нам хорошо, что дурно, и Его судьбы неисповедимы. Господь Бог одарил нас последнее время таким счастием, что я чувств не найду, чтоб выразить всю мою благодарность. Жена моя – сущий ангел; старший сын Никола – красавец и молодец, большой любимец своего дедушки; новая дочка Ольга – совершенная душка; и в этой ангельской семье, далеко от большого света и его козней, мирно текут дни наши в безмятежном счастии. Теперь все это должно прекратиться, и мы едем на чужбину на долгое время. Это ужасно грустно! Сколько времени будет продолжаться наше отсутствие, еще не решено. Может быть, лето придется провести где-нибудь в Немечине на водах; в таком случае, кто знает, может быть, мне удастся самому Вас обнять после долгих, долгих лет[2]. До сей минуты прошу, не забывайте искренно вас любящего

Константина.

11/23 октября 1851 г.
Царское Село.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Николаю Николаевичу (1831–1891), великому князю, третьему сыну императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, была изначально предуготована военная карьера и он прошел путь от звания капитана до генерал-фельдмаршала. Подробнее о его жизни см.: Жерве В.В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич старший: Исторический очерк его жизни и деятельности, 1831–1891. СПб., 1911.

Жуковский знал Николая Николаевича с рождения, но близко никогда не общался с ним. Переписка великого князя с поэтом, вероятно, замышлялась в педагогических целях для обучения навыкам эпистолярного общения. К сожалению, ответные письма Жуковского к Николаю Николаевичу не сохранились.

Неизвестный художник. Портрет великого князя Николая Николаевича.
Около 1842 г.

1*

16/28 октября 1841 г. <Петербург>

Здравствуйте, Василий Андреевич. Мы проходим в сестематическом курсе небесные тела, в русском языке читаим о Петре первом; в арифметике умножение дробей, в истории проходим греческую историю. Мери горазда лучше; прощайте, поздравляю Вас и Вашу жену; Алексей Илларионович[1] Вам кланяется.

16/28 октября 1841 года.

Николай

2*

12/24 декабря 1842 г. <Петербург>

Воскресение. 12/24 декабря

Любезный Василий Андреевич, благодарю Вас за Ваше милое письмо, поздравляю Вас с дочерью[1], и поздравьте от меня Вашу жену. Я исполнил Ваше желание Василию Борисовичу[2]. Поздравляю Вас с Рождеством, во время которого я о Вас вспоминаю. Мы все здоровы. Адини была больна, но теперь она выздоровела. Нам здесь очень весело.

Прощайте, Василий Андреевич.

Николай

1842 года.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

Михаил Николаевич (1832–1909), великий князь, четвертый сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, названный в честь дяди Михаила Павловича, пошел по его стопам и стал генералом-фельдцейхмейстером, главой российской артиллерии. Подробнее о его жизни см.: Струков Д.П. Августейший генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич. СПб., 1906.

Жуковский знал Михаила Николаевича с ранних лет, но близко никогда не общался. Переписка великого князя с поэтом, вероятно, замышлялась в педагогических целях для обучения навыкам эпистолярного общения. Сохранилось три ответных письма Жуковского к Михаилу Николаевичу 1841–1851 гг. (ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. № 327).

Йозеф Крихубер. Портрет великого князя Михаила Николаевича. 1852
Литография

1*

13/25 октября 1841 г. <Петербург>

Вздравствуйте, Василий Андреевич.

Мы все здоровы, кроме Мери, потомучто у нее родилась дочь по имени Мария[1], 4 октября между 3 и 4 часов утра. Теперь в систематическом курсе мы проходим тела небесные; у нас были опыты всех общих свойств тел; в географии мы проходим теперь города российские.

Прощайте, Василий Андреич, желаю Вам здоровья и чтобы Вы скорее приехали[2].

13/25 октября 1841

Михаил

2*

3/15 декабря 1842 г. Петербург

Любезный Василий Андреевич!

Поздравляю Вас с Вашей дочерью[1] и благодарю Вас весьма за Ваше любезное письмо[2]; надеюсь, что Вы скоро к нам приедете. Мы все здоровы, но Александра Александровна несколько дней тому назад была расстроена. Поздравлю Вас с наступающим Рождеством и Новым годом и надеюсь, что Вы вспомните про нас в этот счастливый день. Василий Сергеевич[3] велел Вам кланяться.

Прощайте, любезный Василий Андреич. Остаюсь Вашим другом

Михаил

С. Петербург. 15-го/27 декабря 1842

ПРИНЦ ПЕТР ГЕОРГИЕВИЧ ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ

Герцог Константин Фридрих Петер (принц Петр Георгиевич) Ольденбургский (1812–1881), его императорское высочество (1845), военный и государственный деятель, член российского императорского дома, внук императора Павла I, генерал от инфантерии, шеф Стародубского кирасирского его имени полка, сенатор, член Государственного совета и председатель департамента гражданских и духовных дел, главноуправляющий IV отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, почетный опекун и председатель Санкт-Петербургского опекунского совета, главный начальник женских учебных заведений Ведомства императрицы Марии, попечитель Императорского училища правоведения, Санкт-Петербургского коммерческого училища, Императорского Александровского лицея, почетный член различных ученых и благотворительных обществ, председатель Российского общества международного права, попечитель Киевского дома призрения бедных, покровитель Глазной лечебницы. Подробнее о нем см.: Агеева Л. Петр Георгиевич принц Ольденбургский. СПб., 2012; Анненкова Э.А., Смагина Г.И. Просвещенный благотворитель принц П.Г. Ольденбургский. СПб., 2012.

С принцем Ольденбургским Жуковский был знаком со времени его прибытия в Россию в 1830 г. Их общение главным образом было связано с интересом к искусству и истории. Контакты за 1833–1841 гг. нашли отражение в дневнике Жуковского (ПССиП. Т. 13–14. По указателю имен). Известны два публикуемых далее письма принца к поэту и одно письмо Жуковского от 31 марта / 12 апреля 1849 г. (РА. 1912. Кн. 2. № 6. С. 284–286).

Жозеф-Дезире Кур. Портрет принца П.Г. Ольденбургского. 1842

1

<Около 27 апреля 1849 г. Петербург>

Милостивый государь Василий Андреевич.

Душевно рад, что нашлось обстоятельство, которое понудило Вас обратиться ко мне, и, получивши Ваше письмо, в котором Вы просите о родственнике Вашем, Киреевском, я с удовольствием сделал все зависящие от меня распоряжения[1]. К поступлению Киреевского в Лицей, как видно из письма Вашего, представляются два затруднения: из них излишек возраста можно, по Вашему ходатайству, не считать препятствием к принятию его в Лицей, тем более что отзыв Ваш заставляет меня надеяться, что оказанное ему снисхождение не будет бесплодно. О принятии его на казенный счет я должен сказать Вам, что оно возможно только в том случае, если отец его имеет чин генерал-майора или гражданский не ниже четвертого класса; но и в этом случае необходимо разрешение государя императора.

Благодарю Вас за обещанный мне экземпляр новых сочинений Ваших[2] и разделяю радость просвещенных любителей русского слова о том, что Вы не перестаете дарить нас прекрасными произведениями Вашего пера.

Примите уверение в совершенном моем к Вам уважении.

Подписано: *принц Петр Ольденбургский*.

2*

11/23 января 1852 г. Петербург

Почтеннейший Василий Андреевич!

Имев удовольствие получить письмо Ваше с препровождением последнего издания Ваших сочинений[1], имею честь принести Вам искреннюю мою благодарность за память Вашу и за доставление столь драгоценного собрания классических сочинений. Весьма жалею, что страдание глаз препятствует Вам возвратиться на родину, и от всей души желаю Вам скорейшего выздоровления.

По снисходительному участию, которое Вам угодно было принять в попытках моих в применении древних форм стихов к русскому языку, я позволяю себе послать к Вам сделанный мною перевод стихотворений Шиллера: 1) Das Lied von der Glocke[2], переведенная уже, как я узнал впоследствии, г-жою Глинка[3], и 2) Der Gang nach dem Eisenhammer[4], и прошу Вас принять мои труды не как произведения литературные, но как усилия мои к изучению отечественного языка и как знак душевного к Вам уважения, с которым имею честь быть Вашим покорным слугою

принц Петр Ольденбургский.

Санкт-Петербург.
11-го/23 генваря 1852.

КРОНПРИНЦ И КОРОЛЬ ПРУССИИ ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ IV

Фридрих Вильгельм (1795–1861), наследный принц, с 7 июня 1840 г. король Пруссии Фридрих Вильгельм IV из династии Гогенцоллернов. Старший сын короля Фридриха Вильгельма III и Луизы Мекленбург-Стрелицкой. Старший брат первого императора объединенной Германии Вильгельма I. Богато одаренный от природы, прекрасно образованный, воспитанный под влиянием своей матери королевы Луизы Прусской, Фридрих Вильгельм IV был своеобразным монархом. Ему была свойственна любовь к искусству; в разговоре он производил впечатление умного и остроумного человека; имел разносторонние научные и художественные интересы. Король окружал себя представителями науки, литературы и искусства: посетителями его дворца были А.В. Шлегель, Л. Тик, Ф. Рюккерт, Ф.В. Шеллинг и др. По складу характера он был способен на искренние дружеские отношения так же, как и романтик Жуковский.

Жуковский познакомился с кронпринцем Фридрихом Вильгельмом в 1820 г., во время своего первого заграничного путешествия в свите великой княгини Александры Федоровны, сестры Фридриха Вильгельма, но более дружеский характер их отношения приобрели в 1821 г.: накануне отъезда Жуковского в путешествие по Германии, Швейцарии и Италии кронпринц оставил в альбоме Жуковского следующую запись:

Beseeligend war ihre Nâhe,
Und alle Herzen wurden weit;
Sie brachte Blumen mit und Frűchte
Gereift auf einer andern Flur,
In einem andern Sonnenlichte,
In einer gliicklichen Natur.

d. 28 May 1821 nach dem Wunche meines theuren Schukowsky F.W.*

---

* Ее присутствие одушевляло // и все души распространялись // она приносила цветы и плоды, // созревшие в иных лугах, // в другом солнечном свете, //

Это строфа из стихотворения Ф. Шиллера «Das Mädchen aus der Fremde», которое Жуковский перевел в 1817 и 1831 гг. («В долину, к пастырям смиренным…»: ПССиП. Т. 2. С. 653–655. Комментарий О.Б. Лебедевой; альбом с автографом Фридриха Вильгельма сохранился в архиве поэта: ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 228; описание: Отчет Императорской публичной библиотеки за 1902 г. СПб., 1910. С. 41–43). В феврале 1825 г. Фридрих-Вильгельм передал с Александрой Федоровной в подарок Жуковскому альбом с надписью на первом листе: «Meinem lieben Joukowsky zum Andenken von Freundes Hand. Friedrich Wilhelm, Kronprinz von Preußen. Berlin. 4. Februar 1825»*. 22 апреля 1834 г. Жуковский подарил этот альбом великому князю Александру Николаевичу (см.: РС. 1902. № 4. С. 169–176. Публикация А.А. Фомина). Более подробно об отношениях поэта и короля см.: Пахомова-Герес В. Король и поэт: Фридрих Вильгельм IV и В.А. Жуковский: Забытая история одной дружбы // Немцы в России: Российско-немецкий диалог: по материалам семинара. СПб., 2001. С. 241–257.

В настоящее время известны 15 писем Жуковского к Фридриху Вильгельму IV и 7 писем Фридриха Вильгельма IV к Жуковскому.

на лоне счастливой природы. 28 мая 1821 г., по просьбе моего дорогого друга Жуковского. Ф.В. (*нем.*).

* Моему дорогому Жуковскому от друга. Фридрих Вильгельм, кронпринц Прусский. Берлин, 4 февраля 1825 (*нем.*).

Неизвестный художник. Портрет короля Фридриха Вильгельма IV

1*

6/18 февраля 1823 г. Берлин

Berlin. Ce 18 f<é>v<rier> 1823

J'ai reçu avec un plaisir tout particulier les vues de Pawlowsk et de Gatchina[1]; elles me rappellent vivement des lieux où j'ai passé des moments infiniment agréables, et dont le souvenir ne s'effacera jamais de ma mémoire.

Ne vous arrêtez pas, mon cher ami, et vous irez loin, car sans vouloir m'ériger un juge compétant, je vous dis, moi, que vos dessins, faits au trait, me plaisent beaucoup.

Au reste vous êtes trop modeste, mon cher Joukowsky, en croyant qu'il faille un aussi joli cadeau, pour vous conserver dans ma mémoire. Par les circonstances qui m'ont procuré le plaisir de faire votre connaissance intéressante, vous y ont acquis une place distinguée, que ni le temps ni la distancé ne pourront vous disputer.

Soyez en persuadé ainsi de l'assurance que je serai toujours Monsieur, votre affectionné

Guillaume

Перевод:

Берлин. 18 февраля 1823

Я получил с особым удовольствием виды Павловска и Гатчины[1]; они живо напоминают мне места, где у меня были бесконечно приятные моменты, воспоминания о которых никогда не исчезнут из моей памяти.

Не останавливайтесь, мой дорогой друг, и Вы далеко пойдете; уверяю Вас, не считая себя вполне компетентным знатоком, что Ваши рисунки, выполненные в контурной манере, мне очень нравятся.

Кроме того, Вы слишком скромны, мой дорогой Жуковский, полагая, что только такой прекрасный подарок может сохранить Вас в моей памяти. Благодаря обстоятельствам, которые доставили мне удовольствие сделать знакомство с Вами столь интересным, Вы приобрели в моей душе особое место, которое ни время, ни расстояние не могут оспорить.

Будьте уверены в том, что я всегда пребуду, сударь, Вашим преданным

Вильгельмом

2

Июль <не позднее 13/25> 1840 г. Сан-Суси

Mon cher Joukoffsky! Pour vous donner une marque de mon estime et de ma bienveillance je vous ai conféré la plaque de l'ordre de l'aigle rouge de la seconde classe[1], ornée de brillants, laquelle je vous fais remettre ci-joint accompagnée de mes souhaits les plus sincères pour la durée de votre félicité.

Votre affectionné à Monsieur de Joukoffsky, Conseiller d'Etat actuel, Chevalier etc. etc.

Sans-Souci le... Juillet. 1840.

Перевод:

Дорогой Жуковский! В знак моего к Вам уважения и благосклонности пожаловал я Вам украшенную бриллиантами звезду ордена Красного Орла второй степени[1], которая, по моему распоряжению, Вам препровождается при сем с самыми искренними пожеланиями продолжительного благоденствия.

Преданный Вам, действительному статскому советнику и кавалеру Жуковскому.

Сан-Суси. – июля 1840.

3

13/25 июля 1840 г. Сан-Суси

Cher et excellent ami.

Cette lettre à deux buts qu'il est fort difficile de traiter de concert. Mais le peu de moments dont je puis disposer me font une loi de mettre dans un même paquet ce qui d'ailleurs va mal ensemble.

D'abord le but de cette lettre[1] est de vous embrasser de mes deux bras et de vous remercier du fond de mon cœur, de la lettre sublime en pensées et en style que vous m'avez adressée, cher et tendre ami! Ich habe den Brief mit stürzenden Thränen gelesen! Tout votre noble cœur, toute votre belle âme y est. De toutes les paroles, qui doivent honorer la mémoire de mon bien aimé et vénéré père et roi, que j'ai lu dans ce temps, les vôtres sont sans comparaison les plus belles, les plus éloquentes, les plus dignes. Ce sont les paroles d'un vrai poète, c. à d. d'un homme, qui prête l'oreille aux inspirations non de sa digestion (excusez l'expression triviale d'une grande vérité) mais à celles de l'esprit divin.

L'autre but de ma lettre tranche du conventionnel et le poète prophète se fâcherait de droit en se voyant en quelque sorte confondu dans une foule de courtisants, si son cœur ne savait distinguer la main de son ami. Enfin, cher Joukovsky, je vous offre l'étoile carrée en diamants de la 2-me classe de l'aigle rouge[2]. D'après les lois de l'ordre, données par le roi, chaque chevalier doit passer par toutes les zones de l'ordre. Veuillez, cher ami, entrer de bonne grâce dans cette *zone de passage*.

Ma besoine étant remplie je vous embrasse encore avec le doux espoir que je vous reverrai souvent et que vous ne rougirez jamais de l'amitié, que vous m'avez voué!

Vale.

Frédéric Guillaume

Sans-Souci.
Ce 25 Juillet 1840.

Перевод:

Дорогой и милый друг.

Мое письмо преследует две крайне трудно согласуемые между собою цели. Но малое количество находящегося в моем распоряжении времени заставляет меня переслать Вам вместе в одном пакете то, что, правда, плохо вяжется одно с другим.

Во-первых, мой дорогой и сердечный друг, я хочу обнять Вас обеими руками и от глубины сердца поблагодарить за Ваше прекрасное и по мысли, и по форме послание[1]. При чтении этого письма слезы градом катились у меня из глаз. В нем сказались все Ваше

благородное сердце, вся Ваша прекрасная душа. Из всех речей, которыми почтена память моего горячо любимого и уважаемого отца и короля и которые мне пришлось прочесть за это время, Ваши слова, без сравнения, самые лучшие, самые красноречивые, самые достойные. Это речи – истинного поэта, т.е. человека, прислушивающегося не к голосу своего желудка (простите за это тривиальное, но глубоко верное сравнение), а к внушениям Божественного Духа.

Другая цель моего письма кажется официальной, и вдохновенный поэт имел бы право обидеться, увидев себя, в некотором роде, смешанным с толпою придворных, если бы его сердце не умело распознавать дружественную руку. Словом, дорогой Жуковский, я жалую Вам бриллиантовую звезду Красного Орла второй степени[2]. Согласно статутам ордена, утвержденного королем, каждый кавалер его должен пройти через все его степени. Прошу Вас, дорогой друг, не отказать начать прохождение *этих степеней.*

Выполнив свою задачу, обнимаю Вас еще раз в приятной надежде, что буду часто Вас видеть и что Вы никогда не покраснеете за дружбу, которую Вы питаете ко мне!

Будьте здоровы!

Фридрих Вильгельм.

Сан-Суси.
25 июля 1840 г.

4

6/18 ноября 1846 г. Сан-Суси

Sans-Sousi. 18 Nov<ember> 1846.

Ich habe, mein verehrter Freund, ein ganz kostbares je unschätzbares Geschenk[1], auf weitem Umwege, durch H-r v<on> Sydow[2] (aus dem ungenauen Niederlanden) erhalten. Dasselbe kann ich nur oder von Ihnen, Allertheuerster Joukovsky, oder von Ihrem lieben Schwieger-Vater, Herrn v<on> Reitern[3] kommend ansehen. Drumm bechaltige ich Sie mit einem deutschen Brief und ströme meine Freude und Dankbarkeit hinein. Ich wünsche dass Sie Beyde bey Lesung dieser Zeilen meine beyden Arme fühlen mögen, wie ich Sie umarme.

Das Köpfchen ist an sich schon ausserordentlich ähnlich. Durch Réitéras Meisterhand ist es aber so geworden, dass ich mit demselben in mehreren Sprachen mich unterhalten möchte. Der Eindruck ist nicht bloß auf mich vorhanden. Ein Jeder der es bisher gesehen hat, macht dieselbe Bemerkung. Das macht mir meinen Besitz um so lieber und werther. Lassen Sie sich, geliebter Joukovsky, nun noch einmal danken, sich noch einmal umarmen. Und Gott gebe uns ein frohes Wiedersehen! Mit treuer Freundschaft

Friedrich Wilhelm.

Перевод:

Сан-Суси. 18 ноября 1846 г.

Я получил, мой уважаемый друг, ценный, – даже бесценный подарок[1], дошедший до меня кружным путем чрез г-на ф<он> Сидова[2] (из ненадежной Голландии). Им я могу быть обязан только Вам, дражайший Жуковский, или Вашему милому тестю, г-ну ф<он> Рейтерн. Поэтому благодарю Вас немецким письмом и выражаю Вам свое удовольствие и благодарность. Я хотел бы, чтобы, при чтении этих строк, оба вы могли бы чувствовать мои объятия.

Головка сама по себе отличается из ряда вон выходящим сходством. С нею, благодаря искусству Рейтерна, положительно, можно беседовать на разных языках. То же впечатление испытываю не я один. Каждый, кто только видел до сих пор эту головку, высказывал те же замечания; это делает мою собственность и милее и дороже для меня. Позвольте, мой возлюбленный Жуковский, еще раз поблагодарить Вас и еще раз обнять. И пошли нам Господь радостное свидание. Ваш верный друг

Фридрих Вильгельм.

5

6/18 сентября 1848 г. Сан-Суси

Sans-Sousi. 18 Sept<embre> 1848.

Cher et tendrement aimé Joukowsky.

Vous saurez déjà, que l'affaire de la pension de retraite de notre ami a été réglée depuis votre lettre[1]. Je trouve le montant de la pension au

dessous de toute critique. Il est le résultat de ce «*besoin d'injustice*», qui fait l'essence de la vie du libéralisme. Pour le moment, il n'y a rien à faire. Dieu sait, que j'ai fait tout ce que j'ai pu, pour épargner cette tâche à mon, «soi-disant, règne»! Mais c'est en vain. L'ami a 2250 thalers de pension! Dites moi franchement, cher et excellent ami, cela suffit-il à son existence? Votre généreux et noble projet, qui ne pouvait sortir dans toute l'Europe que de votre cœur seul, n'est, certes, plus nécessaire de réaliser[2]. Mais j'ajouterai de grand cœur quelques centaines d'écus par an à la pension, sur ma cassette, si vous le jugez nécessaire et s'il y a moyen de les faire accepter à notre cher et digne ami, qui parfois a la tête de marbre. Il m'importe beaucoup de savoir la vérité d'une chose, que l'on m'a affirmée à plusieurs reprises de la manière la plus positive de la part du département et à laquelle néanmoins je me prends la liberté de ne pas croire jusqu'à ce que je n'aie la confirmation par l'ami lui-même.

C'est que la caisse du département lui à payé bis Heller und Pfennig, tout son salaire jusqu'au jour où sa pension lui a été annoncée. Veuillez, de grâces cher ami, me procurer la certitude sur la vérité ou le mensonge de cette assertion. Cela serait à peu près 6000 thalers et lui serait sans doute de quelque ressources. Jusqu'au mois de mai il n'avait pas reçu une obole. Je sais cela de lui même. Faudrait donc, que la dite caisse eut fait depuis juin un effort surnaturel pour remplir son devoir. Mais, «le habitus», du misérable qui gérait dans ce temps là les affaires étrangères m'est presque garant, que la chose ne s'est pas faite.

Ah! cher et digne Joukowsky, quels temps et quelle engeance, que celle qui règne et qui fait régner!!!

Unissez vos ferventes prières aux miennes, pour, que Dieu ait pitié de nous! qu'il bénisse mes choix et mes projets. Ma patience est à boût. Je me relève de ma chute, ou pour tomber à jamais ou – si Notre Seigneur m'est secourable – pour commencer une nouvelle ère pour la Prusse et l'Allemagne.

«Das Gebet des Gerechten vermag viel». C'est ma fière et sainte parole. Ich bin voll Gottvertraun. Vale[3].

P.S. J'ai eu l'espoir secret de vous voir à Cologne. C'est bien, bien triste, que vous n'y êtes pas venu. La fête dans l'incomparable Cathédrale était miraculeusement belle[4]. C'était un grand jour. Un beau jour. Allez y pour voir cette nef rendue au Culte et s'élevant à la hauteur de 100 pieds.

Et si la forme du culte qu'on y célèbre n'est ni celle du votre, ni celle du mien, c'est toujours le sanctissimes nom de Notre Seigneur qu'on y adore, et cela fait un bien ineffable à l'âme, qui se dessèche sous le souffle homicide des misérabilités colossales et destructives d'un temps, qui veut *tant* et qui ne peut *rien*; d'un temps qui n'a pour seule excuse que son plus abominable péché – l'apostasie!

Перевод:

Сан-Суси. 18 сент<ября> 1848.

Дорогой, нежно любимый Жуковский!

Вы уже знаете, что дело о назначении пенсии нашему другу получило надлежащее направление после Вашего письма[1]. Я нахожу назначенную цифру ниже всякой критики. Вот результат *того тяготения к несправедливости*, который составляет жизненную сущность либерализма. В данный момент ничего нельзя поделать. Видит Бог, я сделал все, что было в моих силах для борьбы с этим злом моего «так называемого царствования». Но из этого ничего не вышло. Итак, наш друг получает 2,250 талеров пенсии. Скажите откровенно, дорогой друг, достаточно ли такой суммы для его существования? Ваш великодушный и благородный план, который во всей Европе мог зародиться только в Вашем сердце, наверно, не нуждается теперь в осуществлении[2]. Но если Вы найдете нужным, то я с большим удовольствием прибавлю к его пенсии несколько сот экю в год из собственных средств. Удастся ли только найти способ заставить нашего дорогого и достойного друга принять их; по временам ведь он бывает непреклонен. Мне очень хочется убедиться в достоверности слуха, неоднократно передававшегося мне в самой положительной форме из департамента, которому я не могу верить, пока не получу подтверждения от самого друга.

Дело в том, что якобы из кассы департамента ему производилась выдача полностью всего его жалованья, вплоть до дня назначения ему пенсии. Будьте добры, дорогой друг, проверить, правильно или ложно такое утверждение. Всего это составило бы почти 6,000 талеров и было бы ему, без сомнения, некоторою поддержкою. До мая он не получал ни гроша. Я знаю это от него самого. Ведь упомяну-

той кассе нужно было бы проявить, начиная с июня, сверхъестественные усилия для выполнения своих обязательств. Весь образ поведения бедняги, руководившего тогда иностранными делами, служит почти ручательством для меня, что ничего подобного в действительности не было.

Ах, дорогой и почтенный Жуковский, какие времена, какая порода людей, и правящих, и управляемых!!!!!

Молитесь вместе со мною, да смилуется над нами Господь и да благословит он мой выбор и мои начинания! Мое долготерпение на исходе. Я оправляюсь от своего падения с тем, чтобы или опять рухнуть, но уже навсегда, или, с помощью Божьею, начать новую эру для Пруссии и Германии.

«Молитва праведника многого достигает». Вот мой великий и святой лозунг. Я весь полагаюсь на Бога. Будьте здоровы[3].

P.S. Я питал тайную надежду встретиться с Вами в Кельне. Очень, очень жаль, что Вы не приехали туда. Празднество в дивном соборе прошло чудесно[4]. То был великий день, прекрасный день. Съездите туда посмотреть этот неф, воздвигнутый для богослужения, вышиною до ста футов.

И если совершаемый там обряд чужд и Вам и мне, то, во всяком случае, в нем восхваляется святейшее имя нашего Господа, и одно это уже неизреченное благо для души, иссушаемой убийственными несчастиями нашего времени, которое *всего* желает и *ничего* не в состоянии сделать, времени, имеющего для самооправдания только свой собственный отвратительный грех – отступничество.

6

9/21 декабря 1850 г. Потсдам

Potsdam. 21 décembre 1850.

Cher et excellent ami. J'avais l'intention de vous écrire depuis plus d'un quart d'année, mais je ne voulais pas renouer notre correspondance les mains vides. Je voulais vous envoyer mon portrait et un cahier de vues de Potsdam[1]. Mais le peintre (M. Otto) est resté en défaut. La tête a bien réussie, mais le corps, copié d'après un petit tableau où j'étais représenté assis, a quelque chose, comment dirai-je, «d'invraissemblable» qui nuit à

l'effet. Or, sachez cher Joukovsky, que je vous connais comme juge sévère et désespéramment compétent en fait de beaux arts. Par conséquent je ne veux rien vous offrir qui vous force à demander de prime abord. «Diable, est-il debout ou assis?» Veuillez donc prendre un peu de patience, cher ami, et plus que moi-même – car je n'y tiens plus et vous envoie les lithographies de Potsdam, qui primitivement étaient destinées à servir de «petite pièce» après la tragédie, d'après la coutume du Théâtre Français de Paris[2]. Mais sachez, que ces vues de Potsdam ne vous parviennent pas par pure charité chrétienne. Le but avoué de cet envoi est purement et simplement de vous exciter de vous stimuler à venir nous voir au printemps, en été, ou au commencement de l'automne dans ma ville chérie pour comparer vous même, pour examiner la copie en face de l'original. Je vous avertis, que vous serez très bien reçu si nous sommes en vie. Et pour prix de la bonne réception je demanderai vos conseils über einige Drucker, die zum Nachhelfen des Ganzen der Potsdammer Wirthschaft unentbehrlich sein dürften.

«Mais parlons encore de notre ami Horace» c. à d. du portrait, que vous aurez bientôt, j'espère! Je l'ai commandé, ayant lu les premières pages de votre petit «Eloge» de notre brave et digne Radowitz[3]. Vous n'avez aucune idée de l'impression que cette brochure a fait sur moi. Ce ne sont pas les qualités qui dictent tout ce qui sort de votre plume. – La Vérité, la Conviction et la Justice – qui ont fait sur moi l'effet dont je parle. – Mais c'est surtout l'à *propos*. Fidèle au précepte de l'Apôtre de confesser la Vérité sous toutes les conditions, – «Zur rechten Zeit oder zur Unzeit, durch böse Gerüchte oder gute Gerüchte», – Vous avez, cher et excellent ami, porté témoignage en faveur d'un homme, que le monde (et surtout les Puissants de ce monde) méconnaissent dans ce moment et pour longtemps encore peut-être, mais auquel l'histoire assignera une place glorieuse, la place d'honnête homme, d'homme de bien, de génie chrétien et d'un chrétien, connaissant mieux le monde que tout les «Enfants du monde», resté pur des éclaboussures de ce monde. Enfin, votre petit écrit sur Radowitz m'a enchanté. À la fin de chaque phrase, j'ai dit «Amen». Vous le connaissez bien, cher Joukowsky, car vous lui ressemblez. Je ne vous trouve qu'une faute que l'autre n'a pas; celle de vous soustraire à la confiance de votre Auguste et digne Souverain et d'avoir fui l'occasion d'illustrer son nom, celui de la Russie et le votre par la gestion d'un ministère. À la tête du culte, par exemple, vous auriez *mieux fait* que Chichkoff[4] et ses successeurs; à la tête du ministère «des

lumières» (ou de l'éclairage) vous auriez fait autrement qu'Ouwaroff[5], que je respecte d'ailleurs comme un homme de bien et heureuseument doué par la nature – mais vous, cher ami, doué de plus de foi, de plus de feu sacré, d'un sentiment plus éclairé pour le beau, vous aviez le privilège certain de mieux faire que bien des hommes, que *leurs Contemporains* tâchent d'affubler du caractère de grands hommes.

Et voyez maintenant l'inconséquence humaine! Avec tout cela j'ai une véritable satisfaction de vous savoir en Allemagne, im Weinreichen Lande unter einem clementerem Himmel als den des Finnischen Meerbusens. Vous *direz* peut-être, que ça n'a pas le sens commun. Soit! Pourvu que vous *sentiez* le contraire.

Dieu aidant notre ami n'est pas à la fin de sa carrière politique. L'on a miné sa position, par ce que son obéissance au roi était devenu dangereuse pour certains gens qui, au nom du principe monarchique, régissaient l'étât sans le roi. Je pars – et l'on débite partout, que le but, qu'il s'était proposé d'atteindre était fabuleux, intempestif, nuisible etc etc.

Et voilà que M. de Noirmont[6] nous propose comme siennes, les mêmes choses, les mêmes conditions qui depuis 2 ans étaient les nôtres (les radowiziennes) et que l'autre avait refusé avec une constance désespérante. Pour ceux qui ont des yeux il n'y a au monde une justification plus éclatante, plus triomphante de la conduite et des «fins» de notre ami. Quel était l'objet auquel nous tendions lui et moi? Bien que la reconnaissance du *droit de la totalité des Souverains d'Allemagne à la reconstruction de l'Allemagne*, bouleversée par la révolution de 48. Et bien ce but est atteint. Il l'a été parce que mon bon droit était en fin appuyé par 478.000 combattans (chiffre exact). Nous l'aurions atteint 2 mois plus tôt, zwar unter der Firma «König, Radowitz und Comp.», si l'appui en question ne nous avait pas été refusé, lorsque nous l'avions demandé, pour la raison pure et simple, dem Dinge diese Firma nicht zu gönnen!!!!!!!!!

Перевод:

Потсдам. 21 декабря 1850.

Дорогой мой друг. Уже месяца три собирался я написать Вам, но мне не хотелось возобновить нашу переписку с пустыми руками. Я желал препроводить Вам свой портрет и альбом видов Потсдама[1].

Но работа художника (г-на Отто) оказалась не вполне удачной. Голова исполнена им хорошо, а туловище – копия с маленького портрета, на котором я изображен сидя, – несколько, я бы сказал «неестественно», и от этого теряется общее впечатление. Теперь знайте же, дорогой Жуковский, что я считаю Вас за строгого и, безусловно, сведущего ценителя искусства. Поэтому я не хочу подарить Вам портрет, глядя на который Вы, первым делом, воскликнете: «Что за чертовщина, стоит он или сидит?» Итак, дорогой друг, запаситесь пока немного терпением (у меня его больше уж нет) и примите только литографированные виды Потсдама, первоначально предназначавшиеся изобразить «маленькую пьеску», даваемую, согласно обычаям парижского «Théâtre Français»[2], после трагедии. Вам следует знать, что виды эти дарятся Вам не из одного только милосердия христианского. Настоящее назначение их состоит в том, чтобы побудить Вас собраться весною, летом или в начале осени приехать в наш милый городок, чтобы самому сравнить копию его с оригиналом. Могу уверить Вас, что, если только мы будем живы, там Вас встретят очень хорошо. А в виде премии за приветливый прием я попрошу у Вас совета относительно нескольких типографов, неотложно необходимых для обслуживания всего потсдамского хозяйства.

«Но поговорим еще о нашем друге Горации» – я разумею портрет, который Вы, надеюсь, получите скоро! Я заказал его, как только прочел первые страницы Вашего хвалебного слова нашему мужественному и достойному Радовицу[3]. Вы не можете себе представить, какое впечатление произвела на меня эта брошюра. И сила ее, в данном случае, вовсе не в обычных качествах Вашего пера – искренности, убедительности и справедливости – все это тут играет какую-то побочную роль. Вы остались верным заповеди апостольской о необходимости быть глашатаем истины, невзирая на окружающие условия или, как говорится по-немецки – ко времени и без времени (Durch böse Gerüchte, oder gute Gerüchte).

Вы выступили, дорогой друг, защитником человека, нетерпимого всем светом (а в особенности сильными представителями последнего). И непризнание его не дело наших дней, оно затянется еще на долгое время. Но история отведет ему почетное место среди представителей благородства, добра, христианского духа, – истых христиан, знающих жизнь лучше всех этих так называемых «детей мира

сего». Среди всей грязи людской Радовиц остался незапятнанным. Словом, Ваша брошюра о Радовице привела меня в восхищение. В конце каждой фразы я прибавлял: «аминь». Вы, Жуковский, хорошо знаете Радовица уже потому, что схожи с ним. Я нахожу у Вас только один недостаток, которого нет у него, это то, что Вы сторонитесь доверия, оказываемого Вам Вашим августейшим монархом и избегаете случая прославить, в качестве министра, государя, Россию и себя самого. Будучи, например, во главе министерства духовных дел, Вы сделали бы гораздо больше, чем Шишков[4] и его преемники. В качестве министра народного просвещения Вы поступали бы иначе, чем Уваров[5], которого, вообще, я уважаю как человека добропорядочного и одаренного от природы, но зато Вы, дорогой друг, одарены еще больше, в Вас больше веры, священного огня и чувства Ваши более чутки для восприятия идей добра. Вы обладаете, несомненно, более развитою способностью улучшать положение дела, чем те лица, которым современники их пытаются придать характерные черты великих людей.

И посмотрите теперь на непоследовательность человеческую. При всем, мною только что сказанном, я испытываю истинное удовлетворение, зная, что Вы живете в Германии, в стране вина, под небом, более приветливым, чем то, что расстилается над Финским заливом. Вы скажете, может быть, что в этом нет здравого смысла. Пусть будет так, лишь бы Вы *чувствовали* противоположное.

Благодаря бога, наш друг не заканчивает еще свою политическую карьеру. У него отняли его место, потому что его приверженность королю казалась опасною категории людей, желающих под знаменем монархизма править государством без государя. Уйду я – и Радовицу повсюду поставят в вину цель, которую он преследовал, цель, якобы отжившую, вредную и т.д.

И вот получается, что г. де Нуармон[6] выдает за свои измышления, за свои условия те предположения, которые два года тому назад еще зародились у нас (т.е. у Радовица) и были тогда отвергнуты с упрямством, способным довести до отчаяния. Для имеющих глаза не нужно другого, более убедительного и торжественного признания умения и остроты ума Радовица. И он и я – оба мы не имели другой цели, как только добиться признания за германскими государями права на переустройство Германии, потрясенной революцией сорок восьмого года. И цель была достигнута, потому что мое доброе пра-

во наконец подкрепили 478,000 бойцов (цифра точная). Мы бы достигли этого еще два месяца тому назад, хотя бы под фирмою «Король, Радовиц и Компания», если бы нам не отказали в этой поддержке, когда мы, по ясной и простой причине, попросили «dem Dinge diese Firma nicht zu gönnen»!!!!!!!" (не выпускать дело из рук этой фирмы).

7

15/27 января 1851 г. Шарлоттенбург

Charlottenburg. 27 janvier 51.

Cher et digne ami. Je vous envoie en rougissant une lettre, achevée de 3/4 mais non signée, que je Vous ai écrit à la fin du mois passé!!! Soyez indulgent! Soyez clément! Ne m'en voulez pas, de grâce! Je n'ai d'autre excuse que «mes occupations» et elle est mauvaise, non parce que je manque d'occupations, de travail, de tracasseries etc. etc. etc. mais mauvaise, parce que tout cela ne doit pas retenir un ami vrai et fidèle (et je le suis) de chercher et de trouver un petit instant pour écrire 3 lignes et signer. Je me sens bien coupable! Pardonnez-moi! Notre ami[1] est de retour d'Angleterre, frais et dispos, un peu de rose sur les joues et plus intéressant que jamais. Il est revenu tout plein de la grandeur d'Albion et de sa Capitale (qui a déjà la population de 2 royaumes allemands), des miracles de son industrie, des recherches fort doctes et un peu hérétiques de Bunsen sur les Généalogies de la Genèse et surtout de l'histoire primitive du pays de Gales[2].

J'espère que les œuvres de notre grand roi[3] seront entre Vos mains, chérissime Joukovsky, avant l'arrivée de cette lettre. Mon «visage» arrive avec elle et les vues de Potsdam également. Si, comme je l'espère ardemment, vous y venez nous voir ne faites pas *den Zugvogel*. Vouez nous, je vous en conjure, tout le temps, que vous pourrez, une quinzaine, une huitaine pour le *moins*. Sachez avant tout, que vous ne pourrez *jamais rester trop longtemps*. C'est une sainte vérité. Je vous embrasse de mes deux bras, cher et excellent ami, trop heureux, si quelques mots de votre main, m'autorisent bientôt de dire «Au revoir».

Croyez à l'amitié inviolable de votre fidèle ami

Frédéric Guillaume.

P.S. Je charge *notre* ami Sydow, de l'ambassade destinée à vous remettre cette lettre et ce qui l'accompagne.

Рисунок короля Фридриха Вильгельма IV в письме от 15/27 января 1851 г.

Перевод:

Шарлоттенбург. 27 января 51.

Дорогой и достопочтенный друг! Краснея от стыда, посылаю я Вам письмо, на три четверти уже законченное, но своевременно не подписанное; я написал его в конце прошлого месяца!!! Будьте снисходительны! Будьте добры ко мне. Не лишайте меня своих милостей! У меня нет других оправданий, кроме «моих занятий», но тем хуже, не потому, что я не обращаю внимания на работу, на деловые хлопоты и т. д., и т. д., и т. д.; а нехорошо потому, что все это не должно было бы помешать такому преданному и верному другу (каков я на самом деле) улучить минутку, написать пару строк и поставить внизу свое имя. Я чувствую себя очень виноватым. Простите меня. Наш друг[1] возвратился из Англии свежим и здоровым, с

румянцем на щеках и более интересным, чем когда-либо. Он вернулся весь преисполнен уважением к величию Альбиона и его столицы (по народонаселению равной двум немецким королевствам). Радовица удивили чудеса английской промышленности и весьма ученые, но немного еретические исследования Бунзена о родословии Книги Бытия и, в особенности, истории первобытной Галлии[2].

Надеюсь, что сочинения нашего великого короля[3] дошли до Вас, дражайший Жуковский, еще до получения настоящего письма, с которым препровождаются Вам мой «лик» и виды Потсдама. Если Вы приедете к нам повидаться, как я горячо надеюсь, не будьте *перелетной птицей*. Отдайте нам, заклинаю Вас, все время, какое только можете: две недели, неделю, самое *меньшее*. Знайте только наперед одно, что Вы никогда не можете оставаться у нас *слишком* долго. Это святая истина. Обнимаю Вас, дорогой друг, обеими руками; буду счастлив, если несколько слов, написанных Вашею рукою, дадут мне возможность сказать Вам в скором времени: «до свидания».

Верьте в ненарушимую дружбу Вашего верного друга

Фридриха Вильгельма.

PS. Я поручаю *нашему другу*, Сидову, доставить Вам письмо и приложение к последнему.

ПРИНЦ КАРЛ ПРУССКИЙ

Фридрих Карл Александр Прусский (1801–1883), третий сын Фридриха Вильгельма III и Луизы Мекленбург-Стрелицкой, брат Фридриха Вильгельма IV и императрицы Александры Федоровны, принц Прусский, генерал-полковник со званием прусского генерал-фельдмаршала (1857).

Жуковский познакомился с ним в 1821 г. во время первого заграничного путешествия. В его дневнике отразился целый ряд встреч с принцем (ПССиП. Т. 13–14. По указателю имен). Вероятно, эти товарищеские отношения воплощались и в переписке, от которой, к сожалению, известно только одно раннее письмо Карла Прусского. По всей вероятности, после смерти Жуковского письма к нему принца были возвращены отправителю и ныне вместе с письмами самого поэта хранятся в каком-то немецком архиве.

Франц Крюгер. Портрет принца Карла Прусского. 1852

*30 июня / 10 июля 1823 г. Берлин**

Berlin ce 10 Juillet 1823

Monsieur, j'ai reçu avec un plaisir singulier le joli cadeau que vous avez bien voulu m'envoyer par Mr de Peroffsky[1].

Les esquisses m'ont rappellé bien vivement les lieux où j'ai passé des moments si agréables, et si elles ne sont sorties ni du pinceau d'un peintre, ni du burin d'un graveur, la vérité qui y règne me prouve, que ce ne peut être qu'un génie qui les a tracées. Recevez-en donc mes sincères remerciements, et soyez persuadé que je ne cesserai d'être, Monsieur, votre très affectionné

Charles

Перевод:

Берлин. 10 июля 1823

Сударь, я с особым удовольствием принял прекрасный подарок, который Вы любезно пожелали мне передать через господина Перовского[1].

Наброски живо напомнили мне места, где я провел столь приятные минуты, и если они не сошли ни с кисти живописца, ни с резца гравера, то царящая в них истина доказывает мне, что начертавший их может быть только гением. Посему примите мою искреннюю благодарность и будьте уверены, что я не перестану быть, сударь, Вашим преданным

Карлом

КРОНПРИНЦ ИОГАНН САКСОНСКИЙ

Иоганн Непомук Мария Жозеф Антон Ксавье Винсент Алоис Франц де Пауль Станислас Бернхард Поль Феликс Дамас (1801–1873), кронпринц и с 1854 г. король Саксонии. До вступления на престол много занимался наукой и искусством. В 1823–1849 г. перевел на немецкий язык «Божественную комедию» Данте и опубликовал ее, продолжал дорабатывать свой перевод и в дальнейшем.

В дневниках Жуковского имя Иоганна Саксонского упоминается четыре раза, в дрезденских записях от 5/17 июля 1832 г. («M-elle Tümpling из Дрездена (моя соседка за столом принца Иоанна)» (ПССиП. Т. 13. С. 321); 20 марта 1840 г. («За столом близ принца Иоанна» (ПССиП. Т. 14. С. 487); 1/13 и 2/14 сентября 1843 г. («Принц Иоанн»; «визит принцу Иоанну» (Там же. С. 520). В январе 1850 г. принц Иоганн прислал Жуковскому в подарок свой перевод «Божественной комедии», на что тот ответил благодарственным письмом от 8/20 января 1850 г. (Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4 (30). С. 100–102. Публикация Н.Е. Никоновой), к которому был приложен перевод «Одиссеи». Ответом на него служит публикуемое далее письмо Иоганна Саксонского.

Фердинанд фон Райски. Король Иоганн Саксонский. 1870

29 января / 10 февраля 1850 г. Дрезден

Dresde. Ce 10 février 1850

Monsieur le conseiller d'état.

C'est avec bien du plaisir que j'ai reçu l'aimable lettre de Votre Excellence et le livre que vous avez bien voulu m'envoyer. Je suis fâché seulement de ne savoir pas le Russe pour pouvoir juger par moi-même du mérite d'un ouvrage qui est généralement regardé par les connaisseurs comme tout à fait extraordinaire. J'ai lu dans le temps avec grand intérêt article dont vous parlez dans la gazette universelle[1]. Il serait bien curieux de savoir comment il a été possible de vaincre tant de difficultés.

La manière indulgente avec laquelle Votre Excellence a jugé mon ouvrage m'a été fort rassurante. Du reste on voit que vous parlez par expérience en disant que je dois regretter d'avoir terminé mon ouvrage. Le Dante était pour moi dans notre triste temps un moyen de m'isoler de tout ce qui me pesait et me rendait la vie dure et de respirer pour un temps au moins un air plus pur que celui des années 48 et 49.

Dieu donne que l'avenir soit meilleur et espérer en Dieu qui sait tout conduire à ses fins.

C'est avec la plus haute considération que je suis. Monsieur de Votre Excellence, le très dévoué

Jean Duc de Saxe

Перевод:

Дрезден. 10 февраля 1850

Господин государственный советник.

С большим удовольствием я получил любезное письмо Вашего превосходительства и книгу, которую Вы пожелали мне прислать. Досадовал только, что не знаю русского языка, чтобы иметь возможность самому судить о достоинстве сочинения, которое в целом оценивается знатоками как совершенно необычайное. Я некогда читал статью, о которой Вы говорите, во «Всеобщей газете»[1], и мне

было бы очень любопытно узнать, как можно было преодолеть столько трудностей.

Меня очень обнадежила почтительная манера, с которой Ваше превосходительство оценили мое произведение. Впрочем, ясно, что Вы судите по своему опыту, говоря, что я, должно быть, сожалею, что закончил работу. Данте в наше печальное время помогал мне отстраниться от того, что тяготило меня и отравляло жизнь, и хотя бы некоторое время дышать более чистым воздухом, чем воздух в 48 и 49 годах.

Дай Бог, чтобы будущее было лучше, и нужно надеяться на Бога, который знает, как все довести до конца.

С высочайшим почтением Вашему превосходительству преданный Вам

Иоганн Саксонский

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание продолжает публикацию переписки В.А. Жуковского, начатую эпистолярными томами «Полного собрания сочинений и писем» поэта (т. 15–20) и придерживается идентичных эдиционных принципов.

Источниками публикации являются авторский автограф, копия или первая полная публикация в тех случаях, когда автограф или копия неизвестны. Источник, по которому печатается письмо, а также время и место первой его публикации, описаны в начале примечаний к нему. Для автографов и копий указываются местонахождение и шифр, для первопубликаций – выходные данные и страницы издания.

Если в автографе имеется дата, она воспроизводится в тексте письма или в правом верхнем углу, или в левом нижнем, как в оригинале. Сохраняются графика и состав даты автографа, причем ошибка в ней (описка, несовпадение чисел старого и нового стилей) не устраняется. Однако, несмотря на наличие или отсутствие авторской даты, каждое письмо снабжено редакторской датой, напечатанной перед письмом в виде подзаголовка, после номера письма и/или имени автора; состав редакторской даты включает указание числа, месяца, года и места написания письма. В случае, если в автографе дата неполная (отсутствует указание числа, месяца или года), дополнения в редакторской дате заключены в угловые скобки. Предположительные редакторские даты в их полном составе также заключены в угловые скобки. Если же источником текста письма является не автограф и не копия, а первопубликация, в редакторской дате воспроизведена датировка публикации, в случае необходимости дополненная (дополнения оговариваются в примечаниях).

В примечаниях авторская дата не приводится и не оговаривается, если в ней нет ошибок. Отсутствие даты (Б. д.) или ее неполнота (Б. г.) фиксируются и обосновывается точная или предположитель-

ная датировка, которая и переносится в подзаголовок. Письма с неопределенными датировками располагаются в конце возможного для них периода. При этом числа 1–10 обозначаются как «начало», 11–20 – как «середина», 21–31 – как «конец» месяца. Письма, датируемые по почтовому штемпелю или по косвенным данным (дневник или ответные письма В.А. Жуковского, упоминаемые реалии), печатаются с обозначением: «около» или «не позднее» соответствующего числа привлекаемых документов. Письма, написанные в течение нескольких дней и датированные несколькими числами, вводятся в общий хронологический ряд писем согласно последней дате. В подзаголовке фиксируются обе (или несколько) даты создания текста. Сомнительные редакторские даты и дополнения к неполным датам отмечаются знаком вопроса.

Тексты писем воспроизводятся с возможной точностью в обозначении обращений, приписок, заключительных фраз, подписи и т. д. Недописанные или сокращенно написанные слова дополняются в угловых скобках. Сомнительное прочтение сопровождается знаком вопроса в угловых скобках, а слова, оставшиеся неразобранными, помечаются знаком <нрзб>, с цифрой, обозначающей количество непрочитанных слов, если их больше одного, например <2 нрзб>. Все подчеркивания автора воспроизводятся курсивом, за исключением названий периодических изданий и произведений, которые заключаются в кавычки. Все иноязычные слова и фразы, встречающиеся в тексте писем, отмечены, их перевод с обозначением в скобках языка оригинала дается в постраничных сносках. Если письмо полностью написано на иностранном языке, перевод дается в основном тексте.

Письма печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации. Все описки, пропуски знаков препинания специально не оговариваются. Снимаются знаки тире, обозначающие начало нового абзаца, и текст дается с красной строки. Унифицируется написание таких титульных обозначений, как «его (ее) величество (высочество)», «великий князь», «великая княгиня», «милостивый государь», «император», «императрица», а также слов в именительном и косвенных падежах, отражающее неустойчивость и общую эволюцию отечественной орфографии и колеблющееся в пределах иногда даже одного текста (щастие, счастие, счастье). Во всех обращениях к В.А. Жуковскому местоимение Вы и производные от него (Вас, Ва-

ше и т. д.) печатаются с заглавной буквы. Сохраняются особенности орфографии подлинника, связанные с шутливым тоном и игровым поведением автора, а также с детским невладением правильным написанием. Для воссоздания общей атмосферы письма не заменяются слова или фразы, неудобные для печати. Сохранено обозначение некоторых топонимов (Минхен, Цирих, Луцерн) и антропонимов (Бейрон, Рафаель, Ван Ейк, Екгоф). Разночтения в цитатах и автоцитатах стихотворений в автографах писем (в основном это знаки препинания и отдельные лексические вариации) оставлены без изменения и сверки, но обговариваются в комментарии.

Если говорить о письмах на французском языке, то он не соответствует современным нормам по нескольким параметрам: графике (диакритические знаки, очень часто отсутствующие в оригинальных текстах), орфографии (старые орфографические нормы написания некоторых слов) и даже грамматике и синтаксису. С этой точки зрения во французских текстах очевидно несоответствие современным правилам согласования времен, да и вообще присутствуют грамматические ошибки и нетипичные для современного языка речевые обороты и формы некоторых слов. Коррекция франкоязычных текстов осуществлена в настоящем издании только на уровне графики и орфографии; характерные для французского языка корреспондентов Жуковского некорректные речевые обороты и словоформы, равно как и грамматические ошибки, оставлены без изменения.

Что же касается проблемы перевода этих писем, то она сводится к вопросу о его эквивалентности. Разумеется, когда речь идет о впервые публикуемых письмах на французском языке, в настоящем издании они сопровождаются современным переводом, авторская принадлежность которого указана в примечаниях. Но ранее опубликованные письма, сопровождавшиеся переводом в дореволюционных первопубликациях XIX – начала XX в., предлагают самостоятельную эдиционную проблему. С одной стороны, в стилевом отношении эти ранние переводы, несомненно, представляются более эквивалентными, поскольку их стиль менее отдален от исторического стиля русского эпистолярного языка первой половины XIX в. С другой стороны, существует необходимость корректировки этих переводов, временами достаточно свободных.

В эдиционных принципах републикации франкоязычных писем, ранее напечатанных в переводах XIX – начала XX в., редактор руко-

водствовался соображениями, с одной стороны, сохранения особенностей стиля, более близкого к стилю самого поэта в переводах указанного времени, а с другой – необходимостью предложить эквивалентный перевод, особенно в тех случаях, когда исторический перевод нуждается в уточнении, дополнении или ревизии. Поэтому в основу публикации таких писем в настоящем издании положены переводы, ранее напечатанные в «Русской старине», «Русском архиве» и других изданиях, публиковавших французские письма корреспондентов Жуковского. Однако все они откорректированы и дополнены по архивным источникам. Графическая правка французских текстов Жуковского для настоящего издания осуществлена Н.Л. Дмитриевой (ИРЛИ РАН); новые переводы выполнены Н.Л. Дмитриевой, О.Б. Лебедевой, Е.Е. Дмитриевой (ИМЛИ РАН) и В.С. Киселевым.

Подборки писем следуют в порядке династического старшинства и старшинства поколений и возраста царственных корреспондентов, внутри подборок письма расположены по хронологии.

Тексты писем царственных особ подготовили, прокомментировали и, в случае французских писем, перевели:

- **императрица Мария Федоровна** – О.Б. Лебедева и В.С. Киселев (преамбула), Е.Е. Дмитриева, Н.Л. Дмитриева и О.Б. Лебедева (подготовка текста 2 французских писем и их перевод), О.Б. Лебедева и В.С. Киселев (подготовка русского письма и комментарии ко всем письмам);
- **великая княгиня и императрица Александра Федоровна** – О.Б. Лебедева (преамбула, подготовка текста, перевод и корректировка перевода П.И. Бартенева, комментарии);
- **великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская Мария Павловна** – Н.Е. Никонова (преамбула, подготовка текста копий), В.С. Киселев (подготовка текста автографов, комментарий);
- **королева Нидерландов Анна Павловна** – В.С. Киселев (преамбула), О.Б. Лебедева и Н.Л. Дмитриева (подготовка текста французского письма и перевод), В.С. Киселев (подготовка текста русского письма и комментарии к 2 письмам);
- **великий князь Михаил Павлович** – В.С. Киселев (преамбула, подготовка текста и комментарий);

- **великая княгиня Елена Павловна** – О.Б. Лебедева и Н.Л. Дмитриева (подготовка текста 5 французских писем), О.Б. Лебедева (преамбула, перевод и коррекция перевода ЛН); В.С. Киселев (подготовка текста русского письма и комментарии к 6 письмам);
- **великий князь Александр Николаевич** – В.С. Киселев (преамбула), И.О. Волков и В.С. Киселев (подготовка текста), О.Б. Лебедева (подготовка текста и перевод французских фраз), В.С. Киселев (комментарий ко всем письмам);
- **великая княжна Мария Николаевна** – О.Б. Лебедева и В.С. Киселев (преамбула), В.С. Киселев (подготовка текста и комментарий), Н.Л. Дмитриева (сверка французских фраз и их перевод);
- **великая княжна и принцесса Вюртембергская Ольга Николаевна** – В.С. Киселев (преамбула, подготовка текста и комментарий);
- **великая княжна Александра Николаевна** – В.С. Киселев (преамбула, подготовка текста и комментарий);
- **великий князь Константин Николаевич** – В.С. Киселев (подготовка текста автографов РО ИРЛИ), А.Н. Сидорова (преамбула, подготовка текста автографов ГАРФ), А.Н. Сидорова и В.С. Киселев (комментарии);
- **великий князь Николай Николаевич** – В.С. Киселев (преамбула, подготовка текста и комментарий);
- **великий князь Михаил Николаевич** – В.С. Киселев (преамбула, подготовка текста и комментарий);
- **принц Петр Георгиевич Ольденбургский** – В.С. Киселев (преамбула, подготовка текста и комментарий);
- **кронпринц и король Пруссии Фридрих Вильгельм IV** – Н.Е. Никонова (преамбула), О.Б. Лебедева и Н.Л. Дмитриева (подготовка текста публикуемого впервые французского письма, а также сверка французского текста и коррекция перевода А.А. Фомина), В.С. Киселев (комментарии);
- **принц Карл Прусский** – О.Б. Лебедева и Н.Л. Дмитриева (подготовка текста и перевод), В.С. Киселев (преамбула, комментарии);
- **кронпринц Иоганн Саксонский** – Н.Е. Никонова (преамбула, подготовка текста и перевод), В.С. Киселев (комментарии).

Все указатели подготовлены В.С. Киселевым.

Императрица Мария Федоровна

1
(С. 46)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РС. 1898. Т. 96. № 11. С. 363. Публикация Е. Шумигорского.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 9 февраля 1815 г.

[1] 30 декабря 1814 г. послание Жуковского «Императору Александру» было прочитано А.И. Тургеневым во дворце у императрицы Марии Федоровны в присутствии членов царской семьи, выразивших всеобщее восхищение. В январе 1815 г. послание было выпущено отдельной книжкой. Это послужило поводом для личного знакомства поэта с вдовствующей императрицей и великими князьями в мае 1815 г. и назначения его в сентябре 1815 г. чтецом государыни Марии Федоровны. Подробнее об этом см.: Ларионова Е.О. К истории стихотворения В.А. Жуковского «Императору Александру» // РЛ. 1991. № 3. С. 75–81.

[2] Текст посвящения императрице Марии Федоровне был предпослан тексту стихотворения в отдельной публикации: Императору Александру. Стихотворение Василия Жуковского. СПб., 1815. С. 3–8.

2*
(С. 46–51)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28138. Л. 1–2.

Публикуется впервые.

Датируется: 15 декабря 1826 г.

[1] Первое письмо Жуковского от 14/26 июня 1826 г. было посвящено утешениям после смерти императора Александра I, императрицы Елизаветы Алексеевны и Н.М. Карамзина (ПССиП. Т. 16. С. 312–314), второе, от 20 июля / 1 августа 1826 г., содержало отклик на встречу в Шлангенбаде 31 июля 1826 г. с великой княгиней Марией Павловной (Там же. С. 341–342, опубликовано по черновому автографу и ошибочно датировано 22 июля / 3 августа 1826 г.).

[2] После августовского лечения водами в Карлсбаде Жуковский в сентябре 1826 г. переехал в Дрезден, где и провел осень и зиму. О передвиже-

ниях Жуковского императрица Мария Федоровна могла знать из его писем к императрице Александре Федоровне.

[3] Фридрих Людвиг Крейсиг, живший в Дрездене немецкий врач-кардиолог, с 1803 по 1827 г. – лейб-медик великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского, был лечащим врачом Жуковского в 1826–1827 гг.

[4] То есть с момента смерти императора Александра I.

[5] После долговременного пребывания в Таганроге в конце апреля 1826 г. императрица Елизавета Алексеевна отправилась в Петербург. Навстречу ей выехала императрица Мария Федоровна, которая, доехав до Калуги, остановилась там в ожидании своей больной невестки. Елизавете Алексеевне по пути стало хуже. В Белеве, в 90 верстах от Калуги, она почувствовала себя совсем плохо. Елизавета Алексеевна умерла 4 мая 1826 г. около четырех часов утра в доме купцов Дорофеевых. Ее тело направили в Петербург через Можайск, Торжок и далее.

[6] Н.М. Карамзин умер 3 июня 1826 г.

[7] «Смерть не разрушает любовь – она лишь воспламеняет ее к бессмертию». Цитата из стихотворения И.К. Лафатера «Любовь» (Die Liebe): Worte des Herzens von J.C. Lavater. Für Freunde der Liebe und des Glaubens. Berlin, 1852, 8. Auflage, S. 8. Первое издание этого сборника вышло в свет в 1825 г. За это указание выражаю благодарность г-ну Хольгеру Зигелю.

[8] Цесаревич Константин Павлович прибыл из Варшавы в Москву 14 августа 1826 г. без предварительного оповещения и неожиданно для встречающих. См.: Шильдер Н.К. Император Николай I: Его жизнь и царствование. Кн. 2. СПб., 1903. С. 4. Церемония коронации состоялась 22 августа 1826 г.

[9] См. далее письмо самой императрицы Александры Федоровны от 31 августа 1826 г.

[10] Великая княжна Мария Николаевна.

[11] Великая княжна Александра Николаевна, которой к тому времени был один год.

[12] Алексей Яковлевич Лобанов-Ростовский, князь, генерал-лейтенант, доверенное лицо императора Николая I.

[13] Великая княгиня Елена Павловна и ее дочь великая княжна Елизавета Михайловна. См. также письмо самой великой княгини Елены Павловны от 15/27 октября 1826 г.

[14] Великий князь Михаил Павлович.

[15] Императрица Мария Федоровна была покровительницей сети благотворительных и воспитательных учреждений, в частности Московского воспитательного дома.

[16] На эту фразу Жуковский отозвался в письме к императрице Марии Федоровне, предположительно датируемом по черновому автографу между

23 ноября / 5 декабря 1826 г. и 1/13 января 1827 г.: «Найти в нем мое имя столь близко поставленным к этому священному имени <Н.М. Карамзина> есть для меня нечто умилительное» (ПССиП. Т. 16. С. 436).

[17] Подразумеваются стихи для песни на выпуск воспитанниц заведений Марии Федоровны. Подобные стихотворения Жуковский сочинял на выпуск 1820, 1824, 1826 гг. (ПССиП. Т. 2). На выпуск 1827 г., вероятно выполняя просьбу императрицы, поэт откликнулся стихами «Прощальная песнь, петая воспитанницами Общества благородных девиц, при выпуске 1827 года» (Там же. С. 250–251, комментарий Н.Ж. Вётшевой – с. 633).

[18] Мария Васильевна Адлерберг (урожд. Нелидова), графиня, жена В.Ф. Адлерберга.

[19] Екатерина Ивановна Нелидова, камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны.

[20] Великая княгиня Мария Павловна, в 1827 г. – наследная герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенах, дочь Марии Федоровны.

[21] Мария Луиза Александрина (Мария Веймарская), принцесса Саксен-Веймарская, старшая дочь Марии Павловны, супруга Карла Фридриха, принца Прусского.

[22] Карл Прусский, сын Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы.

3*

(С. 51–53)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28138. Л. 4–4 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 28 сентября 1827 г.

[1] Письмо Жуковского к императрице Марии Федоровне от 2/14 сентября 1827 г. не сохранилось.

[2] Великий князь Константин Николаевич родился 9 сентября 1827 г.

[3] Дата получения известия о смерти императора Александра I.

[4] Н.М. Карамзин.

Великая княгиня и императрица Александра Федоровна

1

(С. 57)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 1–1 об.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 493. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу с сохранением авторской орфографии.

Датируется: 7/19 февраля 1818 г.

Адрес: «Господином Жуковском» (л. 2).

То же письмо с поправками Александры Федоровны:

«Мне очень неприятно, что я не могу видеть Вас, как обыкновенно: живописец приедит сегодня ко мне, потому что вчера было недоразумение. Басни, «Людмила», «Рыцарь Тоггенбург» должны иметь терпение до завтра. Вы будете смеяться над этою записочкою.

Александра

Я позволяю и прошу Вас мне завтра сказать, как много ошибок я сделала» (л. 3).

Адрес: «Господину Жуковскому» (л. 4).

[1] Вероятно, речь идет о работе над одним из самых ранних портретов великой княгини, написанным художником Джорджем Доу; по приглашению императора Александра I Доу с 1819 г. жил в Петербурге. Оригинал утрачен, портрет известен по гравюре В.И. Погонкина, выполненной в 1820 г. Гравюра находится в коллекции Большого Гатчинского дворца.

[2] Имеются в виду баллады «Рыцарь Тогенбург» (октябрь – декабрь 1817 г.; впервые опубликована: Für Wenige. Для немногих. 1818. № 1. Январь. С. 5–11. См. также: ПССиП. Т. 3. С. 352. Комментарий О.Б. Лебедевой) и «Людмила» (закончена 14 апреля 1808 г.: Там же. Т. 3. С. 267. Комментарий Ф.З. Кануновой). Под «баснями», очевидно, подразумеваются переводы басен Лафонтена и Флориана, выполненные Жуковским в 1806 г. (Там же. Т. 1. С. 88–107; 476–490. Комментарии О.Б. Лебедевой, Н.Е. Разумовой, Н.Б. Реморовой). Известно, что Жуковский использовал свои переводы с немецкого и французского как дидактический материал на уроках русского языка великой княгини Александры Федоровны. В архиве поэта сохранились две учебные тетради с дидактическим материалом для этих уроков (ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 96, 98), в которых содержатся перевод 1-го явления 2-го действия комедии Карло Гольдони «Le bourru bienfaisant» («Ворчун-благодетель», 1771), пять анекдотов из жизни знаменитых людей (Вольтер, Давид Юм, Фридрих II, Епископ Глочестерский, граф Пемброк), прозаический пересказ баллады «Граф Гапсбургский» на немецком языке и прозаический пересказ баллады «Светлана» на русском и немецком языках

(см. подробное описание: ПССиП. Т. 7. С. 692–699. Комментарий О.Б. Лебедевой).

2
(С. 57–58)

Автограф: ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 228. Л. 4.

Впервые опубликовано: Литературный вестник. 1903. Т. 5. Кн. 3. С. 299. Нем. текст и перевод. Публикация А.Н. Веселовского.

Печатается по автографу.

Датируется: 22 июня 1819 г.

Публикации А.Н. Веселовского предшествует следующая заметка: «К 4-му листу прикреплено письмо, без подписи и обращения, с приклеенными к нему двумя ветками Ländlergras. Вот его текст» (С. 299).

[1] Это письмо великой княгини послужило поводом для создания стихотворения Жуковского «Цвет завета», которое в ПССиП датировано «16 июня – 2 июля 1819 г.»; вероятно, на основании письма верхнюю границу датировки можно уточнить как 22 июня. Стихотворение стало предметом оживленного обсуждения в переписке Жуковского и его ближайшего окружения: 30 июля 1819 г. А.И. Тургенев писал П.А. Вяземскому: «Посылаю тебе стихи Жуковского, написанные по заказу вел<икой> княгини. Она же дала и тему на немецком: “Ländler-Gras”, у немцев – цвет завета. Чего не выразит чародей Жуковский! В сем “Цвете” соединяется воспоминание прошедшего с таинственностью будущего. Он часто означает какую-нибудь эпоху или минуту жизни, например, свидание или разлуку. Знаменование его скорее понять, нежели объяснить можно. Но нам, немцам, весь мистицизм чувствительности понятен» (ОА. Т. 1. С. 276). П.А. Вяземский ответил А.И. Тургеневу в письме от 7 августа 1819 г., высоко оценив стихотворение: «Знаешь ли, что в Жуковском вернейшая примета его чародейства? – Способность, с которою он себя, то есть поэзию, переносит во все недоступные места» (Там же. С. 285). Как явствует из впервые опубликованного в ПССиП письма Жуковского к П.А. Вяземскому от 2 сентября 1819 г., где цитируются строки письма Вяземского, Тургенев переслал поэту это письмо: «В своем письме к Тургеневу ты говоришь: “Как можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем, так, я понимаю, но чувствовать живо, дать языку души такую верность, когда говоришь за другую душу, и еще порфирородную, я постигнуть этого

не могу!” Что же тут непостижимого? Стоит только не испугаться самодержавного словечка порфирородная, стоит только вообразить, что душа порфирородная, которая заказывает написать стихи на цветок, есть прекрасная, чистая, полная простого, неиспорченного чувства душа, следственно, душа поэтическая и пробуждающая поэзию! Тогда поймешь, что легко быть поэтом по заказу! По крайней мере, мне не было трудно быть здесь поэтом» (ПССиП. Т. 16. С. 48). Подробно о стихотворении «Цвет завета» и истории его публикации см.: Там же. Т. 2. С. 540–542. Комментарий А.С. Янушкевича.

[2] Ländlergras – в русской традиции «Богородицыны слезки», «трясунка» – род травянистых растений семейства Злаки, или Мятликовые (Poaceae). Род включает около 20 видов. Научное название рода – Briza.

[3] Лендлер – медленный вальс, народный танец Верхней Австрии (*нем.*). Слово «Ländler» имеет также значение «сельский житель».

[4] Эти строки письма реминисцированы в стихотворении «Цвет завета», ср.: «О верный цвет, без слов беседуй с нами // О том, чего не выразить словами» (ПССиП. Т. 2. С. 135).

3
(С. 58)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 5.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 494. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу с сохранением авторской орфографии.

Датируется: 29 ноября 1819 г.

[1] По ком именно двор держал траур в конце ноября 1819 г., точно установить не удалось. Возможно, это был первый военный министр Российской империи Сергей Козмич Вязмитинов, близкий к императору Александру I, умерший 15/27 октября 1819 г.

[2] Сначала было написано и зачеркнуто: «для многих недель».

4
(С. 59)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 10–10 об. Б.д.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 494. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу с сохранением авторской орфографии.

Датируется: около 9 декабря 1819 г.

Основание датировки: ответное письмо Жуковского к Александре Федоровне, датированное: «Декабря 9. 1819. Вторник» (ПССиП. Т. 16. С. 53).

[1] В скобки заключены исправления, сделанные, видимо, самой великой княгиней по указаниям Жуковского.

[2] В письме от 9 декабря 1819 г. Жуковский писал: «Я вчера слышал от Крейтона о болезни великого князя и о том, что ему теперь лучше» (ПССиП. Т. 16. С. 53).

[3] Рефрен популярного в начале XIX в. французского романса на слова Александра Луи Жозефа де Лаборда, французского археолога и путешественника, автора травелогов «Voyage pittoresque et historique en Espagne» («Живописное и историческое путешествие по Испании», 1807–1818) и «Itinéraire descriptif de l'Espagne» («Подробный путеводитель по Испании», 1807–1827); музыка Софи Гейл Эдме:

«Je n'aimerai jamais!»	«Я никогда не полюблю!»
Dit une bergère.	Говорит пастушка.
Ce sont de vains projet –	Не клянись, дорогая,
Lui reprit-on, ma chère;	Возражают ей;
Ni jamais, ni toujours	Никогда и всегда –
N'est la devise des amours	Не девизы любви.

[4] В ответном письме Жуковский сообщал: «...с важностью учителя скажу Вашему Высочеству, что ошибок весьма немного» (ПССиП. Т. 16. С. 53).

5
(С. 59)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 8–8 об. Б.д.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 494. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу с сохранением авторской орфографии.

Датируется: 1/13 января 1821 г.

Основание датировки: запись в дневнике Жуковского от 31 декабря 1820 / 12 января 1821 г.: «31/12. Дома. Болен глазами. (Бал у Алопеуса)» (ПССиП. Т. 13. С. 153). В записке Александры Федоровны упомянут вчерашний бал – очевидно, новогодний бал, данный великокняжеской чете графом Давыдом Максимовичем Алопеусом, русским посланником при берлинском дворе. Записи в дневнике Жуковского за 1821 г.: «1/13 января. Дома. Болен глазами. <...> 2/14. Болен; дома; <...> 3/15. Болен. <...> 4/16. Болен» (Там же. Т. 13. С. 154) свидетельствуют о том, что поэт не выходил около недели.

[1] Христиан Вильгельм Гуфеланд (Гуфланд), немецкий врач и писатель, лейб-медик прусского короля. Жуковский познакомился с Гуфеландом 31 октября 1820 г. (ПССиП. Т. 13. С. 149). Личность Х.В. Гуфеланда, впоследствии тестя друга Жуковского А.С. Стурдзы, сразу же вызвала симпатию поэта: см. письма Жуковского к Е.А. Протасовой и М.А. Мойер от 1/13 ноября 1820 г. и к А.А. Воейковой от 19 ноября / 1 декабря 1820 г. (Там же. Т. 16. С. 73, 75). В последнем подробно описан вечер, проведенный Жуковским у Гуфеланда; это описание совпадает с дневниковой записью от 31 октября. Гуфеланд часто упоминается в дневниках Жуковского (см.: Там же. Т. 14. Указатель имен). Жуковский проявлял интерес и к идеям Гуфеланда: в библиотеке поэта сохранились многочисленные сочинения Гуфеланда, в том числе с дарственными надписями (Описание. М 192, 1348–1350, 1020).

[2] Персонажи поэмы Т. Мура «Лалла Рук», посланной Жуковскому в преддверии праздника на тему этой поэмы, который состоялся в Берлине 15/27 января 1821 г. и послужил поводом к созданию стихотворений «Лалла Рук», «Видение поэзии в виде Лалла Рук», а также перевода фрагмента поэмы Мура «Пери и Ангел». 15/27 января 1821 г. Жуковский лаконично записал: «Несравненный праздник» (ПССиП. Т. 13. С. 155). Подробное описание праздника см.: Grimm A.T. Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Rußland. Leipzig, 1866. Bd. 1. S. 143–146; см. также: Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // ЛН. М., 1982. Т. 91. С. 663–675). Этот придворный праздник для Жуковского был прежде всего связан с образом индийской принцессы Лалла Рук, воплощенным в реальной личности великой княгини Александры Федоровны, но сопряженным и с историей его отношений с Машей Протасовой (см. комментарий О.Б. Лебедевой к стихотворению «Лалла Рук»: ПССиП. Т. 2. С. 595–603; о рефлексах этой поэтической темы в дневниках и творчестве Жуковского см. также: Лебедева О.Б. Принципы романтического жизнетворчества в дневниках В.А. Жуковского // ПССиП. Т. 13. С. 428–431). Чте-

ние поэмы Т. Мура «Лалла Рук» в дневнике поэта датировано 13/25 января 1821 г. (ПССиП. Т. 13. С. 154–155), однако комментируемая записка великой княгини позволяет предположить, что Жуковский ознакомился с ней раньше – после 4/16 января 1821 г. (этим днем датирована последняя запись о болезни).

[3] Цецилия Александровна Вильдермет (Мария Маргарета), швейцарка, с 1805 г. гувернантка принцессы Прусской Шарлотты, в замужестве великой княгини, императрицы Александры Федоровны; фрейлина русского двора, одна из самых приближенных к императрице особ. Скорее всего, В.А. Жуковский познакомился с ней в 1817 г. в Москве, и вскоре между ними завязались уважительные дружеские отношения. По свидетельству А.О. Россет, Жуковский испытывал к Ц.А. Вильдермет самые доверительные дружеские чувства (Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / изд. подгот. С.В. Житомирская. М. : Наука, 1989. С. 24). Имя Вильдермет часто упоминается в дневниках Жуковского 1821 и 1832 гг., когда Жуковский, живя в Швейцарии, несколько раз посещал Ц.А. Вильдермет, которая покинула Россию около 1829 г., в ее доме в окрестностях Берна (ПССиП. Т. 13. С. 333. См. также: Там же. Т. 14. Указатель имен). О Жуковском и Вильдермет см.: Лебедева О.Б. Неопубликованные письма Жуковского 1827–1835 гг. // ЖИМ. Вып. 2. С. 529–534; Никонова Н.Е., Рудикова Н.А. В.А. Жуковский и Швейцария: О генезисе историософских мотивов поздней прозы романтика // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 21–24.

6
(С. 59–60)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 15. Б.д.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 496. Фр. текст и перевод. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: около 26 апреля / 8 мая 1821 г.

Основание датировки: в публикации П.И. Бартенева записка помещена между письмами, относящимися к 1823 г., что не согласуется с биографией Жуковского: в 1823 г. поэт был в Петербурге, а в записке речь идет о салоне Марии фон Клейст (урожд. Гвалтиери). Однако в автографе внизу листа есть запись, сделанная другим почерком: «Записочка в Берлине Ал. Фед.». Действительно, только в первые месяцы 1821 г. Жуковский мог вместе с великой княгиней

посетить музыкальный вечер в салоне Марии фон Клейст, кузины драматурга Генриха фон Клейста, с которой поэт познакомился почти сразу по приезде в Берлин, 18 октября 1821 г. (ПССиП. Т. 13. С. 142), и в течение конца 1820 – апреля 1821 г. часто посещал ее салон. 15/27 мая Александра Федоровна уехала из Берлина на воды в Спа: Там же. Т. 13. С. 169, следовательно, после этого времени посещение уже не могло состояться. Содержание записки Александры Федоровны заставляет предположить, что в момент ее написания Жуковский был нездоров: записи «болен» встречаются в дневнике поэта за 1820–1821 гг. в январе и апреле 1821 г. В частности, одна такая запись от 27 апреля / 9 мая 1821 г. непосредственно соседствует с записью, фиксирующей посещение салона Марии фон Клейст: «26/8, вторник. Вечер у Mme Kleist. Музыка» (Там же. Т. 13. С. 168). Это дает возможность предположительно датировать записку великой княгини 26 апреля / 8 мая 1821 г.

[1] Вероятно, речь идет об оратории для солистов, хора и оркестра Георга Фридриха Генделя, одном из наиболее известных сочинений в жанре оратории. Возможно также, что имеется в виду кантата Карла Вильгельма Рамлера на музыку Карла Генриха Грауна «Смерть Иисуса», переведенная Жуковским в 1818 г. См.: ПССиП. Т. 2. С. 105–114 текст, 518–523 – комментарий Ф.З. Кануновой.

7
(С. 60–61)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 12–13.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 495. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу с сохранением авторской орфографии.

Датируется: 19/31 июля 1821 г.

[1] Жуковский совершил прогулку по Рейну на обратном пути из Швейцарии, 21–23 октября н. ст. (ПССиП. Т. 13. С. 231), о чем писал великой княгине Александре Федоровне в письме от 1/13 ноября 1821 г. из Берлина: «На Рейн я только что взглянул; краткость времени не позволила мне нигде остановиться, и я всё видел мельком. Из Франкфурта поехал я через Висбаден в Рюдесгейм, откуда пешком через Niederwald в Асмансгаузен, потом водою до Кобленца, а из Кобленца берегом назад

в Бинген и потом мимо Rohus Capelle, через Nieder-Ingelheim и Майнц, в Франкфурт. Я видел прекрасно Niederwald и Rohus Capelle; но плавание по Рейну было не так удачно: пасмурная осенняя погода затуманила для меня красоту рейнских берегов. Но я не раскаиваюсь, что их видел: они прекрасны и после Швейцарии» (ПССиП. Т. 16. С. 138).

[2] Имеются в виду письма Жуковского к великой княгине Александре Федоровне от 4/16–17/29 июня и 23 июня / 5 июля – 29 июня / 10 июля 1821 г., фрагменты которых стали эстетическими эссе «Путешествие по Саксонской Швейцарии» и «Рафаэлева Мадонна» (Там же. Т. 16. С. 96–110, 111–121).

[3] Путешествие Жуковского по Швейцарии и северной Италии продлилось с 13 июля по 21 сентября 1821 г. (см.:Там же. Т. 13; «Даты жизни и творчества В.А. Жуковского: Там же. Т. 14. С. 358–359).

[4] Маршрут прогулки Жуковского по Рейну определен именно этим письмом Александры Федоровны и ее рекомендацией посетить Нидервальд, капеллу св. Роха и Бинген. См. примеч. 1.

[5] Имеются в виду король прусский Фридрих-Вильгельм III, отец Александры Федоровны, один из братьев великой княгини (возможно, Карл) и ее старший брат, кронпринц Фридрих Вильгельм.

[6] Сестры великого князя Николая Павловича, великие княжны Мария Павловна, великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская, и Анна Павловна, супруга Виллема, принца Оранского, наследного принца королевства Нидерланды.

[7] Имеется в виду В.А. Перовский, в эти годы флигель-адъютант великого князя Николая Павловича, приехавший в Берлин 7/19 марта 1821 г. В апреле – мае Жуковский постоянно видался с Перовским в Берлине (ПССиП. Т. 13. С. 160–167).

8
(С. 61–62)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 17–18.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 496–497. Фр. текст и перевод. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 13 апреля 1823 г.

[1] Имеется в виду Варвара Павловна Ушакова (в замуж. Барыкова), фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, адресат нескольких шутливых павловских посланий к фрейлинам (ПССиП. Т. 2. Оглавление)

[2] Это письмо Александры Федоровны является ответом на письмо Жуковского от 25 марта 1823 г. из Дерпта, куда он срочно уехал, получив из-

вестие о смерти М.А. Мойер, в котором он, в частности, писал: «Умоляю Ваше Императорское Высочество позволить мне пробыть дней десять в Дерпте. Мое присутствие здесь, не будучи утешением, всё же служит некоторым облегчением. Они были уверены, что я приеду, им даже снилось, что я приезжаю, хотя они не приглашали меня (я узнал обо всём в Петербурге от постороннего человека). Не могу описать Вашему Высочеству моего состояния» (ПССиП. Т. 16. С. 186. Оригинал по-французски).

[3] Ср. в письме Жуковского: «Все они видели, как она умирала, все простились, все плакали над гробом – я же снова среди них, но я не был свидетелем всего этого; мне даже кажется, что я не уезжал, а между тем всё перевернулось вверх дном. Каждую минуту приходится вспоминать о чем-то ужасном» (Там же).

[4] «Das Schöne ist dahin, das kommt nicht wieder» – неточная цитата из трагедии Ф. Шиллера «Смерть Валленштейна» (действие V, явление 3: «Das Schöne ist doch weg, das kommt nicht wieder» [Schiller F.] Schillers Werke: In 5 Bänden. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1969. Bd. 4. S. 280). Ср. перевод Н.А. Славятинского: «Прекрасное ушло и не вернется» (Шиллер Ф. Валленштейн: Драматическая поэма. Лагерь Валленштейна. Пикколомини. Смерть Валленштейна / изд. подгот. Н.А. Славятинский. М., 1980. С. 429). Жуковский привел эту цитату в письме к А.А. Воейковой от 19 ноября / 1 декабря 1820 г. (Там же. С. 76).

[5] Имеется в виду маленький сын А.А. Воейковой, Андрей, родившийся 16 июля 1822 г. Ср. в письме Жуковского к А.П. Елагиной от 28 марта 1823 г.: «Я не сказал почти ничего о Саше; Бог дал ей сил, и ее здоровье не потерпело. Можно сказать, что у ней на руках ее спаситель; она кормит своего малютку» (Там же. С. 190.

[6] Лулу – Луиза фон Клейст (в замуж. Стош), дочь Марии фон Клейст (урожд. Гвалтиери), кузины драматурга Г. фон Клейста, хозяйки литературного салона, который был излюбленным местопребыванием Жуковского в Берлине. Поэт был в дружеских отношениях со всеми членами семейства Марии фон Клейст, см.:Там же. Т. 14. Указатель имен. Вероятно, в письме Александры Федоровны речь идет о предполагаемом браке Луизы фон Клейст и графа Георга Адама фон Стош.

9
(С. 62)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 14. Б.д.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 495–496. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу с сохранением авторской орфографии.

Датируется: октябрь 1823 г.
Адрес: «Васильевичу» (л. 14 об.).

Датировка предположительная. Поскольку в письме упомянуты великая княжна Ольга Николаевна (род. 30 августа / 11 сентября 1822 г.) и невеста великого князя Михаила Павловича, принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская (в замуж. великая княгиня Елена Павловна, 1806–1873; избрана императрицей Марией Федоровной в невесты младшему сыну в 1822 г.), письмо великой княгини к Жуковскому не могло быть написано раньше осени 1822 г., хотя в нем и идет речь о письмах Жуковского, посвященных Берлину и относящихся к концу 1821 г. (см. ниже). Основанием датировки могут послужить письма Жуковского к И.И. Козлову и Н.И. Кривцову, написанные 19 сентября 1823 г. с сообщением о скором приезде в Гатчину принцессы Шарлотты, которой Жуковский должен был давать уроки русского языка (см.: ПССиП. Т. 16. С. 211–212), почему и провел всю осень и начало зимы в Гатчине вплоть до церемонии обручения и бракосочетания великого князя Михаила Павловича, состоявшейся 5–6 / 17–18 декабря 1823 г. в Большой церкви Зимнего дворца. В автографе письма великой княгини в левом верхнем углу в скобках другим почерком записано: «(1823)». Месяц определяется по дате прибытия принцессы Шарлотты в Гатчину (1 октября 1823 г.).

[1] Курсивом отражено подчеркивание в рукописи, которое или принадлежит Жуковскому, поправившему ошибки великой княгини, или означает сомнение Александры Федоровны в грамматической форме слова.

[2] Жуковский писал великой княгине Александре Федоровне из Берлина и о Берлине в письмах от 1/13 ноября и 26 ноября / 8 декабря 1821 г. (ПССиП. Т. 16. С. 138–140). Но поскольку данное письмо великой княгини относится к концу 1823 г., можно предположить, что речь идет о других, не дошедших до нас письмах поэта.

[3] Имеются в виду берлинские знакомые Жуковского: Матильда Бранденбург (урожд. фон Массенбах), жена министра-президента Фридриха Вильгельма Бранденбурга и герцогиня Дессау (урожд. принцесса прусская Фридерика), дочь принца Прусского Людвига и жена герцога Ангальт-Дессауского Леопольда Фридриха. Визиты к графине Бранденбург во время пребывания поэта в Берлине в 1821–1822 гг. отмечены в дневнике

Жуковского под датами 16 ноября, 8 декабря и 23 января н. ст. (ПССиП. Т. 13. С. 233, 236, 237).

[4] Имеется в виду принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская (будущая великая княгиня Елена Павловна). Жуковский познакомился с ней в 1821 г. в Штутгарте, где он пробыл с 3 по 16 октября н. ст. (ПССиП. Т. 13. С. 227–230). Под датой 5 <октября 1821 г.> в записи «La princesse fille du prince Paul» упомянута именно принцесса Шарлотта, старшая дочь принца Павла Карла Фридриха Августа и принцессы Шарлотты Саксен-Альтенбургской. В 1820 г., в возрасте 14 лет, она была избрана вдовствующей императрицей Марией Федоровной – также представительницей Вюртембергского дома – в супруги младшему сыну, великому князю Михаилу Павловичу, который летом 1821 г. приезжал в Штутгарт, чтобы познакомиться с принцессой. О встрече Жуковского с великим князем Михаилом Павловичем в Германии летом 1821 г. см. в письме к великой княгине Александре Федоровне от 2/14 октября — 7/19 октября <1821 г.> (Там же. Т. 16. С. 122).

10
(С. 63)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 22. Б.д.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 498. Фр. текст и перевод. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: между 6/18 февраля 1822 г. и 24 июня 1825 г.

Основание датировки: крайние даты определяются временем возвращения Жуковского из первого заграничного путешествия (6/18 февраля 1822 г.; ПССиП. Т. 13. С. 238) и временем пребывания упомянутого в записке Аполлона Александровича Майкова в должности директора Петербургских Императорских театров (1821–1825 гг.). В 1823 г. Майков вошел в состав Комитета по театральным делам, а 24 июня 1825 г. подал в отставку в знак протеста против решения полностью подчинить деятельность директора театров комитету. Более точно датировать записку не представляется возможным.

[1] Личность установить не удалось.

[2] Основанная в 1799 г. постоянная театральная труппа, дававшая в Петербурге спектакли на немецком языке.

11
(С. 63–64)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 19–19 об. Б.д.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 497–498. Фр. текст и перевод. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: август 1826 г.

Основание предположительной датировки: в публикации П.И. Бартенева эта записка предшествует письму великого князя Александра Николаевича к Жуковскому, написанному из Москвы, во время коронационных торжеств, и датированному 23 августа 1826 г. Поскольку письма Александры Федоровны в этой публикации в основном расположены в хронологическом порядке, можно предположить, что и данная записка Александры Федоровны относится к тому же времени, тем более что в письме Жуковского к Александре Федоровне от 2/14 октября 1826 г., которое является ответом на ее письмо от 31 августа 1826 г., Жуковский писал: «Как искренно скорблю, что не мог быть свидетелем преданности, выказанной добрым московским населением Вашему сыну, которого Москва себе усыновила!» – и далее выражал большое опасение по поводу увлечения наследника «военными упражнениями» (ПССиП. Т. 16. С. 382; оригинал по-французски). Источник сведений о пророчестве Наполеона не обнаружен.

12
(С. 64–67)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 24–27 об.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 498–501. Фр. текст и перевод. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 31 августа 1826 г.

Адрес: «À monsieur monsieur de Joukoffsky. Berlin. Dresde» (л. 28).

[1] Современный адрес: Ленинский проспект, 14. В середине XVIII в. на этом участке располагались две усадьбы. В 1754 г. оба владения были куплены заводчиком П.А. Демидовым. После этого был построен новый дом в стиле барокко. После смерти П.А. Демидова усадьба перешла к его сыновьям, которые в 1791 г. продали ее генерал-прокурору Сената князю А.А. Вяземскому. В 1793 г. у наследников Вяземского владение приобрел граф Ф.Г. Орлов. При нем главный дом был перестроен в стиле классицизма. От Ф.Г. Орлова усадьба перешла к его племяннице А.А. Орловой-Чесменской. В 1826 г. в усадьбе был устроен праздник по случаю коронации Николая I, который в 1832 г. купил ее у Орловой-Чесменской в подарок своей супруге – императрице Александре Федоровне. В честь нее дворец стал называться Александринским. В 1934 г. здания были переданы Президиуму Академии наук СССР (в наст. время – Президиум РАН).

[2] После женитьбы великокняжеская чета имела постоянную резиденцию в Аничковском дворце в Петербурге; именно там проходили уроки русского языка великой княгини Александры Федоровны.

[3] На данный момент известны 3 письма Жуковского к императрице Александре Федоровне, которые она должна была получить к моменту написания этого письма: от 15/27 июня, 1/13 июля и 22 июля / 3 августа 1826 г., все из Эмса (ПССиП. Т. 16. С. 314–323, 328–336, 342–345).

[4] В письме от 15/27 июня Жуковский, в частности, писал: «Я начал лечиться и, право, уже чувствую улучшение, которое обещает мне, что к концу лечебного курса здоровье мое будет вполне восстановлено. Желательно, чтобы я пробыл здесь до конца июля нового стиля. После этого надо будет отдохнуть одну неделю (я хочу употребить это время для обозрения берегов Рейна), а затем ехать в Эгер, где надо будет пробыть еще четыре недели» (Там же. С. 320).

[5] В письме от 22 июля / 3 августа Жуковский писал: «В Эгере будет решен вопрос о моей болезни; и тогда я возьму на себя смелость написать Вашему Величеству о том, что будет решено относительно меня» (Там же. С. 344). Поэт переехал из Эмса в Эгер 3/15 августа 1826 г. (Там же. Т. 13. С. 251); письмо к императрице Александре Федоровне с просьбой остаться в Германии еще на год по рекомендации медиков он написал 18/30 августа 1826 г. (Там же. Т. 16. С. 347– 358).

[6] Цецилия Александровна Вильдермет (Мария Маргарета), швейцарка, гувернантка и приближенное лицо императрицы Александры Федоровны, фрейлина. См. о ней примеч. 3 к письму 5.

[7] Графиня Цецилия Владиславовна Фредерикс (урожд. Гуровская), фрейлина, подруга детства императрицы Александры Федоровны.

[8] Имеется в виду цесаревич, великий князь Константин Павлович, отрекшийся от престола еще при жизни императора Александра I.

[9] Карл Фридрих Александр, принц Прусский из династии Гогенцоллернов, сын короля Фридриха-Вильгельма III, младший брат императрицы Александры Федоровны.

[10] Имеется в виду берлинский праздник на сюжет поэмы Т. Мура «Лалла Рук» в честь русской великокняжеской четы, состоявшийся 15/27 января 1821 г. См. о нем: Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи: XVIII век – первая половина XIX века // ЛН. Т. 91. М., 1981. С. 356–575. См. также: Лебедева О.Б. Принципы романтического жизнетворчества в дневниках В.А. Жуковского // ПССиП. Т. 13. С. 428–431; Лебедева О.Б «Лалла Рук» (статья-комментарий) //Там же. Т. 2. С. 595– 603.

[11] Вдовствующая императрица Мария Федоровна, свидетельница коронаций императоров Павла I, Александра I и Николая I.

[12] Великая княжна Мария Николаевна, старшая дочь Николая I и Александры Федоровны.

[13] Великий князь Александр Николаевич, будущий император Александр II, родился 17/29 апреля 1818 г. в Москве, в Большом Кремлевском дворце.

[14] Имеются в виду 14 декабря и 13 июля 1825 г. – даты восстания на Сенатской площади и казни декабристов.

[15] Н.М. Карамзин скончался 22 мая / 3 июня 1826 г.; Жуковский покинул Петербург, отправляясь в Германию на лечение, 11 мая 1826 г. (Там же. Т. 13. С. 246). Известие о смерти Н.М. Карамзина он получил только в Эмсе, 11/23 июня 1826 г., что отмечено в дневнике лаконичной записью «Карамзин», датированной этим числом (Там же. С. 249).

[16] Ср. в письме Жуковского к императрице Александре Федоровне от 15/27 июня 1826 г.: «Какая потеря для России! Какая потеря для властителя России! Да, всемилостивейшая Государыня! В лице его Вы лишились подданного вполне испытанной честности, мудрого советника, идеи которого были велики без преувеличения; который любил свою страну, который знал ее, который мог быть полезным трону своей мудростью; человек, достойный уважения и заставлявший уважать человеческое достоинство, потому что и он сам был живым доказательством, что на свете существует истинная добродетель и что можно любить добро ради добра, без всяких корыстолюбивых и эгоистичных видов на него» (Там же. Т. 16. С. 319. Оригинал по-французски).

[17] Сообщение о встречах с И.И. Дмитриевым, очевидно, является ответом на соответствующий вопрос Жуковского, однако в известных письмах поэта к императрице Александре Федоровне за 1826 г. нет ни одного упоминания об И.И. Дмитриеве – это свидетельствует о том, что до нас дошли не все письма Жуковского к императрице за указанный период.

[18] Флориан Антонович Жилль, швейцарец, преподавал великому князю Александру Николаевичу французский язык и историческую географию; исполнял обязанности придворного библиотекаря, затем стал заведующим Царскосельским арсеналом и руководил I отделением Императорского Эрмитажа (об отношениях Жилля с Жуковским см.: Павлова Ж.К. Флориан Жилль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 43–48). Именно на Ф.А. Жилля Жуковский возложил надзор за обучением великого князя на время своего отсутствия в России (см. письмо к Ф.А. Жиллю от второй половины октября 1826 г. (ПССиП. Т. 16. С. 400–419 текст, с. 887– 894 комментарий В.С. Киселева и О.Б. Лебедевой).

[19] Имеются в виду Мария фон Клейст (см. о ней вступительное примеч. к письму 6 и примеч. 6 к письму 9), Ц.А. Вильдермет (см. о ней примеч. 3 к письму 5). «Господа Гнейзенау» – семья прусского генерала, губернатора Берлина, графа Августа Вильгельма Антона Нейдхарт фон Гнейзенау, женатого на Юлиане Каролине Фредерике фон Коттвитц, хозяйке одного из светских музыкальных салонов Берлина. Супруги Гнейзенау имели нескольких детей: сына Бруно и дочерей Агнессу (в замуж. фон Шарнгорст), Гедвигу (в замуж. фон Брюль) и Эмилию (в замуж. фон Гогенталь). В 1821 г. в Берлине Жуковский часто видался с семьей Гнейзенау. См.: Там же. Т. 13. Указатель имен. Одна из дочерей Гнейзенау была замужем за графом Карлом Фридрихом Морицем Паулем фон Брюль, королевским тайным советником Пруссии, в 1815–1828 гг. генеральным интендантом королевских театров в Берлине (см. о нем: Там же. Т. 16. Указатель адресатов).

[20] Жуковский вернулся в Россию только осенью 1827 г.: затянувшаяся болезнь и необходимость повторного курса лечения, смерть С.И. Тургенева в Париже и хлопоты по формированию библиотеки наследника задержали его за границей до октября 1827 г. См. об этом письма к императрице Александре Федоровне от 18/30 августа и 5/17 октября 1826 г. (Там же. С. 347–358, 391–400). Дневниковых записей, зафиксировавших дату возвращения поэта в Петербург, не сохранилось, однако в письме к А.И. Тургеневу от 13/25 октября 1827 г. из Дерпта Жуковский сообщил, что около 15 октября (по ст.ст.) он собирается быть в Петербурге; первое сохранившееся письмо из Петербурга, адресованное Е.Г. Пушкиной, датировано 25 октября / 6 ноября 1827 г. (Там же. С. 512).

13
(С. 67–69)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 29–30 об.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 502–503. Фр. текст и перевод. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.
Датируется: 30 августа 1827 г.
Адрес: «Monsieur monsieur de Joukoffsky. Berlin» (л. 31).

[1] Жуковский приехал в Берлин 31 августа / 12 сентября (ПССиП. Т. 13. С. 293). На это письмо императрицы Александры Федоровны поэт ответил письмом от 15/27 сентября 1827 г., в котором, в частности, писал: «Вот уже десять дней, как я в Берлине, и только вчера я имел счастье получить письмо, которым Ваше Императорское Величество соблаговолили меня удостоить» (Там же. Т. 16. С. 502. Оригинал по-французски).

[2] Смертельно больная туберкулезом А.А. Воейкова, сообщившая Жуковскому о том, что ее отправляют за границу, в письме от 10 июня 1827 г. («Меня отправляют на два года в Ниццу <…>. У меня так сильно идет кровь горлом, что по получасу не вздыхая кашляю»: Соловьев Н.В. История одной жизни: А.А. Воейкова – «Светлана». Пг., 1916. Т. 2. С. 20), остановилась на несколько дней в Берлине. Жуковский видался с ней в течение всей недели до ее отъезда (в дневниковых записях от 13/25 сентября – 21 сентября / 3 октября неизменно присутствует заметка «К Саше») и проводил ее до Потсдама, ср.: «21 сентября / 3 октября. Поездка в Потсдам. Прощание за мостом» (Там же. Т. 13. С. 295–296). В вышеупомянутом письме к императрице Александре Федоровне поэт сообщил об этой встрече: «Александрина наконец приехала 13/25 сентября; она проведет здесь 5 или 6 дней отдыха. Я прошу позволения провести с нею это короткое время: мы расстаемся на целые годы. Слава богу, я нашел ее лучше, чем предполагал. Она путешествует не уставая, и, по-видимому, переезды ей приносят пользу» (Там же. Т. 16. С. 503).

[3] Имеется в виду смерть С.И. Тургенева, последовавшая в Париже 20 мая / 1 июня 1827 г., о чем Жуковский сообщил императрице в письме от 28 мая / 9 июня – 31 мая / 12 июня 1827 г.: «…внезапно ужасная катастрофа положила конец всем нашим надеждам: несчастный не выдержал приступа болезни, который длился всего шесть часов. Накануне он был бодр и спокоен, на следующий день он был уже мертв» (Там же. С. 466). После этого Жуковский написал императрице еще одно письмо 9/21 июня 1827 г. с просьбой ходатайствовать перед императором Николаем I о разрешении для А.И. Тургенева отправиться к Н.И. Тургеневу в Лондон (Там же. С. 472–473) и более вплоть до 15/27 сентября 1827 г. императрице не писал.

[4] Имеется в виду А.И. Тургенев.

[5] О Ц.А. Вильдермет см. примеч. 3 к письму 5. Она покинула Россию, вероятно, в начале 1829 г., вскоре после смерти вдовствующей императрицы Марии Федоровны (скончалась 24 октября / 5 ноября 1828 г.).

[6] Великий князь Александр Николаевич, названный в честь императора Александра I, был крещен во имя св. Александра Невского; его тезоименитство отмечалось 30 августа по ст.ст.

[7] Имеется в виду покойный император Александр I.

[8] В ответ на эту просьбу Жуковский сообщал: «Вашему Величеству угодно, чтобы я купил на выставке несколько картин Фридриха или Шинкеля. Но в этом году нет картинной выставки, а лишь одна мануфактурная. Я был у Шинкеля, но у него нет ничего нового» (ПССиП. Т. 16. С. 503. Оригинал по-французски). Каспар Давид Фридрих, немецкий художник, любимый художник Жуковского и императрицы Александры Федоровны. Карл Фридрих Шинкель, немецкий художник-декоратор и архитектор. За время пребывания Жуковского в Берлине осенью 1827 г. несколько раз упоминаются встречи с Шинкелем (Там же. Т. 13. С. 293–296).

[9] Кронпринц Фридрих Вильгельм, старший брат императрицы Александры Федоровны, с 1840 г. прусский король Фридрих Вильгельм IV.

14
(С. 69–70)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 32–35.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 503–505. Фр. текст и перевод. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: начало апреля (не позже 18) 1829 г.

Основание датировки: записка Александры Федоровны и приложенная к ней «бумага», касающаяся религиозного воспитания учениц женских институтов, отнесена П.И. Бартеневым к 1829 г., когда Александра Федоровна приняла в свое ведение благотворительные учреждения, ранее находившиеся под патронатом покойной императрицы Марии Федоровны (ум. 24 октября ст.ст. 1828 г.). В записке Александры Федоровны упомянут близкий отъезд Жуковского в Дерпт. Как явствует из писем Жуковского к А.П. Елагиной от 16 апреля 1829 г. (Уткинский сборник: Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой / под ред. А.Е. Грузинского. М., 1904. С. 47–48), С.П. Жихареву от 18 апреля 1828 г. (РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. № 520. Л. 29) и К.К. Зейдлицу от 29 апреля 1829 г. (Зейдлиц. С. 253–254), Жуковский выехал в Дерпт 18 апреля 1829 г. с тем, чтобы, поведя там несколько дней, присоединиться к свите

императора Николая I, уехавшего на коронацию в Варшаву. Следовательно, записка Александры Федоровны должна была быть написана и передана Жуковскому в ближайшие дни, предшествовавшие отъезду поэта из Петербурга (не позже 18 апреля).

[1] П.И. Бартенев приводит далее тот же текст в изложении Жуковского; источник этой публикации неизвестен:

> Я бы желала, чтобы законоучитель во всех институтах, для девиц учрежденных, начинал каждый свой класс молитвою, которую сам читал бы вслух, и весьма было бы хорошо, когда бы в сих молитвах всякий раз одна и та же главная мысль была выражаема другими словами, внушаемыми обстоятельствами, чтобы в ней всё было просто, не приготовлено и говорило чувству. Содержанием такой молитвы должно быть всегда призывание Бога на помощь, чтобы Он научил его достойным образом изъяснить святой закон Его, чтобы кроткая убедительность его наставлений проникла в сердца молодых учениц и чтобы слова его остались в них спасительным семенем, из коего впоследствии могло бы произрасти прекрасное дерево, дарующее верное убежище от опасностей и горестей жизни. Самое же преподавание не должно быть ни сухо, ни холодно. Им должна быть изъяснена литургия, катехизис должны они знать наизусть; остальное же преподавание должно быть основано на самом Святом Писании. Я бы также желала, чтобы воспитанницы выучили наизусть избранные тексты из Библии, как из Древнего, так и из Нового Завета. Все сии тексты должны быть им предварительно истолкованы. Сим способом память их накопит сокровище на целую жизнь (РА. 1897. № 4. С. 505).

15
(С. 71–73)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 36–37 об.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 506–507. Фр. текст и перевод. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 8 февраля 1833 г.

Адрес: «À Son Excellence Monsieur B. de Joukofskij, Conseiller d'État actuel, Chevalier de plusieurs Ordres etc. À Vernex près Vevey en Suisse» (л. 38).

[1] Ответ на письмо Жуковского от 10/22 ноября 1832 г. из Верне, в котором он, в частности, писал: «Не умею выразить Вашему Императорскому Величеству счастья, мною испытанного, когда я получил известие о Вашем благополучном разрешении от бремени. Я ожидал этого извещения с трепетным опасением, лишавшим меня всякого покоя, невыразимый страх омрачал для меня настоящее и препятствовал уяснить будущее. Я знал через мадемуазель Вильдермет, что Ваше Величество встревожены, и это беспокойство, столь естественное для Вас, превратилось для меня в мучительный ужас, и мое воображение, в силу отдаления, преследовало меня как призрак, который я не в силах был удалить. Наконец этот зловещий образ исчез, и ясная радость, подобная выздоровлению, освежила мою душу» (РА. 1874. № 1. Стб. 41. Оригинал по-французски).

[2] Великий князь Михаил Николаевич родился 13/25 октября 1832 г.

[3] Имеется в виду письмо к великому князю Александру Николаевичу от 5/17 ноября 1832 г., в котором Жуковский также писал о своем беспокойстве за здоровье императрицы Александры Федоровны: «Вот уже целый месяц, как на душе моей лежало тяжкое бремя: я ждал с необыкновенным беспокойством развязки, и отдаление, незнание того, что делается за несколько тысяч верст, невозможность получить скоро желаемую весть – всё это вместе уничтожало покой душевный. Наконец желаемая весть пришла и принесла с собою полное счастье. Могу сравнить мое теперешнее положение с состоянием выздоровления после опасной болезни: за несколько времени всё было мрачно, и настоящее, и будущее; теперь всё сделалось ясно, на душе тихо, кругом себя смотришь веселыми глазами, впереди нет тумана» (РА. 1883. № 1. С. XIII).

[4] Ср. в письме Жуковского от 10/22 ноября: «Четыре сына! Какой славный сад, насажденный для будущности! Рожденные в смутные времена, но под сенью великих свойств их отца и ангельской непорочности их матери, они процветут, чтобы проявить со временем благодетельные силы; они сделаются достойными лучших дней и сумеют их вызвать» (РА. 1874. № 1. Стб. 41–42. Оригинал по-французски).

[5] Из писем В.А. Жуковского к Ц.А. Вильдермет (см. о ней примеч. 3 к письму 5) в настоящее время известно только одно – от конца июля – начала августа 1828 г. (ЖИМ. Вып. 2. С. 529–532. Фр. текст и перевод); письма, которые Жуковский писал ей, будучи в Швейцарии, пока не выявлены, и упоминаемое письмо, которое Вильдермет переслала Александре Федоровне, тоже неизвестно. Тем не менее все обстоятельства жизни поэта в Верне, упоминаемые императрицей, описаны в письмах Жуковского к другим адресатам. См. след. примеч.

[6] О своей жизни в Верне Жуковский писал 3/15 декабря 1832 г. в письме к Е.А. Протасовой: «…спокойствие в продолжение нескольких

месяцев, соединенное с приятною, уединенною, беззаботною жизнью в умеренном климате, в приятном месте может утвердить действие вод, благотворно меня восстановивших <...> место, мною выбранное, исполняет все требуемые кондиции: это Верне, деревня между Клараном и Монтрё, в самом теплом уголку Швейцарии (теперь 2/14 декабря, а у нас цветут на воздухе розы); я нашел покойный, просторный, светлый дом на берегу озера, с террасою, входящею в воду, у самой большой дороги, которая вьется у подошвы великолепных гор, по берегу Лемана. Вот уже десять дней, как живу в своем уединении и, горюя о потере Италии, радуюсь, что не поехал в нее: непременно здоровье мое бы расстроилось и попало на прежний лад или разладилось. Здесь же чувствую, что оно приходит в порядок: это <от> моей порядочной жизни, не только не скучной, но даже веселой, ибо я не один, со мною живет Рейтерн, который выписал сюда жену и детей, и в нашем доме (в котором всем поместительно) царствует и уединение философии, и шум детской школы. Время мое идет как я хочу, между работою и отдыхом; каждый день гуляю верст по восьми по прекрасной дороге Симплонской, идущей мимо моих дверей: от пяти утра до четырех с половиною (время обеда) я занят у себя и своим; после обеда мы все соединяемся; дети шумят до осьми вечера, а в восемь ложатся спать, и мы сидим до десяти, занимаясь чтением; в десять на подушку; на другой день то же и так, если Бог позволит, пройдет пять месяцев, что, конечно, меня вылечит» (Голос минувшего. 1919. № 1–4. С. 40).

[7] Карл Карлович Мёрдер, генерал-адъютант, воспитатель наследника Александра Николаевича. Осенью 1832 г. у Мёрдера обнаружились признаки болезни сердца и в начале 1833 г. он с семьей выехал на лечение в Берлин. О болезни Мёрдера Жуковский узнал из его собственных писем от 14 октября и 19 декабря 1832 г. (РО ИРЛИ. № 28146). 15/27 января 1833 г. поэт писал А.И. Тургеневу: «Мёрдеру непременно нужно отдохнуть, иначе он бы совсем опрокинулся; он давно уже болен; лишь бы только теперешний припадок болезни не был опасен: это меня тревожит» (ПЖТ. С. 270). Чуть позже, 18/30 января 1833 г., Жуковский написал Мёрдеру: «Мой бесценный Карл Карлович. Я в жестоком беспокойстве на счет Ваш: в письме, которое Шамбо пишет к моему товарищу Рейтерну, говорит он о Вашей новой болезни. Это письмо от 23 декабря, следовательно, только 4 дня после Вашего последнего письма ко мне. <...> В эту минуту чувствую, какая беда в отдалении и какая тяжелая цепь болезнь: всё бы кинул и поехал к Вам» (РО ИРЛИ. Ф. 184. Оп. 1. № 154/1. Л. 52 об.). К.К. Мёрдер скончался в Риме 24 марта 1834 г.

[8] Великие княжны Мария, Ольга и Александра Николаевны.

[9] Возможно, имеется в виду Богдан Васильевич Пассек, впоследствии русский государственный деятель.

16
(С. 73–74)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 39–40.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 508. Фр. текст и перевод. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 31 декабря 1837 г.

Адрес: «À monsieur Joukofsky» (л. 40 об.).

Письмо Александры Федоровны написано в связи с 20-летием ее знакомства с В.А. Жуковским, который в 1817 г. стал ее учителем русского языка: портрет императрицы, посланный с этим письмом, стал одновременно и новогодним подарком. Поэт ответил на это письмо незамедлительно, в тот же день, т.е. 31 декабря 1837 г.: «Я должен уступить порыву моего сердца, который побуждает меня письменно выразить Вашему Императорскому Величеству впечатление, произведенное надо мною чтением прелестного письма, которое Вы соизволили мне написать, и видом драгоценного портрета, к нему приложенного. Это впечатление, вызвавшее на глазах моих слезы, так живо, как будто все эти двадцать лет, о которых Вы говорите, вместе со всеми своими радостями и горестями стеснились в моей душе в одно мгновение. Однако я не могу выразить ни ясно, ни связно то, что я теперь чувствую. Знаю только, что небо, даровав мне счастье принадлежать Вам в течение двадцати лет, близко знать Вас такою, каковы Вы есть, пожелало еще, чтобы в конце этого пути (который уже сам по себе есть высшая милость) я получил от Вас такое письмо. Его действие подобно прекрасной музыке, которая, овладевая душою, печалит ее: ибо хочется удержать ее и объяснить, чего эта музыка от нас хочет, и мы остаемся без слов. Таково теперь мое состояние. Но всё же я уверен, что могу дать ему имя *счастья*» (РО ИРЛИ. Ф. 18. № 23. Л. 1–1 об. Оригинал по-французски. Перевод мой. – *О.Л.*).

17*
(С. 74)

Автограф неизвестен.

Копия: НИОР РГБ. Ф. 41. Карт. 113. № 11. Л. 1.

Публикуется впервые.

Датируется: 15 апреля 1841 г.

[1] Бракосочетание великого князя Александра Николаевича с принцессой Максимилианой Вильгельминой Августой Софией Марией Гессен-Дармштадтской, дочерью великого герцога Людвига II Гессенского, состоялось 16/28 апреля 1841 г. в Большой церкви Зимнего дворца: таким образом, письмо императрицы Александры Федоровны было написано накануне бракосочетания. 5/17 декабря 1840 г. принцесса, восприняв миропомазание, перешла в православие и была наречена новым именем – Мария Александровна, а по обручении с Александром Николаевичем 6/18 декабря 1840 г. стала именоваться Великой княжной с титулом Императорского Высочества. После бракосочетания получила титул Цесаревны.

[2] Контекст письма не позволяет с уверенностью утверждать, чьи именно портреты были посланы Жуковскому: это могли быть как портреты императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, так и портреты великого князя Александра Николаевича и великой княжны Марии Александровны.

[3] На данный момент это слово представляет собой единственное известное эпистолярное обращение императора Николая I к Жуковскому.

18

(С. 74–76)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 42–43 об.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 508–510. Фр. текст и перевод. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 12/24 марта 1842 г.

[1] Жуковский приступил к занятиям русским языком с великой княгиней Александрой Федоровной в Москве, в октябре 1817 г., о чем он писал в письме к А.А. Воейковой от 17 октября 1817 г. (ПССиП. Т. 15. С. 551). Дневниковая запись о первой лекции датирована 22 октября 1817 г. (Там же. Т. 13. С. 124).

[2] За время, прошедшее с момента отъезда Жуковского в Германию и его женитьбы, т.е с мая 1841 г., известно всего два письма Жуковского к императрице Александре Федоровне – от 7/19 августа и 19/31 декабря 1841 г., и их нельзя назвать «коротенькими». Судя по этой фразе императрицы, сохранились не все письма Жуковского к ней.

[3] С письмом от 19/31 декабря 1841 г., поздравляя императрицу с Новым годом, Жуковский послал ей подарок: «Принося Вашему Величеству мое поздравление с Новым годом, я осмеливаюсь просить у Вас милостивого позволения положить к стопам Вашим мой смиренный подарок. Здесь недавно напечатан католический молитвенник, который по красоте рисунков, его украшающих, может быть памятником здешнего искусства. Я уверен, что это издание обратит на себя внимание Вашего Величества» (РО ИРЛИ. Ф. 18. № 21. Л. 3 об.).

[4] В этом же письме Жуковский сообщал: «В конце января предстоит мне еще случай явиться в свет. Здесь говорят, что Его Величество Король Прусский, на обратном пути из Лондона, здесь пробудет день или два. Надежда увидеть его меня сердечно радует» (Там же. Л. 3). Дневники за конец января 1842 г. не сохранились: письма Жуковского и императрицы Александры Федоровны являются единственным свидетельством встречи поэта с королем Фридрихом Вильгельмом IV в январе 1842 г.

[5] Поскольку первый ребенок Жуковского, его дочь Александра, родилась 30 октября / 11 ноября 1842 г., в момент написания письма императрицы Е.Е. Жуковская была на втором месяце беременности.

[6] Великая княгиня Мария Александровна, жена наследника цесаревича Александра Николаевича. Их первый ребенок, дочь Александра Александровна, родилась 18/30 августа 1842 г.

[7] Имеется в виду стихотворение Жуковского «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича. Послание», написанное 17–20 апреля 1818 г. В день рождения великого князя Жуковский записал в дневнике: «Один из прекраснейших дней. Рождение Вел. Кн. Прелестное утро. Чувства веселые, ясные, живые, без примеси. Радость истинная. Конец беспокойству. Черты истинной высокости в характере матери: это великое счастье» (ПССиП. Т. 13. С. 129).

[8] На это письмо императрицы Александры Федоровны Жуковский ответил, по-видимому, сразу же по его получении. Автограф письма не сохранился, его текст известен только в копии, в которой отсутствует дата. В первой публикации (С 8. Т. 6. С. 324–328) письмо ошибочно датировано мартом 1842 г. Совершенно очевидно, что письмо, отосланное из Петербурга 12/24 марта, не могло быть доставлено в Дюссельдорф, где в это время жил Жуковский, раньше конца апреля, что и может быть основанием его передатировки на конец апреля 1842 г. По поводу шутливого упрека в лени Жуковский написал следующее: «Я не мог передать жене приказания Вашего Величества побранить меня за *лень* и за *безвременный сон на лаврах*. Я не ленюсь; а спать на моих лаврах мне весьма беспокойно; старые мои лавры очень измялись, а свежих добыть не надеюсь. Не позволяя себе этой надежды, которая уже мне не к лицу, а просто для внутреннего наслаждения и как

бы из благодарности к доброй музе, которая в старину была мне доступна и украшала своими цветами жизнь мою, я принялся за большой труд, который очень приличен моим теперешним летам. Лирическая, вдохновенная пора поэзии для меня миновалась; могу быть только болтливым сказочником, как то бывает со всеми под старость; и если воображение мое, охлажденное временем, не может более вымышлять, то могу, по крайней мере, рассказывать за другими. Хочу передать России Гомеровы сказки и принялся за перевод “Одиссеи”; уже перевел почти две песни...» (С 8. Т. 6. С. 327–328).

[9] В ответ на вопросы Александры Федоровны поэт подробно описал свою жизнь в вышеупомянутом письме: «Дом, в котором живу, принадлежит уже не к городу Дюссельдорфу, а к смежному с ним местечку; он отделен от города прекрасным парком. С южной стороны моего дома находится этот парк, сквозь тенистые липы его, растущие на зеленом холме, видны из окон моих городские здания. На западе у меня Рейн, скрытый за деревьями; но в ясный вечер бывает на него вид прекрасный с верхнего балкона; тогда низкие берега его, покрытые мелкими селениями и рощами, принимают цвет фиолетовый и почти сливаются с широкою рекою, ярко сияющей на заходящем солнце, покрытой судами, бегущими в разных направлениях, и колыхаемой пароходами, которых дым далеко видится; и колокола, а иногда и пушки, звучно ввечеру раздаются. С севера окружает мой дом маленький сад (150 шагов в окружности); за садом мой собственный огород <...> за огородом поле <...>. На восток от моего дома продолжается парк. Из этого описания Ваше Величество увидите, что положение дома моего весьма уединенное. Он вне всякого городского шума. Внутри мой дом не может быть теснее; весь он с обоими этажами, конечно, займет не более половины Белой залы Зимнего дворца. На этом тесном пространстве находится двенадцать горниц, из коих три довольно большие. В одной общий кабинет для меня и для жены, в другой спальня, в третьей гостиная, все прочие – клетки; но расположение уютно, и я убрал этот домишко так удобно, что не могу желать себе приятнейшего жилища: в нем есть картинная галерея, есть музеум скульптуры и даже портик, под которым можно, не выходя из дома, обедать на воздухе. В саду есть пространная беседка, в которой, в теплое время, можно проводить целые дни. Этот сад хотя и тесен, но богат цветами и даже кажется обширным, когда деревья, покрывшись листьями, скрывают от глаз его границы. Весною водятся в нем соловьи: по ночам перекликаясь с соловьями парка, они без платы дают серенады в огромной зале, которой колонны состоят из пышных деревьев, а своды обвешены люстрами из звезд, между которыми иногда великолепно зажигается светлая лампа полной луны» (Там же. С. 324–325).

[10] Имеются в виду младшие великие князья, Николай и Михаил Николаевичи.

19
(С. 77)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 44.

Впервые опубликовано: РА. 1897. № 4. С. 510. Фр. текст и перевод. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 21 ноября / 3 декабря 1842 г.

[1] Ответ на письмо Жуковского от 7/19 ноября 1842 г., в котором он извещал императрицу Александру Федоровну о рождении его первого ребенка: «Смею надеяться, что Ваше Императорское Величество соблаговолит присоединиться к радости, которой Господь благословил мою жизнь, сделав меня отцом; у меня родилась дочь. Повергаю ее к стопам Вашего Величества и прошу оказать ей Ваше августейшее покровительство. Вот уже неделя, как она появилась на свет; она родилась 30-го октября / 11 ноября» (ПЖиГ. Вып. 1. С. 83).

[2] Имеется в виду день рождения великого князя Александра Николаевича и стихотворение Жуковского «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича. Послание» (см. примеч. 7 к предыдущему письму). Первенцы ученика и учителя, великого князя и поэта, родились в один год (см. примеч. 6 к предыдущему письму).

[3] В письме от 7/19 ноября 1842 г. Жуковский писал: «Ей дали имя Александры. Дав ей это имя, я выразил мои наилучшие для нее пожелания земного счастья, как я его понимаю. Пусть ангел-хранитель той, которая носит это имя, о которой я думал, называя ее именем мою дочь, которая имела такое благотворное влияние на мою собственную жизнь, преклонение пред которой, наконец, сердце мое сохранит до последнего своего биения, – пусть ее добрый ангел побеседует с ангелом моего ребенка и откроет ему тайну души той, которую Господь вверил ему, дабы в душе моей возлюбленной дочери развилось со временем то, что составляет идеальную прелесть другой» (ПЖиГ. Вып. 1. С. 83–84).

Великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская Мария Павловна

1*
(С. 81)

Автографы:

1. ThHStAW. Hausarchiv AXXV / Russische Korrespondenzen. Nr. 1. Bl. 219. Черновой.

2. РО ИРЛИ. № 28136. Л. 1. Писарский текст с подлинной подписью.

Копия: ThHStAW. Hausarchiv AXXV / Russische Korrespondenzen. Nr. 1. Bl. 220–220 об.

Публикуется впервые.

Печатается по беловому автографу со сверкой по копии.

Датируется: 17/29 декабря 1828 г.

Адрес: «Господину коллежскому асессору Василию Андреевичу Жуковскому в С. Петербург» (л. 3). На отдельном конверте с печатью.

[1] Приложением к письму Жуковского от 14 ноября 1828 г. (Москва. 1996. № 6. С. 160–161), в котором поэт выражал соболезнования о смерти императрицы Марии Федоровны 24 октября 1820 г., стало стихотворение «У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны. В ночь накануне Ея погребения» (ПССиП. Т. 2. С. 255–258 текст, 638–639 комментарий И.А. Поплавской). Его автограф сохранился в архиве: ThHStAW. HA AXXV / Russische Korrespondenzen. Nr. 1. Bl. 222–223 об.

[2] В копии первоначально: «какое для меня наслаждение».

[3] В копии первоначально: «особенном расположении».

2
(С. 81–82)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28136. Л. 4–5.

Копия: ThHStAW. Hausarchiv AXXV / Russische Korrespondenzen. Nr. 9. Bl. 144–144 об. С пометой: «3/15 Febr. 1848 an. B. A. V. Maltitz».

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 445. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу со сверкой по копии.

Датируется: 1/13 февраля 1848 г.

[1] Бронзовый медальон со своим портретом Жуковский отправил в подарок великой герцогине Марии Павловне с недатированным письмом от конца января 1848 г.: Москва. 1996. № 6. С. 161.

[2] Ответ на слова Жуковского: «Вашему императорскому высочеству благоугодно было изъявить желание, чтобы я доставил ему свой медальон для помещения его в Веймарской библиотеке – это дает мне смелость обратиться лично к Вашему высочеству, чтобы положить к стопам Вашим мою сердечную благодарность за честь, которую так неожиданно и так без заслуги ныне от Вас принять удостаиваюсь. Скажу искренно, что она меня несказанно радует – но в этой радости самолюбие авторское не имеет почти никакого участия. Я дожил до тех лет, в которые сам на себя смотришь глазами потомства, и знаю, что там, где властвуют величественные образы Гёте и Шиллера, моей бедной фигуре места быть не может» (Там же).

[3] Ответ на слова Жуковского: «И по какому-то сродству с чувством моей к Вам благодарности за этот знак личного благоволения пробудилось в сердце все, что было содержанием последней половины моей прошедшей жизни, пробудилась память о том времени, когда была с нами наша благословенная императрица Мария Федоровна, с которою Вы так сходны, память об Александре, о прекрасной душе Елизаветы, и, как ряд добрых гениев, пролетели перед глазами моими те годы, в которые душою и сердцем я жил под кровлею моего царя, вблизи его семейства, деля судьбу их, любя их, неразлучный с ними и теперь в далеком от них уединении семейном» (Там же).

3
(С. 82)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28136. Л. 6–7.

Копия: ThHStAW. Hausarchiv AXXV / Russische Korrespondenzen. Nr. 9. Bl. 147–147 об. С пометой: «Веймар. Juni 1848. Тайному советнику В.А. Жуковскому».

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 445–446. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу со сверкой по копии.

Датируется: 1/13 июня 1848 г.

[1] Письмо Жуковского от 15/27 мая 1848 г., где он говорил: «Пользуясь милостивым Вашим позволением, полагаю ко стопам Вашего императорского высочества два тома последнего издания моих сочинений; прошу Вас, всемилостивейшая государыня, с Вашим обычным благоволением принять это смиренное приношение устарелого русского поэта, который так давно был осчастливлен Вашим особенным, благосклонным к нему вниманием. Это издание началось в эпоху еще спокойную; оно является в свет под шумом всеобщей бури; но поэзия, если она верна своему назначению, не принадлежит бурям житейским, напротив, она должна от них отвлекать душу и усмирять наши земные тревоги» (Москва. 1996. № 6. С. 163). С письмом отправились два тома «Новых стихотворений В. Жуковского», отпечатанных в Карлсруэ в 1848 г.

[2] Подразумеваются события революции 1848 г., затронувшие и Веймар, где под давлением либеральной оппозиции пришлось провести ряд реформ.

[3] Елизавета Жуковская отправилась в Эмс на лечение в начале мая 1848 г., в первых числах июня к ней присоединился Жуковский.

4
(С. 83)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28136. Л. 8–8 об.

Копия: ThHStAW. Hausarchiv AXXV / Russische Korrespondenzen. Nr. 4. Bl. 152–152 об. С пометой карандашом: «3/15 Februar 1849».

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 446. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу со сверкой по копии.

Датируется: 2/14 февраля 1849 г.

[1] Аполлоний Петрович (Фридрих Аполлоний) Мальтиц, барон, дипломат, переводчик, поэт, секретарь русской миссии в Мюнхене и Веймаре, друг Жуковского.

[2] Пятое прижизненное издание «Стихотворений Василия Жуковского» в 9 томах. 10/22 февраля 1849 г. Жуковский отвечал: «Приношу глубочайшую мою благодарность за милостивое письмо, которым Вашему императорскому высочеству было угодно меня осчастливить, так же и за то благоволение, с каким Вы соизволили принять мое литературное приношение. Эти томы суть продолжение тех двух, которые прежде я осмелился положить к стопам Вашего императорского высочества; они были доставлены барону Мальтицу прямо из типографии, которая теперь

оканчивает печатание полного издания моих сочинений» (Москва. 1996. № 6. С. 163).

[3] Третий вариант перевода баллады Готфрида Августа Бюргера «Ленора» (1773), осуществленный в 1831 г. и наиболее близкий к оригиналу.

5
(С. 83)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28136. Л. 10–11.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 446–447. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 8/20 марта 1849 г.

[1] Ответ на слова Жуковского: «Многие из этих сочинений тесно слиты с тем временем жизни моей, которая прошла под кровлею того благословенного дома, где началась и расцвела прекрасная жизнь Ваша; многое, что внушила мне смиренная моя поэзия, напомнит Вам о том, что было и прежде и теперь так дорого Вашему сердцу» (Москва. 1996. № 6. С. 164).

[2] «Я с благовейным участием и с утешением думаю о том, что Вы наследница души Вашей незабвенной матери и что Вы, в смутные времена, будете то же, что она была во времена спокойные. <…> Бедствия жизни то же, что звезды; мы звезд не видим при ясном небе, они являются на нем в темноте ночи и яркими буквами пишут имя Бога на этой черной странице. Блаженна душа, которая способна читать эти чудные, утешительные письмена откровения» (Там же).

[3] К осени 1848 г. Жуковский с семьей планировал вернуться в Россию, однако планы нарушила эпидемия холеры. В результате Жуковские переселились в Баден-Баден.

Королева Нидерландов Анна Павловна

1*
(С. 86–87)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27908. Л. 1–2.

Публикуется впервые.

Датируется: 21 мая / 2 июня 1839 г.

[1] Иероним (Игнатий) ван Альфен, голландский поэт, богослов, историк и юрист. Имеется в виду его книга для детей «Kleine gedichten voor kinderen» (1781). Эта иллюстрированная 67 гравюрами книга в издании 1821 г. сохранилась в библиотеке Жуковского (Описание. № 542).

[2] Жуковский выехал из Гааги 7/19 апреля 1839 г. и после путешествия по Англии больше в Голландию не вернулся.

2

(С. 87)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27908. Л. 3–3 об. В левом верхнем углу л. 3 надпись карандашом почерком неустановленного лица: «С медалью в память домика Петра» и неразборчивой подписью.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 447. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 21 ноября / 3 декабря 1839 г.

[1] Старший сын Анны Павловны – Виллем Александр Пауль Фредерик Лодевейк, с 1849 г. – король Нидерландов Виллем III.

[2] Стихотворение «Бородинская годовщина» («Русский Царь созвал дружины...»), вышедшее отдельным изданием в Москве в конце августа 1839 г.

[3] Вероятно, подразумевается орден Нидерландского Льва 2-й степени, который был присвоен Жуковскому еще 3 мая 1839 г.

[4] В честь рождения старшего сына в 1817 г. король Виллем I подарил Анне домик Петра I в городе Зандам, где русский царь жил в 1697 г. во время пребывания в Голландии с Великим посольством. По приказанию Анны Павловны для ветхого строения был построен каменный футляр по образцу сооруженного императрицей Екатериной II покрытия для Домика Петра в Санкт-Петербурге. Жуковский после посещения домика сочинил 5/17 апреля 1839 г. стихотворение «В Сардамском домике».

Великий князь Михаил Павлович

1*
(С. 90)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28155. Л. 3–4.

Впервые опубликовано: Дом Романовых в Пушкинском Доме. СПб., 2013. С. 113 (факсимиле автографа).

Печатается впервые по автографу.

Датируется: 8/20 февраля 1845 г.

[1] 16/28 января 1845 г. в Висбадене умерла от родов дочь великого князя Елизавета Михайловна, год назад вступившая в брак с герцогом Нассауским Адольфом.

[2] Дочери великого князя Мария и Екатерина.

2*
(С. 91)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28155. Л. 1–1 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 5/17 января 1847 г.

[1] 7/19 ноября 1846 г. от чахотки в Вене умерла на руках отца дочь Мария Михайловна.

Великая княгиня Елена Павловна

1*
(С. 95–98)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28043. Л. 1–5 об. На л. 6 об. запись неизвестной рукой: «Елена Павловна в Москве на коронации 15/X/1826».

Публикуется впервые.

Датируется: 15/27 октября 1826 г.

Адрес: «A Monsieur Monsieur Joukofski á Dresde (Saxe). Recommandé aux soins de Monsieur Bassenge et Comp.» (л. 7). Штемпель: «Memel 8 Nov».

[1] Письмо Жуковского от начала июня н. ст. 1826 г., к сожалению, сохранившееся только в черновом варианте (ПССиП. Т. 16. С. 310–312).

[2] Подразумевается преподавание великому князю Александру Николаевичу.

[3] Письмо Жковского было написано по случаю рождения Елизаветы, второй дочери великих князей Михаила Павловича и Елены Павловны (р. 14 мая 1826 г.).

[4] Имеется в виду смерть императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I, последовавшая 4/16 мая 1826 г. Дочь Елены Павловны была крещена Елизаветой в честь усопшей императрицы.

[5] Письмо Жуковского от середины октября н. ст. 1826 г. (Там же. С. 419–421) с советами по продолжению изучения русского языка великой княгиней, учителем которой поэт был с 1823 г.

[6] Гофмейстерина великой княгини Елены Павловны графиня Анна Ивановна Элмпт. Учителем, которого рекомендовал Жуковский, был Петр Александрович Плетнёв.

[7] Жорж Леопольд Кристиан Фредерик Даговер Кювье, французский натурфилософ, близкий знакомый великой княгини Елены Павловны, с которым она продолжала переписку в России. Во время своего пребывания в Париже Жуковский представился Кювье 11/23 июня 1827 г. (Там же. Т. 13. С. 270).

2*

(С. 98)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 18. № 10. Л. 1–2. Б.д.

Впервые опубликовано: ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 134. Только русский перевод М.Г. Ашукиной.

Печатается впервые по французскому автографу.

Датируется: 27 января 1837 г.

Адрес: «Mr Joukofsky» (л. 2 об.).

Датируется по известию о ранении А.С. Пушкина.

3*
(С. 99)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 18. № 10. Л. 3–4. Б.д.

Впервые опубликовано: ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 134. Только русский перевод М.Г. Ашукиной.

Печатается впервые по французскому автографу.

Датируется: 27–28 января 1837 г.

Адрес: «Mr Joukofsky» (л. 4 об.).

Датируется периодом между ранением А.С. Пушкина и его смертью.

[1] Фридрих Иванович Мандт (Мартин), лейб-медик-консультант, врач императорской семьи.

4*
(С. 99)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 18. № 10. Л. 5–6. Б.д.

Впервые опубликовано: ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 134. Только русский перевод М.Г. Ашукиной.

Печатается впервые по французскому автографу.

Датируется: 27–28 января 1837 г.

Адрес: «Mr Joukofsky» (л. 6 об.).

Датируется периодом между ранением А.С. Пушкина и его смертью.

5*
(С. 100)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 18. № 10. Л. 7–8. Б.д.

Впервые опубликовано: ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 135. Только русский перевод М.Г. Ашукиной.

Печатается впервые по французскому автографу.

Датируется: 27–28 января 1837 г.
Адрес: «Mr Joukofsky» (л. 8 об.).

Датируется по дню смерти А.С. Пушкина.

6*
(С. 100–101)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28043. Л. 8–9.
Публикуется впервые.
Датируется: 21 марта 1852 г.

[1] Пятое прижизненное издание «Стихотворений Василия Жуковского» в 9 томах, последние два тома которого составил перевод «Одиссеи».

Великий князь Александр Николаевич

1
(С. 105)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27903. Л. 1.
Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 215. Публикация В.С. Киселева.
Печатается по автографу.
Датируется: 29 января 1826 г.

Первое известное письмо великого князя, которому тогда не исполнилось еще и восьми лет, является поздравлением своего учителя с днем рождения, приходящимся на 29 января.

2
(С. 105)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27903. Л. 3–3 об.
Впервые опубликовано: РА. 1897. Кн. 1. № 4. С. 498. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.
Датируется: 23 августа / 4 сентября 1826 г.

[1] Письмо восьмилетнего великого князя описывает основные события московских коронационных торжеств июля – августа 1826 г. Петровский дворец на Тверском тракте – путевой дворец на въезде в Москву со стороны Петербурга. Возведён в 1776–1780 гг. по проекту архитектора Матвея Казакова. Он служил резиденцией для знатных особ после долгой дороги из Петербурга в Москву (отсюда его название «путевой»). После Павла I российские монархи использовали Петровский дворец как последнюю остановку на пути на коронацию в Кремле. В ходе Отечественной войны 1812 г. дворец был разграблен и восстановлен только в первой половине 1826 г. в ходе подготовки коронации Николая I. Семья и свита императора прибыли в Петровский дворец 18 июля, сам император на следующий день. 25 июля 1826 г. в 4 часа дня состоялся торжественный въезд государя в Москву. В тот день император и императрица Александра Федоровна, ехавшая в карете вместе с наследником, были встречены на Красном крыльце членами коронационного комитета, приветствовавшими их хлебом-солью. См.: Шильдер Н.К. Император Николай I: Его жизнь и царствование. Кн. 2. СПб., 1903. С. 1; Николай I. Личность и эпоха: Новые материалы. СПб., 2007. С. 290. В письме от 24 июля 1826 г. К.К. Мёрдер, воспитатель великого князя, сообщал Жуковскому: «В Новгороде осматривали хранящиеся в Соборе древности, а в Вышнем Волочке шлюзы; любопытство, с которым А<лександр> Н<иколаевич> все рассматривал, всех удивляло, мне же доставляло неизъяснимое удовольствие»; «Завтра назначено быть торжественному въезду в Москву <...> А<лександр> Н<иколаевич> едет с Алек<сандрой> Фед<оровной>. Москва с нетерпением ожидает своего велик<ого> кн<язя> – нарочно приезжают сюда из города, чтобы его видеть, и где мы покажемся, всюду толпою за нами следуют, приветствуют и кричат Ура!» (РО ИРЛИ. № 28146. Л. 2).

[2] Цесаревич Константин Павлович прибыл из Варшавы в Москву на церемонию коронации 14 августа 1826 г. без предварительного оповещения и неожиданно для встречающих. См.: Шильдер. Н.К. Указ. соч. С. 4.

[3] Церемония коронации 22 августа 1826 г. имела программное значение для символики предстоящего царствования. Ее подробное описание см.: Записки К.К. Мёрдера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826–1832 // РС. 1885. № 2. С. 344–355; Шильдер. Н.К. Указ. соч. С. 6–7. О семантике династической преемственности ритуала см.: Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 368–388.

[4] Флориан Антонович Жилль, швейцарец, переехавший в Россию, преподавал французский язык и историческую географию цесаревичу Александру Николаевичу; исполнял обязанности придворного библиотекаря, затем стал заведующим Царскосельским Арсеналом и руководил I отделением Императорского Эрмитажа. Подробную историю отношений Жуковского и Ф.А. Жилля, связанных в первую очередь с деятельностью по обучению и воспитанию наследника престола, см.: Павлова Ж.К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб., 2010. С. 43–48.

[5] Жуковский в это время находился на лечении в Германии. На письмо великого князя он ответил 19/31 августа 1826 г. См. текст ответа: ЖИМ. Вып. 2. С. 549–550. Публикация А.С. Янушкевича.

3
(С. 105–106)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27903. Л. 5–6.

Впервые опубликовано: РА. 1897. Кн. 1. № 4. С. 502. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 31 января / 12 февраля 1827 г.

[1] Жуковский спрашивал в письме от 1/13 января 1827 г. из Дрездена, где он проводил зиму перед вторым курсом лечения на водах в Эмсе: «Вспомнили ли Вы обо мне в этот день? А я об Вас думал и мысленно был вместе с Вами» (ЖИМ. Вып. 2. С. 550. Публикация А.С. Янушкевича).

[2] Жуковский вернулся в Петербург около 27 октября 1827 г.

[3] В письме от 1/13 января 1827 г. наставник говорил: «<…> уверен, что Вы исполните все наши на Вас надежды: ибо до сих пор Вы стараетесь вести себя так, что всем нам весело Вас любить и для Вас трудиться. То, что мне пишет об Вас Карл Карлович, радует меня и еще более к Вам привязывает» (Там же). Карл Карлович Мёрдер, генерал-майор, генерал-адъютант, воспитатель Александра II. По свидетельству современников, он был «прирожденным педагогом, тактичным и внимательным. Правилом его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека» (из воспоминаний великой княжны Ольги Николаевны). Великий князь Александр Николаевич называл своего наставника «бесценный, мой второй отец». С Жуковским Мёрдера связывали уважительные дружеские отношения. После смерти воспитателя цесаревича в «Северной пчеле» 7 мая 1834 г. (1834. № 101. С. 401–402) без заглавия, в рубрике «Внутренние известия» была опубликована статья Жуковского, впоследствии названная издателями

«Воспоминание о К.К. Мёрдере» (ПССиП. Т. 11/1. С. 327–329, 759–762. Комментарий И.А. Айзиковой).

[4] Жуковский просил в письме от 1/13 января 1827 г.: «Прошу Вас за меня поцеловать ручки у Ваших сестриц. Скажите мое почтение Юлии Федоровне и хорошенько обнимите Карла Карловича» (ЖИМ. Вып. 2. С. 551). Сестрицы – великие княжны Мария Николаевна и Ольга Николаевна. Юлия Федоровна – Баранова (урожд. Доротея Елена Юлиана Адлерберг), графиня (с 1846), статс-дама, гофмейстерина, воспитательница дочерей Николая I и близкий друг императорской семьи. Жуковского связывали с Барановой близкие дружеские отношения; поэт постоянно передавал ей свои приветы в письмах к К.К. Мёрдеру, Ф.А. Жиллю и др., а также периодически прибегал к ее помощи в делах благотворительности. Сохранилось 10 писем поэта к Ю.Ф. Барановой за 1827–1848 гг. (2 ответных письма хранятся в РО ИРЛИ. № 27911); почти все они имеют шутливый характер и сопровождаются комическими рисунками.

4
(С. 106)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 1.

Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 217. Публикация В.С. Киселева.

Печатается по автографу с сохранением детской орфографии.

Датируется: 7 января 1828 г.

Адрес: «Василию Андреевичу Жуковскому» (л. 2 об.)

[1] Великий князь сообщает о высочайшей награде: 7 января 1828 г. он был пожалован императором чином подпоручика гвардии «за успехи в науках, оказанные на экзамене в присутствии Их Величеств» (Формулярный список Его Императорского Высочества Великого князя наследника Всероссийского престола цесаревича Александра Николаевича по 1 января 1853 г. // Столетие Военного министерства. СПб., 1914. [Т. 2]: Имп. Главная квартира. История государевой свиты. [Кн. 4]: Царствования имп. Александра II. Прилож. С. 9). На это письмо Жуковский откликнулся в тот же день: «Поздравляю Вас от всего сердца, мой милый великий князь, с милостью государя – и Вас, и Карла Карловича, и себя самого. Вам весело было получить награду, а нам весело, что Вы ее заслужили. Как мне приятно начинать с Вами по-прежнему трудиться! Я теперь вижу, что труды на-

ши не напрасны и что впредь еще пойдет лучше, нежели теперь. Обнимаю Вас и Карла Карловича» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 1).

5*
(С. 106)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27854. Л. 1.
Публикуется впервые.
Датируется: 28 января 1828 г.

Это стихотворение Жуковского под названием «На мир с Персией» впервые было опубликовано в МТ. 1828. Ч. 20. № 5. С. 27. При публикации в ПССиП. Т. 2. С. 253, 635–636 (комментарий И.А. Поплавской) стихотворение было датировано по беловому автографу 15 марта 1828 г. Письмо-подарок великого князя к дню рождения Жуковского позволяет отодвинуть дату создания стихотворения как минимум к середине января 1828 г.

Исторической основой стихотворения послужили следующие события. Летом 1826 г. иранские войска вторглись в долину р. Куры с намерением захватить все Закавказье и отбросить русских за Терек. Отражал нападение иранской армии Отдельный Кавказский корпус, которым командовал генерал А.П. Ермолов. В марте 1827 г. Ермолов был отстранен от службы, а на его место был назначен генерал И.Ф. Паскевич. Получив крупное подкрепление, Паскевич к октябрю 1827 г. освободил Ереван, Тебриз и направил свои войска на столицу Ирана Тегеран, после чего иранский шах запросил мира. 10/22 февраля в иранском местечке Туркманчай был подписан мирный договор между Ираном и Россией. Текст договора большей частью был составлен А.С. Грибоедовым, который доставил этот договор 14 марта 1828 г. в Петербург. По условиям Туркманчайского мира Россия получила от Ирана восточную Армению с городами Ереван и Нахичевань (подробнее см.: История русской армии и флота / ред. А.С. Гришинского и В.П. Никольского. М., 1911. Т. 6. Покорение Кавказа. Персидские и кавказские войны. С. 61–69).

6
(С. 107)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27849. Л. 1.

Впервые опубликовано: Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999. С. 108.

Републикация: Дом Романовых в Пушкинском Доме. СПб., 2013. С. 126 (факсимиле автографа).

Печатается по автографу.

Датируется: 28 января 1829 г.

Это стихотворение служило надписью к бюсту Петра, подаренному Жуковским наследнику к новому 1829 г. В ответ великий князь, желая сделать приятное наставнику и показать, что усвоил его урок, поднес ему накануне дня рождения собственноручный список этого стихотворения с надписью.

7
(С. 107–108)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 16–18. Б.д.

Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 218–219. Публикация В.С. Киселева.

Печатается по автографу.

Датируется: 2/14 июля 1832 г.

Датируется по упоминанию сегодняшнего отъезда сестер Ольги и Марии в Ревель, которое состоялось 2 июля 1832 г.

[1] Письмо Жуковского из Любека от 24 июня/6 июля 1832 г. с рассказом о морском путешествии и прибытии в Германию, см.: РА. 1883. Кн. 1. № 1. С. IV–V.

[2] В дневнике Жуковский описал свое путешествие на пароходе «Николай I» так: «Ночь с субботы на воскресенье. Сильный ветер в воскресенье и в понедельник. Ночь с воскресенья на понедельник на палубе. Понедельник: половина дня бурного, половина спокойного (сходство с жиз-

нию)» (ПССиП. Т. 13. С. 319). Ср. описание А.И. Тургенева, который ехал вместе с Жуковским, в письме к П.А. Вяземскому от 24 июня / 6 июля 1832 г.: «Тридцать часов лежали мы неподвижно на палубе, смотря в небо, между тем как полубуря заливала нас соленою водою и ломала нашу мачту. В третий день любезничали с дамами и упивались дурным зеленым чаем и шампанским, любовались неизмеримостью моря, Борнгольмом, башнями Висмара, и, наконец, согретые солнцем, увидели Травемюнде и вскричали: берег!» (АбТ. Вып. 6. С. 98).

[3] Граф Луи Филипп де Сегюр, историк и дипломат, плодовитый писатель. Вероятно, подразумевается чтение книги «Четыре возраста жизни», рекомендованной Жуковским и содержащей нравственно-философский очерк человеческой жизни.

[4] Преподаватель математики и физики Эдуард Давыдович (Эдуард Альберт Христофор Людвиг) Коллинс.

[5] Александрия – дворцово-парковый ансамбль Петергофа, одна из резиденций царской семьи. До 1825 г. находилась в запустении, в 1826–1829 гг. перестроена в сентиментально-сельском стиле и названа в честь императрицы Александры Федоровны. Чтобы еще сильнее подчеркнуть идиллический характер резиденции, архитектор А. Менелас недалеко от Коттеджа, основного дворца, в 1829–1831 гг. построил «Ферму» с коровником, комнатами для пастухов, кухнями и кладовыми.

[6] Мензула – полевой чертежный столик, состоящий из планшета, штатива и скрепляющей их подставки. Используется при так называемой мензульной съемке. Является геодезическим инструментом. Мензула дает возможность получать непосредственно горизонтальные проекции линий местности (засечки).

[7] На лето 1832 г. великую княжну Ольгу Николаевну в сопровождении ее сестры Марии Николаевны из-за частых простуд и постоянного кашля доктора рекомендовали отправить на морские купания в Германию, однако из-за распространения холеры план переменился и лето они провели в Ревеле, во дворце Екатеринталь, откуда вернулись 1 июля 1832 г. на день рождения матери, императрицы Александры Федоровны. На следующий день они отправились обратно и пробыли в Екатеринентале до 16 августа. О пребывании княжон на море см.: Сон юности: Записки дочери имп. Николая I, вел. кн. Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. URL: http:// dugward.ru/ library/ olga_nick. html#003

[8] Речь идет о подготовке к регулярным полугодовым экзаменам, которые цесаревич сдавал в присутствии императора и императрицы.

8
(С. 108)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 3–3 об. Начало письма утеряно.

Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 220. Публикация В.С. Киселева.

Печатается по автографу.

Датируется: 7/19 июля 1832 г.

[1] Цесаревич рассказывает о прибытии в Александрию из Ревеля сестер и их воспитательниц. См. примеч. 7 к предыдущему письму от 2 июля 1832 г.

[2] Великий князь Александр Николаевич по совету Жуковского обучался вместе со своими сверстниками Иосифом Михайловичем Виельгорским и Александром Владимировичем Паткулем. О первом подробнее см.: Лямина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999.

9
(С. 108–110)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 5–7. На л. 5 сверху помета Жуковского: «Получено 26 октября».

Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 220–221. Публикация В.С. Киселева.

Печатается по автографу.

Датируется: 24 сентября / 6 октября 1832 г.

[1] Письма от 25 июля / 6 августа и 26 августа / 7 сентября 1832 г. (РА. 1883. Кн. 1. № 1. С. VI–XII), где рассказывалось о лечении водами в Эмсе и Вейльбахе и планах продолжить лечение виноградом в Италии.

[2] Протоиерей, законоучитель великого князя Герасим Петрович Павский. См. некоторые материалы его курса: Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 30. Годы учения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Александра Николаевича, ныне

благополучно царствующего Государя Императора. 1826–1838. СПб., 1880. Т. 1. С. 61–94.

[3] Федор Иванович (Фридрих Леберехт) Липман, профессор Берлинского университета и преподаватель всеобщей истории при великом князе.

[4] Фридрих Кольрауш, немецкий педагог и историк, в том числе создатель хронологических таблиц по всеобщей истории.

[5] Речь идет об эпидемии чумы в Италии в 1348 г., особенно бушевавшей во Флоренции и изображенной в рамочной новелле цикла Джованни Боккаччо «Декамерон» (1350–1353).

[6] Преподаватель естественной истории, ботаник Карл Антонович (Карл Бернгард) Триниус.

[7] Герцогиня Антуанетта Фридерика Августа Мария Анна Вюртембергская, немецкая принцесса из Вюртембергского дома. По линии отца Мария приходилась двоюродной сестрой российским императорам Александру I и Николаю I. В 1800–1832 гг. жила преимущественно в Петербурге в роскошном дворце в Юсуповском саду и занимала высокое положение при дворе. 6 сентября 1832 г. в Штутгарте был подписан ее брачный контракт с герцогом Саксен-Кобург-Готским Эрнстом I, и Мария навсегда покинула Россию. Бракосочетание состоялась в Кобурге 23 декабря 1832 г.

[8] Гувернер, преподаватель французского языка и географии Флориан Антонович Жилль.

[9] Преподаватель истории, член Российской академии Константин Иванович Арсеньев.

[10] Поэт и критик, преподаватель словесности Петр Александрович Плетнёв.

[11] Преподаватель немецкого языка, переводчик Василий Андреевич Эртель.

[12] Преподаватель английского языка Самуил Александрович Варранд.

[13] Болезнь К.К. Мёрдера не прекратилась и потребовала поездки на лечение за границу в 1833 г.

[14] Подразумевается Александровская колонна на Дворцовой площади в Петербурге. Для ее гранитного монолита, основной части, была использована скала из Финляндии, доставленная морским путем. Ее прибытие в Санкт-Петербург состоялось 1 июля 1832 г., а подъем на пьедестал – 30 августа 1832 г., в день тезоименитства Александра I. На базе разработок генерал-лейтенанта А.А. Бетанкура по установке колонн Исаакиевского собора в декабре 1830 г. была сконструирована оригинальная подъемная система. В нее входили: строительные леса в 22 сажени (47 метров) высотой, 60 кабестанов и система блоков. У готового пьедестала из кирпича был выложен временный массив до отметки основания колонны (10 м от уровня земли) для установки лесов. По наклонной плоскости колонну подкатили на

особую платформу, находившуюся у подножия лесов, и обмотали множеством колец из канатов, к которым были прикреплены блоки; другая система блоков находилась на вершине лесов; большое число канатов, опоясывавших камень, огибало верхние и нижние блоки и свободными концами были намотаны на кабестаны, расставленные на площади. По окончании всех приготовлений был назначен день торжественного подъема. Посмотреть на это событие собралась масса народа: они заняли всю площадь, окна и крыша здания Главного штаба также были заняты зрителями. Для приведения колонны в вертикальное положение потребовалось привлечь силы 2000 солдат и 400 рабочих, которые за 1 час 45 минут установили монолит.

[15] Младший брат императора, дядя великого князя Александра Николаевича.

10
(С. 110–112)

Автографы:

1. ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1637а. Л. 1–2 – черновой, до слов «Сигизмундом I Польским».

2. РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 9–11 об. – беловой. На л. 9 сверху помета Жуковского: «Получено 24 ноября / 5 декабря».

Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 223–224. Публикация В.С. Киселева.

Печатается по автографу.

Датируется: 1/12 ноября 1832 г.

[1] Великий князь Михаил Николаевич, четвертый и последний сын императора Николая I, родился 13/25 октября. Костя – великий князь Константин Николаевич, второй сын императора, младший брат Александра Николаевича, в дальнейшем с Жуковским его также связывала переписка. Жуковский высказывал беспокойство по поводу болезненного состояния императрицы Александры Федоровны. Известие о рождении великого князя поэт получил из письма А.А. Бехтеева, о чем записал в дневнике 31 октября / 12 ноября 1832 г.: «Известие о родинах императрицы. Обед с Севериным в Trois Couronnes» (ПССиП. Т. 13. С. 338). Свои поздравления поэт принес цесаревичу в письме от 5/17 ноября 1832 г., где в том числе описал праздничное застолье вместе с Д.П. Севериным и Ф.Ц. де Лагарпом (РА. 1883. Кн. 1. № 1. С. XIII–XV).

[2] Иван Павлович Шамбо, личный секретарь императрицы Александры Федоровны в 1814–1848 гг., с 1826 г. обучал наследника немецкому языку. Упоминаемое письмо Жуковского к Шамбо пока не обнаружено.

[3] Великий князь расходится с современным обозначением династической преемственности: здесь речь идет о Василии III Ивановиче и его внешней политике – походах на Казанское ханство в 1508, 1521–1523, 1527 гг. и успешной войне с Великим княжеством Литовским во главе с Сигизмундом I Старым, в результате которой к 1514 г. был взят Смоленск и окрестные города.

[4] См. примеч. 14 к предыдущему письму от 24 сентября / 6 октября 1832 г.

[5] Далее зачеркнуто: «и надежды». Подразумевается стихотворение Жуковского «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича: Послание» («Изображу ль души смятенной чувство?..»), где выражалась надежда на великое будущее новорожденного.

[6] Анна Петровна Зонтаг (урожд. Юшкова), жившая в Крыму детская писательница, племянница Жуковского, его многолетний друг и адресат. С Зонтаг императорская семья была знакома с летнего крымского путешествия 1828 г. С 1828 г. с помощью и при участии поэта она издавала серию книг «Повести для детей». В 1832 г. вышла четвертая книга: Повести и сказки для детей Анны Зонтаг, издательницы повестей для детей первого и второго возрастов. СПб., 1832.

[7] Эпическая поэма Луиша де Камоэнса, крупнейшего представителя португальского Возрождения, «Лузиада» (1556) излагает все героические события португальской истории от заселения страны мифическим Лузом, предком лузиадов-португальцев, до открытия пути в Индию вокруг Африки Васко да Гамой в 1498 г.

[8] 28 октября – 12 ноября 1831 г. Жуковский сопровождал великого князя в поездке в Москву для свидания с императором, который прибыл туда двумя неделями ранее. Визит приурочивался к победе над польским восстанием, и был вызван необходимостью на месте узнать о последствиях эпидемии холеры осени 1830 г. См.: Шильдер Н.К. Император Николай I: Его жизнь и царствование. Кн. 2. СПб., 1903. С. 384–392.

11
(С. 112–114)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 13–14 об.

Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 225–226. Публикация В.С. Киселева.

Печатается по автографу.

Датируется: 3/15 декабря 1832 г.

[1] Письмо Жуковского от 5/17 ноября 1832 г. (РА. 1883. Кн. 1. № 1. С. XIII–XV).

[2] Мария Маргарета Вильдермет (Цецилия Александровна), гувернантка и приближенное лицо императрицы Александры Федоровны, фрейлина. В то время она уже покинула двор и вернулась на родину в Швейцарию. В период пребывания Жуковского в Верне он активно переписывался с бывшей фрейлиной, с которой был знаком с 1817 г., и навещал ее дом в Бомоне. Подробнее см.: Никонова Н.Е., Рудикова Н.А. В.А. Жуковский и Швейцария: о генезисе историософских мотивов поздней прозы романтика // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 20–26.

[3] Жуковский сообщал в письме от 5/17 ноября 1832 г.: «Еще более благодарю Вас за то, что мне пишет об Вас Карл Карлович; он извещает меня, что наш общий ненавистный враг, с которым было так трудно бороться, враг, называемый *ленью*, почти побежден» (РА. 1883. Кн. 1. № 1. С. XIV).

[4] См. примеч. 3 к предыдущему письму. Речь идет о Василии III Ивановиче. В 1509 г., находясь в Великом Новгороде, он приказал собраться при нем псковскому посаднику и прочим представителям города. По прибытии к нему в начале 1510 г. на праздник Крещения Господня псковичи были обвинены в недоверии великому князю и их наместники были казнены. Псковичи были вынуждены просить Василия принять себя в его отчину. Василий приказал отменить вече. На последнем в истории Псковской республики вече было решено не сопротивляться и выполнить требования Василия. 13 января был снят вечевой колокол и отправлен в Новгород.

[5] Подразумеваются шесть недель, прошедшие после рождения великого князя Михаила Николаевича. См. примеч. 1 к предыдущему письму.

[6] Подразумевается день святителя Николая, святого Николая Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских одного из самых почитаемых христианских святых в Русской православной церкви, отмечаемый 6/19 декабря.

12
(С. 114–115)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 19–20.

Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 228–229. Публикация В.С. Киселева.

Печатается по автографу.
Датируется: 6/18 июля 1833 г.

[1] Чувства великого князя к К.К. Мёрдеру хорошо передают его письма, которые он регулярно отправлял своему наставнику в Германию, в частности, первое из них от 15/27 марта 1833 г.: «Я ежедневно молю Всевышнего, чтобы он Вас к нам снова возвратил, но уже не больным, а совершенно здоровым. <…> В свободные часы мне все хочется идти к Вам в комнаты, которые после Вас остались так пусты. <…> После Вашего отъезда я Вас провожал, бесценный друг, вместе с мамá, взорами, столь далеко, как мог, и после этого мы пошли в Вашу комнату, где Вы последнее время жили, и там за Вас вместе молились, и после этой молитвы у меня пробудилась новая надежда Вас видеть здоровым» (РС. 1886. Т. 50. С. 400).

[2] О подготовке и ходе экзаменов Жуковскому сообщали императрица Александра Федоровна и И.М. Виельгорский. Императрица 8/20 февраля 1833 г. говорила: «Сашею очень довольны; он готовится к экзамену перед своим отцом» (пер. с фр.; РА. 1897. № 4. С. 507). В письме от 19 февраля / 2 марта Виельгорский писал: «Что же касается до уроков, я вам скажу новость. У нас скоро будет экзамен при Государе; так было угодно Его Величеству» (Лямина, Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999. С. 126); в начале марта он информировал: «У нас начался экзамен. Вчера экзаменовал Коллинс в тригонометрии, стереометрии и алгебре. Завтра экзамен Варранда, Павского и Семена Алексеевича (Юрьевича. – *В.К.*). В четверг экзамен Липмана, потом Арсеньева, а что дальше будет, то еще не решено. Но подробный отчет о нашем экзамене я пришлю вам по окончании оного» (Там же. С. 127–128).

[3] Письмо Жуковского от 28 марта / 9 апреля 1833 г., где он упрекал великого князя: «От Вас же давно не имею известия, хотя и мог бы уже его иметь. Ваши экзамены должны быть теперь кончены, и я нетерпеливо желаю знать о их результате» (РА. 1883. Кн. 1. № 1. С. XXII).

[4] После пребывания в Берлине К.К. Мёрдер отправился на лечение в Баден, где встретился с Жуковским 13/25 июля 1833 г. (ПССиП. Т. 13. С. 386), о чем на следующий день поэт написал великому князю (РА. 1883. Кн. 1. № 1. С. XXVII).

[5] Здоровье Ф.А. Жилля также пошатнулось, и он отправился на лечение водами в Эмс. Великий князь сообщал об этом К.К. Мёрдеру 8 мая 1833 г.: «Я думаю, что это письмо вас уже застанет в Баден-Бадене, куда г. Жилль намеревается приехать вас навестить» (РС. 1886. Т. 50. С. 407). О том же писала Жуковскому Ю.Ф. Баранова в приписке к письму великой княжны Марии Николаевны от 6/18 мая 1833 г.: «Жиль уезжает» (РА. 1895. Т. 2.

№ 8. С. 427; оригинал на фр.). Свидание Жуковского с Жиллем произошло во Франкфурте 19/29 июля 1833 г. (ПССиП. Т. 13. С. 386).

[6] Александр Александрович Кавелин, генерал от инфантерии, после К.К. Мёрдера, так и не выздоровевшего от своей болезни и умершего в Риме 24 марта 1834 г., до 1841 г. был воспитателем наследника.

[7] 1 июля в Петергофе традиционно широко праздновался день рождения императрицы Александры Федоровны.

[8] Жуковский при письме от 20 января / 1 февраля 1833 г. послал в подарок цесаревичу три своих портрета, написанных Г. Рейтерном: «Я отправил к Вам на сих днях большой пакет писем с подарком на новый год, состоящим из трех моих портретов: эти письма и посылка, возможно, доедут до Вас позднее, нежели мое теперешнее письмо, ибо они почтой отправились во Франкфурт, где будут дожидаться при посольстве нашем, отправляясь с фельдъегерем» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 22). Жуковский предполагал отправить пакет с портретами при письме от 1/13 – 11/23 января 1833 г., однако отозвал его с почты: «Возвратил посылку» (ПССиП. Т. 13. С. 348), испугавшись сообщений о неполучении адресатами его писем.

13*
(С. 115–116)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 21.
Публикуется впервые.
Датируется: 8/20 октября 1840 г.

[1] Письмо Жуковского, датированное 15/27 сентября 1840 г. (РА. 1883. № 3. С. XLIV; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 56), но написанное в реальности 17/29 и отправленное 18/30 сентября (согласно дневниковым записям: ПССиП. Т. 14. С. 223) и содержавшее поздравления с прибытием невесты цесаревича в Петербург и известием о собственной помолвке с Елизаветой фон Рейтерн, состоявшейся 3/15 августа 1840 г.

[2] Шестнадцатилетняя невеста цесаревича великая княжна Мария Александровна, дочь великого герцога Людвига II Гессенского, именовавшаяся до принятия ею православия принцессой Максимилианой Вильгельминой Августой Софией Марией Гессен-Дармштадтской, прибыла в Россию, в Царское Село, вместе с императрицей Александрой Федоровной и великой княжной Ольгой Николаевной 3/15 сентября 1840 г. После короткого отдыха в Царском Селе 8/20 сентября 1840 г. состоялся торжественный въезд невесты в Петербург. Как писала великая княжна Ольга Николаевна: «Мари завоевала сердца всех тех русских, которые могли познакомиться с ней.

Саша <цесаревич> с каждым днем привязывался к ней все больше, чувствуя, что его выбор пал на Богом данную. Их взаимное доверие росло по мере того, как они узнавали друг друга. Папа <Николай I> всегда начинал свои письма к ней словами: „Благословенно Твое Имя, Мария“» (Сон юности: Записки дочери имп. Николая I, вел. кн. Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. URL: http://dugward.ru/ library/ olga_nick.html#003).

[3] В письме от 15/27 сентября 1840 г. Жуковский сообщал: «В конце октября надеюсь иметь счастие увидеть Ваше императорское высочество» (РА. 1883. № 3. С. XLIV).

14*
(С. 116–117)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 23–24.
Публикуется впервые.
Датируется: 14/26 июля 1841 г.

[1] Письмо Жуковского от 12/24 мая 1841 г., хранящееся: РГИА. Ф. 472 (канцелярия императорского двора). Оп. 33. № 70. Письмо пока не извлечено из архива.

[2] После бракосочетания Александр Николаевич и Мария Александровна отправились вместе с императорской семьей в Москву, где пробыли с 14 по 29 мая 1841 г.

[3] 11/23 мая 1841 г. Жуковский был пожалован в Берлине прусским королем Фридрихом Вильгельмом IV рыцарским орденом Красного орла I степени (ПССиП. Т. 14. С. 259).

[4] Свадьба Жуковского и Елизаветы фон Рейтерн состоялась 21 мая / 2 июня 1841 г. в Канштадте (ПССиП. Т. 14. С. 260).

[5] Фрагмент «21 мая – ангелом Мариею» Жуковский процитировал в своем ответном письме от 15/27 июля – 3/15 августа 1841 г. (РА. 1883. № 3. С. XLVI–LII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 58–63). Бракосочетание Александра Николаевича и Марии Александровны состоялось 16/28 апреля 1841 г.

[6] Цесаревич родился в Москве в архиерейском доме при Чудовом монастыре, позднее ставшем Николаевским дворцом.

[7] С 1830-х гг. императрица Александра Федоровна страдала от болезни сердца, сопровождавшейся периодическим лихорадочным состоянием и слабостью.

[8] См. примеч. 5 к письму цесаревича от 2/14 июля 1832 г.

[9] Великую княжну Марию Николаевну.

[10] Великая княжна Мария Павловна, старшая сестра Николая I и тетка цесаревича, великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская.

[11] Командиром 2-й гвардейской пехотной дивизии цесаревич был назначен 3 июня 1841 г. по случаю болезни ее начальника. Командование продлилось до 10 августа, в том числе на время традиционных летних маневров в Красном Селе, начавшихся 15 июля 1841 г. (Формулярный список Его Императорского Высочества Великого князя наследника Всероссийского престола цесаревича Александра Николаевича по 1 января 1853 г. // Столетие Военного министерства. СПб., 1914. [Т. 2]: Имп. Главная квартира. История государевой свиты. [Кн. 4]: Царствования имп. Александра II. Прилож. С. 14).

15*
(С. 117–118)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 25–26.
Публикуется впервые.
Датируется: 7/19 октября 1841 г.

[1] Подразумеваются письма Жуковского от 15/27 июля – 3/15 августа 1841 г. (РА. 1883. № 3. С. XLVI–LII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 58–63) и от 17/29 сентября 1841 г. (РА. 1883. № 3. С. LIII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 64–65), сообщавшие о свадьбе и семейном быте.

[2] Речь идет о письме Жуковского к императрице от 7/19 августа 1841 г., где, в частности, говорилось: «Но для меня необходимо сообщить Вам, всемилостивейшая государыня, продолжение того письма, которое Вам угодно было прочитать в Петербурге; необходимо потому, что оно познакомит Вас с тем добрым созданием, которое Бог теперь соединил со мною. Из него увидите како<го> рода счастие мне теперь в удел досталось (Это письмо получено мною в Берлине; то, что не было читано Вашим величеством, начинается, кажется, с 7 страницы. Осмеливаюсь просить о его мне возвращении). Вместе с этим письмом вверяю и ее, мою добрую жену» (ПЖиГ. Вып. 1. С. 80). Упоминаемое здесь письмо написано Елизаветой фон Рейтерн, в то время еще невестой Жуковского. В настоящее время местопребывание письма неизвестно.

[3] См. примеч. 10 к письму цесаревича от 14/26 июля 1841 г.

[4] Речь идет о рождении Марии Максимилиановны Романовской, второй дочери в семье великой княжны Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского.

[5] Будущий император Николай I родился 25 июня 1796 г. в Царском Селе, в Екатерининском дворце в покоях великой княгини Марии Федоровны.

[6] Далее следует зачеркнутый текст: «и Мария родила в той комнате, в которой государь родился». Шарлотта Карловна Ливен, урожд. фон Поссе, баронесса, статс-дама, воспитательница детей Павла I.

[7] С 12 октября 1840 г. давний друг Жуковского Василий Дмитриевич Олсуфьев исполнял обязанности гофмаршала двора цесаревича. Его тяжелая болезнь пришлась на время пребывания двора в Москве после бракосочетания Александра Николаевича и Марии Александровны в мае 1841 г.

[8] В 1841 г. для расследования дела о тайном революционном обществе, якобы возникшем в Западном крае после казни Шимона Конарского, в Вильне была создана особая следственная комиссия под руководством флигель-адъютанта В.И. Назимова. Тот пришел к выводу, что это дело не имеет под собой реальной почвы и основано на сомнительных данных. Тогдашний виленский генерал-губернатор Ф.Я. Миркович, по наветам окружавших его лиц, просил отозвать Назимова и разбор дела поручить другому. Назимов был оставлен лишь членом комиссии, а председателем ее назначен был А.А. Кавелин, бывший воспитатель цесаревича (см. примеч. 6 к письму цесаревича от 6/18 июля 1833 г.), который вполне подтвердил вывод Назимова.

[9] В письме от 15/27 июля – 3/15 августа 1841 г. Жуковский спрашивал цесаревича: «Здесь прилагаю письмо ко мне от Шадова, директора здешней академии, которому Вы при Вашем проезде через Дюссельдорф заказали картину. Он желает переменить сюжет ее; показывал мне рисунок, и я нахожу, что последний сюжет лучше первого. Позволите ли это сделать?» (РА. 1883. № 3. С. LII). Фридрих Вильгельм фон Шадов, художник-назареец, был с 1826 г. директором Дюссельдорфской академии художеств и главой Дюссельдорфской художественной школы. В марте 1839 г. он участвовал в выставке, организованной немецкими художниками в честь великого князя, удостоился подарка в виде бриллиантового кольца и заказа на картину.

[10] Подразумевается «Медный змий», гигантская по размерам картина русского художника итальянского происхождения Федора (Фиделио) Бруни, оконченная в 1841 г. Ныне является частью собрания Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге. В качестве сюжета для картины Бруни использовал историю, описанную в Ветхом Завете, – о том, как после многих лет странствий по каменистой пустыне иудейский народ, ведомый из Египта пророком Моисеем, стал терять веру и роптать, в результате чего последовало Божье наказание – дождь из ядовитых змей, для спасения от смертельных укусов которых был выставлен медный змий. Бруни работал над этим полотном около пятнадцати лет с 1827 по 1841 г. В 1833–1836 гг. он работал в Италии, затем был отозван в Петербург для преподавания в

Академии художеств, а в 1838 г. опять вернулся в Рим, где и завершил работу над картиной. Сначала полотно с успехом экспонировалось в Риме, летом 1841 г. оно было отправлено в Россию, было выставлено в Зимнем дворце, а через некоторое время перенесено в Академию художеств.

[11] В Гатчине императорская семья пробыла с 16 по 23 октября 1841 г. 19 октября в церкви Гатчинского дворца состоялась литургия, в хоре которой пели император, цесаревич, великие князья и княжны, фрейлины и придворные (Рождественский С.В. Столетие города Гатчины. Гатчина, 1896. С. 131). О публичном спектакле, подобном устроенному в Гатчине в октябре 1840 г., камер-фурьерские журналы не сообщают, вероятно, этот замысел не реализовался.

16*
(С. 118–119)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 27–27 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 15/27 января 1842 г.

[1] Письмо от 23 декабря 1841 г./4 января 1842 г. (РА. 1883. № 3. С. LIV–LVI; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 66–69), содержавшее поздравления с Новым годом, описание семейной жизни и тревоги о будущем ребенке, а также просьбу о поддержке художника А.А. Иванова.

[2] Жуковский в канун Рождества обычно уверял своих воспитанников, что нынче елки не будет, чтобы на следующий день они сильнее почувствовали радость от праздника, подарков и поздравлений. См. также письмо цесаревича от 28 декабря 1850 г./9 января 1851 г.

[3] Подразумевается ожидание рождения детей – Александры Васильевны (р. 30 октября/11 ноября 1842 г.) и Александры Александровны (р. 18/30 августа 1842 г.).

17*
(С. 119)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 29.
Публикуется впервые.
Датируется: 29 января / 9 февраля 1842 г.

[1] В письме от 5/17 января 1842 г. Жуковский просил: «Вчера получил я письмо из Петербурга, которое меня весьма опечалило. Вдова Врангеля

уведомила меня о смерти мужа: это истинная потеря не только для оставшегося семейства, но и для отечества. Врангель, добрый, скромный человек чистейшей нравственности, был богат сведениями по своей части и постоянно усерден в исполнении своих обязанностей. Ваше высочество имели возможность оценить свойства этого редкого человека. Могу засвидетельствовать Вам, что он, имея счастие исправлять при Вас должность учителя правоведения, был лично к Вам привязан всем сердцем и часто трогал меня выражением этой привязанности. Теперь его нет! На нем лежало благоденствие большого семейства, и он же был подпорою отца, который в глубочайшей старости (ему теперь между 80 и 90 годами, если только он не умер в нынешнем году) имел несчастие положить в гроб сына, обещавшего еще долгую жизнь. Врангелю, при отставке его в звании Вашего учителя, была определена, кажется, половина его жалованья в пенсион; но этот пенсион, как меня уведомляет вдова, не будет сохранен ей; она получила 5 000 единовременно. Она просит о сохранении ей если не всего, то хотя половины этого пенсиона, и я от себя прошу о том же Ваше высочество: будьте добрым ангелом целого семейства, будьте благотворителем памяти доброго человека, который, конечно, умирая, думал о Вас и мысленно вверял Вам судьбу покидаемой им вдовы и сирот своих, теперь осужденных терпеть недостаток» (РА. 1883. № 4. С. LVII–LVIII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 71–71 об.). Егор (Георг-Густав) Васильевич Врангель, профессор правоведения, преподавал в Казанском и Санкт-Петербургском университете, служил в Комиссии по составлению законов. Преподавал правоведение цесаревичу с 23 января 1828 г. Умер 15 июня 1841 г.

18*
(С. 120–121)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 33–34.
Публикуется впервые.
Датируется: 27 апреля/8 мая 1842 г.

[1] Письма от 4/16 апреля (РА. 1883. № 4. С. LX–LXI; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 74–75 об.) и от 17/29 апреля (РА. 1883. № 4. С. LXII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 76–77) 1842 г., содержавшие пасхальные поздравления и пожелания семейного счастья.

[2] Письмо от марта 1842 г. (С 7. Т. 6. С. 338–341) с подробным описанием дома в Дюссельдорфе, семейной жизни и повседневных занятий.

[3] Григорий Иванович Вилламов, статс-секретарь императрицы Марии Федоровны, а затем императрицы Александры Федоровны, литератор, хороший знакомый Жуковского, умер 7/19 февраля 1842 г.

[4] Граф Карл Федорович Толь, генерал, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, русско-турецкой кампании 1829 г., корреспондент А.С. Пушкина, умер 23 апреля / 5 мая 1842 г.

19*
(С. 121–122)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 35–36 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 10/22 августа 1842 г.

[1] Письма от 18/30 мая (РА. 1883. № 4. С. LXIII–LXIV; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 78–79 об.), 12/24 июня (Там же. С. LXIV–LXVI: автограф: Там же. Л. 80–81 об.) и 22 июня / 4 июля (Там же. С. LXVI–LXVII; автограф: Там же. Л. 82–83) 1842 г. с рекомендацией А. фон Рейтерна, поздравлениями к 25-летию бракосочетания императорской четы и сообщением о высылаемой в подарок картине Г. фон Рейтерна «Георгий Победоносец».

[2] Верноподданническое поздравление от 22 июня / 4 июля 1842 г. (РА. 1883. № 4. С. LXVII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 84–84 об.) с юбилеем семейной жизни.

[3] Стихотворение «1-ое июля 1842» (ПССиП. Т. 2. С. 327–333), приложенное к письму цесаревичу от 22 июня / 4 июля 1842 г., где Жуковский писал: «В письме моем к государю императору я упомянул о своих стихах, которые Ваше высочество получите при сем письме; если найдете, что их переписывать не нужно, то прошу вас благоволить их представить его величеству в моем списке; другого сделать не успел: спешу на почту, чтобы это письмо, как я полагаю, поспело ровно в самый день праздника» (РА. 1883. № 4. С. LXVI). Автограф стихов, переданных для напечатания в «Современник», сохранился в архиве П.А. Плетнёва: РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. № 36. Л. 2–7, с подписью: «Жуковский» и датой: «Дюссельдорф. 1842 июня 22 – июля 4». В верноподданническом письме от 22 июня / 4 июля 1842 г. Жуковский комментировал свой замысел: «В моих стихах я хотел выразить и наше прошедшее с его бедами и славою, и наше настоящее с его могуществом и наставшим твердым покоем» (РА. 1883. № 4. С. LXVII).

[4] О картине Г. фон Рейтерна Жуковский писал цесаревичу 12/24 июня 1842 г.: «Я пишу к Вашему высочеству через Любек с пароходом, ибо при сем письме есть посылка: картина, приношение моего Рейтерна государю с государынею по случаю торжества их серебряной свадьбы. Прошу вас милостиво взять эту картину под Ваше покровительство. Я потому и взял смелость послать ее на Ваше имя, что Вам будет легко ее представить их вели-

чествам в надлежащее время. Таким образом труд нашего безрукого Апеллеса, предпринятый и оконченный с любовию, не останется втуне. Взгляните на его картину. Вы увидите, что по искусству живописи она может быть названа совершенною. Содержание ясно: Георгий Победоносец, покровитель России, приносит царю и царице свое поздравление; чего он им желает, то выражено в надписи. Необходимо нужно, чтобы картина, когда она будет представлена, стояла так, чтобы *свет падал с правой стороны зрителя*. Надобно также, чтобы ее и принадлежащую к ней раму вынули из ящика осторожно и чтобы то, что могло испортиться от дороги, было заранее исправлено. <…> Она прибудет, вероятно, за несколько дней до праздника; но прошу Вас ее никому не показывать до этого срока; желал бы только, чтобы Вы сказали о ней наперед его величеству королю прусскому <…> он, будучи весьма милостиво расположен к Рейтерну, конечно, примет участие в судьбе его картины; а эта судьба состоит единственно в том, чтоб государь и государыня милостиво приняли с нею выражения того чувства глубокой любви и благодарности, которое водило кистию и левою рукою живописца» (РА. 1883. № 4. С. LXIV–LXV).

[5] Вероятно, это пока не выявленное письмо Г. фон Рейтерна сопровождало картину.

[6] Рекомендацию Александру фон Рейтерну Жуковский дал в письме цесаревичу от 18/30 мая 1842 г.: «Я отложил отвечать на последнее любезное и милостивое письмо Вашего высочества для того, чтобы вверить ответ мой шурину моему, Александру Рейтерну, который отправляется в Петербург на службу царю и которого, с надеждою на Вашу милость и любовь, предаю в Ваше высокое покровительство. Государь император оказал уже величайшее благотворение Александру Рейтерну, соизволив повелеть включить его в корпус дворянского полка» (РА. 1883. № 4. С. LXIII). См. подробнее об истории ходатайств Жуковского за молодого Рейтерна в ст.: Киселев В.С. В.А. Жуковский в судьбе Александра Рейтерна (по материалам писем 1840-х гг. к великому князю Александру Николаевичу) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 21–29.

[7] Жуковский просил цесаревича 22 июня / 4 июля 1842 г.: «Если вы захотите напечатать стихи, то нужно с ними вылитографировать контур Рейтерновой картины: без этого контура стихи будут непонятны» (РА. 1883. № 4. С. LXVI).

[8] В том же письме Жуковский сообщал радостную для себя новость о получении 31 мая 1842 г. ордена: «Еще одна просьба, которую прошу Ваше высочество поскорее разрешить. Его величество король прусский оказал мне неожиданно самый лестный и для меня несказанно трогательный знак своего благоволения: он пожаловал мне орден Pour le Mérite, поставив меня в число весьма немногих, им избранных, ученых и литераторов. Зная себе

цену, вижу в этом только его милость, которую ценю высоко; ибо люблю его от глубины сердца и в душе восхищаюсь им как человеком чистейшим и как государем, достойным удивления и доверенности всемерной. Насчет же заслуги своей не ослепляюсь. Но этот орден меня несказанно обрадовал. Испросите у государя императора мне высочайшее позволение принять его и носить как следует. К его величеству королю я писал, но думаю, что уже письмо мое не застанет его в Берлине. Вы сделаете мне большую милость, если поблагодарите его величество за меня от себя, ибо мне этот орден и за Вас достался, что еще более ему придает в глазах моих цены» (РА. 1883. № 4. С. LXVII). Прусский орден Pour le Mérite (Pour le Mérite für Wissenschaften und Künste; За заслуги в науке и искусстве) даровался за достижения в искусствах и науках.

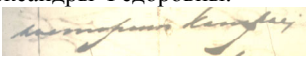
[9] Цесаревич вступил в управление в качестве канцлера Александровским университетом в Финляндии еще 16 января 1841 г. Его инспекционное пребывание в Свеаборге, в Гельсингфорсе с участием в заседании университета и в Фридрихсгаме продлилось с 14/26 по 19/31 мая 1842 г. (Формулярный список Его Императорского Высочества Великого князя наследника Всероссийского престола цесаревича Александра Николаевича по 1 января 1853 г. // Столетие Военного министерства. СПб., 1914. [Т. 2]: Имп. Главная квартира. История государевой свиты. [Кн. 4]: Царствования имп. Александра II. Прилож. С. 15).

[10] Традиционные летние маневры в Красном Селе, где цесаревич командовал, как и в 1841 г., 2-й гвардейской пехотной дивизией.

[11] Принц Фридрих Карл Александр Прусский и король Фридрих-Вильгельм IV прибыли в Петербург на празднование 25-летия бракосочетания своей сестры императрицы Александры Федоровны.

[12] 25 июня 1817 г. совершилось обручение великой княгини Александры Федоровны и великого князя Николая Павловича, будущих императрицы и императора.

[13] 1 июля императорская семья традиционно праздновала день рождения Александры Федоровны.

[14]  Прочтение слова предположительное. О маневрах см.: Формулярный список Его Императорского Высочества Великого князя наследника Всероссийского престола цесаревича Александра Николаевича по 1 января 1853 г. // Столетие Военного министерства. СПб., 1914. [Т. 2]: Имп. Главная квартира. История государевой свиты. [Кн. 4]: Царствования имп. Александра II. Прилож. С. 14).

[15] Подразумевается ожидание рождения дочери Александры Александровны (р. 18/30 августа 1842 г.).

20*
(С. 123)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 37.
Публикуется впервые.
Датируется: 19/31 августа 1842 г.

[1] См. примеч. 15 к письму от 10/22 августа 1842 г.

[2] В дневнике от 17 апреля 1818 г. в день рождения цесаревича Жуковский записал: «Один из прекраснейших дней. Рождение вел<икого> кн<язя>. Прелестное утро. Чувства веселые, ясные, живые, без примеси. Радость истинная. Конец беспокойству. Черты истинной высокости в характере матери: это великое счастье» (ПССиП. Т. 13. С. 129). Этому событию поэт посвятил послание «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича» (Там же. Т. 2. С. 93–98).

[3] Письмо от 3/15 августа 1842 г. (РА. 1883. № 4. С. LXVIII–LXIX; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 85–86 об.) с просьбами сообщить о рождении ребенка, о прошедшем 25-летии бракосочетания императорской четы и просьбой за заболевшего Александра фон Рейтерна.

21*
(С. 123–124)

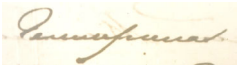
Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 39–39 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 22 сентября / 4 октября 1842 г.

[1] Письма от 31 августа / 12 сентября (РА. 1883. № 4. С. LXX–LXXI; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 87–88 об.) и 2/14 сентября (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 89–90 об.) 1842 г., содержавшие поздравления с рождением дочери цесаревича и просьбу проследить за здоровьем Александра фон Рейтерна.

[2] Дочери цесаревича Александры Александровны.

[3] В этом неопубликованном письме от 2/14 сентября 1842 г. Жуковский просил: «И вот в чем состоит теперь моя просьба к Вашему высочеству. Рейтерн будет добрым солдатом; он здоровья крепкого, ничем не испорченного; он полон рвения. Но болезнь была жестокая; если она *не совершенно* излечится, то на первых порах все его будущее погублено будет; если же он, вступив теперь в службу, не получит подобной возможности совершенно оправиться. Но в этом случае я боюсь за него его собственной ревности:

надев мундир юнкера, он будет кипеть нетерпением приняться за дело и невозвратно себе повредит на утре жизни, если примется за это дело слишком рано. Прошу Вас сохранить его от этого несчастия: ручаюсь Вам, что он будет Вам стойким слугою и делом и словом и мыслью, какого лучше Вам желать не надобно. Устройте, прошу Вас, так чтобы *до своего полного исцеления* он остался *на том положении* в каком теперь находится, то есть у своих родных и на руках Арнта; особенно чтобы *его не требовали в полк*; если теперь, когда он еще почти калека, его туда потребуют, то, конечно, он не даст себе порядком вылечиться, не выдержит, как должно и может повредить себя навечно: тогда ему самому будет погибель, а служба от того не выиграет; прошу Вас убедительно принять это к сердцу; *призовите Арнта и дайте Ваше могучее приказание в полк, чтобы Рейтерн не был тревожим с службы до Вашего собственного на то разрешения*; это будет от Вас великая милость и мне; а для себя сохраните Вы славного солдата» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 89 об.–90).

[4]  Прочтение фамилии предположительное.

[5] Николай Федорович Арендт, петербургский доктор медицины и хирургии, лейб-медик при дворе Николая I, с которым Жуковский часто советовался (см.: ПССиП. Т. 14. Указатель имен). В архиве Жуковского сохранилось письмо Н.Ф. Арендта от 15 августа 1842 г. с рассказом о болезни молодого Рейтерна (РО ИРЛИ. № 27912. Л. 3–4).

[6] Командиром Дворянского полка в 1842 г. был генерал-лейтенант Николай Николаевич Пущин.

[7] В письме от 2/14 сентября 1842 г. Жуковский сообщал: «Вам на Вашем месте нужно знать тех людей, кои могут быть к Вам близки. Я позволяю себе приложить одно последнее письмо, писанное Рейтерном к отцу; прошу Вас убедительно не полениться его прочитать: этого одного письма довольно, чтобы *Вас вполне познакомить* с энергическим характером этого молодого человека и дать Вам понятие о том, что он может быть после. Письмо это я посылаю, *не спросясь с отцом*, который, конечно, на то бы не согласился; и прошу Ваше высочество его мне возвратить. Но *прочтите* его, ибо, о том повторяю, Вам надобно знать людей, которые должны принадлежать Вам» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 90 об.).

[8] В письме от 31 августа / 12 сентября 1842 г. Жуковский спрашивал: «Если родится у меня сын, то захотите ли Вы быть его крестным отцом? Прошу Вас отвечать мне на этот вопрос немедленно, ибо мне не хочется отлагать крестин, и я желал бы знать теперь же ответ Ваш. Уверен, что не получу отказа» (РА. 1883. № 4. С. LXXI).

22*
(С. 124–125)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 41–41 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 24 ноября / 6 декабря 1842 г.

[1] О рождении дочери Александры Жуковский сообщал цесаревичу в письме от 7/19 ноября 1842 г. (РА. 1883. № 4. С. LXXI–LXXII; автограф: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 91–92).

[2] Письмо императрицы Александры Федоровны от 21 ноября / 3 декабря 1842 г. (РА. 1897. № 4. С. 510; автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 44).

23*
(С. 125–126)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 31–32. С опиской в указании года.
Публикуется впервые.
Датируется: 30 января / 11 февраля 1843 г.

[1] Письмо от 1/13 января 1843 г. (РА. 1883. № 4. С. LXXIII–LXXVIII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 93–96 об.) с подробным описанием жизни в Дюссельдорфе, планов на будущее и творческих замыслов.

[2] Письмо от декабря 1843 г. (РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (99/936). № 65. Л. 1), содержавшее просьбу помочь наследникам художника К.Д. Фридриха, давнего знакомого Жуковского. См. об истории их отношений: Einem H.V. Wassilij Andrejewitsch Joukowski und Caspar David Friedrich // Das Werk des Künstlers. 1939. H. 1. S. 169–184; Дмитриева А. К.Д. Фридрих и В.А. Жуковский. Из истории русско-немецких культурных связей // Панорама искусств. М., 1987. Вып. 10. С. 328–343. В деле РГИА находится копия с распоряжения императора Николая I следующего содержания: «Высочайше повеляваю препроводить сии бумаги в Дрезден к нашему посланнику г-ну Шрёдеру с тем, чтобы удостоверился о состоянии просителя, и если точно в самом бедном положении находится, то сделать бы ему по своему усмотрению пособие на счет Кабинета. Его величество изволил купить у живописца Фридриха две картины, но не помнит, чтобы обещал что-либо сему живописцу в его нуждах» (л. 4), а также переписка посланника и министра двора и уделов П.М. Волконского о выдаче вдове Фридриха единовременного пособия (л. 5–11).

[3] Перед этим следует зачеркнутый текст: «на письмо же».

[4] В письме от 4/16 января 1843 г. Жуковский предлагал цесаревичу: «Спешу сообщить Вашему императорскому высочеству письмо, полученное мною от нашего итальянского спутника Лауница. Из него вы усмотрите, что касса Вашего высочества должна ему 225 рублей серебром за пересылку гипсов, которые Ваше высочество должны были уже давно получить из Италии. Прошу Вас дать кому следует приказание о уплате этих денег. К этому прибавлю от себя: я бы желал и было бы весьма справедливо, прилично и любезно с Вашей стороны, если бы Вы оказали какой-нибудь знак Вашего милостивого внимания доброму и почтенному Лауницу. В этом деле он работал con amore: множество гипсов пришло к нему в кусках, и ему стоило величайшего труда, чтобы все разбитое склеить и уложить снова. Не знаю, в каком виде дошли эти гипсы в Петербург и что с ними сделано. Они были бы от Вашего высочества прекрасным подарком Академии наук, ибо выбраны с умом, слеплены с оригиналов, и других экземпляров их до сих пор не было в Европе. Лауниц взял со всех них формы. Вы меня весьма обяжете лично, если окажете особенное внимание Лауницу, который это заслуживает и как артист, ученик Торвальдсена, теперь уже знаменитый в Европе, и как человек, Вам душевно преданный и употребивший все усердие на исполнение дела, ему Вашим высочеством порученного» (РА. 1883. № 4. С. LXXVIII–LXXIX; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 97–97 об.). Николай Карл Эдуард фон Лауниц, немецкий скульптор, ученик Торвальдсена, в 1838–1839 гг. сопровождал в Италии великого князя и выполнял его поручения, см.: ПССиП. Т. 14. Указатель имен.

[5] В том же письме Жуковский напоминал цесаревичу: «Ваше высочество, помните наше путешествие водою в Армянскую академию св. Лазаря в Венеции. Тогда Вы приняли посвящение армянско-русской грамматики. Эта грамматика напечатана, и мне доставлен сюда экземпляр ее для доставления Вашему высочеству с письмом на мое имя, давным-давно написанным. Имею честь представить Вашему высочеству и то и другое, прося Вас приказать отвечать аббату Св. Лазарской Академии. Само по себе разумеется, что автор грамматики заслуживает награждения за полезный труд свой» (РА. 1883. № 4. С. LXXIX). О посещении академии Жуковский оставил запись в дневнике от 21 ноября / 3 декабря 1838 г.: «С великим князем в Армянский монастырь. Школа. Типография. Церковь. Евангелие. Часы 8-го века. Русская грамматика. Русская история Гахвозова. Отец Паскали учитель Бейрона; место, где Бейрон учился по-армянски, и другое, где часто сидел и сочинял. Физический кабинет» (Там же. С. 137).

[6] В письме от 1/13 января 1843 г. Жуковский сообщал о Г. фон Рейтерне: «С прошлого лета, то есть с окончания его картины Георгия, он в беспрестанной борьбе с разными болезнями, которые не дают ему приниматься

за кисть. Однажды чуть не отправился на тот свет: пуля на излете попала ему в лоб, и он был бы убит на месте, когда бы направление пули было хоть немного прямее. Кто выстрелил, неизвестно» (РА. 1883. № 4. С. LXXVIII). В следующем письме к цесаревичу от 5/17 апреля 1843 г. Жуковский продолжал: «Мы никаких подробностей не знаем: прилетела пуля и стукнула его в лоб; но это было только для того, чтобы напомнить, что опасностей вокруг нас много и что Бог бережет от них. Кто выстрелил, неизвестно; но убийства ввиду не было. Здесь беспрестанно по улицам стреляют; полиция смотрит на это сквозь пальцы. Какой-нибудь сумасшедший хотел застрелить в саду своем голубя пулею, не подумав, что эта пуля может перелететь через забор и попасть в человека. Таких случаев было уже здесь довольно» (Там же. № 4. С. LXXXI).

24*
(С. 126–127)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 43–44 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 14/26 мая 1843 г.

[1] Письмо от 5/17 апреля 1843 г. (РА. 1883. № 4. С. LXXIX–LXXXI; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 98–99 об.) с поздравлением цесаревича с днем рождения и Пасхой.

[2] 17 апреля 1843 г. цесаревич был «высочайшим приказом назначен генерал-адъютантом к Его Императорскому Величеству» (Формулярный список Его Императорского Высочества Великого князя наследника Всероссийского престола цесаревича Александра Николаевича по 1 января 1853 г. // Столетие Военного министерства. СПб., 1914. [Т. 2]: Имп. Главная квартира. История государевой свиты. [Кн. 4]: Царствования имп. Александра II. Прилож. С. 7).

[3] Дочь Александра Александровна.

[4] Речь идет о беременности великой княгини Марии Александровны сыном Николаем.

[5] В письме от 5/17 апреля 1843 г. Жуковский спрашивал: «Здесь сказали было, что государыня великая княгиня должна быть весною в Дармштате; теперь другие слухи: говорят, что получено от ее высочества письмо, в котором она извещает, что *особенная причина* препятствует ее путешествию. Справедливы ли эти слухи? В самом ли деле существует эта особенная причина? Сердце радуется за Вас. Благослови Вас Бог и исполни Ваше желание всем нам на радость! Вы мне окажете большую милость, если напишете мне

что-нибудь об этом столь важном для меня предмете» (РА. 1883. № 4. С. LXXIX). Путешествие цесаревича с женой в Германию началось 9 ноября и закончилось 30 декабря 1843 г.

[6] Великая княжна Ольга Николаевна.

[7] Великий князь Константин Николаевич в мае – июне 1843 г. проходил практику на люгере «Ораниенбаум» в Финском заливе.

[8] В письме от 5/17 апреля 1843 г. Жуковский спрашивал позволения цесаревича: «Живописец Штильке, который пишет для Вашего высочества Иоанну д'Арк, почти кончил свою работу: картина прекрасная, она будет готова в мае. Позволите ли ее выставить в Кёльне и Франкфурте? Это продержит ее еще здесь весь июнь месяц, может быть, до половины июля; в начале августа она может быть в Петербурге. Благоволите мне прислать Ваше *да* или *нет*, чтобы я мог сообщить то или другое Убрилю, которому поручено заплатить живописцу за его работу» (Там же. С. LXXXI). Герман Антон Штильке, немецкий художник, с которым Жуковский регулярно общался в Германии, см.: ПССиП. Т. 14. Указатель имен. Петр Яковлевич Убри (Убриль), действительный статский советник, дипломат, российский посланник во Франкфурте.

25*
(С. 128)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 45.

Публикуется впервые.

Датируется: 8/20 сентября 1843 г.

[1] Сын Николай Александрович родился в Царском Селе 8/20 сентября 1843 г.

[2] Сестры цесаревича великой княжны Марии Николаевны.

[3] За этот период Жуковский послал цесаревичу три письма, здесь, вероятно, имеется в виду первое из них от 15/27 июня 1843 г. (Там же. С. LXXXI–LXXXII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 100–101 об.).

[4] Путешествие цесаревича с женой в Германию началось 9 ноября и закончилось 30 декабря 1843 г. В Франкфурт-на-Майне цесаревич приехал 6 декабря, 9 декабря переехал в Дармштадт и пробыл там до 22 декабря, см. записи Жуковского в своем дневнике: ПССиП. Т. 14. С. 276–277.

26*
(С. 128–129)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 49–50.
Публикуется впервые.
Датируется: 17/29 января 1844 г.

[1] Письма от 17/29 декабря 1843 г. (РА. 1883. № 4. С. XC–XCIV; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 112–115) и от 1/13 января 1844 г. (РА. 1883. № 4. С. XCIV–XCV; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 116–117), первое с изложением причин, по которым Жуковский желал бы остаться в Германии еще на несколько лет, второе с новогодними поздравлениями.

[2] В.Д. Олсуфьев писал Жуковскому 21 декабря 1843 г. / 2 января 1844 г.: «Сейчас проводили мы нашего доброго великого князя. Он отправился в Петербург с обещанием возвратиться к 1-у марта. Письмо твое, любезный друг Жуковский, я имел счастие ему вручить и получил сего дня перед отъездом приказание сообщить тебе, что его высочество благодарит за писание, постарается сделать то, о чем ты ему пишешь, сам же не отвечает тебе за недосугом. И действительно, последние два дня ему было некогда чем-либо заняться» (Российский Архив: Альманах. М., 2010. С. 314).

[3] В письме от 17/29 декабря 1843 г. Жуковский просил довести его просьбу до императора: «Я не имел времени и не умел объясниться с государем при свидании моем в Берлине с его величеством. Вера в его ко мне благоволение есть мое драгоценнейшее благо; малейшее сомнение о утрате его милости может испортить для меня спокойствие моей светлой семейной жизни. Прошу Вас избавить меня от этого жестокого сомнения, которое готово, как меч Дамоклесов, повиснуть на тонком волоске над головою моею. Я с Вами объяснился уже на словах, теперь на письме; желал бы, чтоб это мое объяснение было, как оно есть, доведено Вами до моего милостивейшего благотворителя» (РА. 1883. № 4. С. XCIV).

[4] В том же письме Жуковский спрашивал: «Благоволите предуведомить меня, когда соберетесь опять в Дармштадт, дабы я мог согласить переселение мое во Франкфурт с Вашим маршрутом» (РА. 1883. № 4. С. XCIV). См. также примеч. 2 к комментируемому письму.

[5] 16/28 января 1844 г. великая княжна Александра Николаевна вышла замуж за Фридриха Вильгельма, принца Гессен-Кассельского.

[6] Этим планам помешал вскоре после свадьбы обнаруженный у Александры Николаевны туберкулез. Румпенгейм – фамильный замок Гессенов близ Франкфурта-на-Майне.

[7] 19/31 января 1844 г. состоялась свадьба великой княжны Елизаветы Михайловны, дочери великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны, с герцогом Нассауским Адольфом.

[8] Новобрачные планировали отправиться в Висбаден, столицу герцогства Нассау, расположенный недалеко от Франкфурта-на-Майне.

27*
(С. 129–130)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 51.
Публикуется впервые.
Датируется: 5/17 апреля 1844 г.

[1] Великий князь пробыл в Великом герцогстве Гессен со 2 марта по 17 апреля 1844 г. (Формулярный список Его Императорского Высочества Великого князя наследника Всероссийского престола цесаревича Александра Николаевича по 1 января 1853 г. // Столетие Военного министерства. СПб., 1914. [Т. 2]: Имп. Главная квартира. История государевой свиты. [Кн. 4]: Царствования имп. Александра II. Прилож. С. 15).

[2] Письмо от 1/13 апреля 1844 г. (РА. 1883. № 4. С. XCVII–XCVIII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 119–120 об.) с благодарностью за посещение великим князем дома Жуковского в Дюссельдорфе 31 марта / 11 апреля 1844 г. и оказанную милость.

[3] Дочерью Александрой.

28*
(С. 130–131)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 53–54.
Публикуется впервые.
Датируется: 18/30 сентября 1844 г.

[1] Письма от 14/26 августа (РА. 1883. № 4. С. CI–CII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 123–124 об.) и 30 августа / 11 сентября (РА. 1883. № 4. С. CIII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 125) 1844 г. с соболезнованиями о смерти великой княжны Александры Николаевны.

[2] Великая княжна Александра Николаевна, тяжело болевшая туберкулезом, умерла после родов 29 июля / 10 августа 1844 г.

[3] В письме от 14/26 августа 1844 г. Жуковский просил: «За посвящение ей моей поэмы «Наль и Дамаянти» я хотел просить ее прислать мне маленькую копию акварелью, сделанную Гау с ее портрета. Теперь мне чрезвычайно грустно, что я этого сделать не успел. Не можете ли, Ваше высочество, дать мне эту копию?» (РА. 1883. № 4. С. CII). Подразумевается копия с картины Владимира Ивановича Гау «Портрет великой княжны Александры Николаевны» (1840).

[4] Занятия Жуковского с великим князем начались летом 1824 г. Комнаты цесаревича в Большом Гатчинском дворце располагались в среднем этаже Арсенального каре окнами на плац.

29*
(С. 131–132)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 55–56 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 17/29 декабря 1844 г.

[1] Недатированное письмо от начала декабря 1844 г. (Там же. С. CVI–CVII с большими сокращениями; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 130–132 об.).

[2] В данном письме Жуковский просил: «Если будет у меня опять дочь, то я желал бы просить государыню императрицу быть ее восприемницею; но на этот счет нахожусь в большом затруднении. Перед рождением моей Саши я просил этой милости у ее величества и не получил на письмо мое *никакого ответа* и, не смея без ее соизволения назвать ее крестною матерью моей дочери, удовольствовался только тем, что дал ей имя Александры, мне несказанно милое. Теперь я в великом недоумении: если государыня *не отвечала* на письмо мое, получив его, то мне никак не должно повторять просьбы, на которую не дано мне было согласия. Если же я не получил *ответа* на письмо мое только потому, что оно *не дошло до ее величества*, то, не написав к ней теперь, сам произвольно лишу себя того счастия, которое иметь мне так дорого. Не можете ли, Ваше высочество, вывести меня из этого затруднительного положения? Не можете ли Вы быть моим ходатаем перед государынею императрицею? Вы объясните ей, *почему* я сам лично не могу позволить себе обеспокоить ее величество письмом моим» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 130–130 об.).

[3] В том же письме Жуковский просил позволения: «Недели через три или четыре будет у меня или сын, или дочь. Если будет *сын*, то могу ли надеяться, что Вы благоволите быть его крестным отцом? Отвечайте на это просто *да* или просто только две строки напишите: Вам много писать неко-

гда» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 130). Сын Павел родился 1/13 января 1845 г.

[4] О присылке своего портрета Жуковский сообщал в письме от 11/23 октября 1844 г.: «На сих днях отправится (а может быть, уже отправился) к Вашему высочеству ящик с двумя портретами. Один портрет отца – желали иметь Вы сами; а другой, портрет дочери – есть приношение от самого отца великой княгине; это самый тот, который так понравился ее высочеству в Дармштадте. Поручаю оригинал этого портрета Вашей любви и Вашему покровительству. Он, по обыкновенному порядку вещей, долго должен остаться на сем свете после того, как оригинал другого портрета уйдет из света. Живой этот последний был свидетелем веселых дней Вашей жизни, дней младенчества непорочного и юношества прекрасного. Мертвый пусть будет он немым свидетелем доброй жизни, достойной Вашего высокого звания» (РА. 1883. № 4. С. CV). Подразумевается портрет Ф.Ф. Гильдебрандта 1844 г., где Жуковский изображен с записной книжкой в опущенной руке.

[5] Вероятно, подразумевается портрет дочери, написанный самим Жуковским.

[6] В письме от начала декабря 1844 г. Жуковский передавал впечатления А. Рейтерна от его октябрьской встречи с цесаревичем: «На сих днях получили мы письмо от Александра Рейтерна, Вашего кирасира. Это гимн молодой души, кипящей благодарностию и энтузиазмом. Вы его к себе призывали и говорили с ним. Вижу Вас отсюда с благородною Вашею осанкою и с простосердечием благоволения. А что произвели Ваши немногие слова (и поклон, посланный сестре) и после уведомление, при встрече на дороге, что есть от меня к Вам письмо, то живо трепещет в письме сына к отцу, письме, читанном в кругу семейства с благословениями цареву наследнику, который так умеет притягивать к себе души своею прекрасною душою» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 132). В конце декабря 1844 г. А. Рейтерн был произведен в офицеры лейб-кирасирского полка, шефом которого являлся наследник престола.

[7] Подразумевается смерть великой княжны Александры Николаевны.

[8] В неопубликованном письме от 11/23 декабря 1844 г. Жуковский просил цесаревича: «Целую от всего сердца Вашу милую руку за Рейтерна. В то же время беру смелость откровенно поговорить с Вами о его обстоятельствах и предать его будущую судьбу на произвол Вашего благоволения. Вашему высочеству известно состояние отца его; одинокий с таким состоянием мог бы жить вполне *безбедно*; отец семейства с тремя дочерьми и четырьмя сыновьями, из которых один на службе, а другие учатся и подрастают, весьма часто должен решать, что бы он сделал, чтобы дать себе и семье *необходимое*, и бывает принужден во многом и весьма нужном себе

отказывать. Что же когда при таких обстоятельствах наступит необходимость записывать и снаряжать сына в службу и поддерживать его на службе так, чтобы ему не было стыдно перед другими – сущая невозможность. До сих пор содержать сына было затруднительным и весьма затруднительным для Рейтерна; но кое как, подавая друг другу руку, мы выходили из этого затруднения. Он ждал минуты, когда сын будет произведен в офицеры, опираясь на нашу общую с ним веру, что он не остановит молодого человека при первом его шаге на пути его, шаге, от которого все его будущее зависит. С этою верою приношу Вашему величеству мою просьбу от меня и от отца за офицера Рейтерна. Благоволите причесть его к тем, коим Вы даете пособие жизни. Здесь Ваше благотворение падет на добрую землю, отвечаю Вам за честного, верного своему делу, храброго солдата, который всегда постоит за свое знамя и с рыцарскою радостию отдаст жизнь за своего государя. Когда я прошлого года был в Баден-Бадене, его высочество великий князь Михаил Павлович говорил со мной об Александре Рейтерне и изъявил милостивую готовность ему сделать добро. Я считаю необходимым приличием написать в теперешнем случае к его высочеству о Рейтерне и просить доброго великого князя, которого люблю душевно, обратить свое внимание на молодого человека. Но Вы будьте ему особенным благотворителем так же, как и мне самому; на Вас возлагаю за него надежду и Вам наперед, вместе с его отцом, приношу жертву сердечной за него благодарности» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 128–129). Решение этого дела затянулось, и 1/13 марта 1845 г. Жуковский в письме к В.Д. Олсуфьеву (Отчет Императорской публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. С. 149–151 первой пагинации) вновь просил о материальной помощи для А. Рейтерна, на что 21 марта 1845 г. получил ответ от цесаревича через того же В.Д. Олсуфьева: «по доведению мною до сведения Государя наследника письма твоего от 1-го марта, его высочество всемилостивейше пожаловать соизволил молодому Рейтерну полторы тысячи руб<лей> ас<сигнациями> годового пособия. Копию с состоявшегося по сему рескрипта при сем к тебе посылаю» (Российский Архив: Альманах. М., 2010. С. 320).

30*

(С. 133)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 57.
Публикуется впервые.
Датируется: 13/25 января 1845 г.

[1] Сын Павел родился 1/13 января 1845 г.

[2] Письмо от 2/14 января 1845 г., извещавшее о рождении сына (РА. 1883. № 4. С. CVIII–CIX; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 134).

[3] Г. фон Рейтерну.

31*
(С. 133–134)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 59–60.
Публикуется впервые.
Датируется: 30 января / 11 февраля 1845 г.

[1] 16/28 января 1845 г. в Висбадене умерла великая княжна Елизавета Михайловна, дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны.

[2] См. примеч. 5 и 7 к письму от 17/29 января 1844 г.

[3] Сыном Александром Александровичем, будущим императором Александром III (1845–1894).

32*
(С. 134–135)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27903. Л. 7–7 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 27 февраля / 11 марта 1845 г.

[1] Великий князь Александр Александрович, родившийся 26 февраля/10 марта 1845 г. был назван, так же как и его отец, в честь императора Александра I.

[2] Смерти великих княжон Александры Николаевны и Елизаветы Михайловны.

[3] Александр Аркадьевич Суворов, князь, генерал-адъютант, генерал-губернатор остзейский, внук полководца А.В. Суворова, вместе с женой Л.В. Ярцевой провел зиму во Франкфурте-на-Майне. О его встречах с Жуковским см.: ПССиП. Т. 14. С. 283–284. В письме к А.И. Тургеневу из Франкфурта от 8/20 ноября 1844 г. Жуковский сообщал: «Из русских здесь теперь никого, кроме князя Суворова, который здесь на зиму поселился с женой, которая должна родить в генваре» (ПЖТ. С. 307). 31 декабря / 12 января 1845 г. почти одновременно с сыном Жуковского у них родилась дочь Александра, в замуж. Козлова.

[4] В письме от 1/13 февраля 1845 г. (РА. 1883. № 4. С. CIX–CXII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 135–137 об.) Жуковский выражал соболезнования о смерти великой княжны Елизаветы Михайловны и просил императора передать причитающееся ему денежное содержание после его смерти жене и детям.

33*
(С. 135–136)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 61–61 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 7/19 сентября 1845 г.

[1] Письмо от 23 августа / 4 сентября 1845 г. (РА. 1883. № 4. С. CXXXVIII– CXL; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 146–147 об.) с поздравлением цесаревича по случаю именин и рассказом о летнем лечении водами в Швальбахе.

[2] В этом письме Жуковский предупреждал: «Я получил письмо, в котором уведомляют меня о дне отъезда государыни императрицы из Петербурга. *Нынче 23 авг<уста>/4 сент<ября>*; завтра вероятно ее величество прибудет в Берлин. Не знаю, долго ли там она останется и, боясь там ее не застать, я решился ехать на перерез ее дороги в Нюренберг. Если бы ехал один, то отправился бы прямо в Берлин; но я с женою и дочерью, следственно могу бояться разъехаться с государынею. В Нюренберг, напротив, приеду во всяком случае прежде ее и там дождусь ее прибытия» (РА. 1883. № 4. С. CXL). Императрица Александра Федоровна отправлялась для лечения болезни сердца в Италию.

[3] Великий князь Константин Николаевич в сопровождении Ф.П. Литке летом 1845 г. отправился сухим путем на юг в Николаев, совершил морское плавание на военном судне в Константинополь, затем посетил Францию, Испанию и Англию.

[4] Цесаревич «сопровождал Императора на кавалерийские маневры в Елисаветград и Чугуев и присутствовал при Высочайших смотрах Черноморскому флоту в Николаеве и Севастополе, а на возвратном пути из Крыма производил смотр собранным в Орле, Туле и Москве бессрочно отпускным нижним чинам, а также войскам 6-го пехотного корпуса, 16-й артиллерийской бригаде, 2-му учебному карабинерному полку и Тульскому и Орловскому гарнизонным батальонам» (Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1. С. 445).

[5] Великому князю Николаю Александровичу, который должен был стать наследником престола.

34*
(С. 136–138)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 63–64 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 13/25 декабря 1845 г.

[1] Письма от 22 октября / 3 ноября (РА. 1883. № 4. С. CXVIII–CXX: автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 148–149 об.), 30 октября / 12 ноября (Там же. С. CXX–CXXV; автограф: Там же. Л. 150–153 об.) и 3/15 декабря (Там же. С. CXXV–CXXVII; автограф: Там же. Л. 154–155 об.) 1845 г. были посвящены подробному изложению причин, по которым Жуковский просил императора позволить ему провести еще год в Германии.

[2] В письме от 3/15 декабря 1845 г. Жуковский писал: «Срок моего пребывания за границею должен кончиться в начале мая 1846 года. В исполнении существующего <закона> я к этому сроку явлюсь лично; но в том же 1846 г<оду> мне необходимо быть к началу августа в Швальбахе как для себя, так и для жены. Прошу ваше высочество теперь об одном: благоволите узнать, могу ли надеяться, что государь император соизволит согласиться, чтобы я, *представившись по обязанности в будущем мае в Петербург, мог опять возвратиться сюда ещё на год, то есть до начала мая 1847*. Мне нужно знать это *предварительно*, дабы сделать свои распоряжения смотря по тому, дано ли мне будет высочайшее согласие или нет. *Если будет дано*, то, как сказал, приеду в *мае один*; если же *не будет дано*, приеду *со всем семейством*, но уже несколько позже, в *начале сентября*, по окончании курса в Швальбахе» (Там же. С. CXXVII).

[3] В письме от 30 октября / 12 ноября 1845 г. Жуковский делился своими взглядами на образование подрастающих детей цесаревича и излагал возможную педагогическую программу.

[4] См. примеч. 3 к письму великого князя от 7/19 сентября 1845 г.

[5] См. примеч. 4 к письму великого князя от 7/19 сентября 1845 г.

[6] Императрица Александра Федоровна для лечения болезни сердца проводила зиму в Палермо. Император отправился к ней 24 сентября 1845 г. Царственные особы впервые были в Италии не с дипломатическими целями, а для осмотра достопримечательностей. Кроме Сицилии, они посетили Неаполь, Рим, Флоренцию, Болонью и Венецию, где в том числе приобрели многие шедевры итальянских мастеров искусства. В Россию император вернулся 30 декабря 1845 г. Подробнее см.: Пащинская И. Царская семья в Палермо // Русская Сицилия. М., 2013. С. 73–89.

[7] Принц Александр Гессен-Дармштадтский, брат великой княгини Марии Александровны, весной 1845 г. участвовал в штурме резиденции имама

Шамиля Дарго. После больших потерь и угрозы окружения русские войска должны были отступить.

[8] Именины Николая I приходились на 6 декабря.

[9] О получении этого подарка Жуковский писал 10/22 января 1846 г.: «Заключаю моё письмо сердечною благодарностию за рождественский подарок, которым Ваше высочество меня осчастливили. Ваш портрет сходен и несходен: он, верно, сходен с оригиналом рисунка; литограф же испортил это сходство, сделав его неприятным и не поймав выражения Вашего лица. В портретах детей нахожу, что великие князья имеют большое сходство с императором Александром Павловичем. Так ли это в натуре?» (РА. 1883. № 4. С. CXXIX).

35*
(С. 138–139)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 66–67 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 14/26 января 1846 г.

[1] Подразумеваются неизвестное письмо от первой половины декабря 1845 г. и неопубликованное от 22 декабря 1845 г. / 3 января 1846 г. (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 156–157) с новогодними поздравлениями и планами лечения в будущем году.

[2] Это письмо от первой половины декабря 1845 г. пока не выявлено. В нем Жуковский, получая известия от родственников из Дерпта, сообщал о волнениях в Остзейских губерниях. «Еще в 1842 году между лифляндскими крестьянами заброшена была ложная мысль, что они получат казенные земли, если примут православие. Беспорядки, тогда происходившие по этому случаю, были в то же время прекращены, но искра продолжала тлиться и в 1845 году вновь вспыхнула. В марте месяце некоторые жители города Риги изъявили желание присоединиться к православию, и в то же время представители лифляндского дворянства, опасаясь возобновления прежних волнений, ходатайствовали о принятии мер против этого. Опасения дворян признаны напрасными, и по Высочайшему повелению объявлено, что латышам можно дозволить присоединение к православию с тем только, чтобы они просили не через поверенных, а лично, и богослужение для них отправлять на латышском языке в одной из наших церквей. В июне в Дерптском и Верроском уездах распространились слухи, что наступил срок к приписке на перемену веры, и лифляндские крестьяне потекли толпами к священникам в Ригу, Верро и Дерпт. Местное начальство принимало все меры осторожности к устранению беспорядков. Крестьянам было внушаемо, чтобы они не

иначе являлись, как с увольнительными видами от помещиков и не более десятой части населения, но латыши приходили даже без видов, по 300 и более человек; им объяснили, что от перемены веры они не получат никаких мирских выгод, но крестьяне оставались в убеждении, что положение их должно улучшиться и что если не Государь Император, то Наследник Его дарует им казенные земли. Весьма естественно, что с этими событиями соединились ропот дворян и беспорядки со стороны крестьян. Последние бросали работы, оказывали дерзости и ненависть; и в октябре месяце волнение возрастало до того, что Дерптский уездный предводитель дворянства ходатайствовал о присылке войск для сохранения спокойствия» (Нравственно-политический отчет за 1845 год // Россия под надзором: Отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006. С. 370–371).

[3] В письме от 22 декабря 1845 г./3 января 1846 г. Жуковский просил: «Сердечно желаю получить от Вашего высочества добрые известия. Вы окажете мне великую милость, если уведомите о том, что происходит в Палерме. Газетные известия радуют, но Ваши дадут полное право радоваться. Правда ли, что будущею весною Вы поедете за государынею императрицею в Палермо: так пророчат газеты» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 157).

[4] После возвращения из Италии 1 января 1846 г. император пожаловал цесаревича орденом и рескриптом: «Отъезжая за границу для сопутствования Государыне Императрице, родительнице вашей, поручил я вам управление большого числа дел государственных, в том полном убеждении, что вы, постигая мою цель, мое к вам доверие, покажете России, что вы достойны вашего высокого звания. Возвратясь ныне, по благословению Божию, удостоверился я, что надежды мои увенчались к утешению родительского моего, нежно вас любящего сердца. В вящее доказательство моего удовольствия, жалуем вас кавалером ордена св. Равноапостольного Великого Князя Владимира 1-й степени, коего надпись: *польза, честь и слава*, укажет и впредь вам, на что Промысл Всевышнего вас призывает для России» (Формулярный список Его Императорского Высочества Великого князя наследника Всероссийского престола цесаревича Александра Николаевича по 1 января 1853 г. // Столетие Военного министерства. СПб., 1914. [Т. 2]: Имп. Главная квартира. История государевой свиты. [Кн. 4]: Царствования имп. Александра II. Прилож. С. 16).

36*
(С. 139–140)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 68–69.
Публикуется впервые.
Датируется: 18/30 апреля 1846 г.

[1] 15/27 февраля 1846 г. Жуковский испрашивал через великого князя позволения для Г. фон Рейтерна не приезжать в Петербург для подтверждения своей службы по причине возможного расстройства здоровья и траты времени, необходимого для работы над заказанными двором картинами (РА. 1883. № 4. С. CXXXI–CXXXV; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 161–164 об.). В.Д. Олсуфьев уведомил Жуковского о высочайшем позволении в письме от 7/19 апреля 1846 г.: «Государь наследник, исходатайствовав высочайшее соизволение государя императора на предоставление тестю твоему Рейтерну права, не стесняясь существующими узаконениями, оставаться за границею, доколе того будут требовать начатые им художественные работы, повелеть мне соизволил уведомить о сем Рейтерна официальною бумагою, которую в нужных случаях он предъявить может, и вместе с тем известить об этом и тебя, любезный Василий Андреевич» (Российский Архив: Альманах. М., 2010. С. 321).

[2] См. письмо цесаревича от 5/17 апреля 1844 г. и примеч. к нему.

[3] Великая княжна Ольга Николаевна сопровождала мать во время ее итальянского лечения. Здесь речь идет о ее письме от 10/22 марта 1846 г. (Там же. 1895. № 8. С. 447–448), где она благодарила за поздравления по случаю ее помолвки с Карлом Фридрихом Александром, принцем Вюртембергским, совершенной 6 января 1846 г.

[4] Поздравления были выражены в письме к императрице Александре Федоровне от 24 февраля / 8 марта 1846 г. (ПЖиГ. Вып. 1. С. 93–94).

[5] Подробнее см.: Пащинская И. Царская семья в Палермо // Русская Сицилия. М., 2013. С. 73–89.

37*
(С. 141)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 70–71.
Публикуется впервые.
Датируется: 23 сентября / 5 октября 1846 г.

[1] Недатированное письмо Жуковского от конца августа 1846 г. (Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 201–202, с ошибочной датировкой концом августа 1847 г.) с поздравлениями по случаю именин великого князя 30 августа / 10 сентября.

[2] В данном письме Жуковский излагал цесаревичу содержание анонимно напечатанной в Штутгарте книги Й. Радовица «Gespräche aus der Gegenwart über Kirche und Staat» (1846) и советовал лично прочесть экземпляр, отправленный в подарок.

[3] В неопубликованном письме от 14/26 августа 1846 г. Жуковский просил великого князя о Г. фон Рейтерне: «То же самое, что случилось при бракосочетании великой княгини Александры Николаевны (и что Вы так милостиво поправили), повторилось ныне по случаю брака великой княгини Ольги Николаевны. 500 рублей, которые составляют часть пенсиона, положенного Рейтерну от всего царского семейства (для того чтобы его избавить от тяжкой необходимости продавать из куска хлеба свои картины, но с тем, чтобы все, им написанные картины, принадлежали дому царя), эти бедные 500 рублей вычеркнуты из списка великой княгини. Я уверен, что это сделано по какому-нибудь ошибочному представлению, на которое ее высочество не имела времени обратить внимания; в противном случае, взяв в рассуждение, с какою целию дано государем императором это пособие, она, конечно, не захотела бы подвергнуть моего инвалида такому, им не заслуженному исключению из милости царской, тем более болезненному, что он, уменьшая его способы жизни, в то же время как будто означает, что он теперь не признан достойным той милости, какая была ему оказана прежде его государем. Не знаю, можно ли поправить это испорченное дело моего тестя, и даже не смею просить об этом Ваше высочество. Если я позволил себе написать Вам об этом случае, то это потому только, что почитаю себя обязанным это сделать, дабы не обвинять себя после в произвольном упущении своего долга. Предоставляю все Вашему милостивому участию» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 173–174). Письмо В.Д. Олсуфьева к Жуковскому с сообщением о пенсии Г. фон Рейтерна пока не обнаружено.

[4] После состоявшейся в Петергофе 1/13 июля 1846 г. свадьбы великой княжны Ольги Николаевны с Карлом Фридрихом Александром, принцем Вюртембергским, она отправилась к мужу в Штутгарт, куда прибыла 12/24 сентября 1846 г. Подробнее см.: Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: Молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019. С. 356–362.

[5] Визит в Москву продолжался с 28 сентября по 6 октября 1846 г. (Формулярный список Его Императорского Высочества Великого князя наследника Всероссийского престола цесаревича Александра Николаевича по 1 января 1853 г. // Столетие Военного министерства. СПб., 1914. [Т. 2]: Имп. Главная квартира. История государевой свиты. [Кн. 4]: Царствования имп. Александра II. Прилож. С. 19).

38*
(С. 142–143)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 72–73 об. Публикуется впервые.

Датируется: 13/25 февраля 1847 г.

[1] Пакет с документами по делу о наследстве детей А.А. Воейковой, полученный Жуковским к 21 февраля / 5 марта 1847 г., о чем он сообщал в письме к цесаревичу (РА. 1883. № 4. С. CLI–CLII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 182–183).

[2] В письме от 20 января / 1 февраля 1847 г. (Там же. С. CXLIV–CXLV; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 180–181 об.) Жуковский просил великого князя о передаче императору прошения по юридически тонкому делу: возможна ли передача капитала, в свое время собранного поэтом для Е.А. Воейковой, внезапно умершей в молодом возрасте, от умственно неполноценного и находящегося под опекой А.А. Воейкова, прямого наследника этого капитала по закону, к его сестрам А.А. и М.А. Воейковым. Текст всеподданнейшего прошения от 20 января / 1 февраля 1847 г. см.: Известия ОРЯС ИАН. 1910. Т. 15, кн. 3. С. 290–293. Карандашная надпись императора на нем гласила: «Мне кажется, что нет никакого препятствия исполнить желание г. Жуковского. Какого Вы мнения?» (Там же. С. 293).

[3] Вопрос императора был адресован министру юстиции графу Виктору Никитичу Панину.

[4] Пересказ содержания этой записки от 31 января 1847 г. см.: Там же. С. 293–294. Свое принятие высочайшей воли Жуковский выразил в письме цесаревичу от 21 февраля / 5 марта 1847 г.: «Целую милостивую руку государя, написавшую на моей просьбе те строки, которые прочитал я с глубочайшей к нему благодарностию. Причины, изъявленные министром юстиции, по которым не может быть в пользу моего требования, основанного на справедливости, сделано изъятие из существующего закона, ясны и неоспоримы» (Там же. С. CLI).

[5] В письме от 20 января / 1 февраля 1847 г. Жуковский выражал свое опасение: «Но вот что случилось. Здесь, во Франкфурте, находится графиня Еглофштейн, которую и Вы знаете лично, бывшая фрейлина при дворе веймарском. Она сказала моему тестю Рейтерну (а я об этом узнал от него), что она писала о положении жены моей к её высочеству великой княгине Марии Павловне и что великая княгиня в своем ответе графине уведомляет ее, что намерена писать к государыне императрице о том, чтобы мне позволено было остаться за границею. Если подлинно великая княгиня об этом писала, то для меня (при всей моей благодарности за доброе намерение её высочества) это весьма, весьма неприятно, и я убеждаю Ваше высочество поправить это дело, предупредив её величество, что я не прошу и не желаю отпуска» (Там же. С. CXLV).

[6] Путешествие в Германию для лечения великой княгини Марии Александровны началось несколько раньше намеченного – 28 мая 1847 г.

(Формулярный список Его Императорского Высочества Великого князя наследника Всероссийского престола цесаревича Александра Николаевича по 1 января 1853 г. // Столетие Военного министерства. СПб., 1914. [Т. 2]: Имп. Главная квартира. История государевой свиты. [Кн. 4]: Царствования имп. Александра II. Прилож. С. 20).

39*
(С. 143–144)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 74–74 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 11/23 апреля 1847 г.

[1] Вероятно, подразумевается генерал-лейтенант Павел Карлович Мёрдер, брат К.К. Мёрдера.

[2] Великий князь Владимир Александрович родился 10/22 апреля 1847 г.

[3] Об отпуске для А. Рейтерна Жуковский просил цесаревича в письме от 16/28 февраля 1847 г.: «Повергаюсь к стопам его величества с уповающей молитвой позволить сыну Рейтерна посетить свое семейство, с которым он уже более четырех лет в разлуке» (РА. 1883. № 4. С. CL).

[4] В указанном письме Жуковский сообщал о смерти дочери Г. фон Рейтерна Марии (Мии) и болезни сына Антона Вильгельма (Евграфа Евграфовича).

[5] В том же письме Жуковский извещал: «В прошлом году я осмелился обратиться к государю императору с моею всеподданнейшею просьбою позволить остаться мне до половины нынешнего года за границею. Его величество всемилостивейше благоволить исполнить эту просьбу. Но вот, ничто из того не исполнилось, для чего я просил себе отсрочки: жены Швальбах не исцелил; знойное лето расстроило её здоровье; с самого сентября она почти не покидает постели» (Там же. С. CXLIX).

40*
(С. 144–145)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 76–77.
Публикуется впервые.
Датируется: 4/16 мая 1847 г.

[1] См. примеч. 3 к предыдущему письму от 11/23 апреля 1847 г.

[2] Письмо от 17/29 апреля 1847 г., где Жуковский сообщал: «Нервы моей жены поуспокоились; она начала поправляться; весна, которая, однако, еще все похожа на зиму, ей помогла. Копп уверяет, что она на дороге к полному выздоровлению, но еще медлит сказать решительный приговор свой» (РА. 1883. № 4. С. CLII).

[3] См. примеч. 6 к письму цесаревича от 13/25 февраля 1847 г.

[4] Большое путешествие цесаревича по России вместе с Жуковским началось 2 мая 1837 г.

[5] А.А. Кавелин с 20 мая 1846 г. по 22 июля 1847 г. находился на лечении в заграничном отпуске. О встрече с ним во Франкфурте-на-Майне Жуковский сообщал великому князю 8/20 сентября 1846 г. (Там же. С. CXLI–CXLII; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 175–176 об.).

[6] И.М. Виельгорский, соученик цесаревича, умер в Риме от чахотки 2/14 июня 1839 г.

41*
(С. 145–146)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 78–79 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 7/19 июля 1847 г.

[1] Письмо от 1/13 июля 1847 г. (Там же. С. CLV–CLVI; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 194–195 об.) с воспоминаниями о прошлом посещении Эмса в ходе путешествия с цесаревичем в 1838 г. (он принимал здесь курс лечения в июле – августе): «Ваше императорское высочество полагаете, вероятно, что я теперь уже у подошвы Альпов и пью живительный горный воздух. А я, напротив, в Эмсе в тех самых горницах, где видел некогда Вас и где потом имела свое пребывание наша милостивая императрица. Копп нашел, что болезнь жены моей требует не одного отдыха, но еще и коренного лечения; он переменил свой приговор и послал ее пить эмские воды, чтоб после довершить их действие влиянием горного швейцарского воздуха. <…> После поездки в Дармштадт ей сделалось хуже; это заставило Коппа послать ее сюда. Эмс ей будет спасителен, если на то есть воля Божия».

[2] Великая княгиня Анна Павловна, королева Нидерландов и великая герцогиня Люксембурга, тетка цесаревича.

[3] Фридрих Людвиг Крейсиг, немецкий врач-кардиолог, жил в Дрездене.

[4] Югенхайм – курортный город близ Дармштадта.

[5] Великая княгиня Мария Павловна, старшая сестра Николая I и тетка цесаревича, великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская.

[6] Новая волна холеры началась в Индии, откуда через Персию и Кавказ проникла к 1846 г. в Россию. В мае 1847 г. зафиксированы случаи заболевания на Северном Кавказе. К сентябрю 1847 г. холера достигла Центральной России. См.: Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960. С. 259–260.

[7] Годовщина свадьбы императорской четы и день рождения императрицы.

42*
(С. 146–147)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 80–81 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 20 ноября / 2 декабря 1847 г.

[1] Барон Вильгельм Карлович Ливен, генерал, военный и государственный деятель.

[2] Николай Васильевич Зиновьев, генерал-адъютант, пользовавшийся особым расположением императора, в 1848 г. был назначен воспитателем сыновей великого князя.

[3] В письме от 15/27 декабря 1847 г. Жуковский докладывал об исполнении поручения: «Барон Ливен уже с некоторого времени здесь во Франкфурте; он проведет здесь зиму. Ему гораздо лучше: рана, произведенная жестокою операциею, еще дает себя чувствовать; но это уже не болезнь, а просто заживание болячки. Я сообщил ему то, что Ваше высочество о нем пишете; он был глубоко тронут Вашими строками. Само по себе разумеется, что для всех нас исполнение воли царской есть главное; но мы оба, он за себя, а я за него, вздохнули об утраченной прекрасной надежде» (РА. 1883. № 4. С. CLVIII).

[4] Возвращение из Германии после лечения на водах в конце сентября 1847 г.

[5] В октябре 1847 г. эпидемия холеры в России пошла на убыль, но весной 1848 г. возобновилась. См.: Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960. С. 260.

[6] В Швейцарии военный совет католических кантонов (Зондербунд) в 1840-е гг. вел борьбу с протестантскими кантонами, где проводились либеральные реформы. В ходе вооружённых столкновений 3–29 ноября 1847 г. католический сепаратный союз потерпел поражение, в результате в 1848 г. в Швейцарии была принята новая либеральная конституция.

43*
(С. 147–149)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 82–83 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 1/13 февраля 1848 г.

[1] Письмо от 15/27 декабря 1847 г. (РА. 1883. № 4. С. CLVII–CLX; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 199–201 об.) с сообщением о приезде летом в Россию и размышлениями о методах образования детей цесаревича.

[2] См. примеч. 1 и 3 к письму цесаревича от 20 ноября / 2 декабря 1847 г.

[3] Об исполнении поручения Жуковский писал в середине февраля 1848 г.: «Ваше поручение было мною сообщено Ливену. Он просит меня изъяснить Вашему высочеству его сердечную благодарность за Ваше к нему благорасположение. Он уверен, что, окончив свое здесь лечение, будет готов к назначенному Вами сроку» (Там же. 1885. № 1. С. 9). Высочайшая поездка на Кавказ по причине революционных событий в Европе не состоялась, с 31 мая по 4 октября цесаревич командовал гвардейскими корпусами, командированными к западным пределам империи (Формулярный список Его Императорского Высочества Великого князя наследника Всероссийского престола цесаревича Александра Николаевича по 1 января 1853 г. // Столетие Военного министерства. СПб., 1914. [Т. 2]: Имп. Главная квартира. История государевой свиты. [Кн. 4]: Царствования имп. Александра II. Прилож. С. 22).

[4] См. примеч. 2 к письму цесаревича от 20 ноября / 2 декабря 1847 г.

[5] 9 октября 1848 г. Николай I сломал ключицу. Поднимаясь по лестнице в Зимнем дворце, он поскользнулся и упал на то же самое плечо, в котором уже прежде была у него переломана ключица.

[6] 28 января 1798 г. в день своего рождения великий князь Михаил Павлович был назначен отцом императором Павлом генерал-фельдцейхмейстером, т.е. главным начальником артиллерии. В действительное управление он вступил только в 1819 г. См. о праздновании юбилея: Шильдер Н.К. Юбилей великого князя Михаила Павловича. 1848 г. // РС. 1898. № 2. С. 421–424.

[7] Текст рескрипта гласил: «Ваше императорское высочество! С особенною душевною радостию праздную я ныне, со всею российскою артиллериею, день рождения вашего и совершившегося пятидесятилетия со времени назначения вас генерал-фельдцейхмейстером. Не буду говорить при сем случае о сердечных чувствованиях моих, как брата вашего: они вам известны из нашей долголетней испытанной дружбы, из того личного уважения, которое я привык всегда питать к достоинствам вашим. Но мне остается

исполнить священный для меня долг – отдать справедливость вашим государственным заслугам и незабвенным трудам, понесенным по званию генерал-фельдцейхмейстера. Заведывая близ тридцати лет артиллерийскою частью, при других обширных и важных обязанностях, на вас возложенных, вы ознаменовали управление ваше существенными усовершенствованиями, поставившими российскую артиллерию на ту превосходную степень благоустройства во всех отношениях, на коей она, к полному моему удовольствию, ныне находится. Во изъявление искренней и душевной моей признательности за столь достохвальное и доблестное служение ваше престолу, я вместе с сим повелел, чтобы гвардейская артиллерия отдавала вашему императорскому высочеству ту же самую честь, которая по уставу определена только мне. Примите сердечное мое поздравление с торжественным днем, ныне празднуемым, и живейшее мое желание, да сохранит Всеблагий Творец драгоценные для меня дни ваши на многия и многия лета, для блага и пользы любезного нашего отечества. Николай. В С.-Петербурге. Генваря 28-го дня 1848 г.» (Шильдер Н.К. Указ. Соч. С. 422).

[8] Михайловское артиллерийское училище, военно-учебное заведение, открытое в Петербурге 25 ноября 1820 г. по инициативе великого князя Михаила Павловича.

[9] См. примеч. 6 к письму цесаревича от 20 ноября / 2 декабря 1847 г. 12 января 1848 г. вспыхнуло народное восстание в Палермо, низложившее Бурбонов, за ним революционное волнение охватило всю Италию.

44*
(С. 149–150)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 84–85 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 10/22 июля 1848 г.

[1] В неопубликованном письме от 1/13 июля 1848 г. Жуковский делился своими планами возвращения в Россию (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 224–225 об.).

[2] В письме Жуковский сообщал: «Во всяком случае, я не поеду отсюда прежде 5/17 августа, ибо, по указанию доктора, жене надобно провести в совершенном спокойствии недели четыре, дабы не испортить своего лечения – это время я проведу или в Эмсе, или в Содене близ Франкфурта» (Там же. № 1680. Л. 224 об.).

[3] В том же письме Жуковский сетовал: «Дошло ли до Вашего высочества мое письмо, посланное с Лярским? При этом письме были и книги. Может быть, это письмо загулялось – наши соотечественники (с немногими

исключениями) не имеют добродетели быть точными в исполнении поручений» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 224). Речь идет о Василии Александровиче Вонлярлярском, путешественнике и писателе, возвращавшемся через Германию после лечения за границей. Письмо Жуковского к великому князю от 2/14 июня 1848 г., переданное с Вонлярлярским, пока не обнаружено. Отправленная с письмом первая часть перевода «Одиссеи» вышла в мае 1848 г. в двух вариантах: в составе «Новых стихотворений В. Жуковского» (Т. 2) и в 8-м томе пятого издания «Стихотворений В. Жуковского». Эти книги и были отправлены цесаревичу.

[4] В письме от 1/13 июля 1848 г. Жуковский спрашивал: «Ко времени моего отъезда обстоятельства сами собою определятся и для меня будет ясно, на что тогда решиться. Но я счел необходимым наперед объясниться с Вашим высочеством, дабы вы дали мне добрый совет, что мне делать, и дабы испросили у государя императора, что ему будет угодно повелеть в таких затруднительных для меня обстоятельствах. Не откажите мне в Вашей помощи, она теперь мне нужнее, нежели когда-нибудь; дайте совет; я успею вовремя узнать его, он будет для меня решителен. А на что могу решиться, этого теперь сказать не могу, это скажут обстоятельства. Вы только окажите мне величайшую милость, отвечайте или прикажите Вашим именем ответить мне *без замедления*» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 224 об.–225).

[5] Речь идет о жестоком подавлении июньского восстания в Париже военным министром генералом Луи Эженом Кавеньяком.

[6] Австрийский эрцгерцог Иоанн-Баптист-Иосиф-Фабиан-Себастьян был провозглашен 29 июня 1848 г. «блюстителем империи», т.е. Германского союза.

[7] В вопросе объединения Германии к лету 1848 г. прусский король Фридрих Вильгельм IV занял сепаратную позицию, ставшую очевидной в войне за Шлезвиг-Гольштейн, чьи земли Пруссия стремилась аннексировать.

45*

(С. 151–152)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 86–87.
Публикуется впервые.
Датируется: 18/30 октября 1848 г.

[1] Письмо от 17/29 сентября 1848 г., опубликованное в значительном сокращении (РА. 1885. № 2. С. 249–250; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 233–234 об.).

[2] Очевидно, такое разрешение не было получено, поскольку газетные публикации письма неизвестны.

[3] Письмо сопровождалось припиской: «Посылаю Вашему высочеству вид церкви С. Павла и портреты главных действователей. + означает правую сторону, +Z правый центр, – левая сторона, –Z левый центр» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 234 об.). К сожалению, упомянутые портреты в архивной единице отсутствуют.

[4] Австрия после подавления князем Альфредом Кандидом Фердинандом цу Виндишгрецем октябрьского восстания 1848 г. в Вене выступила основным конкурентом Пруссии в установлении главенства в Германском союзе.

[5] «Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении «Святая Русь». О поправках, которые вносились по инициативе императора Николая I, П.А. Вяземский уведомил автора в письме от 18 октября 1848 г.: «Не писал я к тебе потому, что ожидал особенных оттисков письма твоего, чтобы послать тебе екземпляр. Только третьего дня получил я их. Между тем я надеялся, что Плетнёв уведомит тебя о всей процедуре помещения письма твоего в журнале. Он отправил письмо к цесаревичу, он же и получил его обратно от цесаревича с изменениями или, лучше сказать, с исключениями, признанными необходимыми государем. Жаль, очень жаль, что все сказанное тобою о протестантизме и разных других *измах*, из него истекших, подвержено было также своему *изму*, то есть остракизму. Государь нашел, что ты совершенно прав, но что слова и мнения твои могут показаться несколько жесткими нашим братьям протестантам. Как бы то ни было, но письмо твое встретило общее сочувствие и имело большой успех. Плетнёв дополнит слова мои своими подробностями как личный посредник между письмом и высочайшими его цензорами» (Гиллельсон. С. 61). Самой существенной из них стал выпуск фрагмента о Реформации, не устроившего императора недипломатичной резкостью характеристик. В таком виде статья была опубликована в столичной газете «Русский инвалид» 21 сентября 1848 г. (№ 207. С. 825–827) под заглавием «Письмо В.А. Жуковского к князю П.А. Вяземскому».

[6] Великая княжна Ольга Николаевна, принцесса Вюртемберга, прибыла в Петербург 19 октября 1848 г. и оставалась в родной семье до 12 августа 1849 г. В Штутгарте, где находился дом принцессы, неоднократно собирались толпы восставших.

46*
(С. 152–153)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 88–89.

Публикуется впервые.

Датируется: 30 января / 11 февраля 1849 г.

[1] Официальный юбилей 50-летия литературной деятельности Жуковского не состоялся, поскольку поэт не приехал из-за границы. «Но за невозможностью торжественного и официального празднества, – вспоминал впоследствии Вяземский, – друзья и близкие лица к Жуковскому отпраздновали сей день у меня домашним образом. Его императорское высочество государь наследник, ныне благополучно царствующий император, почтил милостивым присутствием своим это семейное торжество, во изъявление сердечного сочувствия и уважения к бывшему своему наставнику. На этом вечере граф Блудов прочитал стихи, мною написанные по поводу юбилея; граф Михаил Вьельгорский пел куплеты мои на день рождения Жуковского; Михаил Глинка, тогда только что возвратившийся из-за границы, оживил музыкальную часть этого вечера» (РА. 1866. № 7. Стб. 1064).

[2] Стихи П.А. Вяземского «Приветствие В.А. Жуковскому, 29-го января 1849 года, в день рождения его и в память совершившегося пятидесятилетия его литературной деятельности» и «Песнь на день рождения В.А. Жуковского», исполненная М.Ю. Виельгорским.

[3] Герцог Максимилиан Лейхтенбергский.

[4] Его жена великая княжна Мария Николаевна.

[5] Великая княжна Ольга Николаевна.

[6] Великий князь Константин Николаевич.

[7] Великая княжна Александра Александровна.

[8] Карл Фридрих Александр, принц Вюртембергский, приехал в Россию на свидание с женой в январе 1849 г.

47*

(С. 153–154)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 90–91. Подписи нет, конец листа обрезан.

Публикуется впервые.

Датируется: 30 января / 11 февраля – 5/17 февраля 1850 г.

[1] Письма от 4/16 и 15/27 января 1850 г., первое с изложением константинопольского проекта и мыслей о смертной казни (РА. 1885. № 7. С. 337–343; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 288–294 об.), второе с поздравлениями на рождение сына цесаревича (Там же. С. 343; автограф: Там же. Л. 295–295 об.), были опубликованы с большими сокращениями.

[2] Великий князь Алексей Александрович родился 2/14 января 1850 г.

[3] В письме от 4/16 января 1850 г. Жуковский сообщал: «Пользование Гугерта имело хорошие последствия. По плану, составленному им для жены, ей должно будет провести май и июнь в Баден-Бадене и лечиться, потом ехать в Остенду или в Рамсгейт для морских ванн, оттуда в Ревель и там провести зиму. Дай бог, дай бог добраться до Ревеля, но в наше время как делать планы?» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 288 об.–289).

[4] Сын великого князя Константина Николаевича и Александры Саксен-Альтенбургской (в православии – великая княгиня Александра Иосифовна) Николай Константинович родился 2/14 февраля 1850 г.

[5] Великие князья Николай и Александр Александровичи.

[6] Григорий Федорович Гогель, полковник, помощник директора Института Корпуса инженеров путей сообщения, был назначен воспитателем сыновей великого князя 6 декабря 1849 г.

[7] Август Фридрих (Август Федорович) Гримм, окончил университетский курс в Йене и Берлине, с 1827 г. состоял инспектором в учебном заведении Мюральта в Петербурге. Гримм был инспектором классов и преподавателем истории и немецкого языка у Константина Николаевича во весь период его обучения и разработал для великого князя особую методику преподавания. Он также обучал истории великих князей Николая и Михаила Николаевичей и в 1838–1839 гг. наблюдал за процессом их обучения. В 1848 г. Гримм уехал за границу, где занимался литературной деятельностью. В 1853 г. о нем вспомнили, когда подбирали учителей для наследника Николаю Александровичу. За него ходатайствовали Ф.П. Литке и императрица Александра Федоровна, при которой он долгое время состоял чтецом. Но император Николай I, всегда не благоволивший к Гримму, отклонил его кандидатуру. Только в 1858 г. он наконец был назначен наставником по учебной части при цесаревиче Николае Александровиче. См.: Сидорова А.Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности): дис. … канд. ист. наук. М., 2016. С. 228–231.

[8] Это письмо Г. фон Рейтерна пока не выявлено.

[9] Александр Рейтерн, служивший в лейб-кирасирском полку, шефом которого был цесаревич.

48*
(С. 154–155)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 92–93 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 7/19 июля 1850 г.

[1] Письма от 14/26 и 16/28 июня 1850 г., опубликованные с большими сокращениями, сообщали: первое о планах возвращения в Россию и о текущих политических событиях в Германии (РА. 1885. № 7. С. 351–357; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 332–338 об.), второе о причинах, связанных со здоровьем и творческими планами, по которым Жуковскому хотелось бы остаться в Германии еще на год (РА. 1885. № 7. С. 358–360; автограф: Там же. Л. 339–341).

[2] 16/28 июня 1850 г. Жуковский спрашивал цесаревича: «Вчера, то есть ровно за двадцать пять дней до назначенного мною отсюда выезда, следовательно за столько времени, что могу успеть к Вашему высочеству написать и получить ответ Ваш, я услышал следующее: «25-летие царствования благословенного императора будет праздновано и в Петербурге ноября 20 1850, в день восшествия на престол и в Москве августа 22 1851, в день коронации». Спешу предложить мой вопрос Вашему императорскому высочеству: правда ли это? <…> Итак, в заключение, благоволите милостиво дать мне добрый совет: что делать? Если подлинно будет в Москве *второй* праздник царской коронации в августе 1851-го, то я могу отложить мое возвращение в Россию до начала июня 1851-го, ибо имею высочайшее позволение жить за границею бессрочно. Если, напротив, будет только *один* в нынешнем ноябре праздник двадцатипятилетия по вступлении на престол, то я поеду в нынешнем июле» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 339, 341).

[3] В Царском Селе традиционно в летнее время проводились маневры.

[4] Огромное неопубликованное письмо от 14/26 апреля 1850 г. (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 308–331), позднее преобразованное в статью «Иосиф Радовиц».

[5] Й.М. фон Радовиц (1797–1853), друг Жуковского, выступил основным идеологом Эрфуртского союза, нацеленного на принятие общей германской конституции и создание конфедерации всех немецких земель. В январе 1850 г. были проведены выборы в Эрфуртский парламент, который собрался 20 марта. На заседаниях парламента И. фон Радовиц был одним из самых активных ораторов.

[6] В конце 1849 либо в начале 1850 г. между Александром Рейтерном и Михаилом Ивановичем Туманским, генерал-майором и командиром лейб-кирасирского его императорского высочества наследника цесаревича полка, т.е. непосредственным начальником молодого офицера, произошла какая-то неприятная размолвка личного свойства. В чем она заключалась, неясно, но она могла поставить крест на карьере Рейтерна. Дабы предупредить возможные последствия, Жуковский в письмах, написанных 1/13 марта (первое) и в середине марта 1850 г. (второе) обратился за высочайшей помощью: он попросил перевести Рейтерна из лейб-кирасирского полка, т.е. из-под начала Туманского, в штаб армии адъютантом главнокомандующего

И.Ф. Паскевича (текст писем см. в ст.: Киселев В.С. В.А. Жуковский в судьбе Александра Рейтерна (по материалам писем 1840-х гг. к великому князю Александру Николаевичу) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 27–28). Просьба Жуковского в очередной раз была услышана и удовлетворена, и уже 14/26 июня 1850 г. он смог поблагодарить цесаревича за содействие в переводе Рейтерна (Там же. С. 28). Адъютантом И.Ф. Паскевича Александр прослужил до 1856 г.

49*
(С. 155–156)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 94–95 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 22 августа / 3 сентября 1850 г.

[1] С 23 августа по 13 сентября цесаревич принимал смотры войск в Западном крае, 12 сентября из Тамани сухим путем он отправился на Кавказ, откуда вернулся в Петербург к 13 ноября 1850 г. (Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1. С. 448–449). См. также: Ольшевский М.Я. Цесаревич Александр Николаевич на Кавказе с 12 сентября по 28 октября 1850 г. // РС. 1884. № 9. С. 576–588.

[2] Письмо от 28 июля / 9 августа 1850 г. (РА. 1885. № 7. С. 365–366 – с сокращениями; автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 346–347) с изложением причин, препятствующих возвращению в Россию.

[3] В Варшаве императрица проходила лечение, император ее сопровождал во второй половине сентября – первой половине октября 1850 г., вернувшись в Царское Село к 21 октября. В Варшаву съехались многие представители королевских фамилий Германии. Здесь же был отпразднован 50-летний юбилей князя И.Ф. Паскевича.

[4] 22 августа 1850 г. полки праздновали 150-летний юбилей со дня их наименования лейб-гвардейскими.

[5] Великий князь Николай Александрович, так же как и отец, в детстве был офицером Преображенского полка.

50*
(С. 156–157)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 96–97 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 28 декабря 1850 г. / 9 января 1851 г.

[1] Письма от 12/24 ноября и середины ноября 1850 г. (ЖИМ. Вып. 3. С. 313, 310–312) с поздравлением к 25-летию царствования императора и к получению награды цесаревичем.

[2] «26-го октября Наследник отправился из Воздвиженской крепости в Ачхай, в сопровождении наместника князя Воронцова и под прикрытием отряда, состоявшего из пехоты, нескольких сотен казаков с артиллерией, а также туземной милиции и толпы мирных чеченцев. По обыкновению, его высочество ехал верхом с авангардом. Между реками Рошня и Валериком он заметил показавшуюся за левой цепью под Черными горами партию неприятеля и тотчас поскакал к ней, увлекая за собой всю свиту, генералов отряда и несколько казаков и туземцев. Чеченцы, выстрелив по нем, бросились бежать, но были преследуемы казаками и мирными чеченцами, а между тем конвой Наследника из линейных казаков и азиатов заехал им в тыл. В происшедшей схватке начальник партии, оруженосец наиба Самбдулы, был убит; труп его остался в руках казаков, и оружие тут же поднесено Наследнику» (Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1. С. 448). В письме-донесении графа М.С. Воронцова об этом событии говорилось: «Умоляю Ваше императорское величество не отказать мне в этом представлении. Крест св. Георгия 4-й степени будет не только справедливой наградой государю наследнику, но будет сочтен драгоценной наградой для всего кавказского корпуса и будет с восторгом принят всеми здешними войсками» (Русский инвалид. 1850. № 247 от 10 ноября). Орден св. Георгия, учрежденный Екатериной II, был высшим военным орденом за боевые заслуги. По ходатайству М.С. Воронцова 10/22 ноября он был пожалован императором наследнику престола, а 26 ноября / 8 декабря торжественно вручен цесаревичу, который, кроме того, был назначен шефом Эриванского карабинерного полка.

[3] Цесаревич вернулся с Кавказа 13 ноября 1850 г.

[4] Празднование двадцатипятилетия царствования императора Николая I, прошедшее 20 ноября / 2 декабря 1850 г. в Санкт-Петербурге, по его личному распоряжению не отмечалось какими-либо публичными торжествами.

[5] В течение 1850 г. конкуренция Австрии и Пруссии за доминирование в Германии приняла остро конфликтную форму. Под давлением России и Франции для разрешения Гессен-Кассельского спора прусский король Фридрих Вильгельм IV предложил провести личную встречу глав правительств двух государств. Она состоялась 29–30 ноября 1850 г. в Ольмюце, посредником на ней выступил российский посланник в Вене Петр Казимирович Мейендорф. В результате переговоров стороны подписали Ольмюцкое соглашение.

51*
(С. 157–158)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 98–99 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 1/13 мая 1851 г.

[1] Письма от 8/20 (ЖИМ. Вып. 3. С. 317–319) и 17/29 апреля (Там же. С. 320) 1851 г. с поздравлениями к Пасхе и к дню рождения цесаревича.

[2] Для обсуждения политических дел император Николай I пригласил прусского короля Фридриха-Вильгельма IV в мае 1851 г. приехать к нему в Скерневицы (близ Варшавы). Свидание состоялось 6/18 мая 1851 г.

[3] Письмо от 17/29 апреля 1851 г. содержало просьбу материально помочь Константину Зигварт-Мюллеру (Constantin Siegwart-Müller), председателю кантонального совета Люцерна, в 1844 г. выполнявшего обязанности президента Швейцарской Диеты «Tagsatzung», Ассамблеи делегатов кантонов, до 1848 г. законодательного и исполнительного органа Швейцарской Конфедерации. Был главой военного совета католических кантонов (Зондербунда), в 1840-е гг. ведших борьбу с протестантскими кантонами. В ходе вооружённого столкновения 24 ноября 1847 г. католический сепаратный союз потерпел поражение, что заставило Мюллера покинуть Швейцарию и перебраться в австрийскую Ломбардию, а затем в Инсбрук и Страсбург. В ГАРФ находится написанное на французском языке письмо Зигварта-Мюллера к В.А. Жуковскому от 13/25 апреля 1851 г. (Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 362–362 об.).

52*
(С. 158)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 100–101 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 2/14 сентября 1851 г.

[1] Письма от 30 июля / 11 августа – 10/22 августа 1851 г. и от 20 августа / 1 сентября 1851 г. (ЖИМ. Вып. 3. С. 322–326) с поздравлениями ко дню тезоименитства цесаревича и с изложением причин, препятствующих возвращению в Россию.

[2] 25-летие со дня коронации императора в Москве 22 августа 1826 г. Императорская семья прибыла в Москву 19 августа 1851 по недавно построенной железной дороге, где была пышно встречена. 22 августа состоя-

лось торжественное богослужение в Успенском соборе Кремля. Затем прошли народные гулянья.

[3] Цесаревич воспользовался пребыванием в Москве для проведения смотров в близлежащих городах с 3 по 7 сентября 1851 г.

53*
(С. 159)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 102–103.
Публикуется впервые.
Датируется: 23 ноября / 5 декабря 1851 г.

[1] Письма от 13/25 октября (ЖИМ. Вып. 3. С. 332–333) и 28 октября / 9 ноября (Там же. С. 333–334) 1851 г.

[2] 13/25 октября 1851 г. Жуковский через П.А. Плетнёва и цесаревича обратился с письмом к императору с просьбой выкупить в казну экземпляры «Новых стихотворений В. Жуковского» и пятого издания «Стихотворений В. Жуковского» (РГИА. Ф. 733. Оп. 108. № 68. Л. 3–4 об.). О благоприятном решении императора П.А. Плетнёв уведомил Жуковского в письмах от 30 октября / 11 ноября (Переписка. Т. 3. С. 712–715) и от 26 ноября / 8 декабря (Там же. С. 719–722) 1851 г.

[3] Князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов, с 1850 г. министр просвещения. Его отношение к великому князю от 10 ноября 1851 г., пересланное Жуковскому, определяло порядок получения денег на выкуп книг (РГИА. Ф. 733. Оп. 108. № 68. Л. 20–20 об. Копия).

[4] Экземпляры были присланы при благодарственном письме от 13/25 октября 1851 г.

[5] Великая княжна Мария Николаевна прибыла в Баден 1/13 июля 1851 г. Ее прибытию Жуковский посвятил стихотворение «Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне, приветствие от русских, встретивших ее в Бадене» (см. комментарий к нему А.С. Янушкевича: ПССиП. Т. 1. С. 735–736).

54*
(С. 160–161)

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 104–105 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 25 января / 6 февраля 1852 г.

[1] Письма от 28 ноября / 10 декабря (ЖИМ. Вып. 3. С. 335–340), 3/15 декабря (Там же. С. 341) 1851 г. и от 1/13 января 1852 г. (Там же. С. 341–344).

[2] В письме от 28 ноября / 10 декабря 1851 г. Жуковский просил: «Но, как говорит пословица, *смерть не за горами, а за плечами*, и вот Вам мое завещание: если услышите, что смерть стучится в мои двери, то потешьте меня доброю вестью об обеспечении судьбы моего семейства» (Там же. С. 338).

[3] См. письмо цесаревича от 27 февраля / 11 марта 1845 г.

[4] В письме от 28 ноября / 10 декабря 1851 г. Жуковский просил отсрочки для присылки сына Павла, крестника цесаревича, в Россию и излагал планы его образования и воспитания в семейной обстановке (Там же. С. 338–339).

[5] В своем последнем письме к великому князю от 1/13 января 1852 г. Жуковский отзывался на государственный переворот во Франции. Шарль Луи Наполеон Бонапарт, впоследствии Наполеон III, племянник Наполеона I, после двух неудачных попыток захвата власти (Страсбургский заговор 1836 г. и Булонская высадка 1840 г.), закончившихся тюремным заключением, в ходе революции 1848 г. стал вначале депутатом Национального собрания, а затем президентом Французской республики. 2 декабря 1851 г., в годовщину Аустерлицкой битвы 1805 г., он совершил государственный переворот, распустив Национальное собрание, и через год провозгласил себя императором. 20–21 декабря 1851 г. во Франции под сильнейшим полицейским давлением прошел плебисцит, санкционировавший государственный переворот, изменение конституции и увеличение президентского срока Луи Наполеона Бонапарта. Его инаугурация прошла в соборе Нотр-Дам.

[6] Подразумевается Великая французская революция 1789–1893 гг.

Великая княжна Мария Николаевна

1
(С. 164–165)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28135. Л. 1–2. На л. 2 об. запись Жуковского: «Кто Пиндару смелому, Юлий, желает // Быть подобен, тот на крыльях Дедала слабых // Мчится к небу». Начальные стихи из оды Горация IV.2 «Pindarum quisquis studet aemulari» («Тот, кто желает подражать Пиндару»).

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 423–424. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 13 июля 1828 г.

[1] Лето 1828 г. императрица Александра Федоровна со старшей дочерью провела в Одессе, чтобы находиться ближе к ставке императора во время Русско-турецкой войны. В упоминаемом письме от 25 июня 1828 г. Жуковский, в частности, просил: «Если Вы захотите еще раз меня обрадовать письмом, то прошу Вас как можно подробнее описать мне тот дом, в котором Вы живете, виды из Ваших окон и, наконец, как расположено Ваше время: чем в какой день и час Вы занимаетесь!» (С 8. Т. 6. С. 599).

[2] Юлия Федоровна Баранова (урожд. Доротея Елена Юлиана Адлерберг), графиня (с 1846), статс-дама, гофмейстерина, воспитательница дочерей Николая I и близкий друг императорской семьи.

2
(С. 165–167)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28135. Л. 3–7.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 426–427. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу с сохранением авторской орфографии и грамматики.

Датируется: 6/18 мая 1833 г.

[1] Письмо Жуковского из Верне от 4/16 января 1833 г. с описанием природы Швейцарии и своего домашнего быта (С 8. Т. 6. С. 600–602).

[2] То есть лень отвечать на письма.

[3] Александра Николаевна, великая княжна, младшая дочь императора Николая I.

[4] Протоиерей, законоучитель великого князя Александра Николаевича и великих княжон Герасим Петрович Павский.

[5] Ольга Николаевна, великая княжна, дочь императора Николая I.

[6] Константин Николаевич, великий князь, второй сын императора, младший брат Александра Николаевича, с рождения его готовили к руководству российским флотом.

[7] Николай Николаевич, великий князь, третий сын императора Николая I.

[8] Михаил Николаевич, великий князь, младший сын императора Николая I.

[9] Этот, вероятно, шутливый замысел Жуковского остался нереализованным.

[10] П.А. Плетнёв, учитель литературы великого князя Александра Николаевича и великих княжон.

[11] К.К. Мёрдер весной 1833 г. отправился на лечение в Германию. В первых числах мая он покинул Берлин и отправился на лечение в Баден, посетив по пути Дрезден, об этих планах он сам сообщал Жуковскому в письме от 17/29 апреля 1833 г.: «4/16 сего месяца дотащились мы в Берлин. В Тильзите и в 1-ю ночь по приезде в Берлин были у меня мои страшные припадки, от которых единственное средство избавиться есть кровопускание. <…> 23 апреля/5 мая предполагаю оставить Берлин. В Дрездене посоветуюсь еще с г. Крейсихом, так много занимавшимся болезнями сердца, и отправлюсь с запасом добрых советов, а еще с большею надеждою на милость Всевышнего, в Баден, где надеюсь обнять Вас, мой милый друг, и наговориться и наглядеться на Вас за все время нашей с Вами разлуки» (РО ИРЛИ. № 28146. Л. 32–32 об.). В Бадене К.К. Мёрдер встретился с Жуковским 13/25 июля 1833 г. (ПССиП. Т. 13. С. 386)

[12] Возможно, здесь подразумевается замысел перевода «Ундины», над которым Жуковский продолжал работать в Швейцарии.

[13] Шарлотта Карловна Дункер, англичанка Генриетта Егоровна Холидей (Голидей), воспитательницы великой княжны Марии Николаевны, и Варвара Ивановна Дубенская (в замуж. Лагрене), ее фрейлина.

[14] Здоровье Флориана Жилля также пошатнулось, и он отправился на лечение водами в Эмс. Великий князь сообщал об этом К.К. Мёрдеру 8 мая 1833 г.: «Я думаю, что это письмо Вас уже застанет в Баден-Бадене, куда г. Жилль намеревается приехать Вас навестить» (РС. 1886. Т. 50. С. 407). Свидание Жуковского с Жиллем произошло во Франкфурте 19/29 июля 1833 г. (Там же).

[15] Это письмо Жуковского к императрице Александре Федоровне от 19/31 марта 1833 г., запись о котором сохранилась в дневнике поэта (Там же. С. 353), в настоящий момент не обнаружено.

3
(С. 167)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28135. Л. 16. Б.д.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 428. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.
Датируется: 1834–1836 гг.

Датировка предположительная – временем после возвращения Жуковского из третьего заграничного путешествия (осень 1833 г.) и до отъезда его в путешествие по России с цесаревичем (1837). С 1837 г. П.А. Плетнёв не исполнял больше обязанности учителя словесности при Марии Николаевне.

4
(С. 167–168)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28135. Л. 14–15. Б.д.
Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 428–429. Публикация П.И. Бартенева.
Печатается по автографу.
Датируется: конец декабря 1837 г.

Датируется временем вскоре после пожара Зимнего дворца 17 декабря 1837 г.

[1] Графиня Софья Павловна Голенищева-Кутузова, дочь генерала от кавалерии, участника войны с Наполеоном, петербургского генерал-губернатора Павла Васильевича Голенищева-Кутузова.

[2] Карл Васильевич Нессельроде, в 1822–1856 гг. – министр иностранных дел.

[3] Ср. воспоминания Марии Карловны Мёрдер, дочери К.К. Мёрдера:

> Утром я видела всех трех великих княжон, они были очень бледны.
> Великая княжна Александра сказала моей матушке:
> – Вообразите, вчера вечером, в 9 час<ов> с минутами, сидя за столом, я случайно взглянула во двор дворца и вскрикнула: «Мы горим!» – Камердинер отвечал, что это ничего, – выкинуло из трубы. Вас тогда уже не было. <…> Затем созвали прислугу, и мне вновь отвечали: «Ничего, не тревожьтесь!» Тогда мы легли. Вы знаете, что государь был в театре. Ему докладывают, что дворец горит. Он поднимается с места, но его тотчас же убеждают остаться на спектакле, уверяя, что огонь уже потушен. Государь с беспокойством смотрит в партер и замечает уход коменданта. Тогда он говорит матушке: «Я хочу лично видеть, что про-

исходит». – По дороге батюшка встречает дядю Михаила, узнает, что пожар далеко не шуточный, и поручает передать своей супруге, чтобы она ехала в Аничков дворец. Матушка, получив это распоряжение, спрашивает:

– Где же дети?

– Они еще в Зимнем дворце.

– В таком случае – я еду в Зимний дворец!

Карета уже тронулась, когда матушка крикнула: «В Зимний дворец!»

Тотчас же нас перевезли. Что же касается матушки, то она осталась, чтобы привести в порядок и уложить свои бумаги, затем сама перенесла их к Нессельроде, у которых провела часть ночи. У нее достало самообладания подумать о девице Кутузовой, которой грозила опасность, так как, будучи больною, она лежала в верхнем этаже дворца.

Мы еще не выезжали из дворца, когда, могу сказать, на наших глазах рухнула чудная Георгиевская зала. Пожар распространялся с поразительною быстротою. Матушка полагает, что ему скорее помогали, чем тушили. Батюшка на своих руках вынес икону Пречистой Девы – спустя мгновение церковь обрушилась...

Знаете ли вы, что Саша был в эту же ночь на другом пожаре – в Галерной гавани, что сопровождалось различными приключениями. Первоначально он сел в извозчичьи сани, но лошадь стала на Большом мосту; у второго извозчика лошадь сломала себе ногу. Великий князь прошел некоторое расстояние пешком и, спешив встречного жандарма, вскочил на коня его и уже верхом добрался до пожарища (РС. 1902. Т. 101. № 2. С. 439–440. Пер. с фр.).

5
(С. 169–170)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28135. Л. 8–9.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 429–430. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 22 июня / 4 июля 1838 г.

[1] Жуковский находился в заграничном путешествии вместе с цесаревичем.

[2] Пироцкий – неустановленное лицо.

[3] Преподаватель рисования детям императора, профессор Академии художеств Александр Иванович Зауервейд.

[4] В 1838 г. были опубликованы первые восемь томов Сочинений Александра Пушкина.

[5] Фраза опущена в первой публикации.

[6] Иван Матвеевич Толстой, граф, дипломат, шталмейстер двора наследника, министр почты и телеграфа.

6
(С. 170–171)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28135. Л. 10–11.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 431. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 19 ноября / 1 декабря 1838 г.

[1] Фраза выпущена в первой публикации.

[2] Подразумевается герцог Максимилиан Лейхтенбергский. Бракосочетание состоялось 2 июля 1839 г.

[3] Статья «Письмо москвича в С. Петербург» (Северная пчела. 1838. № 261. 17 ноября. С. 1 за подписью «А.Б.»).

[4] В 1838 г. Карл Павлович Брюллов познакомился с 16-летней Эмилией Тимм, дочерью рижского бургомистра Фридриха Готфрида (Готлиба) Тимма, и влюбился в нее. 27 января 1839 г. они поженились, однако уже спустя месяц супруги расстались навсегда. Эмилия уехала с родителями в Ригу, инициированный Брюлловым бракоразводный процесс продолжался до 1841 г.

7
(С. 171–172)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28135. Л. 12–13.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 440–441. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 1 мая 1840 г.

[1] Вторая часть фразы выпущена в первой публикации.

[2] Великая княжна родила дочь Александру 28 марта 1840 г.

[3] Василий Борисович Бажанов (Баженов), богослов, протоиерей Придворного и московского Благовещенского собора, член Синода, с 1835 г. законоучитель и духовник великого князя Александра Николаевича.

[4] Город в Баварии в предгорьях Альп на берегу одноименного озера.

Великая княжна и принцесса Вюртембергская Ольга Николаевна

1
(С. 175)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28186. Л. 1–2.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 447–448. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 10/22 марта 1846 г.

Письмо было доставлено Жуковскому великим князем Александром Николаевичем, см. его письмо от 18/30 апреля 1846 г.

[1] Помолвка с Карлом Фридрихом Александром, принцем Вюртембергским, совершенная 6 января 1846 г.

[2] Императрица Мария Федоровна была урожденной принцессой Вюртембергской; великая княжна Екатерина Павловна, дочь Павла I и Марии Федоровны, во втором браке с 1816 г. стала королевой Вюртемберга.

[3] Поздравления Жуковского были выражены в письме к императрице Александре Федоровне от 24 февраля / 8 марта 1846 г. (ПЖиГ. Вып. 1. С. 93–94). О пребывании императорской семьи в Сицилии. Подробнее см.: Пащинская И. Царская семья в Палермо // Русская Сицилия. М., 2013. С. 73–89.

[4] Александру Васильевну.

2
(С. 175–176)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28186. Л. 3–4.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 2. № 8. С. 448. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.
Датируется: 10/22 марта 1846 г.

[1] Подразумевается книга немецкого богослова Эвальда Рудольфа Штира «Die Reden des Herrn Jesu» («Речи Господа Иисуса»). Иоанн Иоаннович Базаров в своих «Воспоминаниях о В.А. Жуковском» писал: «В 1848 году занимался он чтением книги Штира под заглавием «Die Reden des Herrn Jesu» («Речи Господа Иисуса»). Книга эта написана в самом строгом христианско-консервативном тоне одним из так называемых в Германии верующих (пиетистов) богословов и отличается глубоким прозрением в смысл слов Иисуса Христа <…>. Я помог в этом отношении покойному» (Ж. в воспоминаниях. С. 446). Книга сохранилась в библиотеке Жуковского (Описание. № 2191).

[2] «И, увидев Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: Чадо! что́ Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что́ принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов» (Лк. 2: 48–50).

[3] «Новые стихотворения Василия Жуковского» (Карлсруэ, 1848) с первой половиной перевода «Одиссеи» во втором томе.

[4] Книга П.А. Вяземского «Фонвизин», долгие годы остававшаяся в рукописи, была издана в Петербурге в 1848 г.

Великая княжна Александра Николаевна

(С. 179)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27904. Л. 45–46. Б.д.

Впервые опубликовано: РА. 1868. Кн. 1. № 1. Стб. 107–108 (до слов: «чего же нам желать больше»). Публикация П.И. Бартенева.

Впервые полностью: ЖИМ. Вып. 1. С. 444–445. Публикация Л.Н. Киселевой.

Печатается по автографу.

Датируется: февраль 1844 г.

Адрес: «Василию Андреевичу Жуковскому» (л. 47).

Датируется по выходу в свет в конце января издания повести «Наль и Дамаянти» (СПб., 1844) и письму Жуковского к М.Ю. Вильгорскому от 23 января / 4 февраля 1844 г. из Дюссельдорфа:

«Возьми на себя этот труд. Экземпляры императрице и Александре Николаевне отдашь при письмах, которые здесь прилагаю» (С 7. Т. 6. С. 608).

[1] Подразумеваются образы из посвящения к повести:

В те дни, когда мы верим нашим снам
И видим в их несбыточности быль,
Я видел сон <…>
Пока задумчиво я слушал, мимо
Прошел весь ход, и я лишь мог приметить
Там, в высоте, над радостно шумящим
Народом, паланкин; как привиденье,
Он мне блеснул в глаза; и в паланкине
Увидел я царевну молодую,
Невесту севера; и на меня
Она глаза склонила мимоходом:
И скрылось все... (ПССиП. Т. 5. С. 96, 97)

[2] Подразумевается беременность сыном Вильгельмом.

[3] Вероятно, графиня Софья Ивановна де Местр (урожд. Загряжская), знакомая Жуковскому с 1820-х гг.

Великий князь Константин Николаевич

1
(С. 183)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28095. Л. 1–1 об.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 3. Кн. 10. С. 140. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 30 июля 1837 г.

[1] Федор Петрович Литке, граф (1866), в 1832–1847 г. состоял в должности воспитателя великого князя Константина Николаевича, в 1847–1852 гг. был его попечителем. Военно-морской деятель, географ-мореплаватель, контр-адмирал (1835), генерал-адъютант (1842), вице-адмирал (1843), адмирал (1855), член Государственного совета (1855), председатель Ученого комитета Морского министерства (1846). В 1817–1819 гг. участник круго-

светного плавания на шлюпе «Камчатка» под командой В.М. Головнина. В 1821–1824 гг. совершил ряд самостоятельных научных экспедиций по изучению побережья Новой Земли, восточной части Баренцева и Белого морей. В 1826–1829 гг. руководил кругосветной экспедицией на шлюпе «Сенявин». Один из организаторов Русского географического общества, которое возглавлял с 1845 по 1850 г. и с 1857 по 1872 г. В период с 1850 по 1857 г. начальник Ревельского, затем Кронштадтского портов. В 1864–1881 гг. президент Петербургской академии наук. Автор ряда научных сочинений и географических описаний.

[2] Подразумевается письмо Жуковского к Ф.П. Литке от 6 мая 1837 г., в котором он в том числе просил великого князя написать ему (РА. 1887. № 6. С. 328–329).

[3] 15 июня 1837 г. на фрегате «Аврора» великий князь совершил плавание по Финскому заливу до острова Гогланд, вернувшись в Кронштадт 24 июня. Затем с 8 по 24 июля на том же фрегате он посетил Ревель, Балтийский Порт и Гангут, см.: Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: Молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019. С. 46.

[4] Линейный корабль «Вола» заложен в 1835 г. на эллинге Нового Адмиралтейства в Санкт-Петербурге. В 1837 г. спущен на воду и летом 1838 г. вступил в строй и вошел в состав Балтийского флота. В 1854–1856 гг. в мастерских Кронштадского военного порта переделан в парусно-винтовой. В 1869 г. разоружен и сдан Кронштадскому военному порту на хранение, в 1871 г. исключен из списков флота.

[5] Имеются в виду памятники М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли работы скульптора Б.И. Орловского в сквере перед Казанским собором в Санкт-Петербурге. Монументы были торжественно открыты 25 декабря 1837 г. в день празднования двадцать пятой годовщины изгнания французов из России.

[6] Александр Николаевич, старший сын императора Николая I, великий князь. В период со 2 мая по 12 декабря 1837 г. совершил ознакомительное путешествие по России в сопровождении своего наставника В.А. Жуковского.

2
(С. 183)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28095. Л. 3–3 об.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 3. Кн. 10. С. 140–141. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 23 октября 1838 г.

[1] Михаил Николаевич, великий князь, младший сын императора Николая I. Впоследствии генерал-фельдцейхмейстер (с 1852 г.), генерал-фельдмаршал (с 1878 г.), генерал-адъютант (с 1856 г.), наместник на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа (1862–1881 гг.), председатель Государственного совета (1881–1905 гг.).

[2] Ольга Николаевна, великая княжна, вторая дочь императора Николая I. С 1846 г. принцесса, с 1864 г. королева Вюртембергская. С 1846 г. замужем за принцем Карлом Фридрихом Александром (впоследствии король Карл I) Вюртембергским.

[3] Мария Николаевна, великая княжна, старшая дочь императора Николая I, с 1839 г. замужем за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Впоследствии президент Петербургской академии художеств, председательница Общества поощрения художеств.

[4] Александра Николаевна, великая княжна, младшая дочь императора Николая I, с 1843 г. замужем за герцогом Гессен-Кассельским Фридрихом Вильгельмом Георгом Адольфом.

[5] Жуковский вместе с великим князем Александром Николаевичем находился в зарубежном образовательном путешествии. Ответное письмо Константину Николаевичу с описанием римских древностей он отправил 10/22 декабря 1838 г. (РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. № 359. Л. 1–2).

[6] Максимилиан Иосиф Евгений Август Наполеон, герцог Лейхтенбергский, сын Евгения Богарне, военного и государственного деятеля, пасынка Наполеона Бонапарта. С 1839 г. супруг великой княжны Марии Николаевны. До переезда в Россию – командир 6-го кавалерийского полка баварской королевской армии. В России – командир 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, с 1839 г. почетный член Петербургской академии наук, основатель лаборатории гальванопластики; с 1843 г. президент Петербургской академии художеств, с 1844 г. главноуправляющий Петербургским институтом Корпуса горных инженеров.

3

(С. 184)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28095. Л. 5–5 об.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 3. Кн. 10. С. 141. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 17 ноября 1840 г.

[1] Август Федорович Гримм (Август Теодор), немецкий педагог. С 1827 г. инспектор классов в учебном заведении Муральта в Петербурге. С 1835 г. инспектор уроков великого князя Константина Николаевича, учитель истории и немецкого языка великих князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей, а также великой княжны Александры Николаевны. Автор обширного труда на немецком языке об императрице Александре Федоровне («Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland». СПб., 1866. 2-е изд.,).

[2] Жан Шарль Леонард Сисмонди, швейцарский экономист и историк, один из основоположников политической экономии.

[3] Бажанов Василий Борисович, священник (с 1826 г.), протопресвитер (с 1848 г.), богослов, с 1848 г. – духовник императора Николая I, с 1849 г. – член Священного синода и обер-священник Генерального штаба, Гвардейского и Гренадерского корпусов, законоучитель и духовник детей императора Николая I. Впоследствии духовник императоров Александра II и Александра III.

[4] На это письмо Жуковский ответил в тот же день разбором целей и сути эпистолярного общения (РА. 1867. № 12. Стб. 1388–1389).

4
(С. 184–185)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28095. Л. 7–7 об.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 3. Кн. 10. С. 142. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 24 ноября 1840 г.

[1] Имеется в виду роман Франсуа Фенелона «Телемак», написанный в 1695–1696 гг., главный герой которого Телемак, сын Одиссея, путешествуя вместе со своим наставником Ментором, наблюдает за властвующими государями и изучает их опыт. Впоследствии воспитатель великого князя Константина Николаевича Ф.П. Литке, отождествляя своего воспитанника с героем романа, часто именовал его Телемаком в личных письмах и дневниках.

5
(С. 185–186)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28095. Л. 9–9 об.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 3. Кн. 10. С. 142. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 8 декабря 1840 г.

[1] Это письмо Жуковского не сохранилось.

[2] Личная переписка этого периода Ф.П. Литке и великого князя пока остается неопубликованной, автографы: РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. № 12; РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. № 368.

[3] 6 декабря 1840 г. состоялось обручение наследника цесаревича Александра Николаевича с принцессой Гессен-Дармштадтской Максимилианой Вильгельминой Августой Софией Марией (нареченной в православии Марией Александровной).

[4] Константин Николаевич имеет в виду, что за год до обручения цесаревича Александра Николаевича 2 июля 1839 г. замуж вышла великая княжна Мария Николаевна.

[5] Зауервейд Александр Иванович, художник-баталист, профессор Академии художеств (с 1831), учитель рисования детей императора Николая I.

[6] Летом 1838 г. А.И. Зауервейд совершил поездку для обозрения мест Кульмского сражения и Лейпцигской битвы, чтобы исполнить заказ императора Николая I для Александровского зала Зимнего дворца. В результате поездки в конце 1830-х – начале 1840 х гг. художник написал четыре полотна: «Сражение при Фершампенуазе», «Взятие Парижа», «Бой при Кульме» и «Битва под Лейпцигом», законченные впоследствии его учеником Б.П. Виллевальде.

[6] На это письмо Жуковский ответил обширным письмом от 10 декабря 1840 г., еще раз разъяснив великому князю суть эпистолярного общения и дав советы по самосовершенствованию (РА. 1867. № 12. Стб. 1389–1392).

6
(С. 186)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28095. Л. 11–11 об.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 3. Кн. 10. С. 143. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 15 декабря 1840 г.

[1] Подразумевается фрагмент из письма Жуковского от 10 декабря 1840 г.:

> Никто не родился совершенным, но достигнуть возможного совершенства есть цель нашей жизни. Наши недостатки противятся достижению к этой цели; чтобы уничтожить это сопротивление, надобно искоренить недостатки; чтобы иметь возможность искоренить их, надобно их знать. <…> Но я здесь должен сделать одно замечание: не довольно того, чтобы *знать*, надобно *искоренить* недостатки; и этого еще мало: надобно их *заменить* добрыми качествами. Не имев недостатков, мы дойдем только до того, что *не будем делать зла*. Это достоинство отрицательное, в котором всякое неодушевленное создание нас всегда перещеголяет, ибо нет ничего непорочнее камня, дерева и прочее. Надобно *делать добро*, и для этого, искоренив недостатки, запастись *добрыми качествами*. Недостатки, усиливаясь, становятся *пороками*, и тогда наша душа становится низкою, и жизнь наша навеки испорчена. Добрые качества, усиливаясь, обращаются *в добродетели*, и тогда душа наша восходит на высоту, и жизнь получает свое настоящее достоинство. Какое же главное средство дойти со временем до такой развязки? *Привычка*. <…> И вот по ней дорога: *1-я станция: узнать*, что в вас дурного. Судя по письму Вашему, Вы уже добрались до этой станции. *2-я станция: дать себе верное слово* действовать против узнанного недостатка всякий раз, когда он противоборствует нашей доброй воле. *3-я станция* и все за нею следующие (которых можно насчитать множество, смотря по тому, какова решимость в исполнении данного себе слова) – *борьба* не на живот, а на смерть с *действующим недостатком*. Последняя станция будет *привычка*, которая отворит дверь во святилище *добродетели* (РА. 1867. № 12. Стб. 1390–1391).

[2] В пример действия привычки Жуковский в том же письме привел оратора Демосфена, родившегося заикою, но исправившего заикание долгими упражнениями.

7
(С. 187)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28095. Л. 13–13 об.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 3. Кн. 10. С. 143–144. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 5 января 1841 г.

[1] Письмо Жуковского от 29 декабря 1840 г. с подробными советами, как работать над самосовершенствованием (РА. 1867. № 12. Стб. 1394–1397).

[2] Жуковский отправился в Москву с прощальным визитом перед отъездом на жительство в Германии 7 января 1841 г.

[3] Свадьба наследника цесаревича Александра Николаевича состоялась 16 апреля 1841 г.

[4] См. рассказ об этом путешествии в письме великого князя от 8/20 июля 1841 г., ср.: Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: Молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019. С. 49–53.

[5] Путешествие по Германии состоялось с 20 июня по 30 июля 1840 г., см.: Там же. С. 48.

8

(С. 187–188)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28095. Л. 15–15 об.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 3. Кн. 10. С. 144. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 15 февраля 1841 г.

[1] Экзамены состоялись 3–15 марта 1841 г., Подробнее об их ходе см.: Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: Молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019. С. 42–45.

[2] Иван Петрович Шульгин, историк и географ, учитель Царскосельского лицея, впоследствии профессор всеобщей истории и ректор Петербургского университета, преподавал русскую историю, географию и статистику великим князьям Константину, Николаю и Михаилу Николаевичам.

[3] Екатерининский институт (Училище ордена Св. Екатерины), институт благородных девиц для дочерей потомственных дворян, основан в 1798 г.

9
(С. 188–189)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28095. Л. 17.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 3. Кн. 10. С. 144–145. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 16 марта 1841 г.

[1] Запись в дневнике Константина Николаевича от 4 марта 1841 г. об экзамене по математике: «Это мне было и труднее, и скучнее, и неинтереснее. Братцы, которые там были, чуть не заснули. Но мне говорили, что и этот раз было хорошо. Я только подгадил под конец тем, что не знал счисления» (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. № 78. Л. 12 об.). См. также: Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: Молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019. С. 42.

[2] У великого князя Константина Николаевича долгое время сохранялась привычка грызть ногти на руках и сосать пальцы. Запись в дневнике воспитателя великого князя Ф.П. Литке: «Чего мы не делаем, чтоб он не кусал губ, не клал пальцев в рот, не ковырял бородавок на пальцах! Ничто не помогает. Только задумался – палец во рту или ноготь на бородавку. Только его в чем-нибудь остановишь – сей час нижнюю губу в зубы» (Там же. Ф. 1463. Оп. 1. № 1112. Л. 186).

10
(С. 189)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28095. Л. 19–19 об.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 3. Кн. 10. С. 145. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 13 апреля 1841 г.

[1] Жуковский ехал в Германию для женитьбы, выезд состоялся 3 мая 1841 г.

[2] Великий князь отправился в путешествие 3 июня 1841 г.

[3] «Детский секретарь или Переписка между несколькими детьми, способная обучать их в эпистолярном стиле» – учебное пособие, впервые изданное в Париже в 1820 г.

[4] Великий князь, вероятно, читал поэму Гомера в русском прозаическом переводе Ивана Ивановича Мартынова, изданном в Петербурге в 1826–1828 гг.

11
(С. 190)

Автограф: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. № 663. Л. 7.

Впервые опубликовано: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2010. С. 454. Публикация А.Н. Сидоровой.

Печатается по автографу.

Датируется: 1 июня 1841 г.

[1] В.А. Жуковский женился на дочери своего друга, немецкого художника Герхарда Вильгельма фон Рейтерна Елизавете фон Рейтерн (в замужестве Жуковская Елизавета Евграфовна). Свадьба состоялась 21 мая 1841 г. в немецком городе Канштадт.

[2] Мария Александровна, великая княгиня, принцесса Гессен-Дармштадтская, с 1841 г. жена цесаревича Александра Николаевича, с 1855 г. российская императрица.

[3] В период с 3 июня по 23 июля 1841 г. великий князь Константин Николаевич на фрегате «Аврора» совершил путешествие в Голландию.

12
(С. 190–192)

Автограф: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. № 663. Л. 1а–2.

Впервые опубликовано: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2010. С. 454–457. Публикация А.Н. Сидоровой.

Печатается по автографу.

Датируется: 8/20 июля 1841 г.

[1] В XVII в. датский король Фредерик III начал собирать коллекцию произведений искусства, оружия и предметов древности. В начале XIX в. разросшаяся коллекция была выставлена в созданном в церкви Св. Троицы Музее северных древностей, позднее эти экспонаты вместе с рядом других королевских коллекций были перемещены во Дворец кронпринца и стали основой собрания Национального музея в Копенгагене.

[2] Имеется в виду церковь Св. Девы Марии – главный протестантский собор Копенгагена. Построена в 1811–1829 гг., интерьер церкви украшают статуи Христа и апостолов, выполненные известным датским скульптором Бертелем Торвальдсеном.

[3] Королевский дворец Маурицхейс, возведенный в 1633–1635 гг. для принца Морица Нассаусского, где собрана коллекция голландской живописи XV–XVII вв. и находится королевский кабинет восточных редкостей.

[4] Надгробный памятник Вильгельма I Оранского, убитого в Делфте в 1584 г., расположен на клиросе в Новой церкви, в подземной часовне находится усыпальница Нидерландской королевской семьи.

[5] Мартин Харпертсон Тромп, голландский адмирал.

[6] Петр Гейн, голландский адмирал.

[7] Очевидно, Филипп Франц фон Зибольд, немецкий естествоиспытатель и исследователь Японии, с 1823 г. Состоял на службе в Голландской Ост-Индской компании в качестве врача.

[8] Амстердамский зоопарк «Natura Artis Magistra», старейший зоопарк Нидерландов, основан в 1838 г.

[9] Национальный музей древностей в Лейдене, основанный в 1837 г.

[10] Имеется в виду Рейксмузеум, основанный в 1808 г. братом Наполеона I, королем Голландии Луи Бонапартом, где собрана богатая коллекция произведений голландской живописи и графики XV–XIX вв.

[11] Домик Петра I – историческая деревянная постройка в городе Заандаме (муниципалитет Занстад) в Нидерландах. В домике в 1697 г. жил Петр I во время пребывания в Голландии с Великим посольством.

[12] Стихотворение Жуковского «В Сардамском домике» («Над бедной хижиною сей...»). Атмосферу создания этой миниатюры Жуковский описал в письме к императрице Александре Федоровне из Гааги от 17/29 апреля 1839 г.: «…при взгляде на лачужку, где жил Петр Великий, слезы полились из глаз моих и нам в эту минуту стало понятно, почему между чувствами, проходящими по душе человеческой, одно из самых сладких есть благодарность Государю за отечество; оно именно потому так сладко, что оно совершенно бескорыстное. <...> Петра Великого давно нет, и его Сардамский домик чуть держится, но это место для русского имеет очарование невыразимое» (ПЖиГ. Вып. 1. С. 44–45).

[13] Вильгельм (Виллем) Фридрих Георг Людвиг, принц Оранский, с 1840 г. король Нидерландов Вильгельм (Виллем) II. Его жена – Анна Павловна, великая княгиня, дочь императора Павла I, сестра императора Николая I, с 1840 г. королева Нидерландов.

13
(С. 192–193)

Автограф: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. № 663. Л. 3–3 об.

Впервые опубликовано: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2010. С. 457–458. Публикация А.Н. Сидоровой.

Печатается по автографу.

Датируется: 10 августа 1841 г.

[1] Амабль Гильом Проспер Брюжьер де Барант, барон, французский посол в Петербурге (1835–1841), дипломат, историк, публицист и политический деятель, с 1836 г. почетный член французской Академии.

14
(С. 193–194)

Автограф: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. № 663. Л. 21–22. Б.д.

Впервые опубликовано: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2010. С. 458–461. Публикация А.Н. Сидоровой.

Печатается по автографу.

Датируется: октябрь 1841 г.

Датируется по письму Жуковского (см. примеч. 1), на которое служит ответом.

[1] Подразумевается следующее замечание из письма Жуковского от 5/17 сентября 1841 г.:

> Сделаю здесь замечание на одно место письма вашего. Вы говорите: «в галерее (в Гаге) есть много хороших картин Рембрандта» и пр., «но я не судья по этой части». Я бы был доволен последнею фразою, когда бы Вы сказали: еще не можете определять достоинства высших произведений искусства. Но Вы, как великий князь; то есть как назначенный иметь влияние на целый народ, должны иметь обо всем ясное понятие, должны принимать участие во всем, что входит в состав общественной жизни. Один строгий порядок, вследствие коего все на своем месте, еще не составляет благоденствия общественного. Он (т<о>

е<сть> порядок) необходим для его (т<о> е<сть> благоденствия) существования; но он его еще не производит. При *порядке* должна быть *жизнь*. Порядок есть и на кладбище, и там ничто его не нарушает, но это порядок гробов. Чтобы было в государстве *благоденствие,* необходимо нужно, чтобы все, что составляет жизнь души человеческой, цвело без всякого утеснения (но цвело и без нарушения порядка). Изящные искусства украшают жизнь; чувство изящного есть одно из высоких качеств души человеческой; без этого чувства человек глух, нем и слеп посреди великого Божия мира, где в *прекрасном* выражается Бог, недоступный уму, но ведомый сердцу. Не говорите же, когда дело идет об искусстве: *я не судья по этой части.* Не пренебрегайте тем, что облагораживает душу (РА. 1867. № 12. Стб. 1399–1400).

[2] С августа 1841 г. оценки за успеваемость и поведение на уроках великого князя Константина Николаевича вместо баллов стали писаться прописью (словами: «отлично», «хорошо», «внимательно», «слабо»). Эта перемена, по мнению воспитателей и учителей, должна была способствовать более серьезному отношению великого князя к учебе.

[3] Мария Максимилиановна, светлейшая княжна, герцогиня Лейхтенбергская, вторая дочь великой княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского, с 1863 г. замужем за принцем Вильгельмом Людвигом Августом Баденским.

[4] Фридрих Вильгельм IV, прусский король с 1840 г., брат императрицы Александры Федоровны.

[5] Мария Павловна, великая княгиня, дочь императора Павла I, сестра императора Николая I, с 1804 г. замужем за великим герцогом Саксен-Веймар-Эйзенахским Карлом Фридрихом.

[6] Великий князь Михаил Николаевич.

15
(С. 195–196)

Автограф: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. № 663. Л. 5–6 об.

Впервые опубликовано: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2010. С. 461–462. Публикация А.Н. Сидоровой.

Печатается по автографу.

Датируется: 18 января 1842 г.

[1] Письмо Жуковского от 28 декабря 1841 г. / 9 января 1842 г. с предновогодними размышлениями о скоротечности жизни и необходимости для великого князя деятельно готовиться к будущему государственному служению, а также с сообщением о подготовке «индийской повести» «Наль и Дамаянти» (перевод сюжета из древнеиндийского эпоса Махабхараты с немецкого пересказа Ф. Рюккерта), посвященной великой княжне Александре Николаевне (РА. 1867. № 12. Стб. 1401–1405).

[2] Стихотворение Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812) и баллада «Вадим» (1817).

[3] Перевод Жуковского повести «Ундина» Ф. де Ламотт-Фуке. Отдельным изданием перевод вышел в 1837 г. Баллада «Людмила» (1808).

[4] Платон Григорьевич Ободовский, педагог, драматург. С 1839 г. инспектор классов училища ордена Св. Екатерины, с 1840 г. профессор российской словесности в Главном педагогическом институте. Учитель русского языка и словесности детей императора Николая I: великих князей Константина, Николая, Михаила Николаевичей и великой княжны Александры Николаевны.

[5] Имеется в виду баллада «Ленора» немецкого писателя Готфрида Августа Биргера (Бюргера). Биргер одним из первых обратился к жанру литературной баллады, основанной на фольклорном материале. В России особой популярностью пользовалась его баллада «Ленора» («Lenore», 1773), вызвавшая к жизни ряд переводов и подражаний, начало которым положил в 1808 г. Жуковский балладой «Людмила» (имевшей подзаголовок: «Русская баллада. Подражание Биргеровой Леноре»); впоследствии Жуковский неоднократно обращался к «Леноре», в частности тот же сюжет он использовал в своей балладе «Светлана» (1808–1812).

[6] Поэмы Гомера.

[7] «Песнь о Нибелунгах» (Die Nibelungen) – средневековая германская эпическая поэма, написанная неизвестным автором в конце XII – начале XIII в.

[8] «Мессиада», поэма Фридриха Готлиба Клопштока.

[9] «Генриада», поэма Вольтера о Генрихе IV.

[10] «Освобожденный Иерусалим», рыцарская поэма Торквато Тассо о событиях первого крестового похода.

[11] «Рейнеке-лис», немецкая переработка французского «Романа о Лисе», популярного памятника сатирического животного эпоса. В 1794 г. его поэтически обработал И.В. Гёте.

[12] Сказки тысячи и одной ночи, памятник средневековой арабской литературы.

[13] Карл Иванович Швабе, начальник адмиралтейских Ижорских заводов, преподаватель корабельной архитектуры в офицерских и гардемаринских классах Морского корпуса.

[14] «Валленштейн», драматическая поэма Иоганна Кристофа Фридриха Шиллера, основанная на исторических событиях вокруг гибели известного полководца Альбрехта Валленштейна.

16
(С. 196–198)

Автограф: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. № 663. Л. 9–10.

Впервые опубликовано: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2010. С. 462–464. Публикация А.Н. Сидоровой.

Печатается по автографу.

Датируется: 30 сентября 1842 г.

[1] Образ из письма Жуковского от 28 декабря 1841 г. / 9 января 1842 г.

[2] Очевидно, речь идет об одном из сочинений Фридриха Ансильона, прусского министра, профессора истории, члена Берлинской академии наук и королевского историографа.

[3] «Наль и Дамаянти».

[4] 28 октября / 9 ноября 1842 г. Жуковский отвечал:

> Между тем стоустая молва не обманула Вас: *я перевожу «Одиссею»*. С греческого, спросите Вы? Нет, не с греческого, а вот как: здесь есть профессор, знаток греческого языка; он переводит мне *слово в слово* «Одиссею», т<о> е<сть> под каждым греческим словом ставит немецкое. Из этого выходит немецкая галиматья; но эта галиматья дает мне порядок слов оригинала и его *буквальный* смысл, поэтический же смысл дает мне немецкий перевод Фосса и несколько других переводов в прозе: один немецкий и два французских и еще один архиглупый русский (в прозе). Из всего этого я угадываю *истинный* смысл греческого оригинала и стараюсь в переводе своем наблюдать не только *верность поэтическую* – что главное – но и *верность буквальную*, сохраняя по возможности и самый *порядок* слов, что на нашем языке довольно возможно с помощью перестановок (inversion), которые нашему языку свойственнее всех других новых языков.
>
> Для чего я выбрал этот труд? Для того, чтобы дать себе великое наслаждение выразить на нашем языке во всей ее детской простоте поэзию первобытную: буду стараться, чтобы в русских звуках отозвалась та чистая гармония, которая впервые раздалась за 3000 лет перед сим под ясным небом Греции. Это наслаждение полное. Новейшая поэзия, конвульсивная, истерическая, мутная и мутящая душу, мне опротивела;

хочется отдохнуть посреди светлых видений первобытного мира. Если же напишу что-нибудь *свое*, то оно будет далеко от той горячки, которая теперь кипит во всем, и везде производит бред сумасшествия. Очень рад, что Вы любите «Одиссею»; я сам люблю ее более «Илиады». В «Илиаде» более высоких, поэтических образов; в «Одиссее» вся жизнь давно минувшего во всей ее детской беззаботности и в неподделанном простодушии. Если Бог даст мне кончить начатый труд, то «Одиссея» моя будет посвящена Вам (РА. 1867. № 12. Стб. 1408–1409).

Профессор – Карл Грасгоф, немецкий эллинист.

[5] Исторический роман Н.В. Кукольника «Князь М.В. Скопин-Шуйский».

[6] Исторический роман М.Н. Загоскина «Князь Юрий Милославский».

17
(С. 198–199)

Автограф: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. № 663. Л. 11–12.

Впервые опубликовано: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2010. С. 465–466. Публикация А.Н. Сидоровой.

Печатается по автографу.

Датируется: 29 ноября 1842 г.

[1] Александра Васильевна Жуковская, в замужестве баронесса Верман. О ее рождении Жуковский уведомил великого князя в письме от 7/19 ноября 1842 г. (РА. 1867. № 12. Стб. 1410).

[2] Семья императора Николая I во время пребывания в Царском Селе размещалась в Александровском дворце; цесаревичу Александру Николаевичу после женитьбы были отведены отдельные апартаменты в Большом Екатерининском дворце.

[3] Низи – домашнее имя великого князя Николая Николаевича.

[4] Елена Павловна (урожд. Принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская), великая княгиня, с 1824 г. супруга великого князя Михаила Павловича, одна из основательниц Крестовоздвиженской общины сестер милосердия и Русского музыкального общества.

[5] Дача Кочубея построена в 1817–1824 гг. по проекту архитектора А.А. Менеласа в Царском Селе. Впоследствии именовалась Запасным и Владимирским дворцом. Современный адрес: г. Пушкин, Садовая ул., д. 22.

[6] Ворота сооружены по проекту архитектора В.П. Стасова в 1817 г. в честь победы России в Отечественной войне 1812 г. Помещенные на воро-

тах слова («Любезным моим сослуживцам») принадлежат императору Александру I.

[7] Сочинение Иоганна Кристофа Фридриха Шиллера «Вступление в историю освобождения Соединенных Нидерландов».

[8] Иосиф Антонович Курнанд, преподаватель французского языка и словесности в Царскосельском лицее в 1841–1853 гг. Учитель французского языка великих князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей.

[9] Эмилий Христианович Ленц, профессор физики, доктор филологии, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Преподавал физику, химию, механику детям императора Николая I.

[10] Зимой 1842–1843 гг. великий князь Константин Николаевич посещал лекции по астрономии Василия Яковлевича Струве в Академии наук.

[11] Премьера оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила» состоялась 27 ноября 1842 г. на сцене в Петербурге.

18

(С. 199–200)

Автограф: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. № 663. Л. 13–14 об.

Впервые опубликовано: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2010. С. 467–468. Публикация А.Н. Сидоровой.

Печатается по автографу.

Датируется: 7/19 мая 1845 г.

[1] В период с мая по октябрь 1845 г. великий князь Константин Николаевич совершил большое морское путешествие, во время которого побывал в Константинополе, посетил острова греческого архипелага, Афон, Крым и Кавказ. См.: Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: Молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019. С. 106–219.

[2] С 1842 по 1849 г. Жуковский работал над переводом поэмы Гомера «Одиссея».

[3] Жуковский отвечал великому князю 21 октября / 2 ноября 1845 г.: «Господин Ободовский, доставивший мне письмо Вашего императорского высочества, обещался взять от меня к Вам ответ; но он не мог этого сделать, потому что на возвратном пути не нашел меня во Франкфурте: я лечился в Швальбахе» (РА. 1867. № 12. Стб. 1411). В этом же письме поэт излагал свой взгляд на Константинопольский проект и делился планами продолжения перевода «Одиссеи».

19
(С. 200–202)

Автограф: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. № 663. Л. 15–16 об.

Впервые опубликовано: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2010. С. 468–471. Публикация А.Н. Сидоровой.

Печатается по автографу.

Датируется: 2/14 октября 1848 г.

[1] 30 августа 1848 г. в Петербурге состоялась свадьба великого князя Константина Николаевича и великой княжны Александры Иосифовны (урожд. Александра Фредерика Генриетта Полина Марианна Елизавета, принцесса Саксен-Альтенбургская). Свое поздравительное письмо Жуковский отправил 18/30 августа 1848 г. (РА. 1867. № 12. Стб. 1418–1420).

[2] Первая половина перевода поэмы, посвященная Константину Николаевичу, была напечатана в Карлсруэ в 1848 г. и отправлена великому князю с письмом от 18/30 августа 1848 г.

[3] Имеются в виду революционные события в Европе в 1848 г.

[4] «Энеида», эпическое произведение на латинском языке, написанное в 29–19 гг. до н. э. Вергилием. Вероятно, великий князь Константин Николаевич имеет в виду «Энеиду» в переложении И.П. Котляревского.

[5] 19/31 октября 1848 г. Жуковский отвечал великому князю: «Письмо Ваше наконец порадовало меня и в поэтическом отношении. Вы говорите мне о моей «Одиссее» не одни общие фразы; Вы говорите мне именно то, что я желал бы слышать от всякого, имеющего поэтическое чувство и зоркий вкус читателя. И меня радует, как автора, то, что Вы с этим свежим, никакими школьными правилами не испорченным чувством, нашли в моем переводе именно то, к чему я наиболее стремился и без чего, какое бы ни имел, впрочем, достоинство перевод, он был бы негоден: простоту святой, непорочной, девственной древности» (Там же. Стб. 1422).

20
(С. 202–203)

Автограф: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. № 663. Л. 17–18.

Впервые опубликовано: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2010. С. 471–463. Публикация А.Н. Сидоровой.

Печатается по автографу.

Датируется: 31 августа / 11 сентября 1849 г.

[1] Письмо Жуковского от 12/24 августа 1849 г., с которым великому князю был отправлен второй том перевода «Одиссеи», отпечатанный в Карлсруэ в 1849 г. (РА. 1867. № 12. Стб. 1420–1421).

[2] Михаил Павлович, великий князь, младший сын императора Павла I, с 1831 г. главный начальник Пажеского и сухопутных кадетских корпусов, с 1844 г. главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами, генерал-инспектор по инженерной части, генерал-фельдцейхмейстер.

[3] Великий князь Константин Николаевич принимал участие в боевых действиях русской армии в 1849 г. под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича против венгров, которые в 1848 г. начали борьбу за независимость.

[4] 3 августа 1849 г. великий князь Константин Николаевич за проявленное им мужество в сражениях под Вайценом, Тиса-Фюретом и Дебрецином был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

[5] В августе 1849 г. Жуковский предпринял поездку в Варшаву для встречи с находившимся там императором и получения разрешения на дальнейшее пребывание за границей в связи с болезнью жены.

21
(С. 203–205)

Автограф: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. № 663. Л. 19–20.

Впервые опубликовано: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2010. С. 473–475. Публикация А.Н. Сидоровой.

Печатается по автографу.

Датируется: 16/28 марта 1850 г.

[1] Поздравительное письмо Жуковского от 2/14 марта 1850 г. с рождением Николая Константиновича, великого князя, старшего сына Константина Николаевича (Там же. Стб. 1434–1438).

22
(С. 205)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28095. Л. 21–21 об.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Т. 3. Кн. 10. С. 146. Публикация П.И. Бартенева.

Печатается по автографу.
Датируется: 11/23 октября 1851 г.

[1] Письмо Жуковского от 24 сентября / 6 октября 1851 г. (Там же. 1867. № 12. Стб. 1438–1439), содержащее поздравление с рождением великой княжны Ольги Константиновны, дочери великого князя Константина Николаевича, с 1867 г. замужем за Георгом I, королем Греции.

[2] Эти планы не сбылись, поскольку 12/24 апреля 1852 г. Жуковский умер.

Великий князь Николай Николаевич

1*
(С. 208)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28153. Л. 1.
Публикуется впервые.
Печатается с сохранением детской орфографии.
Датируется: 16/28 октября 1841 г.

[1] Воспитатель при великих князьях Николае и Михаиле генерал Алексей Илларионович Философов.

2*
(С. 208)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28152. Л. 3–3 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 12/24 декабря 1842 г.

[1] Александра Васильевна Жуковская родилась 11 ноября 1842 г.

[2] Василий Борисович Бажанов, богослов, протоиерей Придворного и московского Благовещенского собора, член Синода, с 1835 г. законоучитель и духовник великого князя Александра Николаевича.

Великий князь Михаил Николаевич

1*
(С. 211)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28152. Л. 1.
Публикуется впервые.
Печатается с сохранением детской орфографии.
Датируется: 13/25 октября 1841 г.

[1] Мария Максимилиановна, вторая дочь великой княжны, родилась 4 октября.

[2] Жуковский ответил на это письмо 28 декабря 1841 / 9 января 1842 г.:

Благодарю Ваше Высочество за Ваше милое письмо и за доброе обо мне воспоминание, которое мне весьма дорого. Прошу Вас принять от меня сердечное поздравление с Новым годом. Надеюсь, что Вы встретите его весело и что он принесет Вам с собою много добра истинного и что, оканчивая его, Вы с удовольствием скажете: в этом году я утвердился в добрых качествах, исправил некоторые дурные и хорошо воспользовался своим временем. Прошу Вас в конце 1842 написать мне эти три фразы, спросясь с своею совестию. Мне будет большая радость найти их в письме Вашем.

Жаль мне очень, что накануне Рождества не могло быть у Вас праздника; я здесь слышал, что Шамбо занемог в это время, что подарки не были куплены и что праздник надобно было отложить. Так ли?

Прощайте, мой милый великий князь. Прошу Вас не забывать сердечно преданного Вам

Жуковского.

28 декабря 1841.

Дюссельдорф (ЖИМ. Вып. 2. С. 556–557. Публикация А.С. Янушкевича).

2*
(С. 211)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28152. Л. 3–3 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 15 декабря 1842 г.

[1] Александра Васильевна Жуковская родилась 11 ноября 1842 г.

[2] Письмо Жуковского от 7/19 ноября 1842 г.:

Благодарю Ваше высочество за драгоценный подарок: я получил его в благое время и радуюсь им вдвое, потому что он будет для меня двойным памятником и Вашей любви и счастливейшего события в моей жизни, рождения дочери; рекомендую Вам ее. Она еще пока не умеет и смотреть на Ваш портрет, зато со временем будет уметь любить оригинал. Я уверен, что Вы со мною порадуетесь и обрадуете меня несколькими строчками в ответ на это письмо.

Ваш Жуковский.

1842. 7/19 ноября (ЖИМ. Вып. 2. С. 557. Публикация А.С. Янушкевича).

[3] Василий Сергеевич Корф, подпоручик, с 1838 по 1852 г. состоял при великих князьях Николае и Михаиле Николаевиче в качестве помощника воспитателя.

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский

1
(С. 214)

Автограф неизвестен.

Копия: ЦГИА СПб. Ф. 11 (Императорский Александровский лицей). Оп. 1. № 948 или 949 (о приеме воспитанников 1850 г.).

Впервые опубликовано: РА. 1912. Кн. 2. № 6. С. 286 (по копии). Публикация Д.Ф. Кобеко.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: около 27 апреля 1849 г.

Датируется по письму генерала Дмитрия Богдановича Броневского, директора Императорского Александровского лицея к Ивану Васильевичу Киреевскому от 27 апреля 1849 г. (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. № 44) того же содержания.

[1] 18 марта 1849 г. И.В. Киреевский обратился к Жуковскому с просьбой об устройстве сына Василия Ивановича в Императорский Александровский лицей. В 1843 г. Лицей в Царском Селе был закрыт и перемещен в Санкт-Петербург, в здание Александринского сиротского дома. После переезда Лицей императорским указом был переименован в Императорский

Александровский и находился под личным надзором императора и в попечении принца П.Г. Ольденбургского (Селезнев И.Я. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. С. 258). По новому Уставу Лицея, принятому в 1848 г., прием учащихся происходил ежегодно (в отличие от прежнего, Царскосельского лицея). Учебный год длился с 1 августа по 1 июля; с 1 по 20 июня проходили вступительные экзамены (Там же. С. 429). Классы нумеровались в обратном порядке, поэтому четвертый класс считался «низшим». Программа обучения в Лицее соответствовала возрасту воспитанников; так, поступлению в четвертый класс соответствовал возраст четырнадцати с половиной лет. Василий Киреевский не соответствовал этому требованию. Кроме того, И.В. Киреевский просил принять сына на обучение за казенный счет. С этой просьбой Жуковский обратился к принцу в письме от 31 марта / 12 апреля 1849 г. (РА. 1912. Кн. 2. № 6. С. 284–286), отправив его при письме к И.В. Киреевскому от того же числа (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. № 71. Л. 15–16 об.). Об успешности ходатайства И.В. Киреевский сообщил Жуковскому в начале мая 1829 г. (РА. 1909. Кн. 1. № 4. С. 597–599, письмо опубликовано с сокращениями; автограф: НИОР РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 4. Л. 22–24 об.)

[2] Подразумеваются: Стихотворения Василия Жуковского. 5-е изд., испр. и умнож. Т. 1–9. СПб., 1849.

2*
(С. 214–215)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28188. Л. 1–1 об.
Публикуется впервые.
Датируется: 11/23 января 1852 г.

[1] Это письмо Жуковского пока не обнаружено. О приложенном издании см. примеч. 2 к предыдущему письму.

[2] Подразумевается издание с переводом «Песни о колоколе» Ф. Шиллера: Колокол: пер. стихотворения Шиллера: Das lied von der glocke [принца П.Г. Ольденбургского]. СПб., 1851.

[3] В библиотеке Жуковского сохранилась первая опубликованная книжка Авдотьи Павловны Глинки (урожд. Голенищева-Кутузова) – перевод «Песни о колоколе» Ф. Шиллера (М., 1832. Описание. № 2567) с дарственной надписью: «Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому в знак отличного уважения к особе и творениям его от переводчицы. Орел 22 декабря 1833». Известна оценка этого перевода из несохранившегося

письма Жуковского к А.П. Глинке: «Я несколько раз принимался за Колокол, но никогда не был доволен собою и оставлял; Ваш же перевод так отчетист и красив, что сам Шиллер полюбовался бы им!» (Глинка Ф.Н. О жизни и кончине А.П. Глинки. СПб., 1864. С. 7).

[4] Балладу Ф. Шиллера «Хождение на железный завод» (1797) сам Жуковский перевел в 1831 г. под названием «Суд Божий». Публикацию перевода принца П.Г. Ольденбургского выявить не удалось. См. современное издание его стихов: Стихи Петра, принца Ольденбургского / пер. с нем.; сост. Г.А. Дюмонд. СПб., 2002.

Кронпринц и король Пруссии Фридрих Вильгельм IV

1*
(С. 219–220)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28312. Л. 9–9 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 6/18 февраля 1823 г.

Адрес: «A Monsieur de Joukosky*» (л. 10 об.).

[1] Подразумевается подборка собственноручно выполненных Жуковским осенью 1822 г. и в январе 1823 г. гравюр с видами Павловска и Гатчины.

2
(С. 220)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РБ. 1912. № 7/8. С. 150. По отпуску из Берлинской королевской библиотеки с примечанием А.А. Фомина: «Это письмо Фридриха-Вильгельма к Жуковскому, сохранившееся между письмами последнего, без точной даты и без подписи короля, было, без сомнения, наброском официального – обычного в таких случаях – письма, сочиненного каким-нибудь личным секретарем короля и приготовленного ему для подписи» (Там же. С. 151).

Печатается по тексту первой публикации.

* Господину Жуковскому (*фр.*).

Датируется: июль (не позднее 25) 1840 г.

Датируется не ранее письма короля от 13/25 июля 1840 г. с уведомлением о вручении ордена.

[1] Ср. запись в формулярном списке Жуковского: «Получил от его величества короля Прусского бриллиантами осыпанную звезду Прусского ордена Красного Орла 2-й степени. 1840 г. Июля 1» (ПССиП. Т. 14. С. 414).

3

(С. 220–222)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 814 (старый шифр). Л. 1–2.

Копии:

1. РО ИРЛИ. № 28312. Л. 1–1 об.
2. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5979. Л. 1–1 об.

Впервые опубликовано: РС. 1902. Т. 110. № 4. С. 193–194.

Републикации:

1. РА. 1908. Кн. 3. № 12. С. 398–399. Публикация А.А. Фомина.
2. РБ. 1912. № 7/8. С. 151–152. Публикация А.А. Фомина.

Печатается по автографу.

Датируется: 13/25 июля 1840 г.

[1] Письмо Жуковского от 2/14 июня 1840 г. (РБ. 1912. №7/8. С. 145–149) с соболезнованиями о смерти короля Фридриха Вильгельма III.

[2] См. примеч. 1 к письму короля от июля 1840 г.

4

(С. 222–223)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28312. Л. 3.

Впервые опубликовано: РБ. 1912. № 7/8. С. 167. Публикация А.А. Фомина.

Печатается по автографу.

Датируется: 6/18 ноября 1846 г.

[1] Бюст Жуковского работы Герарда фон Рейтерна. О статуэтке Жуковский писал королю 13/25 ноября 1846 г.: «Г-н фон-Сидов, доставив Вам, по

распоряжению Вашему, раскрашенную моим тестем статуэтку, поступил, боюсь, нескромно, присоединив к посылке мое письмо» (РБ. 1912. № 7/8. С. 169 – оригинал на фр.).

[2] Рудольф фон Сидов (Зюдов), прусский государственный деятель, тайный советник, резидент во Франкфурте-на-Майне.

5
(С. 223–226)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28312. Л. 5–6 об.

Впервые опубликовано: ПЖиГ. Вып. 1. СПб., 1907. С. 127–128. Публикация А.А. Фомина.

Републикация: РБ. 1912. № 7/8. С. 179–181. Публикация А.А. Фомина.

Печатается по автографу.

Датируется: 6/18 сентября 1848 г.

[1] В письме от 27 мая / 7 июня 1848 г. Жуковский писал королю о бедственном положении Йозефа Марии фон Радовица: «Радовицу угрожает беда с разных сторон. До сих пор он не знает ничего определенного о назначенной ему пенсии. Скромных его сбережений, которые он мог сделать до сих пор, не хватает ему даже для насущного хлеба» (Там же. С. 177 – оригинал на фр.).

[2] В том же письме Жуковский, зная об отсутствии у короля полномочий напрямую назначить пенсию Радовицу, предлагал продать в прусскую казну свое собрание рисунков, а деньги за него тайно отдать своему другу.

[3] Конец листа с подписью короля отрезан.

[4] Возведение Кельнского собора началось в 1248 г. В 1842 г. Фридрих Вильгельм IV дал задание завершить достройку собора по первоначальному плану и 4 сентября на торжественной церемонии заложил камень. В Кельне 14–16 августа 1848 г. были устроены торжества по случаю 600-летней годовщины основания собора, был освящен южный боковой неф. (О политическом значении этих торжеств см.: Depkat V. Das Kölner Dombaufest von 1848 und die politische Mehrdeutigkeit des deutschen Nationalismus // Kölner Domblatt. 2004. №. 69. S. 101–144). Этому событию Жуковский посвятил фрагмент статьи «О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-ку».

6
(С. 226–233)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28312. Л. 7–8 об.

Впервые опубликовано: РБ. 1912. № 7/8. С. 187–190. Публикация А.А. Фомина.

Печатается по автографу.

Датируется: 9/21 декабря 1850 г.

[1] Этот альбом с литографированными видами Потсдама не сохранился в библиотеке Жуковского. Упоминаемый портрет – работы Иоганна Самуэля Отто, художника прусского королевского дома.

[2] Театр-Франсэ (Французский Театр, Комеди Франсез), самый старый театр Франции. Расположен в центре Парижа во дворце Пале-Рояль. Основан в 1680 г. декретом короля Людовика XIV.

[3] Изданная на немецком языке брошюра Жуковского «Joseph von Radowitz wie ihn seine Freunde kennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimat» («Иосиф фон Радовиц, каким его знают его друзья. Письмо одного не немца на Родину») (Karlsruhe, 1850), апологетичная по отношению к герою.

[4] Александр Семенович Шишков, государственный деятель, писатель и филолог, исполнял обязанности министра духовных дел и народного просвещения в 1824–1828 гг.

[5] Сергей Семенович Уваров исполнял обязанности министра народного просвещения в 1833–1849 гг.

[6] Вероятно, Жозеф Эдуард Дюнуа де Нуармон, французский писатель и журналист.

7
(С. 231–233)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28312. Л. 11–12 об.

Впервые опубликовано: РБ. 1912. № 7/8. С. 190–191. Публикация А.А. Фомина.

Печатается по автографу.

Датируется: 15/27 января 1851 г.

[1] Й.М. фон Радовиц.

[2] Христиан Карл фон Бунзен, немецкий ученый и дипломат, с конца 1830-х гг. живший в Англии. Подразумеваются его произведения, вошед-

шие в собрание, изданное впоследствии в Лейпциге: «Vollständiges Bibelwerk für die Gemeinde».

[3] Вероятно, подразумевается книга, сохранившаяся в библиотеке Жуковского: Friedrich Wilhelm der Dritte und Luise. König und Königin von Preussen. 217 Erzählungen aus ihrer Zeit und ihrem Leben von Werner Hahn. Berlin, Decker, 1850 (Описание. № 1214).

Принц Карл Прусский*

(С. 236)

Автограф: РО ИРЛИ. № 28073. Л. 1–1 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 30 июня / 10 июля 1823 г.

[1] Вероятно, с Василием Алексеевичем Перовским, отправившимся на лечение в Германию, Жуковский передал подборку собственноручно выполненных осенью 1822 г. и в январе 1823 г. гравюр с видами Павловска и Гатчины.

Кронпринц Иоганн Саксонский

(С. 239–240)

Автограф: ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 220. Л. 1–2.

Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4 (30). С. 106–107. Публикация Н.Е. Никоновой.

Печатается по автографу.

Датируется: 29 января / 10 февраля 1850 г.

[1] Подразумевается статья о переводе «Одиссеи» Жуковского, напечатанная в приложении к № 310 газеты «Allgemeine Zeitung» от 6 ноября 1849 г. См. ее перевод: Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4 (30). С. 104–106. Публикация Н.Е. Никоновой.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)
РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург)
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург)
ThHStAW – Thüringisches Hauptstaatsarchiv Weimar / Тюрингский главный государственный архив в Веймаре (Веймар, Германия)

Печатные источники

АбТ – Архив братьев Тургеневых. СПб .: Изд. отд. рус. яз. и словесности Рос. академии наук, 1911–1921. Вып. 1–6.
Гиллельсон – Гиллельсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры: Новые открытия.
ЖИМ – Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 1. Томск, 2010; Вып. 2. Томск, 2013; Вып. 3. Томск, 2016.
Ж. в воспоминаниях – В.А. Жуковский в воспоминаниях современников / подгот. текстов, сост., вступ. ст., коммент. О.Б. Лебедевой, А.С. Янушкевича. М. : Наука : Школа «Языки русской культуры», 1999.
Зейдлиц – Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.
ЛН – Литературное наследство
МТ – Московский телеграф

н. ст. – новый стиль
ОА – Остафьевский архив князей Вяземских. СПб. : Изд. гр. С.Д. Шереметьева, 1899–1913. Т. 1–4 / под ред. и с примеч. В.И. Саитова; 1909–1913. Т. 5, вып. 1, 2 / под ред. и с примеч. П.Н. Шеффера.
Описание – Библиотека В.А. Жуковского: Описание / сост. В.В. Лобанов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981.
ПЖиГ – Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. СПб., 1907–1909. Вып. 1–3.
Переписка – Сочинения и переписка П.А. Плетнёва. Т. 1–3. СПб., 1885.
ПЖТ – Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
ПССиП – Полное собрание сочинений и писем В.А. Жуковского: в 20 т. Т. 1–16. М. : Языки славянской культуры, 1999–2019.
РА – Русский архив
РБ – Русский библиофил
РЛ – Русская литература
РС – Русская старина
С 7 – Сочинения В.А. Жуковского: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878.
С 8 – Сочинения В.А. Жуковского: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885.
ст. ст. – старый стиль
ц. р. – цензурное разрешение.
Черейский – Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л. : Наука, 1988.

Названия

ОРЯС ИАН – Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ЦАРСТВЕННЫХ ОСОБ К В.А. ЖУКОВСКОМУ

1815

Императрица Мария Федоровна. 9 февраля 1815 г. Петербург

1818

Великая княгиня Александра Федоровна. 7/19 февраля 1818 г. Москва

1819

Великая княгиня Александра Федоровна. 22 июня 1819 г. Красное Село
Великая княгиня Александра Федоровна. 29 ноября 1819 г. <Петербург>
Великая княгиня Александра Федоровна. <Около 9 декабря 1819 г. Петербург>

1821

Великая княгиня Александра Федоровна. <1/13 января 1821 г. Берлин>
Великая княгиня Александра Федоровна. <Около 26 апреля / 8 мая 1821 г. Берлин>
Великая княгиня Александра Федоровна. 19/31 июля 1821 г. Спа

1823

Кронпринц Фридрих Вильгельм. 6/18 февраля 1823 г. Берлин
Великая княгиня Александра Федоровна. 13 апреля 1823 г. Петербург

Принц Карл Прусский. 30 июня / 10 июля 1823 г. Берлин
Великая княгиня Александра Федоровна. <Октябрь 1823 г. Петербург>

1822–1825

Великая княгиня Александра Федоровна. <Между 6/18 февраля 1822 г. и 24 июня 1825 г.>
Императрица Мария Федоровна. 1825 г. Петербург (записка отсутствует в наст. изд.)

1826

Великий князь Александр Николаевич. 29 января 1826 г. <Петербург>
Великий князь Александр Николаевич. 23 августа / 4 сентября 1826 г. Москва
Императрица Александра Федоровна. <Август 1826 г. Москва>
Императрица Александра Федоровна. 31 августа 1826 г. Москва
Великая княгиня Елена Павловна. 15/27 октября 1826 г. Петербург
Императрица Мария Федоровна. 15 декабря 1826 г. Петербург

1827

Великий князь Александр Николаевич. 31 января / 12 февраля 1827 г. Петербург
Императрица Александра Федоровна. 30 августа 1827 г. Елагин
Императрица Мария Федоровна. 28 сентября 1827 г. Петербург

1828

Великий князь Александр Николаевич. 7 января 1828 г. <Петербург>
Великий князь Александр Николаевич. 28 января 1828 г. <Петербург>
Великая княжна Мария Николаевна. 13 июля 1828 г. Одесса
Великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская Мария Павловна. 17/29 декабря 1828 г. Веймар

1829

Великий князь Александр Николаевич. 28 января 1829 г. <Петербург>
Императрица Александра Федоровна. <Начало апреля (не позже 18) 1829 г. Петербург>

1832

Великий князь Александр Николаевич. <2/14 июля 1832 г. Александрия>
Великий князь Александр Николаевич. 7/19 июля 1832 г. Александрия
Великий князь Александр Николаевич. 24 сентября / 6 октября 1832 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 1/12 ноября 1832 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 3/15 декабря 1832 г. Петербург

1833

Императрица Александра Федоровна. 8 февраля 1833 г. Петербург
Великая княжна Мария Николаевна и Ю.Ф. Баранова. 6/18 мая 1833 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 6/18 июля 1833 г. Александрия

1834–1836

Великая княжна Мария Николаевна. <1834–1836 гг. Петербург>

1837

Великая княгиня Елена Павловна. <27 января 1837 г. Петербург>
Великая княгиня Елена Павловна. <27–28 января 1837 г. Петербург>
Великая княгиня Елена Павловна. <27–28 января 1837 г. Петербург>
Великая княгиня Елена Павловна. <29 января 1837 г. Петербург>

Великий князь Константин Николаевич. 30 июля 1837 г. Елагин
Великая княжна Мария Николаевна. <Конец декабря 1837 г. Петербург>
Императрица Александра Федоровна. 31 декабря 1837 г. Петербург

1838

Великая княжна Мария Николаевна. 22 июня / 4 июля 1838 г. Петергоф
Великий князь Константин Николаевич. 23 октября 1838 г. Царское Село
Великая княжна Мария Николаевна. 19 ноября / 1 декабря 1838 г. Петербург

1839

Королева Нидерландов Анна Павловна. 21 мая / 1 июня 1839 г. Гаага
Королева Нидерландов Анна Павловна. 21 ноября / 3 декабря 1839 г. Гаага

1840

Великая княжна Мария Николаевна. 1 мая 1840 г. Петербург
Король Пруссии Фридрих Вильгельм IV. Июль <не позднее 13/25> 1840 г. Сан-Суси
Король Пруссии Фридрих Вильгельм IV. 13/25 июля 1840 г. Сан-Суси
Великий князь Александр Николаевич. 8/20 октября 1840 г. Царское Село
Великий князь Константин Николаевич. 17 ноября 1840 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 24 ноября 1840 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 8 декабря 1840 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 15 декабря 1840 г. Петербург

1841

Великий князь Константин Николаевич. 5 января 1841 г. Петербург

Великий князь Константин Николаевич. 15 февраля 1841 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 16 марта 1841 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 13 апреля 1841 г. Петербург
Императрица Александра Федоровна и император Николай I. 15 апреля 1841 г. <Петербург>
Великий князь Константин Николаевич. 1 июня 1841 г. Александрия
Великий князь Константин Николаевич. 8/20 июля 1841 г. Гельдерский рейд
Великий князь Александр Николаевич. 14/26 июля 1841 г. Петергоф
Великий князь Константин Николаевич. 10 августа 1841 г. Александрия
Великий князь Александр Николаевич. 7/19 октября 1841 г. Царское Село
Великий князь Николай Николаевич. 16/28 октября 1841 г. <Петербург>
Великий князь Михаил Николаевич. 13/25 октября 1841 г. <Петербург>
Великий князь Константин Николаевич. <Октябрь 1841 г. Петербург>

1842

Великий князь Александр Николаевич. 15/27 января 1842 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 18 января 1842 г. <Петербург>
Великий князь Александр Николаевич. 29 января / 9 февраля 1842 г. Петербург
Императрица Александра Федоровна. 12/24 марта 1842 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 27 апреля / 8 мая 1842 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 10/22 августа 1842 г. Царское Село
Великий князь Александр Николаевич. 19/31 августа 1842 г. Царское Село
Великий князь Александр Николаевич. 22 сентября / 4 октября 1842 г. Царское Село

Великий князь Константин Николаевич. 30 сентября 1842 г. Царское Село
Великий князь Александр Николаевич. 24 ноября / 6 декабря 1842 г. Петербург
Императрица Александра Федоровна. 21 ноября / 3 декабря 1842 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 29 ноября 1842 г. Петербург
Великий князь Михаил Николаевич. 3/15 декабря 1842 г. Петербург
Великий князь Николай Николаевич. 12/24 декабря 1842 г. <Петербург>

1843

Великий князь Александр Николаевич. 30 января / 11 февраля 1843 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 14/26 мая 1843 г. Царское Село
Великий князь Александр Николаевич. 8/20 сентября 1843 г. Царское Село

1844

Великий князь Александр Николаевич. 17/29 января 1844 г. Петербург
Великая княжна Александра Николаевна. Февраль 1844 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 5/17 апреля 1844 г. Дармштадт
Великий князь Александр Николаевич. 18/30 сентября 1844 г. Гатчина
Великий князь Александр Николаевич. 17/29 декабря 1844 г. Петербург

1845

Великий князь Александр Николаевич. 13/25 января 1845 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 30 января / 11 февраля 1845 г. Петербург

Великий князь Михаил Павлович. 8/20 февраля 1845 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 27 февраля / 11 марта 1845 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 7/19 мая 1845 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 7/19 сентября 1845 г. Елизаветград
Великий князь Александр Николаевич. 13/25 декабря 1845 г. Петербург

1846

Великий князь Александр Николаевич. 14/26 января 1846 г. Петербург
Великая княжна Ольга Николаевна. 10/22 марта 1846 г. Неаполь
Великий князь Александр Николаевич. 18/30 апреля 1846 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 23 сентября / 5 октября 1846 г. Царское Село
Король Пруссии Фридрих Вильгельм IV. 6/18 ноября 1846 г. Сан-Суси

1847

Великий князь Михаил Павлович. 5/17 января 1847 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 13/25 февраля 1847 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 11/23 апреля 1847 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 4/16 мая 1847 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 7/19 июля 1847 г. Киссинген
Великий князь Александр Николаевич. 20 ноября / 2 декабря 1847 г. Царское Село

1848

Великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская Мария Павловна. 1/13 февраля 1848 г. Веймар

Великий князь Александр Николаевич. 1/13 февраля 1848 г. Петербург
Великая княжна и принцесса Вюртембергская Ольга Николаевна. 22 мая / 3 июня 1848 г. <Штутгарт>
Великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская Мария Павловна. 1/13 июня 1848 г. Веймар
Великий князь Александр Николаевич. 10/22 июля 1848 г. Петергоф
Король Пруссии Фридрих Вильгельм IV. 6/18 сентября 1848 г. Сан-Суси
Великий князь Константин Николаевич. 2/14 октября 1848 г. <Царское Село>
Великий князь Александр Николаевич. 18/30 октября 1848 г. Царское Село

1849

Великий князь Александр Николаевич. 30 января / 11 февраля 1849 г. Петербург
Великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская Мария Павловна. 2/14 февраля 1849 г. Веймар
Великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская Мария Павловна. 8/20 марта 1849 г. Веймар
Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. <Около 27 апреля 1849 г. Петербург>
Великий князь Константин Николаевич. 31 августа / 11 сентября 1849 г. Царское Село

1850

Кронпринц Иоганн Саксонский. 29 января / 10 февраля 1850 г. Дрезден
Великий князь Александр Николаевич. 30 января / 11 февраля – 5/17 февраля 1850 г. Петербург
Великий князь Константин Николаевич. 16/28 марта 1850 г. <Петербург>
Великий князь Александр Николаевич. 7/19 июля 1850 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 22 августа / 3 сентября 1850 г. Петербург

Король Пруссии Фридрих Вильгельм IV. 9/21 декабря 1850 г. Потсдам
Великий князь Александр Николаевич. 28 декабря 1850 г. / 9 января 1851 г. Петербург

1851

Король Пруссии Фридрих Вильгельм IV. 15/27 января 1851 г. Шарлоттенбург
Великий князь Александр Николаевич. 1/13 мая 1851 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 2/14 сентября 1851 г. Москва
Великий князь Константин Николаевич. 11/28 октября 1851 г. Царское Село
Великий князь Александр Николаевич. 23 ноября / 5 декабря 1851 г. Царское Село

1852

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. 11/23 января 1852 г. Петербург
Великий князь Александр Николаевич. 25 января / 6 февраля 1852 г. Петербург
Великая княгиня Елена Павловна. 21 марта 1852 г. Петербург

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.А. ЖУКОВСКОГО

1-ое июля 1842 121, 122, *301*

Анекдоты *249*

Басни 57, *249*
Бородинская годовщина 4, 22, 87, 162, *278*

«**В** долину, к пастырям смиренным…» 217
В Сардамском домике 192, *278, 354*
Вадим 195, *357*
Виды Павловска и Гатчины (гравировальные опыты) 219, 236, *367, 371*
Воспоминание о К.К. Мёрдере *285*

Гольдони К. Ворчун-благодетель (перевод 1-го явления 2-го действия) *249*
Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича 75, 76, 77, 111, *271, 273, 292, 304*
Граф Гапсбургский *249*

Две всемирные истории 4

Ея Императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне, приветствие от русских, встретивших ее в Бадене 22, 162, *336*

Императору Александру 39, 46, 88, *246*
Иосиф Радовиц 4, 16, 41, 42, 155, 227, 229, 230, *332, 370*

Лалла Рук *253, 262*
Ленора 83, *277*
Людмила 57, 195, *249, 357*

«**М**не привиделся сон…» 22, 162
Муравейник 36

На мир с Персиею 106, *286*
Наль и Дамаянти 40, 177, 179, 195, *312, 344, 345, 357, 358*
Новые стихотворения В. Жуковского 82, 176, 197, *276, 328, 336, 344, 361, 362*

О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-ку 19, *369*
Одиссея (перевод) 35, 36, 38, 40, 101, 149, 176, 197, 198, 200, 201, 202, 237, 239, *272, 282, 328, 344, 358, 359, 360, 361, 362, 371*
Отрывки из писем по Саксонии 4, 60
Отрывки из письма о Швейцарии 4, 60
Очерки Швеции 4, 22, 162

Певец во стане русских воинов 44, 195, *357*

Пери и Ангел *253*
Петр Великий 107, *287*
Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении «Святая Русь» 19, 20, 151, *329*
Письмо русского из Франкфурта 4, 18
План учения... наследника цесаревича Александра Николаевича 28, 29, 102
По поводу нападок немецкой прессы на Россию 4
Подробный отчет о луне 44
Праматерь внуке 22, 162
Прощальная песнь, петая воспитанницами Общества благородных девиц, при выпуске 1827 года 48, 51, *248*
Путешествие по Саксонской Швейцарии 3, 4, 54, 60, *256*

Рафаэлева Мадонна 4, 54, *256*
Рыцарь Тогенбург 57, *249*

Светлана 195, *249, 357*
Смерть Иисуса *255*
Собиратель 36
Стихотворения Василия Жуковского (Карлсруэ, 1849) 40, 41, 83, 100, 159, 214, *276, 277, 282, 328, 336, 362, 366*
Суд Божий *367*

У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны. В ночь накануне Ея погребения 44, *274*
Ундина 22, 40, 162, 169, 170, 195, *339, 357*

Цвет завета 10, 55, *250, 251*

Явление поэзии в виде Лалла Рук *253*

Für Wenige. Для немногих 36, *249*

Stabat mater 93

Указатель имен

А.Б. см. Булгаков А.Я.

Адини см. Александра Николаевна

Адлерберг Владимир Федорович (1791–1884), граф, генерал-адъютант, начальник Генерального штаба *248*

Адлерберг Мария Васильевна (урожд. Нелидова, 1797–1870), графиня, жена В.Ф. Адлерберга 48, 51, *248*

Адольф Нассауский (1817–1905), герцог Нассауский, муж великой княжны Елизаветы Михайловны 129, 134, *279, 311*

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860), публицист, поэт, литературный критик, славянофил 93

Александр см. Александр Николаевич

Александр см. Виллем Александр Пауль Фредерик Лодевейк

Александр Александрович см. Кавелин А.А.

Александр Александрович (1845–1894), великий князь, будущий император Александр III 134–136, 154, *315, 318, 325, 326, 331, 348*

Александр Гессен-Дармштадтский (1823–1888), принц, брат великой княгини Марии Александровны 137, *317*

Александр Невский (1220–1263), князь новгородский, великий князь владимирский *265*

Александр Николаевич (1818–1881), старший сын Николая I и Александры Федоровны, великий князь, с 1855 г. российский император Александр II 3–5, 8, 11, 13–21, 28, 29, 31, 37, 40–43, 48, 50, 54, 55, 59, 62–66, 68, 69, 71–77, 84, 93, 95, 97, 102–161, 167, 168, 171, 173, 177, 180, 183, 185, 187, 190, 192, 198, 217, *245, 252, 260, 262, 263, 265, 267, 268, 270, 271, 273, 280, 282–343, 346–349, 351, 353, 359, 363, 375–384*

Александр I (1777–1825), российский император с 1801 г. 15, 39, 44, 46, 47, 63, 68, 69, 81, 111, 122, 134, 212, *246–249, 251, 261, 262, 265, 275, 280, 290, 303, 315, 318, 349, 359, 360, 365, 366, 383*

Александра Александровна (1842–1849), великая княжна, дочь великого князя Александра Николаевича 123, 125–127, 130, 136, 152, 211, *271, 273, 299, 303, 304, 308, 330*

Александра Иосифовна (урожд. Александра Саксен-Альтенбургская, 1830–1911), великая княгиня, жена великого князя Кон-

стантина Николаевича 153, 200–202, 204, 205, *331, 361*

Александра Николаевна (1825–1844), великая княжна, младшая дочь Николая I и Александры Федоровны, с 1843 г. супруга принца Фридриха Гессен-Кассельского 5, 17, 24, 40, 48, 50, 71, 73, 110, 112, 114, 115, 118, 129, 130, 132, 134, 135, 165–168, 177–179, 183, 185, 187, 196, 198, 208, *245, 247, 268, 310–313, 315, 321, 338–341, 344, 345, 347, 348, 357, 379*

Александра Федоровна (Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина; 1798–1860), дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III, с 1817 г. жена великого князя Николая I, российская императрица с 1825 г. 3–5, 7, 8, 10–16, 26, 28, 29, 31, 36, 48, 50–54, 56–77, 105, 108, 110, 112–118, 120–135, 137–141, 143–146, 148, 150, 151, 153, 155, 157, 159, 161, 162, 164, 165, 167, 168, 171–173, 175, 177, 180, 187, 190, 192, 198, 206, 209, 216, 217, 234, *244, 247–250, 252–267, 269–273, 283, 288, 291–295, 297, 300–304, 306, 312, 316, 317, 319, 320, 322, 324, 325, 331, 333, 338–341, 343, 345, 348, 354, 356, 374–379, 383*

Александрина см. Воейкова А.А.

Алексей Александрович (1850–1908), великий князь, сын великого князя Александра Николаевича 153, *330, 331*

Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь с 1645 г. 194

Алопеус Давыд Максимович (1769–1831), граф, русский посланник при берлинском дворе *253*

Альфен Иероним (Игнатий) ван (1746–1803), голландский поэт, богослов, историк и юрист 86, *278*

Анна Павловна (1795–1865), великая княжна, дочь Павла I; с 1816 г. жена принца Вильгельма Оранского, с 1840 – королева Нидерландов 5, 60, 84–87, 145, 192, *244, 256, 277, 278, 324, 354, 377*

Ансильон Фридрих (1767–1837), прусский министр, профессор истории, член Берлинской академии наук и королевский историограф 197, *358*

Антуанетта Фридерика Августа Мария Анна Вюртембергская (1799–1860), герцогиня, немецкая принцесса из Вюртембергского дома 109, *290*

Арендт Николай Федорович (1786–1859), петербургский доктор медицины и хирургии, лейб-медик при дворе Николая I 123, *305*

Арнт см. Арендт Н.Ф.

Арсеньев Константин Иванович (1789–1863), статистик, географ, профессор Петербургского университета, преподаватель истории у великого князя Александра Николаевича 14, 109, 111, 113, *290, 294*

Бажанов Василий Борисович (Баженов, 1800–1883), богослов, член Синода, с 1835 г. законоучитель и духовник великого князя Александра Николаевича 172, 184, 208, *343, 348, 363*

Базаров Иоанн Иоаннович (1819–1895), протоиерей, церковный писатель, духовник вюртемберг-

ской королевы Ольги Николаевны *344*
Байрон (Бейрон) Джордж Гордон (1788—1824), лорд, английский поэт *243, 307*
Баранова Юлия Федоровна (урожд. Доротея Елена Юлиана Адлерберг, 1789–1864), статс-дама, воспитательница великих княжон, начальница Смольного института 106, 164, *285, 294, 338, 376*
Барант Амабль Гильом Проспер Брюжьер де (1782–1866), барон, французский посол в Петербурге (1835–1841), дипломат, историк, публицист и политический деятель 193, *355*
Барклай де Толли Михаил Богданович (1761–1818), фельдмаршал, герой Отечественной войны 1812 г. 183, *346*
Бартенев Петр Иванович (1829–1912), историк, филолог, издатель 4, 5, 22, 55, 103, 162, *244, 249, 251, 252, 254–257, 259, 260, 263, 265, 266, 269, 270, 273, 275–278, 282, 284, 338–352, 363*
Бассанж Карл Фридрих (1748–1828), дрезденский банкир *280*
Батюшка см. Фридрих Вильгельм III
Бах Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор и музыкант 78
Бетанкур Августин Августинович (1758–1824), испанский, затем российский государственный деятель и ученый, генерал-лейтенант русской службы, архитектор, строитель, инженер-механик *290*
Бехтеев Александр Алексеевич (1795–1849), камергер и действительный статский советник *291*
Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон (1815–1898), немецкий государственный деятель, первый канцлер Германской империи 93
Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864), граф (с 1842 г.), государственный деятель *330*
Богарне Евгений (1781–1824), французский военный и государственный деятель *347*
Боккаччо Джованни (1313–1375), итальянский писатель 109, *290*
Бонапарт Луи (1778–1846), французский политический деятель, король Голландии в 1806–1810 гг., граф, младший брат Наполеона Бонапарта *354*
Ботман Егор Иванович (1810–1891), живописец 182
Бранденбург Матильда (урожд. фон Массенбах, 1798–1855), графиня, жена министра-президента Ф.В. Бранденбурга 62, *258*
Бранденбург Фридрих Вильгельм (1792–1855), немецкий министр-президент *258*
Брат см. Тургенев А.И.
Брат см. Фридрих Вильгельм IV
Броневский Дмитрий Богданович (1795–1867), генерал, директор Императорского Александровского лицея *365*
Бруни Федор Антонович (Фиделио, 1799–1875), русский художник итальянского происхождения 42, 43, 118, *298, 299*
Брюллов Карл Павлович (1799–1852), художник 171, *342*
Брюль Карл Фридрих Мориц Пауль фон (1772–1837), граф, камергер прусского двора, управляющий

королевскими театрами в Берлине *263*
Булгаков Александр Яковлевич (1781–1863), чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, в 1832–1856 гг. московскоий почт-директор 171, *342*
Бунзен Христиан Карл фон (1791–1860), немецкий ученый и дипломат 231, 233, *370*
Бурбоны, королевская династия *327*
Бюргер (Биргер) Готфрид Август (1747–1794), немецкий поэт 42, 195, *277, 357*

Вагнер Иоганн Мартин фон (1777–1858), немецкий художник и скульптор 177
Валленштейн Альбрехт (1583–1634), немецкий полководец 196, *257, 358*
Варбуртон (1698–1779), епископ глочестерский, английский писатель *249*
Варвара Ивановна см. Дубенская В.И.
Варетта см. Ушакова В.П.
Варранд Самуил Александрович (ок. 1792 – после 1851), преподаватель английского языка у наследника 14, 109, 112, *290, 294*
Василий Алексеевич см. Перовский В.А.
Василий III Иванович (1479–1533), великий князь Московский 111, 113, *292, 293*
Великий князь см. Александр Николаевич
Вергилий (Виргилий) Марон Публий (70–19 до н. э.), римский поэт 42, 201, *361*
Веселовский Александр Николаевич (1838–1906), историк и теоретик литературы 5, 11, 55, *250*
Виельгорский Иосиф Михайлович (1817–1839), воспитанник Пажеского корпуса, чиновник Военного министерства, соученик наследника, сын Мих. Ю. и Л.К. Виельгорских 112, 144, *287, 289, 294, 324*
Виельгорский Михаил Юрьевич (1788–1856), музыкальный деятель, композитор-дилетант 93, *330, 344, 345*
Виже Лебрен Мари Элизабет Луиза (1755–1842), французская художница, мастер светского портрета 45
Виланд Кристоф Мартин (1733–1813), немецкий писатель 78
Вилламов Григорий Иванович (1773–1842), статс-секретарь императрицы Марии Федоровны, а затем императрицы Александры Федоровны, литератор 120, *300*
Виллевальде Богдан Павлович (1819–1903), живописец *349*
Виллем Александр Пауль Фредерик Лодевейк (1817–1890), с 1849 г. – король Нидерландов Виллем III 87, *278*
Виллем I (1772–1843), король Нидерландов и великий герцог Люксембургский с 1815 по 1840 г. 84, *278*
Виллем II (1792–1849), Виллем Фредерик Георг Лодевейк, принц Оранский, король Нидерландов и великий герцог Люксембургский с 1840 по 1849 г. 84, 191, 192, *256, 354*

Вильгельм (1844), умерший при рождении сын великой княжны Александры Николаевны 177, 179, *345*

Вильгельм Людвиг Август Баденский (1829–1897), принц Баденский, генерал, политик *356*

Вильгельм I (Фридрих Вильгельм Людвиг, 1797–1888), принц Прусский, второй сын короля Фридриха Вильгельма III; с 1861 г. король Пруссии, с 1871 – германский император 216

Вильгельм I Оранский (1533–1584), принц Оранский, граф Нассауский, первый штатгальтер Голландии и Зеландии, лидер Нидерландской буржуазной революции 191, *354*

Вильдермет Мария Маргарета (Цецилия Александровна, 1777–1839), гувернантка и приближенное лицо императрицы Александры Федоровны, фрейлина 12, 59, 64–69, 71, 72, 113, *254, 261, 263, 264, 267, 293*

Виндишгрец Альфред Кандид Фердинанд цу (1787–1862), князь, австрийский военачальник 20, 151, *329*

Владимир Александрович (1847–1909), великий князь, сын великого князя Александра Николаевича 143, *323*

Владимир Святославич (962–1015), великий князь Киевский, креститель Руси *319*

Воейков Андрей Александрович (1822–1866), сын А.Ф. и А.А. Воейковых 61, 62, *257, 322*

Воейкова Александра Александровна (1817–1893), дочь А.А. и А.Ф. Воейковых, впоследствии фрейлина великой княгини Марии Николаевны *322*

Воейкова Александра Андреевна (урожд. Протасова; 1795–1829), жена А.Ф. Воейкова, племянница Жуковского 12, 13, 61, 62, 68, *253, 257, 264, 270, 322*

Воейкова Екатерина Александровна (1815–1844), старшая дочь А.Ф. и А.А. Воейковых *322*

Воейкова Мария Александровна (в замуж. графиня Бреверн де ла Гарди 1826–1906), младшая дочь А.Ф. и А.А. Воейковых *322*

Волконский Петр Михайлович (1776–1852), светлейший князь, министр двора и уделов в 1826–1852 гг. *306*

Вольтер Мари Франсуа Аруэ (1694–1778), французский писатель и философ 42, 195, 201, *249, 357*

Вонлярлярский Василий Александрович (1814–1852), путешественник и писатель 149, *327, 328*

Воронцов Михаил Семенович (1782–1856), герой 1812 г., в 1844–1854 гг. наместник на Кавказе *334*

Врангель Егор Васильевич (Георг-Густав, 1783–1841), профессор правоведения, преподавал в Казанском и Санкт-Петербургском университете, служил в Комиссии по составлению законов, преподавал правоведение цесаревичу 119, *299, 300*

Врангель, вдова Е.В. Врангеля 119, *299, 300*

Врангель, отец Е.В. Врангеля *300*

Вяземский Андрей Иванович (1754–1807), князь, сенатор, отец П.А. Вяземского *261*

Вяземский Петр Андреевич (1792–1878), князь, поэт, журналист и литературный критик 6–8, 20, 37, 92, 93, 151, 176, *250, 288, 329, 330, 344, 372, 384*

Вяземские, семейство 37, 152, *373*

Вязмитинов Сергей Кузмич (Козьмич; 1744–1819), первый военный министр Российской империи *251*

Гама Васко да (1460 или 1469–1524), португальский мореплаватель 112, *292*

Гау Владимир Иванович (1816–1895), художник-портретист 94, *312*

Гахвозов (Айвазовский) Гавриил Константинович (1812–1880), автор «Очерков русской истории» на армянском языке, брат художника И.К. Айвазовского *307*

Гейл Эдме Софи (урожд. Гарре, 1775–1819), французская певица и композитор *252*

Гейн Петр (1578–1629), голландский адмирал 191, *354*

Гендель Георг Фридрих (1685–1759), немецкий композитор *255*

Генерал-адмирал см. Константин Николаевич

Генрих IV Великий (1553–1610), французский король с 1589 г. 195, 201, *357*

Георг I (1845–1913), король Греции *363*

Гердер Иоганн Готфрид (1744–1803), немецкий писатель и философ 78

Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий поэт 60, 78, 81, *275, 357*

Гильдебрандт Фердинанд Теодор (1804–1874), немецкий художник *313*

Глинка Авдотья Павловна (урожд. Голенищева-Кутузова, 1795–1863), поэтесса, жена Ф.Н. Глинки 38, 215, *366, 367*

Глинка Михаил Иванович (1804–1857), композитор 35, 42, 199, *330, 360*

Глинка Сергей Николаевич (1775–1847), писатель, поэт, журналист, цензор 37

Глинка Федор Николаевич (1786–1880), поэт и публицист *367*

Гнедич Николай Иванович (1784–1833), поэт и переводчик 42, 201

Гнейзенау (Гнезенау) Август Вильгельм Антон (1760–1831) граф фон, прусский генерал, губернатор Берлина *263*

Гнейзенау Агнесса (в замуж. фон Шарнгорст, 1786–1854), дочь А.В.А. фон Гнейзенау *263*

Гнейзенау Бруно (1811–1839), граф фон, прусский посланник в Лондоне в 1839 г., сын А.В.А. фон Гнейзенау *263*

Гнейзенау Гедвига (в замуж. фон Брюль, 1791–1859), дочь А.В.А. фон Гнейзенау *263*

Гнейзенау Эмилия (в замуж. фон Гогенталь, 1803–1852), дочь А.В.А. фон Гнейзенау *263*

Гнейзенау Юлиана Каролина Фредерика фон (урожд. Коттвитц; 1772–1832), жена А.В.А. фон Гнейзенау, хозяйка одного из светских музыкальных салонов Берлина *263*

Гнейзенау, семейство 65, 67, *263*

Гогель Григорий Федорович (1808–1881), полковник, помощник ди-

ректора Института Корпуса инженеров путей сообщения, воспитатель сыновей великого князя Александра Николаевича 154, *331*

Гогенцоллерны, прусская королевская династия *262*

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель 37, *373*

Годунов Борис Федорович (ок. 1551–1605), царь с 1598 г. 194

Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович (1747–1813), граф, светлейший князь, полководец, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией во время Отечественной войны 1812 г. 183, *346*

Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772–1843), граф, генерал от кавалерии, участник войны с Наполеоном, петербургский генерал-губернатор *340*

Голенищева-Кутузова Софья Павловна (1811–1848), графиня, дочь генерала от кавалерии, петербургского генерал-губернатора П.В. Голенищева-Кутузова 168, *340, 341*

Головнин Василий Михайлович (1776–1831), мореплаватель, мемуарист, вице-адмирал *346*

Гольдони Карло (1707–1793), итальянский комедиограф *249, 383*

Гомер, легендарный древнегреческий поэт 35, 40, 42, 100, 201, *272, 357, 360*

Гораций Флакк Квинт (65–8 до н. э.), римский поэт 227, 229, *337*

Государыня см. Александра Федоровна

Государь – см. Николай I

Грасгоф Карл (1799–1874), немецкий эллинист *358*

Граун Карл Генрих (1704–1759), немецкий композитор *255*

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), писатель и дипломат *286*

Гримм Август Фридрих (Август Федорович, 1806–1878), инспектор классов и преподаватель истории и немецкого языка у великого князя Константина Николаевича 154, 180, 184, 187, 189, 195–198, *331, 348*

Грузинский Алексей Евгеньевич (1858–1930), историк литературы *265*

Гугерт Франц Антон (ум. 1864), врач, с 1829 г. практиковавший в Баден-Бадене *331*

Гумбольдт Александр фон (1769–1859), немецкий естествоиспытатель и географ 93

Гуфеланд Христиан Вильгельм (1762–1836), известный немецкий врач и писатель, лейб-медик прусского короля Фридриха Вильгельма III, тесть А.С. Стурдзы 59, *253*

Д'Арк Жанна (1412–1431), национальная героиня Франции, одна из командующих французскими войсками в Столетней войне 127, *309*

Данте Алигьери (1265–1321), итальянский поэт 237, 239, 240

Демидов Прокофий Акинфиевич (1710–1786), владелец крупных горнопромышленных предприятий, меценат и благотворитель *261*

Демосфен (384–322 до н.э.), древнегреческий оратор *350*
Державин Гавриил Романович (1743–1816), поэт 42, 201
Дессау (урожд. принцесса Прусская Фридерика, 1796–1850), герцогиня, дочь принца Прусского Людвига 62, *258*
Дессау принц (герцог Ангальт-Дессауский Леопольд Фридрих, 1794–1871) *258*
Дмитриев Иван Иванович (1760–1837), поэт и государственный деятель 44, 65, 67, *262*
Доктор см. Копп И.Г.
Дорофеевы, купеческая семья в Калуге *247*
Доу (Дау) Джордж (1781–1829), английский художник, создавший галерею героев Отечественной войны 1812 г. 57, 80, *249*
Друг см. Радовиц Й.М.
Друг см. Тургенев А.И.
Друг см. Тургенев С.И.
Дубенская Варвара Ивановна (в замуж. Лагрене, 1812–1901), фрейлина великой княжны Марии Николаевны 166, *339*
Дубровин Николай Федорович (1837–1904), историк 4
Дункер Шарлотта Карловна (1800–1865), воспитательница великой княжны Марии Николаевны 166, *339*

Екатерина II Алексеевна (урожд. принцесса Ангальт-Цербстская Софья Фредерика Августа; 1729–1796), с 1762 г. российская императрица 34, 117, 136, 137, 188, *278, 334, 359*
Екатерина Михайловна (1827–1894), великая княжна, дочь великого князя Михаила Павловича 90, *279*
Екатерина Павловна (1788–1819), великая княжна, дочь Павла I и Марии Федоровны, во втором браке с 1816 г. – королева Вюртемберга 175, *343*
Елагина Авдотья Петровна (урожд. Юшкова, в первом браке Киреевская; 1789–1877), писательница, хозяйка литературного салона в Москве, мать братьев Киреевских 12, 44, *257, 265*
Елена Павловна (урожд. Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская, 1806–1873), великая княгиня, жена великого князя Михаила Павловича 3, 5, 28, 29, 38, 39, 48, 50, 62, 88, 90–101, 134, 198, *245, 247, 258, 259, 279, 280, 311, 315, 359, 375, 376, 382*
Елизавета Алексеевна (урожд. принцесса Баден-Дурлахская Луиза Мария Августа, 1779–1826), императрица, жена императора Александра I 47, 49, 81, 95, 97, *246, 247, 256, 275, 280*
Елизавета Михайловна (в замуж. принцесса Нассауская, 1826–1845), великая княжна, дочь великого князя Михаила Павловича 48, 50, 90, 95, 97, 129, 133–135, *247, 279, 280, 311, 315, 316*

Енишев, камердинер великой княгини Александры Федоровны 63
Енишев, сын камердинера великой княгини Александры Федоровны, лицо неустановленное 63
Епископ Глочестерский см. Варбуртон
Ермолов Алексей Петрович (1777–1861), генерал от инфантерии,

военный деятель, герой Отечественной войны 1812 г. *286*

Ефремов Петр Александрович (1830–1908), библиограф, редактор, литературовед и издатель, библиофил, историк русской литературы, публикатор и комментатор сочинений русских классиков 103, *373*

Ефросинья Ярославна (2-я половина XII в.), жена новгород-северского князя Игоря Святославича, дочь галицкого князя Ярослава Владимировича Осмомысла 195

Жена см. Жуковская Е.Е.

Жена см. Мария Александровна

Жерве Виктор Всеволодович (1867–1927), офицер и военный писатель 206

Жилль Флориан Антонович (1801 1865), директор Эрмитажной библиотеки, учитель французского языка и исторической географии у наследника 14, 65, 67, 105, 109, 112, 115, 166, 167, *263, 284, 285, 290, 294, 295, 339*

Жихарев Степан Петрович (1787–1860), воспитанник Московского университетского Благородного пансиона, автор известных «Записок современника» *265*

Жуковская Александра Васильевна (в замуж. баронесса Верман, 1842–1899), дочь Жуковского 9, 29, 77, 124–127, 130, 132, 135, 140, 175, 176, 179, 198–200, 208, 211, *271, 273, 299, 306, 311–313, 316, 317, 337, 343, 359, 363–365*

Жуковская Елизавета Евграфовна (урожд. Рейтерн Елизавета фон, 1821–1856), дочь Герхарда Рейтерна, жена Жуковского 9, 16, 75–77, 82, 83, 101, 115, 117, 118, 121–136, 138–147, 149, 150, 152–159, 161, 175, 176, 179, 190, 192, 194, 196, 198, 199, 200, 203, 208, *271, 276, 295–297, 313, 316, 317, 322–324, 327, 331, 337, 353, 362*

Жуковский Павел Васильевич (1845–1912), художник, сын Жуковского 5, 9, 29, 55, 133, 135, 140, 160, 176, 200, *313–317, 337*

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфенович (1808–1882), государственный деятель, экономист, историк 92

Загоскин Михаил Николаевич (1789–1852), писатель, директор московских театров 42, 197, *359*

Зауервейд Александр Иванович (1783–1844), преподаватель рисования детям императора, профессор Академии художеств 169, 186, *342, 349*

Зейдлиц Карл Карлович (1798–1885), выпускник Дерптского университета, врач, впоследствии биограф Жуковского *265, 372*

Зибольд Филипп Франц фон (1796–1866), немецкий естествоиспытатель и исследователь Японии 191, *354*

Зигварт-Мюллер Константин (1801–1869), председатель кантонального совета Люцерна, в 1844 г. президент Швейцарской Диеты 157, *335*

Зиновьев Николай Васильевич (1801–1882), генерал-адъютант, с 1848 г. воспитатель сыновей великого князя Александра Николаевича 146, 148, 154, *325*

Зонтаг Анна Петровна (урожд. Юшкова, 1785–1864), детская писательница, племянница Жуковского 111, 162, *292*

Иван IV Грозный (Иоанн Васильевич, 1530–1584), первый русский царь 113
Иванов Александр Андреевич (1806–1858), художник *299*
Игорь Святославич (1151–1201), князь Новгород-Северский и Черниговский 42, 195
Император см. Александр I
Император см. Николай I
Императрица см. Александра Федоровна
Императрица-мать см. Мария Федоровна
Иоанн III Васильевич (1440–1505), великий князь Московский 109, 111
Иоанн Баптист Иосиф Фабиан-Себастьян (1782–1859), австрийский эрцгерцог 18, 150, *328*
Иоганн Непомук Мария Жозеф Антон Ксавье Винсент Алоис Франц де Пауль Станислас Бернхард Поль Феликс Дамас (1801–1873), кронпринц и с 1854 г. король Саксонии 5, 38, 237–240, *245, 371, 381*

Кавелин Александр Александрович (1793–1850), адъютант великого князя Николая Павловича, воспитатель наследника 115, 118, 144, *295, 298, 324*
Кавеньяк Луи Эжен (1802–1857), генерал, французский военный министр *328*
Казаков Матвей Федорович (1738–1812), архитектор *283*
Камоэнс Луиш де (1524–1580), португальский поэт 112, *292*
Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), писатель, журналист, историограф 9, 39, 47–49, 51–53, 65, 67, *246–248, 262*
Карл см. Карл Фридрих Александр Прусский
Карл Август (1757–1828), герцог Саксен-Веймарский 78, *247*
Карл Карлович см. Мёрдер К.К.
Карл Фридрих (1783–1853), наследный принц Саксен-Эйзенах-Веймарский, впоследствии великий герцог, муж великой княгини Марии Павловны 78, *356*
Карл Фридрих Александр (1823–1891), принц Вюртембергский 152, 173, 175, *320, 321, 330, 343, 347*
Карл Фридрих Александр Прусский (1801–1883), третий сын Фридриха Вильгельма III и Луизы Мекленбург-Стрелицкой, брат Фридриха Вильгельма IV и императрицы Александры Федоровны, принц Прусский 12, 48, 51, 60, 64, 66, 122, 234–236, *245, 248, 256, 262, 303, 371, 375*
Кейзер Никез де (1813–1887), бельгийский художник 174
Киреевский Василий Иванович (р. 1835), сын И.В. Киреевского 214, *365, 366*
Киреевский Иван Васильевич (1806–1856), критик, философ, публицист, славянофил 8, 37, 214, *365, 366*
Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), граф, министр государственного имущества, посол во Франции 92

Клейст Генрих фон (1777–1811), немецкий драматург и писатель *255, 257*

Клейст Луиза (Лулу) фон (в замуж. Стош, 1800–1855), дочь Марии Клейст 61, 62, *257*

Клейст Мария фон (урожд. Гвалтиери, 1761–1831), кузина Г. Клейста, жена генерала Ф.В.Х. фон Клейста, хозяйка литературного салона в Берлине 59–62, 65, 67, *254, 255, 257, 263*

Клопшток Фридрих Готлиб (1724–1803), немецкий поэт 42, 195, *357*

Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918), государственный деятель, историк, библиограф 5, *365*

Козлов Иван Иванович (1779–1840), поэт и переводчик 37, *258*

Коллинс Эдуард Альберт Христофор Людвиг (Эдуард Давыдович, 1791–1840), академик, преподаватель математики и физики у наследника 14, 108, 109, 111, *288, 294*

Кольрауш Фридрих (1780–1867), немецкий педагог и историк, создатель хронологических таблиц по всеобщей истории 109, *290*

Конарский Шимон (1808–1839), польский радикальный политик *298*

Константин см. Константин Николаевич

Константин Иванович см. Арсеньев К.И.

Константин Николаевич (1827–1892), великий князь, сын Николая I и Александры Федоровны 4, 5, 24, 31–36, 40, 42, 51–53, 71, 72, 75, 76, 110, 112, 127, 129, 136, 137, 152, 153, 166, 168, 177, 180–205, *245, 248, 267, 291, 309, 316, 321, 330, 331, 338, 345–353, 355–363, 377–382*

Константин Павлович (1779–1831), великий князь, брат Николая I, главнокомандующий польской армией и наместник Царства Польского 12, 47, 50, 64, 66, 105, *247, 261, 283*

Копп Иоганн Генрих (1777–1858), немецкий врач, живший в Ганау, лейб-медик Гессенских курфюрстов *324, 327*

Корф Василий Сергеевич (1807–1883), подпоручик, с 1838 по 1852 г. помощник воспитателя великих князей Николая и Михаила Николаевича 211, *365*

Костя см. Константин Николаевич

Котляревский Иван Петрович (1769–1838), украинский поэт, переводчик и просветитель *361*

Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), граф, государственный деятель, министр внутренних дел 198, *359*

Кранах Лукас (1472–1553), немецкий художник 78

Крейсиг Фридрих Людвиг (1770–1839), немецкий врач-кардиолог, жил в Дрездене 47, 49, 145, *247, 324, 339*

Крейтон Василий Петрович (Арчибальд Вильям, 1791–1861), англичанин, лейб-медик *252*

Кривцов Николай Иванович (1791–1843), чиновник Коллегии иностранных дел, близкий к кругу арзамасцев и Карамзина *258*

Крихубер Йозеф (1800–1876), австрийский художник 210

Кронпринц см. Фридрих Вильгельм IV
Крюгер Франц (1797–1857), немецкий художник 89
Кукольник Нестор Васильевич (1809–1868), писатель 42, 197, *359*
Кур Жозеф Дезире (1797–1865), французский художник
Курнанд Иосиф Антонович (ум. 1879), преподаватель французского языка и словесности в Царскосельском лицее, учитель французского языка великих князей 198, *360*
Кювье Жорж Леопольд Кристиан Фредерик Даговер (1769–1832), французский натурфилософ 92, 96, 98, *280*
Кюстин Астольф (1793–1857), маркиз де, французский дипломат и писатель 93

Лаборд Александр Луи Жозеф де (1773–1842), французский археолог и путешественник *252*
Лагарп Фредерик Сезар (Цезарь) де (Петр Иванович, 1754–1838), швейцарский государственный деятель, генерал, воспитатель Александра I в 1784–1795 гг.; с 1798 г. член Директории и главный идеолог Гельветической республики, литератор-мемуарист *291*
Лалла Рук см. Луиза, королева Прусская
Лауниц Николай Карл Эдуард фон (1797–1869), немецкий скульптор, ученик Торвальдсена 43, 126, *307*
Лафатер Иоганн Каспар (1741–1801), швейцарский писатель, поэт и физиономист 47, 50, *247*
Лафонтен Жан (1621–1695), французский поэт, баснописец *249*
Ленц Эмилий Христианович (1804–1864), профессор физики, доктор филологии, академик Императорской Академии наук, преподавал физику, химию, механику детям императора 198, *360*
Ливен Вильгельм Карлович (1800–1880), генерал, военный и государственный деятель 146–148, *325, 326*
Ливен Шарлотта Карловна (урожд. фон Поссе, 1743–1828), баронесса, статс-дама, воспитательница детей Павла I 117, *298*
Лина см. Александра Александровна
Липман Фридрих Леберехт (Федор Иванович, 1784–1854), немецкий историк, статистик, профессор Берлинского университета, читавший наследнику курс всеобщей истории 14, 109, 111–113, *290, 294*
Литке Федор Петрович (1797–1882), адмирал, путешественник, президент Академии наук, воспитатель великого князя Константина Николаевича 32, 34, 180, 181, 183–186, 188, 189, 193–195, 202, *316, 331, 345, 346, 348, 349, 352*
Лобанов-Ростовский Алексей Яковлевич (1795–1848), князь, генерал-лейтенант, доверенное лицо императора Николая I 48, 50, *247*
Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), поэт, ученый, историк 42, 201

Луиза (урожд. принцесса Мекленбург-Стрелицкая, 1771–1810), королева Прусская, жена императора Фридриха Вильгельма III 10, 24, 26, 216, 234, *248, 370, 371*
Луиза Августа Гессен-Дармштадтская (1757–1830), принцесса Гессен-Дармштадтская и великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская, младшая сестра великой княгини Наталии Алексеевны, тетя императрицы Елизаветы Алексеевны 78
Лулу см. Клейст Луиза фон
Людвиг II Гессенский (1777–1848), великий герцог *270, 295*
Людовик XIV (1638–1715), французский король с 1643 г. *370*
Лярский см. Вонлярлярский В.А.

Майков Аполлон Александрович (1761–1839), поэт, директор императорских театров 63, *259*
Максимилиан Иосиф Евгений Август Наполеон (1817–1852), герцог Лейхтенбергский, муж великой княжны Марии Николаевны 152, 162, 171, 172, 183, *297, 330, 342, 347, 356*
Мальтиц Аполлоний Петрович (Фридрих Аполлоний, 1795–1870), барон, дипломат, старший секретарь русского посольства в Мюнхене, переводчик 79, 83, *274, 276*
Мама́ см. Александра Федоровна
Мандт Фридрих Иванович (Мартин, 1800–1858), лейб-медик-консультант, врач императорской семьи 99, *281*
Мари см. Мария Николаевна
Мария см. Мария Александровна
Мария см. Мария Николаевна
Мария см. Романовская Мария Максимилиановна
Мария Александровна (Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария, принцесса Гессен-Дармштадтская, 1824–1880), великая княгиня, с 1841 г. жена великого князя Александра Николаевича, с 1855 г. российская императрица 14, 16, 55, 75, 76, 116, 118, 121–123, 125–132, 134–136, 138–141, 143–147, 149–151, 153–159, 161, 185, 187, 190, 194, *270, 271, 295, 296, 298, 308, 309, 313, 317, 323, 349, 353*
Мария Луиза Александрина (Мария Веймарская) (1808–1877), принцесса Саксен-Веймарская, старшая дочь герцогини Марии Павловны, супруга Карла Фридриха, принца Прусского 48, 51, *248*
Мария Михайловна (1825–1846), великая княжна, дочь великого князя Михаила Павловича 90, 91, *279*
Мария Николаевна (в замуж. герцогиня Лейхтенбергская, 1819–1876), великая княжна, старшая дочь Николая Павловича и Александры Федоровны 3–5, 11, 21–25, 28, 30, 31, 40, 48, 50, 62, 64–66, 71, 73, 106, 108, 110, 112, 114, 115, 117, 118, 128, 129, 152, 159, 162–173, 177, 183, 198, 208, 211, *245, 247, 262, 268, 285, 287–289, 294, 296, 297, 309, 330, 336–342, 347, 349, 356, 364, 375–377, 383*
Мария Павловна (в замуж. Герцогиня Саксен-Веймарская, 1786–1859), великая княгиня, жена великого герцога Карла Саксен-Веймар-Эйзенахского 5, 43, 48,

51, 60, 78–83, 117, 142, 145, 194, *244, 246, 248, 256, 274–276, 297, 322, 325, 356, 375, 380, 381*

Мария Федоровна (урожд. Мария Доротея Августа Луиза, принцесса Вюртембергская; 1759–1828), жена великого князя Павла Петровича, российская императрица с 1796 г., мать Александра I и Николая I 3, 5, 9, 10, 36, 39, 44–53, 64, 66, 78, 81, 83, 84, 88, 92, 123, 175, 212, *244, 246–248, 258, 259, 262, 264, 265, 274, 275, 277, 298, 300, 343, 374, 375, 384*

Мартынов Иван Иванович (1771–1833), филолог, ботаник, переводчик *353*

Мать см. Жуковская Е.Е.

Мейендорф Петр Казимирович (1796–1863), российский посланник в Вене *334*

Менелас Адам Адамович (1748–1831), шотландский архитектор, работавший в России *288, 359*

Мёрдер Карл Карлович (1788–1834), генерал-адъютант, воспитатель наследника Александра Николаевича 15, 71–73, 105, 106, 108–115, 166, *268, 283–286, 290, 293–295, 323, 339, 340, 383*

Мёрдер Мария Карловна (1815–1870), фрейлина, мемуаристка, дочь К.К. Мёрдера 23, *340*

Мёрдер Павел Карлович (1797–1873), генерал-лейтенант, брат К.К. Мёрдера 143, *323*

Мёрдер Сара Николаевна (урожд. Гоксфорд, 1791–1872), жена К.К. Мердера *340*

Мери см. Мария Николаевна

Местр Софья Ивановна де (урожд. Загряжская; 1778–1851), графиня, фрейлина 179, *345*

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), граф, военный историк и теоретик, военный министр 22

Миркович Федор Яковлевич (1789–1866), виленский генерал-губернатор *298*

Миса см. Михаил Николаевич

Михаил см. Михаил Николаевич

Михаил Николаевич (1832–1909), великий князь, четвертый сын Николая I и Александры Федоровны 13, 15, 24, 28, 30, 31, 71, 72, 110, 112, 129, 166, 168, 177, 183, 192, 194, 198, 209–211, *245, 267, 272, 291, 293, 331, 339, 347, 348, 351, 352, 356, 357, 360, 363–365, 378, 379*

Михаил Павлович (1798–1849), великий князь, впоследствии генерал-фельдмаршал, главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами, младший брат Николая I 17, 38, 48, 50, 88–92, 110, 134, 148, 167, 168, 202, 209, *244, 246, 247, 258, 259, 279, 280, 291, 311, 314, 315, 326, 327, 341, 359, 362, 380*

Миша см. Михаил Николаевич

Младенец см. Александр Николаевич

Младенец см. Жуковская А.В.

Мориц Нассауский (Мориц Оранский, 1567–1625), принц Оранский, граф Нассауский, сын Вильгельма I Оранского *354*

Мур Томас (1779–1852), английский поэт *253, 254, 262*

Мурзанов Николай Алексеевич (1861–1935), историк-архивист 4
Мюллер Фридрих фон (1779–1840), веймарский канцлер 79
Мюральт Иоганн (1780–1850), пастор реформаторской церкви в Петербурге, педагог *331, 348*

Назимов Владимир Иванович (1802–1874), полковник Преображенского полка, флигель-адъютант (с 1838 г.), генерал-адъютант (с 1849 г.), инструктор по военной части при великом князе Александре Николаевиче *298*
Наполеон Бонапарт Шарль Луи (1808–1873), президент Французской республики, впоследствии Наполеон III, император Франции *337*
Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский император 63, 64, 84, *260, 337, 340, 347, 354*
Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752–1829), поэт, статс-секретарь Павла I 44
Нелидова Екатерина Ивановна (1758–1839), камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны 48, 51, *248*
Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862), в 1822–1856 гг. – министр иностранных дел 168, *340, 341*
Ника см. Николай Николаевич
Николай см. Николай I
Николай Александрович (1843–1865), великий князь, старший сын Александра II 128, 130, 136, 154, 156, 160, *308, 309, 316, 318, 325, 326, 331, 333*
Николай Константинович (1850–1918), великий князь, сын великого князя Константина Николаевича 153, 203–205, *331, 362*
Николай Николаевич (1831–1891), великий князь, генерал-инспектор кавалерии и по инженерной части, третий сын Николая I и Александры Федоровны 24, 28, 30, 31, 71, 72, 112, 129, 166, 168, 177, 192, 198, 206–208, *245, 267, 272, 331, 338, 348, 351, 352, 357, 359, 360, 363, 365, 378, 379*
Николай Чудотворец; Николай Угодник; Николай Мирликийский (270–343 н.э.), святой в исторических церквях, архиепископ Мир Ликийских *293*
Николай I (1796–1855), великий князь Николай Павлович, с 1825 г. – российский император 4, 7–9, 12–16, 18, 19, 29, 37, 41, 42, 44, 47, 48, 50, 54, 60–62, 64–67, 71, 73–76, 92, 102, 103, 105–108, 110, 114–118, 121–124, 126–132, 134, 135–143, 147, 148, 150, 151, 153, 155–162, 167–169, 171–173, 176, 177, 180, 188, 191, 192, 194, 198, 200–202, 206, 209, 214, 227, 230, *246, 247, 253, 256, 261, 262, 264, 266, 270, 283, 285, 287, 288, 290–292, 294, 296–299, 301–306, 308, 310, 316–323, 325–329, 331–336, 338–341, 346–349, 354, 356, 357, 359, 360, 362, 378*
Никон (1605–1681), шестой патриарх Московский и всея Руси 194
Нуармон Жозеф Эдуард Дюнуа де (1816–1896), французский писатель и журналист 228, 230, *370*

Ободовский Платон Григорьевич (1803–1861), педагог, драматург 195, 197, 200, *357, 360*

Одоевский Владимир Федорович (1804–1869), князь, писатель, литературный и музыкальный критик 93

Олга см. Ольга Николаевна

Олег (ум. 912), князь Новгородский и великий князь Киевский 199

Оленька см. Ольга Николаевна

Олсуфьев Василий Дмитриевич (1796–1858), граф, гофмаршал двора, в 1838–1840 гг. московский губернатор 118, 126, 128, 132, 139, 141, *298, 310, 314, 320, 321*

Ольга Константиновна (1851–1926), великая княжна, дочь великого князя Константина Николаевича 205, *363*

Ольга Николаевна (1822–1892), великая княжна, дочь Николая I и Александры Федоровны, с 1846 г. жена Вюртембергского наследного принца Фридриха Карла Александра 5, 11, 24, 28, 62, 71, 73, 106, 108, 110, 112, 114, 115, 118, 127, 129, 140, 141, 151, 152, 166–168, 172–177, 183, 185, 198, *245, 258, 268, 284, 285, 287–289, 295, 296, 309, 320, 321, 329, 330, 338–341, 343, 347, 380, 381*

Ольденбургский Петр Георгиевич (Константин Фридрих Петер, 1812–1881), принц, член Государственного совета, впоследствии генерал от инфантерии, любитель искусств и переводчик 5, 38, 212–215, *245, 365–367, 381, 382*

Оля см. Ольга Николаевна

Орлов Федор Григорьевич (1741–1796), граф, генерал-аншеф, обер-прокурор Правительствующего сената *261*

Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1785–1848), графиня, владелица огромного состояния, благотворительница 64, 65, *261*

Орловский Борис Иванович (1793–1837), скульптор *346*

Отец см. Николай I

Отец см. Фридрих Вильгельм III

Отто Иоганн Самуэль (1798–1878), художник прусского королевского дома 226, 229, *370*

Павел I (1754–1801), великий князь Павел Петрович, в 1796–1801 гг. российский император 44, 78, 84, 88, 212, *262, 283, 298, 326, 343, 354, 356, 362*

Павел Карл Фридрих Август (1785–1852), принц Вюртембергский *259,*

Павский Герасим Петрович (1787–1863), протоиерей, филолог, богослов, профессор Петербургского университета, законоучитель наследника 14, 24, 109, 111, 166, *289, 294, 338*

Панин Виктор Никитич (1801–1874), граф, министр юстиции 142, *322*

Папá см. Николай I

Паскали Ашар, монах Армянского монастыря в Венеции *307*

Паскевич Иван Федорович, князь Варшавский (1782–1856), генерал-фельдмаршал, командир Отдельного кавказского корпуса, граф Эриванский, с 1831 г. наместник Царства Польского 155, *286, 333, 362*

Пассек Богдан Васильевич (1822–1876), государственный деятель 71, 73, *268*

Паткуль Александр Владимирович (1817–1877), государственный и военный деятель, сверстник наследника, обучавшийся вместе с ним 112, *289*

Пемброк Герберт Джордж Август (1759–1827), граф, английский общественный деятель *249*

Перовский Василий Алексеевич (1795–1857), незаконнорожденный сын графа А.К. Разумовского, адъютант великого князя Николая Павловича 61, 236, *256, 371*

Песталоцци Иоганн Генрих (1746–1827), швейцарский педагог 28

Петр Александрович см. Плетнёв П.А.

Петр I (1672–1725), царь с 1682 г., российский император с 1721 г. 30, 87, 107, 192, 196, 208, *278, 283, 287, 354, 383*

Петрарка Франческо (1304–1374), итальянский поэт 109

Пиндар (ок. 518—442/438 до н. э.), древнегреческий поэт *337*

Пироцкий, неустановленное лицо, вероятно, живописец 169, *341*

Плетнёв Петр Александрович (1792–1865), поэт и критик, профессор и ректор Петербургского университета 14, 20, 23, 96, 98, 109, 111, 113, 159, 166, 167, 176, *280, 290, 301, 329, 336, 339, 340, 373*

Погонкин Владимир Иванович (1793 – после 1847), художник-литографист *249*

Поттер Поль (1625–1654), голландский художник 191

Протасова Екатерина Афанасьевна (урожд. Бунина, 1770–1848), сводная сестра Жуковского, мать М.А. Мойер-Протасовой *253, 265, 267*

Протасова Мария Андреевна (в замуж. Мойер; 1793–1823), племянница Жуковского 12, 61, 62, *253, 257, 265*

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт 5, 8, 23, 37–39, 42, 93, 98–100, 169, 197, 199, *279–282, 301, 342, 359*

Пушкина Елена Григорьевна (урожд. Воейкова, в первом браке Немцова, 1778–1833), вдова московского актера-любителя, острослова А.М. Пушкина *263*

Пушкина Наталья Николаевна (урожд. Гончарова, во втором браке Ланская, 1812–1863), жена А.С. Пушкина 100

Пущин Николай Николаевич (1792–1848), генерал-лейтенант, командир Дворянского полка 124, *305*

Радовиц Йозеф Мария фон (1793–1853), прусский государственный деятель и публицист 16, 25, 41, 42, 155, 223–233, *320, 332, 369, 370, 383*

Райски Фердинанд фон (1807–1890), немецкий художник 238

Рамлер Карл Вильгельм (1725–1798), немецкий писатель *255*

Рафаэль Санти (1483–1520), итальянский художник 4, 54, *243, 256, 384*

Ребенок см. Михаил Николаевич

Рейтерн Александр фон (1824–1879), генерал-адъютант, сын Г. фон Рейтерна 121, 123, 124, 127, 132, 143, 144, 154, 155, *301,*

302, 304, 305, 313, 314, 323, 331–333

Рейтерн Антон Вильгельм фон (Евграф Евграфович, 1836–1918), сын Г. фон Рейтерна *323*

Рейтерн Герхард Вильгельм фон (1794–1865), немецкий художник, тесть Жуковского 42, 121, 124–127, 130, 133, 134, 139, 141, 143, 144, 154, 222, 223, *268, 295, 301, 302, 305, 307, 308, 313–315, 320–323, 331, 353, 368*

Рейтерн Мария (Мия, ум. 1847) фон, дочь Г. фон Рейтерна 143, 144, *323*

Рейтерн Шарлотта фон (урожд. фон Шверцель, 1797–1854), жена Г. фон Рейтерна *268*

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669), голландский художник 191, *355*

Робертсон Кристина (1796–1854), шотландская художница-портретистка, работавшая при дворе Николая I 56, 163, 178

Романовская Александра Максимилиановна (1840–1843), дочь великой княжны Марии Николаевны и Максимилиана Лейхтенбергского 117, 118, 171, 172, *342*

Романовская Мария Максимилиановна (1841–1914), вторая дочь в семье великой княжны Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского 194, 210, *297, 356, 364*

Романовы, российская императорская династия 3, 28, *279*

Рюккерт Фридрих (1788–1866), немецкий писатель и ориенталист 24, 216, *357*

Саадула Оспанов, наиб Шамиля, перешедший на сторону русских войск *334*

Самбдула см. Саадула

Саша см. Александр Николаевич

Саша см. Жуковская А.В.

Северин Дмитрий Петрович (1792–1865), дипломат, посланник в Швейцарии, с 1837 г. в Мюнхене *291*

Сегюр Луи Филипп де (1753–1830), французский дипломат, мемуарист, посол при дворе Екатерины II 107, *288*

Сесиль см. Фредерикс Ц.В.

Сигизмунд I Старый (1467–1548), великий князь Литовский 111, *291, 292*

Сидов Рудольф фон (Зюдов; 1805–1872), прусский государственный деятель, тайный советник, резидент во Франкфурте-на-Майне 42, 222, 223, 231, 233, *368, 369*

Сисмонди Жан Шарль Леонард (1773–1842), швейцарский экономист и историк 184, *348*

Скиавоне (Скьявоне) Натале (1777–1858), итальянский художник 104

Скопин-Шуйский Михаил Васильевич (1586–1610), князь, государственный и военный деятель Смутного времени 197, *359*

Смирнова Александра Осиповна (урожд. Россет, 1809–1882), фрейлина, с 1832 г. жена Н.М. Смирнова, мемуаристка *254*

Соловьев Николай Васильевич (1877–1915), историк литературы *264*

София Шарлотта Ганноверская (1668–1705), герцогиня Брауншвейга и Люнебурга 78
Софья Ивановна см. Местр С.И.
Старший брат см. Константин Павлович
Стасов Василий Петрович (1769–1848), архитектор *359*
Стош Георг Адам (1793–1863), граф фон, немецкий государственный деятель *257*
Струве (Штруве) Василий Яковлевич (1793–1864), астроном 198, 199, *360*
Струков Дмитрий Петрович (1864–1920), офицер, военный писатель 209
Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854), государственный деятель, писатель и дипломат *253*
Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882), князь, генерал-адъютант, генерал-губернатор остзейский, внук полководца А.В. Суворова 135, *315*
Суворов Александр Васильевич (1729/1730–1800), светлейший князь Италийский, граф Рымникский, генералиссимус *315*
Суворова Александра Александровна (в замуж. Козлова, р. 1845), княжна дочь князя А.А. Суворова *315*
Суворова Любовь Васильевна (урожд. Ярцева, 1811–1867), княгиня, жена А.А. Суворова *315*
Супруга см. Жуковская Е.Е.

Тассо Торквато (1544–1595), итальянский писатель 42, 195, *357*
Тик Людвиг (1773–1853), немецкий писатель 24, 216
Тимм Фридрих Готфрид (Готлиб, 1779–1848), рижский бургомистр *342*
Тимм Эмилия (1822–1877), дочь рижского бургомистра Ф.Г. Тимма, жена К.П. Брюллова 171, *342*
Толстой Иван Матвеевич (1806–1867), граф, дипломат, шталмейстер двора наследника, министр почты и телеграфа 170, *342*
Толь Карл Федорович (1777–1842), граф, генерал, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, Русско-турецкой кампании 1829 г. 120, *301*
Торвальдсен Бертель (1768 или 1770–1844), датский скульптор 191, *307, 354*
Триниус Карл Антонович (Карл Бернгард, 1778–1844), преподаватель естественной истории, ботаник 109, *290*
Тромп Мартин Харпертсон (1598–1653), голландский адмирал 191, *354*
Туманский Михаил Иванович (1803–1866), генерал-майор и командир лейб-кирасирского его императорского высочества наследника цесаревича полка *332*
Тургенев Александр Иванович (1784–1845), воспитанник Московского университетского Благородного пансиона, публицист, друг Жуковского 6, 8, 12, 68, 88, *246, 250, 263, 264, 268, 288, 315, 372, 373*
Тургенев Николай Иванович (1789–1871), общественный деятель, экономист, идеолог декабризма 8, *264, 372*

Тургенев Сергей Иванович (1792–1827), дипломат, брат Александра, Андрея и Николая Тургеневых 12, 68, *263, 264, 372*
Тюмплинг, эмсская знакомая Жуковского 237
Тютчев Федор Иванович (1803–1873), поэт, дипломат 93

Убри (Убриль) Петр Яковлевич (1774–1847), действительный статский советник, дипломат, российский посланник во Франкфурте *309*
Уваров Сергей Семенович (1786–1855), дипломат и государственный деятель, министр народного просвещения 228, 230, *370*
Ушакова Варвара Павловна (в замуж. Барыкова, 1797–1862), фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны 61, 62, *256*

Фенелон Франсуа (1651–1715), французский писатель и педагог 185, *348*
Философов Алексей Илларионович (1800–1874), генерал, воспитатель великих князей Николая и Михаила Николаевича 208, *363*
Флориан де Клари Жан Пьер (1755–1794), французский писатель и проповедник *249*
Фомин Александр Александрович (1868–1929), историк литературы 4, 5, 25, 217, *245, 367–370*
Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745–1792), писатель, драматург 176, *344*
Фосс Иоганн Фридрих (1751–1826), немецкий поэт и переводчик *358*
Фредерик III (1609–1670), датский король *353*
Фредерикс Цецилия Владиславовна (урожд. Гуровская, 1794–1851), фрейлина, подруга детства императрицы Александры Федоровны 12, 64, 66, *261*
Фридрих см. Фридрих К.Д.
Фридрих Вильгельм Георг Адольф (1820–1884), принц Гессен-Кассельский, муж великой княжны Александры Николаевны 129, 134, 177, *310, 347*
Фридрих Каспар Давид (1774–1840), немецкий художник 43, 68, 69, 126, *265, 306*
Фридрих Людвиг Карл Прусский (1773–1796), прусский принц, отец герцогини Дессау *258*
Фридрих II Великий (1712–1786), прусский король, писатель 197, *249*
Фридрих Вильгельм I (1688–1740), прусский король с 1713 г. 78
Фридрих Вильгельм III (1770–1840), прусский король с 1797 г., отец императрицы Александры Федоровны 26, 27, 60, 84, 216, 221, 222, 231, 233, 234, *248, 256, 262, 368, 370, 371*
Фридрих Вильгельм IV (1795–1861), кронпринц, прусский король с 1840 г. 4, 5, 19, 24–27, 41, 42, 60, 68, 69, 75, 76, 116, 122, 150, 157, 194, 216–234, *245, 256, 265, 271, 296, 302, 303, 328, 334, 335, 356, 367–369, 374, 377, 380–382*
Фритц см. Фридрих Вильгельм IV
Фуке Фридрих де ла Мотт (Ламот, 1777–1843), барон, немецкий писатель *357*

Холидей (Голидей) Генриетта Егоровна, англичанка, воспитатель-

ница великой княжны Марии Николаевны 166, *339*
Хюлст Ян Баптист ван дер (1790–1862), голландский художник 85

Царь см. Николай I
Цесаревич см. Александр Николаевич
Цесаревна см. Мария Александровна

Шадов Фридрих Вильгельм фон (1788–1862), художник-назареец, с 1826 г. директор Дюссельдорфской академии художеств и глава Дюссельдорфской художественной школы 43, 118, *298*
Шамбо Иван Павлович (1783–1848), личный секретарь императрицы Александры Федоровны в 1814–1848 гг., с 1826 г. обучал наследника немецкому языку 110, *268, 292, 364*
Шамиль (1797–1871), предводитель кавказских горцев, в 1834 г. признанный имамом теократического государства Северо-Кавказский имамат *318*
Шарлотта см. Елена Павловна
Шарлотта Карловна см. Дункер Ш.К.
Шарлотта Саксен-Альтенбургская (1787–1847), принцесса Вюртембергская *259*
Шарль Фердинанд, герцог Беррийский (1778–1820), наследник французского престола, второй сын графа Карла д'Артуа и Марии-Терезы Савойской 84
Швабе Карл Иванович (1808–1863), начальник адмиралтейских Ижорских заводов, преподаватель корабельной архитектуры в офицерских и гардемаринских классах Морского корпуса 196, *357*
Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854), немецкий философ 24, 216
Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805), немецкий писатель, поэт и драматург 38, 42, 60, 78, 81, 196, 198, 215, 217, *257, 275, 357, 360, 366, 367*
Шиллер Каролина Луиза Фридерика фон (1799–1850), дочь Фридриха Шиллера 60
Шиллер Шарлотта Луиза Антуанетта фон (урожд. Ленгефельд; 1766–1826), супруга Фридриха Шиллера 60
Шиллер Эмилия Генриетта Луиза фон (1804–1872), дочь Фридриха Шиллера 60
Шильдер Николай Карлович (1842–1902), военный деятель, историк *247, 283, 292, 326, 327*
Шинкель Карл Фридрих (1781–1841), немецкий архитектор и художник 68, 69, *265*
Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790–1855), князь, с 1850 г. министр просвещения 41, 159, *336*
Шишков Александр Семенович (1754–1841), государственный деятель, писатель и филолог, министр духовных дел и народного просвещения 227, 230, *370*
Шлегель Август Вильгельм (1767–1845), немецкий критик, переводчик 24, 216
Шрёдер Андрей Андреевич (1779–1858), дипломат, русский министр в Дрездене и при саксен-веймарском дворе *306*

Штильке Герман Антон (1803–1860), немецкий художник 43, *309*
Штир Эвальд Рудольф (1800–1862), немецкий богослов 175, *344*
Шульгин Иван Петрович (1795–1869), историк и географ, учитель Царскосельского лицея, впоследствии профессор всеобщей истории и ректор Петербургского университета, преподавал русскую историю, географию и статистику великим князьям 187, 198, *351*
Шумигорский Евгений Севастьянович (1857–1920), историк 5, *246*

Эглоффштейн Каролина (1789–1868), графиня, фрейлина великой герцогини Веймарской Марии Павловны 79, *322*
Эглоффштейн Юлия (1792–1869), графиня, дочь Г. Эглофштейн, художница, собеседница Гёте 79
Элмпт Анна Ивановна (Эльмпт, урожд. фон Баранов, в первом браке баронесса Будберг, 1777–1845), графиня, гофмейстерина великой княгини Елены Павловны 96, 98, *280*
Эрнст I Антон Карл Людвиг (1784–1844), герцог Саксен-Кобург-Готский *290*
Эртель Василий Андреевич (1793–1847), прозаик и переводчик, библиотекарь Академии наук, учитель наследника 14, 109, 112, *290*

Юлия Федоровна см. Баранова Ю.Ф.
Юм Давид (1711–1746), английский философ и моралист *249*
Юрьевич Семен Алексеевич (1798–1865), флигель-адъютант при наследнике *294*

Ярославна см. Ефросинья Ярославна

Adine см. Александра Николаевна
Adini см. Александра Николаевна
Adlerberg см. Адлерберг М.В.
Alexandre см. Александр I
Alexandre Nikolaevitz см. Александр Николаевич
Alexandrine см. Александра Федоровна
Alphen см. Альфен Иероним
Ami см. Радовиц Й.М.

Bassenge см. Бассанж К.Ф.

Carl Carlovitz см. Мёрдер К.К.
Cécile см. Фредерикс Ц.В.
Charles de Prusse см. Карл Прусский
Chichkoff см. Шишков А.С.
Constantin см. Константин Николаевич
Constantin см. Константин Павлович
Cuvier см. Кювье Ж.Л.

Dmitrief см. Дмитриев И.И.

Elisabeth см. Елизавета Алексеевна
Elisabeth см. Елизавета Михайловна
Elmpt см. Элмпт А.И.
Empereur см. Николай I

Femme см. Пушкина Н.Н.
Friedrich см. Фридрих Вильгельм IV

Friedrich см. Фридрих К.Д.
Friedrich Wilhelm см. Фридрих Вильгельм IV

Gille см. Жилль Ф.А.
Gneisenau см. Гнейзенау, семейство

Ienichew см. Енишев
Impératrice см. Александра Федоровна
Impératrice см. Елизавета Алексеевна

Haliday см. Холидей Г.Е.
Hélène см. Елена Павловна
Horace см. Гораций Флакк Квинт

Karamsine см. Карамзин Н.М.
Kleist см. Клейст Мария фон
Kreisig см. Крейсиг Ф.Л.

Lalla-Rookh см. Луиза, королева Прусская
Lavater см. Лафатер И.К.
Lobanof см. Лобанов-Ростовский А.Я.

Maikof см. Майков А.А.
Maltitz см. Мальтиц А.П.
Mandt см. Мандт М.
Marie см. Мария Николаевна
Marie см. Мария Павловна
Mary см. Мария Николаевна
Merder см. Мёрдер К.К.
Michel см. Михаил Павлович
Napoléon см. Наполеон I Бонапарт
Nélidof см. Нелидова Е.И.
Nicolas см. Николай I
Noirmont de см. Нуармон Ж. Э.Д. де

Oli см. Ольга Николаевна
Orlova см. Орлова-Чесменская А.А.
Otto см. Отто И.С.
Ouwaroff см. Уваров С.С.

Passek см. Пассек Б.В.
Pouschkin см. Пушкин А.С.
Prince royal см. Фридрих Вильгельм IV

Radowitz см. Радовиц Й.М.
Reitern см. Рейтерн Г.
Sasha см. Александр Николаевич
Schinkel см. Шинкель К.Ф.
Sydow см. Сидов Р.

Timm см. Тимм Э.
Tümpling см. Тюмплинг

Varette см. Ушакова В.П.
Vildermeth см. Вильдермет М.М.
Voeykoff см. Воейкова А.А.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

Киселев В.С. Письма царственных особ к В.А. Жуковскому как феномен русской культуры 3

Императрица Мария Федоровна 44
1. 9 февраля 1815 г. Петербург 46
2. 15 декабря 1826 г. Петербург* 46
3. 28 сентября 1827 г. Петербург* 51

Великая княгиня и императрица Александра Федоровна 54
1. 7/19 февраля 1818 г. Москва 57
2. 22 июня 1819 г. Красное Село 57
3. 29 ноября 1819 г. <Петербург> 58
4. <Около 9 декабря 1819 г. Петербург> 59
5. 1/13 января 1821 г. Берлин> 59
6. <Около 26 апреля / 8 мая 1821 г. Берлин> 59
7. 19/31 июля 1821 г. Спа 60
8. <13 апреля 1823 г. Петербург> 61
9. <Октябрь> 1823 г. Петербург 62
10. <Между 6/18 февраля 1822 г. и 24 июня 1825 г.> 63
11. <Август 1826 г. Москва> 63
12. 31 августа 1826 г. Москва 64
13. 30 августа 1827 г. Елагин 67
14. <Начало апреля (не позже 18) 1829 г. Петербург> 69
15. 8 февраля 1833 г. Петербург 71
16. 31 декабря 1837 г. Петербург 73
17. 15 апреля 1841 г. <Петербург>* 74
18. 12/24 марта 1842 г. Петербург 74
19. 21 ноября / 3 декабря 1842 г. Петербург 77

Великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская Мария Павловна 78
1. 17/29 декабря 1828 г. Веймар 81

[1] Астерисками отмечены письма, публикуемые впервые, и письма, впервые публикуемые полностью или в оригинальном французском тексте.

2. 1/13 февраля 1848 г. Веймар ... 81
3. 1/13 июня 1848 г. Веймар ... 82
4. 2/14 февраля 1849 г. Веймар ... 83
5. 8/20 марта 1849 г. Веймар ... 83

Королева Нидерландов Анна Павловна ... 84
1. 21 мая / 1 июня 1839 г. Гаага* ... 86
2. 21 ноября / 3 декабря 1839 г. Гаага ... 87

Великий князь Михаил Павлович ... 88
1. 8/20 февраля 1845 г. Петербург* ... 90
2. 5/17 января 1847 г. Петербург* ... 91

Великая княгиня Елена Павловна ... 92
1. 15/27 октября 1826 г. Петербург* ... 95
2. <27 января 1837 г. Петербург>* ... 98
3. <27–28 января 1837 г. Петербург>* ... 99
4. <27–28 января 1837 г. Петербург>* ... 99
5. <29 января 1837 г. Петербург>* ... 100
6. 21 марта 1852 г. Петербург* ... 100

Великий князь Александр Николаевич ... 102
1. 29 января 1826 г. <Петербург> ... 105
2. 23 августа / 4 сентября 1826 г. Москва ... 105
3. 31 января / 12 февраля 1827 г. Петербург ... 105
4. 7 января 1828 г. <Петербург> ... 106
5. 28 января 1828 г. <Петербург>* ... 106
6. 28 января 1829 г. <Петербург> ... 107
7. <2/14 июля 1832 г. Александрия> ... 107
8. 7/19 июля 1832 г. Александрия ... 108
9. 24 сентября / 6 октября 1832 г. Петербург ... 108
10. 1/12 ноября 1832 г. Петербург ... 110
11. 3/15 декабря 1832 г. Петербург ... 112
12. 6/18 июля 1833 г. Александрия ... 114
13. 8/20 октября 1840 г. Царское Село* ... 115
14. 14/26 июля 1841 г. Петергоф* ... 116
15. 7/19 октября 1841 г. Царское Село* ... 117
16. 15/27 января 1842 г. Петербург* ... 118
17. 29 января / 9 февраля 1842 г. Петербург* ... 119
18. 27 апреля / 8 мая 1842 г. Петербург* ... 120
19. 10/22 августа 1842 г. Царское Село* ... 121
20. 19/31 августа 1842 г. Царское Село* ... 123
21. 22 сентября / 4 октября 1842 г. Царское Село* ... 123

22. 24 ноября / 6 декабря 1842 г. Петербург* ... 124
23. 30 января / 11 февраля 1843 г. Петербург* ... 125
24. 14/26 мая 1843 г. Царское Село* ... 126
25. 8/20 сентября 1843 г. Царское Село* ... 128
26. 17/29 января 1844 г. Петербург* ... 128
27. 5/17 апреля 1844 г. Дармштадт* ... 129
28. 18/30 сентября 1844 г. Гатчина* ... 130
29. 17/29 декабря 1844 г. Петербург* ... 131
30. 13/25 января 1845 г. Петербург* ... 133
31. 30 января / 11 февраля 1845 г. Петербург* ... 133
32. 27 февраля / 11 марта 1845 г. Петербург* ... 134
33. 7/19 сентября 1845 г. Елизаветград* ... 135
34. 13/25 декабря 1845 г. Петербург* ... 136
35. 14/26 января 1846 г. Петербург* ... 138
36. 18/30 апреля 1846 г. Петербург* ... 139
37. 23 сентября / 5 октября 1846 г. Царское Село* ... 141
38. 13/25 февраля 1847 г. Петербург* ... 142
39. 11/23 апреля 1847 г. Петербург* ... 143
40. 4/16 мая 1847 г. Петербург* ... 144
41. 7/19 июля 1847 г. Киссинген* ... 145
42. 20 ноября / 2 декабря 1847 г. Царское Село* ... 146
43. 1/13 февраля 1848 г. Петербург* ... 147
44. 10/22 июля 1848 г. Петергоф* ... 149
45. 18/30 октября 1848 г. Царское Село* ... 151
46. 30 января / 11 февраля 1849 г. Петербург* ... 152
47. 30 января / 11 февраля – 5/17 февраля 1850 г. Петербург* ... 153
48. 7/19 июля 1850 г. Петербург* ... 154
49. 22 августа / 3 сентября 1850 г. Петербург* ... 155
50. 28 декабря 1850 г. / 9 января 1851 г. Петербург* ... 156
51. 1/13 мая 1851 г. Петербург* ... 157
52. 2/14 сентября 1851 г. Москва* ... 158
53. 23 ноября / 5 декабря 1851 г. Царское Село* ... 159
54. 25 января / 6 февраля 1852 г. Петербург* ... 160

Великая княжна Мария Николаевна ... 162
1. 13 июля 1828 г. Одесса ... 164
2. 6/18 мая 1833 г. Петербург ... 165
3. <1834–1836 гг. Петербург> ... 167
4. <Конец декабря 1837 г. Петербург> ... 167
5. 22 июня / 4 июля 1838 г. Петергоф ... 169
6. 19 ноября / 1 декабря 1838 г. Петербург ... 170
7. 1 мая 1840 г. Петербург ... 171

Великая княжна и принцесса Вюртембергская Ольга Николаевна 173
1. 10/22 марта 1846 г. Неаполь 175
2. 22 мая / 3 июня 1848 г. <Штутгарт> 175

Великая княжна Александра Николаевна 177
Февраль 1844 г. Петербург 179

Великий князь Константин Николаевич 180
1. 30 июля 1837 г. Елагин 183
2. 23 октября 1838 г. Царское Село 183
3. 17 ноября 1840 г. Петербург 184
4. 24 ноября 1840 г. Петербург 184
5. 8 декабря 1840 г. Петербург 185
6. 15 декабря 1840 г. Петербург 186
7. 5 января 1841 г. Петербург 187
8. 15 февраля 1841 г. Петербург 187
9. 16 марта 1841 г. Петербург 188
10. 13 апреля 1841 г. Петербург 189
11. 1 июня 1841 г. Александрия 190
12. 8/20 июля 1841 г. Гельдерский рейд 190
13. 10 августа 1841 г. Александрия 192
14. <Октябрь 1841 г. Петербург> 193
15. 18 января 1842 г. <Петербург> 195
16. 30 сентября 1842 г. Царское Село 196
17. 29 ноября 1842 г. Петербург 198
18. 7/19 мая 1845 г. Петербург 199
19. 2/14 октября 1848 г. <Царское Село> 200
20. 19/31 августа 1849 г. Царское Село 202
21. 16/28 марта 1850 г. <Петербург> 203
22. 11/23 октября 1851 г. Царское Село 205

Великий князь Николай Николаевич 206
1. 16/28 октября 1841 г. <Петербург>* 208
2. 12/24 декабря 1842 г. <Петербург>* 208

Великий князь Михаил Николаевич 209
1. 13/25 октября 1841 г. <Петербург>* 211
2. 3/15 декабря 1842 г. Петербург* 211

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский 212
1. <Около 27 апреля 1849 г. Петербург> 214
2. 11/23 января 1852 г. Петербург* 214

Кронпринц и король Пруссии Фридрих Вильгельм IV ... 216
1. 6/18 февраля 1823 г. Берлин* ... 219
2. Июль <не позднее 13/25> 1840 г. Сан-Суси ... 220
3. 13/25 июля 1840 г. Сан-Суси ... 220
4. 6/18 ноября 1846 г. Сан-Суси ... 222
5. 6/18 сентября 1848 г. Сан-Суси ... 223
6. 9/21 декабря 1850 г. Потсдам ... 226
7. 15/27 января 1851 г. Шарлоттенбург ... 231

Принц Карл Прусский ... 234
30 июня / 10 июля 1823 г. Берлин* ... 236

Кронпринц Иоганн Саксонский ... 237
29 января / 10 февраля 1850 г. Дрезден ... 239

Киселев В.С., Лебедева О.Б., Сидорова А.Н. Примечания ... 241
Условные сокращения ... 372
Хронологический указатель писем царственных особ к В.А. Жуковскому ... 374
Указатель упоминаемых произведений В.А. Жуковского ... 383
Указатель имен ... 385

Научное издание

ПИСЬМА ЦАРСТВЕННЫХ ОСОБ К В.А. ЖУКОВСКОМУ

Редактор *Т.В. Зелева*
Компьютерная верстка *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 18.11.2020 г. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Печ. л. 25,75; усл. печ. л. 23,83; уч.-изд. л. 23,63.
Тираж 100 экз. Заказ 479

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ИП «Завгородний Евгений Анатольевич»,
634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1